

АЛЕССАНДРА ДЕЦИ

Функции иноязычных вкраплений
в интернет-дискурсе русскоязычных
жителей Италии и Эстонии:
сопоставительный аспект



АЛЕССАНДРА ДЕЦИ

Функции иноязычных вкраплений
в интернет-дискурсе русскоязычных
жителей Италии и Эстонии:
сопоставительный аспект



Отделение славистики института иностранных языков и культур Тартуского университета

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии по русскому языку 9 декабря 2024 г. решением совета института иностранных языков и культур Тартуского университета.

Научный руководитель:

Елизавета Костанди, кандидат филологических наук,
эмерит-доцент Тартуского университета

Оппоненты: Екатерина Протасова, Ph.D, Dr. hab., доцент, старший университетский лектор отделения языков Гуманитарного факультета Хельсинского университета

Капитолина Федорова, кандидат филологических наук,
профессор российских исследований Гуманитарного факультета Таллиннского университета

Защита состоится 7 марта 2025 г. в 12.00 в главном здании Тартуского университета в зале Сената (Ülikooli 18–204).

ISSN 1406-0809 (print)
ISBN 978-9916-27-803-1 (print)
ISSN 2806-2493 (pdf)
ISBN 978-9916-27-804-8 (pdf)

Copyright: Alessandra Dezi, 2025

University of Tartu Press
www.tyk.ee

TÄNUAVALDUSED

Täna Tartu Ülikooli ja slavistika osakonda toetuse ja usalduse eest kogu minu akadeemilise karjääri vältel. Olen südamest tänulik võimaluse eest õppida eesti keeles. Õpingud andsid mulle uusi teadmisi, mis peegelduvad ka selles väitekirjas. Ilma eesti keele oskuseta poleks käesoleva teadustöö kirjutamine olnud võimalik. Suur tänu ka SA Archimedesele mobiilsustoetuse eest, mis toetas minu viibimist Stockholmi ülikoolis külalisdoktorandina kevadel 2020. a ning osalemist mõnedel rahvusvahelistel konverentsidel doktoriõppe ajal.

Благодарю моего научного руководителя, Е. И. Костанди, за заботу, внимание и поддержку не только в ходе исследования, но и в иных ситуациях. Ее вклад в эту работу бесценен. Я очень благодарна также И. П. Кюльмоя за помощь в уточнении множества вопросов по ходу моего исследования, начиная с магистерского этапа. Благодарю сотрудников отделения славистики – В. П. Щадневу, Е. В. Вельмезову и С. Б. Евстратову – за внимательное прочтение работы и ценные комментарии. Отдельная благодарность Сирье Купп-Сазонов за перевод резюме на эстонский язык и помощь в уточнении некоторых вопросов на этапе предзащиты. Моя работа, несомненно, стала лучше и благодаря предварительным рецензиям оппонентов – К. С. Федоровой и Е. Ю. Протасовой. Спасибо им за все замечания, дополнения и уточнения.

Täna Tallinna Ülikooli kolleege, kes doktorantuuri jooksul andsid mulle võimaluse osaleda nende korraldatud kursustel, seminaridel ja konverentsidel, kus kujunesid paljud minu teaduslikud mõtted. Olen eriti tänulik Anna Verschikule, tänu kellele hakkasin vaatlema oma materjali uue nurga alt. Suur tänu ka tema doktorantidele – Anna Branetsile, Geidi Kilpile ja Elina Bonele – kelle panus aitas mul oma uurimust paremini mõista.

I am deeply grateful to the Stockholm Centre for Research on Bilingualism for welcoming me as a visiting PhD student in 2020. At the Centre, I had the invaluable opportunity to learn from Caroline Kerfoot, Linus Salö, Carla Jonsson, and José Alemán Bañón, and to attend insightful presentations by Niclas Abrahamsson. Many ideas developed during my time there are reflected in this work. Tack så mycket! I am also thankful for the support and care shown during the challenging lockdown period. Special thanks to my fellow students – Maryann, Anna, Natalia, Luke, and Nicolas – for the time we shared, unwavering support and friendship.

I was also lucky to be accompanied in my PhD studies in Tartu by my friends Tanja, Katja, Igor, Francesca, Leonetta, Mattia, Amedeo, Silvia, Rodolfo, Marzia, Emanuele and Michele, whose constant support, encouragement, and shared moments of laughter and reflection made this journey enriching and memorable.

Olen sügavalt tänulik Folkuniversitetitele, kus ma Aile Lehtse ja Hille Kruusi juhendamise all olen õppinud, kuidas rakendada praktikas suurt osa oma teoreetilistest teadmistest, nii õpetades kui ka aidates koordineerida keelekursusi uusimmigrantide ja pagulaste integreerimiseks Eestis. Seoses oma tööga soovin

tänada ka oma kalleid sõpru ja kolleege Evelyn Pukspuud, Kristi Kaboneni ja Tally Maegit igapäevase toe eest.

Мабуть, найбільшим натхненням для цієї дисертації та для всієї моєї академічної роботи є мій найдорожчий чоловік Денис Тептюк, який для мене завжди буде прикладом не лише дослідника, але й, найголовніше, людини. Дякую тобі за всю твою підтримку як у моїй академічній діяльності, так і в житті. Дякую, що ти поруч. Я також глибоко вдячна бути частиною родини мого чоловіка і хочу висловити свою вдячність Валентині та Сергію Тептюкам, Валерію Тептюку та Вікторії Омел'янець.

Vorrei dedicare questa monografia alla mia famiglia che in tutti questi anni di studi mi ha supportato in ogni aspetto della mia vita, dovendo soffrire delle mie lunghe assenze e di visite troppo brevi per recuperare tutto il tempo passato lontani. Grazie mamma, grazie babbo per aver reso possibile questo percorso di studi. Un grazie speciale a mio fratello Michele e alla sua compagna Cristal, ai miei zii Luciano e Daiana, a mio cugino Marco e a mia nonna Renata, per essere un punto di riferimento costante, nonostante la distanza.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	10
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	33
1.1. Чужое слово в русском языке.....	33
1.2. Социальная значимость языкового варьирования.....	44
1.3. Язык русскоязычной диаспоры как проявление вариативности..	48
1.4. Общение в виртуальной среде и формирование разновидностей интернет-языка.....	55
ВЫВОДЫ.....	63
ГЛАВА 2. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ ДИАСПОР И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛА	65
2.1. Русскоязычные жители Италии: история, современное состояние, сферы функционирования русского языка	65
2.1.1. Контактные явления в речи русскоязычных жителей Италии.....	69
2.2. Русскоязычные жители Эстонии: история, современное состояние, сферы функционирования русского языка	71
2.2.1. Контактные явления в речи русскоязычных жителей Эстонии	75
2.3. Язык как часть символического капитала диаспор	79
2.4. Сетевое общение русскоязычных жителей Италии и Эстонии: метод сбора и общая характеристика материала.....	82
ВЫВОДЫ.....	92
ГЛАВА 3. ФУНКЦИЯ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕЙ РЕФЕРЕНЦИИ ВКРАПЛЕНИЙ.....	94
3.1. Идентифицирующая референция: теоретические основы.....	94
3.2. Функция идентифицирующей референции в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии	97
3.2.2. Варианты вкраплений.....	100
3.2.2.1. Калькированные атрибутивные словосочетания (КАС).....	108
3.3. Содержательный аспект вкраплений.....	114
ВЫВОДЫ.....	121
ГЛАВА 4. ФУНКЦИЯ ОЦЕНКИ ВКРАПЛЕНИЙ.....	123
4.1. Оценка: теоретические основы	123
4.2. Функция оценки в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии: общая характеристика.....	128
4.2.1. Предмет оценки – человек	133
4.2.2. Предмет оценки – действие.....	140

4.2.3. Предмет оценки – реалия	143
4.3. Цели оценки	146
4.3.1. Усиление эмотивной и экспрессивной составляющих высказывания.....	146
4.3.2. Актуализация этикетной составляющей речи.....	148
4.3.3. Речевая агрессия.....	150
ВЫВОДЫ	155
ГЛАВА 5. МЕТАЯЗЫКОВАЯ ФУНКЦИЯ ВКРАПЛЕНИЙ	157
5.1. Метаязыковая функция: теоретические основы	157
5.2. Метаязыковая функция вкраплений в интернет-дискурсе русскоговорящих Италии и Эстонии: общая характеристика.....	165
5.3. Метаязыковая функция вкраплений и позиционирование говорящих.....	168
5.3.1. Предмет рефлексии (слова, словосочетания, речевое поведение): эстонский материал.....	168
5.3.2. Предмет рефлексии (слова, словосочетания, речевое поведение): итальянский материал	171
ВЫВОДЫ.....	174
5.4. Языковая игра как проявление мультикомпетентного автора	175
5.4.1. Языковая игра в итальянском материале: контексты и виды игры	176
5.4.2. Языковая игра как проявление творческой компетенции русскоязычных жителей Италии	180
5.4.3. Языковая игра как проявление социокультурной компетенции русскоязычных жителей Италии	182
5.4.4. Языковая игра в эстонском материале: контексты и виды игры	184
5.4.5. Языковая игра как проявление творческой компетенции русскоязычных жителей Эстонии	186
5.4.6. Языковая игра как проявление социокультурной компетенции русскоязычных жителей Эстонии	187
ВЫВОДЫ.....	189
ГЛАВА 6. ХРОНОТОПИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ВКРАПЛЕНИЙ.....	191
6.1. Хронотоп в картине мира: теоретические основы	191
6.2. Вкрапления в пространственном дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии: общая характеристика	196
6.3. Пространственная рефлексия в интернет-дискурсе русско- язычных жителей Италии и Эстонии: «свое» и «чужое».....	199
ВЫВОДЫ.....	205
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	207
ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА	221

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ.....	222
ЛИТЕРАТУРА	223
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1: Общая характеристика источников материала	250
ПРИЛОЖЕНИЕ №2: Список стоп-слов	270
КОККУVÕTE.....	272
SUMMARY	277
CURRICULUM VITAE	283
ELULOOKIRJELDUS.....	284
ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ.....	285

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование началось с интереса автора к многоязычным практикам и живой речи с ее гибкостью и креативностью. Эти свойства актуализируются в виртуальном пространстве, в частности, в коммуникации русскоговорящих зарубежья. Русскоязычные жители Италии и Эстонии близки автору и по личным причинам: первые живут в стране его происхождения, вторые – в стране проживания.

Русскоязычное зарубежье – комплексное социокультурное и социолингвистическое явление. По данным Pew Research Center, в момент распада Советского Союза на декабрь 1991 г. 25 млн. этнических русских проживали за пределами исторической родины¹. К 2016 г. насчитывалось около 11 млн россиян², живущих за границей Российской Федерации [Рязанцев 2016: 84]. Однако зарубежные русскоговорящие включают не только россиян – это полиэтническая совокупность людей, говорящих, в большинстве своём, на русском языке в разных его вариантах. Русское зарубежье разнообразно как по временному диапазону, так и по пространственному. Ряд исследователей говорит о русской диаспоре, имея в виду группы людей разного этнического состава, эмигрировавших с бывших территорий СССР [Перотто 2010; Isurin 2011; Laitin 1998; Perotto 2014]. В последние годы в связи с полномасштабным вторжением Российской Федерации в Украину 2022 г. усилилась эмиграция русскоязычного населения. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев сообщает, что на ноябрь 2024 года в мире зарегистрировано 6,8 миллиона беженцев из Украины³. По данным Миграционной обсерватории Пражского процесса (2023), с 24 февраля 2022 года по 24 февраля 2023 года из России эмигрировало от 700 000 до 1 200 000 человек [Gulina 2023: 66].

Наше исследование было проведено в период с сентября 2015 по январь 2022 года и потому не отражает возможных последующих изменений в интернет-общении русскоязычных жителей Италии и Эстонии. Различные военные события также затрудняют корректное определение разнообразных взаимодействующих групп русскоговорящих, в частности, определение диаспоры. Термин **диаспора** не имеет однозначного толкования. По мнению М. Дж. Эсмана, диаспора – это этническое меньшинство, проживающее вне страны происхождения, но сохраняющее с ней эмоциональные и политические связи [Esman 1990]. В. И. Дятлов и Э. Л. Мелконян считают, что диаспора представляет собой совокупность людей, живущих в иноэтническом обществе, идентифицирующих себя как связанных с некой группой

¹ <https://www.pewresearch.org/short-reads/2017/07/24/ethnic-russians-in-some-former-soviet-republics-feel-a-close-connection-to-russia/>

² Очевидно, имеются в виду люди с российским гражданством.

³ [https://www.unrefugees.org/emergencies/ukraine/#:~:text=There%20are%20nearly%204%20million,\(as%20of%20November%202024\).&text=6.8%20million%20refugees%20from%20Ukraine,\(as%20of%20November%202024\)](https://www.unrefugees.org/emergencies/ukraine/#:~:text=There%20are%20nearly%204%20million,(as%20of%20November%202024).&text=6.8%20million%20refugees%20from%20Ukraine,(as%20of%20November%202024))

на основе этничности и территориального происхождения и формирующих формальные и неформальные связи, основанные на общности исхода, с исторической родиной [Дятлов, Мелконян 2009: 27].

Согласно Р. Брубейкеру, современные диаспоры следует определять и изучать не как этнические группы или этнографический факт, а как практику или как множество диаспорных проектов, так же как, например, изучаются национальные проекты [Brubaker 2005: 13]. Имея в виду эту точку зрения, Р. Тцагарусиану, например, рассматривает диаспору как особый вид внетерриториального **воображаемого сообщества** [Tsagarousianou 2004: 60]. Б. Андерсон определяет так прежде всего нации, утверждая, что они существуют не как физические реальности, а как конструкции в сознании людей. Согласно исследователю, это – не просто группа людей, часто не имеющих никакого личного контакта, а культурно целостное объединение, основанное на общих верованиях и символах. Для существования любого сообщества необходимо воображение, обновляемое через культурные практики и взаимодействие [Anderson, 1983: 5–6]. Таким образом, диаспоры можно понимать не как фиксированные группы, а как динамичные образования, постоянно (вос)создаваемые через общие культурные практики и идентификацию [Tsagarousianou 2004: 60].

Д. Лейтин использует термин *beached diaspora* («выброшенная на берег» диаспора) по отношению к русскоязычным людям, живущим на бывших территориях СССР. Речь идет об этнически гетерогенных группах, которые нельзя объединить по принципу привязанности к одной общей родине. Эти группы ощущают, с одной стороны, необходимость ассимиляции с местным населением, с другой – сплочения на основе идентичности **группового конгломерата** [Laitin 1998: 30]. Согласно исследователю, идентичность конгломерата – это категория членства, которая является общим знаменателем для групп, имеющих разные идентичности, но разделяющих некоторые характеристики, отличающие их от окружающего социокультурного доминирующего социума [Laitin 1998: 31]. Идентичность конгломерата возникает тогда, когда члены доминирующего социума приписывают различным социокультурным группам общую идентичность [там же].

Вопрос, являются ли группы русскоязычных в мире разными диаспорами⁴, очень сложный. Как отмечал в 1990-е годы Д. Лейтин, пока группы россиян, белорусов, украинцев и т. д. разделяют некое чувство «общей беды» в иноязычном социуме, они могут развивать «покорную» идентичность конгломерата. В целях упрощения он называет этих людей диаспорой, однако утверждает, что ни одно определение (поселенцы, диаспора, конгломерат и т. п.) на самом деле не соответствует действительности [там же].

⁴ Мы считаем, что русскоговорящие в мире различаются не только по этнической принадлежности, но и по языковым особенностям, речевым практикам и отношению к окружающему социуму. Эти факторы неизбежно влияют на процессы самоидентификации русскоговорящих, проживающих в разных странах, и делают невозможным их определение как единой диаспоры ни в этническом, ни в языковом смысле.

Агрессивные действия Российской Федерации в 2022 г., разумеется, могли повлиять на процессы осмысления идентичности, (воз)создания общих символов и культурных практик разных групп русскоговорящих, особенно украинского происхождения, и усилить отрицательное отношение к русскому языку и культуре и ощущение несхожести разных групп русскоговорящих.

В. В. Кочетков и В. Ю. Калинин различают два понятия – **транснациональные пространства** (или **транснационализм**) и диаспору, отмечая, что они являются взаимосвязанными частями континуума с подвижными границами. Согласно авторам, транснациональное пространство образуется тогда, когда группа людей, связанных социально-этнически, оказавшись в «чужом» социокультурном и социолингвистическом окружении, устанавливает сети связей между своими членами [Кочетков, Калинин 2009: 81]. Согласно авторам, транснациональные пространства проходят в своем развитии разные этапы, на последнем из которых последующие поколения эмигрантов учреждают институты для защиты собственного языка и культуры, «трансформируют связи между страной исхода и принимающей страной, развивая и видоизменяя их, например, путем совмещения культурных факторов» [там же: 82]. Транснациональные сообщества последнего этапа характеризуются тем, что их члены связываются посредством «обмена, взаимодействия и солидарности, достигая высокого уровня социальной сплоченности и вырабатывая общий набор символических представлений» [там же: 83], что приближается к понятию диаспоры. Из сказанного следует, что транснациональные пространства характеризуются отношениями, состоящими из трех главных элементов – принимающего и исходного государств и сети людей, находящихся в положении диаспоры. Согласно Л. Прис, жители транснациональных пространств развивают комплексную «географию принадлежности», состоящую из отношения к месту проживания, мифов о родине и разных представлений о собственном диаспорном сообществе [Pries 2001: 20].

К. Вердери предлагает широкий взгляд на транснационализм в целом, рассматривая его не только как «трансгосударственный», но и как «транснациональный» [Verdery 1994]. По ее мнению, транснационализм необязательно означает «процессы, протекающие через государственные границы» [там же 1994: 3], поскольку нации не обязательно ограничены одним государством, а одно государство может включать более одной национальной группы. Ее подход, основанный на исследованиях преимущественно в странах Восточной Европы, согласуется с идеями С. Смита о нации как этническом сообществе, а не как базирующемся на территории или гражданстве [Smith 1991]. Поскольку нации могут быть трансграничными образованиями, согласно К. Вердери, существуют два типа транснациональных отношений: те, которые выходят за государственные границы, но не обязательно включают более одной нации (трансгосударственные), и те, которые выходят за пределы нации, понимаемой как этническое сообщество,

но остаются в рамках одного государства. В действительности наиболее распространены комбинации данных типов.

Хотя в настоящей работе в целях упрощения мы часто употребляем термин диаспора, в свете вышесказанного можно утверждать, что русскоговорящие, проживающие в Эстонии и Италии, формируют сложные транснациональные пространства, характеризующиеся различными чертами. Мы имеем дело с двумя группами русскоговорящих, различающимися историей формирования, этническим составом, гендерной, возрастной и пр. составляющими и отношением к социокультурному и социолингвистическому пространству, что усложняет вопрос об их «диаспорном» положении. Русскоязычные жители Эстонии в течение веков состояли преимущественно из разных групп выходцев с территорий, ставших впоследствии Российской империей / Советским Союзом, переселившихся сюда в разные периоды. Однако присутствие здесь восточных славян относится еще к концу X – началу XI века [Исаков 2008: 8; см. также Kriiska, Mäesalu, Selart, Põltsam-Jürjo, Piirimäe, Seppel, Andresen, Pajur, Tannberg 2017: 29; Tvauri 2014: 297]. В средневековые русские общины, в значительной степени постоянные, образовались в Ревеле (Таллин), в Дерпте (Тарту) и в Нарве [там же: 24–33]. В XVII веке в результате раскола русской церкви в западное Причудье постепенно переселялись старообрядцы, образуя довольно изолированную и закрытую этноконфессиональную общину [там же: 72–96]. В XIX столетии в городах Эстонии появлялось все больше представителей русской интеллигенции. В это время они уже проживали здесь в Российской империи и были частью господствующей нации, им не нужно было защищать свои права, что «было одной из причин, почему местные русские до 1918 г. не стремились как-то объединиться» [там же: 203]. После провозглашения независимой Эстонской Республики русские превратились в национальное меньшинство, «которое вынуждено защищать свои права, свои школы, свою культуру» [там же]. Значительный приток русскоговорящих в Эстонию и в другие балтийские страны был в период их оккупации Советским Союзом. Они, согласно Д. Лейтину, после распада СССР и оказались «диаспорами, выброшенными на берег» [Laitin 1998: 30]. В настоящее время часть русскоговорящих в Эстонии, на наш взгляд, с одной стороны, формирует воображаемые транснациональные сообщества внутри одного государства, характеризующиеся относительно высокой степенью сплоченности. С другой стороны, они являются представителями разных национальностей, переселившимися в Эстонию в разные исторические периоды и обладающие неодинаковой степенью интеграции в эстонское культурное пространство (подробнее см. раздел 2.2 второй главы диссертации).

В случае русскоязычных жителей Италии картина совершенно иная. Хотя первые миграционные потоки русских в Италию начались после революции 1917 года в России, это явление было довольно маргинальным до распада СССР, когда множество людей из постсоветских стран эмигрировало в Западную Европу, в том числе в Италию. Современные группы

русскоязычных, живущих в Италии, являются преимущественно представителями постсоветской миграции, формирующими полиэтнический конгломерат, который на данной стадии развития еще трудно считать диаспорой в узком понимании термина. Они, думается, в настоящее время образуют транснациональное пространство, состоящее из людей разных национальностей, которые относительно недавно переселились в Италию.

Отмеченные различия и непосредственно связанные с ними явления (язык, культура, национальная принадлежность людей в принимающей стране), разный опыт, в том числе речевой, в определенных пространстве и времени (хронотопе), являются причиной многих различий в картине мира (т. е. представления о мире) разных групп русскоговорящих. Эти представления человеческого сознания проявляются в языке, формируя языковую картину мира⁵. Одна из ее основ – оппозиция «свой» – «чужой» – «один из наиболее значимых гносеологических инструментов, определяющих особенности взаимодействия между представителями разных культур» и процессы формирования идентичности [Матвейчева 2015: 117].

В связи с вопросом о языке и идентичности А. Мустайоки и Е. Протасова утверждают, что важным фактором определения идентичности русскоязычных в «чужом» социокультурном и социолингвистическом окружении является «степень отдаленности или близости, ментального родства между народами» [Мустайоки, Протасова 2004: 8]. Определение этой степени, однако, не всегда однозначно. На представления людей о родстве с другими социумами и народами и о «своем» и «чужом» в определенном социолингвистическом и социокультурном пространстве влияет множество факторов, таких, например, как географическое расположение, общность истории и культуры народов, религия, языковое родство и т. д. [там же: 9]. Среди наиболее важных факторов авторы отмечают географию и культурную общность, которые, однако, даже если неизбежно приводят к ситуации языковых контактов, не предполагают родства соседствующих языков. Вероятно, русский человек, живущий, к примеру, в Танзании, чувствует себя меньше дома, чем живущий в Финляндии, и социокультурное пространство Финляндии может больше восприниматься как «свое», нежели танзанийское. В то же время нередко отношения соседей амбивалентны: «с одной стороны, они самые жестокие соперники между собой, с другой стороны, среди них не может не быть множества общих культурных черт, вызывающих представление о близости» [там же: 9–10]. Сказанное важно учитывать при сопоставлении рассматриваемых нами групп русскоязычных, т. к. одно из самых очевидных различий между ними – пространственно-временное и социокультурное «расстояние» между ними и социумом, в котором они

⁵ Понятие языковой картины мира не имеет единой трактовки в лингвистике, многими исследователями отрицается, однако мы согласны с тем, что в языке отражается наше знание и представление о действительности. Соответственно, мы будем использовать далее этот термин при всей его неоднозначности. Надеемся, что наше исследование внесет свой вклад в характеристику данного понятия.

живут. Оно неизбежно проявляется в культурной, языковой и пространственной рефлексии этих групп.

Виртуальная среда усложняет процессы взаимодействия людей и формирования **социальных сетей**⁶, во многом определяющих их поведение, восприятие мира и социальную динамику [Pfouts, Safier 1981: 658]. Рост популярности Интернета сделал множество услуг доступными через компьютерные сети, что способствовало появлению виртуальных сообществ, известных как **онлайн-социальные сети**. Последние отличаются от формирующихся в реальном мире рядом особенностей, например, отсутствием физического контакта и взаимодействием на больших расстояниях, недостаточной корреляцией между виртуальной и реальной идентичностью участников, мультимодальной коммуникацией с возможностью переключения каналов связи, а также анонимностью значительной части пользователей [Musiał, Kazienko 2013: 35]. Коммуникация в Интернете, особенно на таких платформах, как форумы, и в фейсбук-группах, характеризуется гипертекстуальностью, креативностью и анонимностью. Пользователи формируют свою идентичность, не только взаимодействуя с непосредственным физическим окружением, но и активируя более широкие пространственно-временные, или хронотопические, схемы [Jacquement 2010: 50–51].

Условия диаспоры и виртуальной среды актуализируют чужое слово и усиливают рефлексии коммуникантов, не только языковую, но и пространственную и культурную, что стимулирует «работу над идентичностью» русскоязычных, живущих в разных странах. Множество исследований показывает, что общение на форумах русскоязычных, живущих вне страны исхода, помогает создать чувство общности, осмыслить эмиграционный или диаспорный опыт и сформировать собственную идентичность в принимающей стране [Elias, Shorer-Zeltser 2006; Morgunova 2007; Morgunova, Zinnurov 2019; Schmidt и др. 2005; Yelenevskaya 2019]. Несмотря на разнообразие групп русскоязычных в мире, их объединяют общая история, коллективная память и русский язык как лингва франка [Elias, Shorer-Zeltser 2006; Laitin 1998]. Форумы позволяют постсоветским иммигрантам, живущим в одной стране, осмыслить, что значит быть «русским» (постсоветским иммигрантом, русскоговорящим) в конкретной национальной среде [Morgunova, Zinnurov 2019]. Исследователи подчеркивают, что интенциональность многих языковых инноваций в Интернете, порой с целью создания определенного кода, отражает процессы формирования идентичности интернет-сообществ [Кронгауз 2013b; Androutsopoulos 2006b, 2007; Danet, Herring 2007; Georgakopoulou 1997].

⁶ Концепт социальных сетей был введен социологом Д. Барнсом [Barnes 1954]. Он определил социальную сеть как структуру, состоящую из узлов (социальных объектов, таких как люди или организации) и связей между ними (социальных взаимоотношений) [там же: 43].

Формирование идентичности отражают и многоязычные практики, в частности, применительно к нашей работе – итальянские и эстонские вкрапления в интернет-дискурсе рассматриваемых диаспор. Разумеется, в речи пользователей встречаются и иные, например английские, украинские, вкрапления, однако мы сосредоточимся на тех, которые обусловлены регулярными непосредственными контактами коммуникантов, т. е. на итальянских и эстонских вкраплениях, являющихся **предметом** нашего исследования. Лексема *вкрапление* имеет два основных словарных значения: 1) действие, обозначаемое глаголом «вкраплять», и 2) результат этого действия, инородная частица [СРЯ 1985: 181–182]. Как лингвистический термин *вкрапления* традиционно в основном понимаются как элементы, заимствованные из одного языка и внедренные в другой [Листрова-Правда 2001: 119, см. 1.1]. Работа с материалом, результаты его анализа, однако, привели нас к необходимости понимать вкрапление шире. Думается, к лингвистическому термину вкрапление можно применить и значение действия, имея в виду, что говорящий включает, т. е. вкрапляет, в свою речь элементы другого языка. Таким образом вкрапление в языке является и процессом вставки, включения и его результатом. Процесс предполагает переход и посредничество между социально маркированными языками и речевыми практиками различных социолингвистических групп и их осмысление [см. Simpson 2017]. Результатом этого в нашем материале становятся иноязычные единицы в речи русскоговорящих: слова, слова-гибриды, составленные из морфологических элементов русского и итальянского / эстонского языков, словосочетания, предложения, группы предложений, иноязычный текст внутри русского, пограничные случаи смешения языков, в котором сложно определить основной язык. Кроме того, к вкраплениям мы относим и менее очевидные проявления языкового взаимодействия: кальки, полукальки, семантическую переориентацию слов, изменение синтаксических структур, речевое поведение, обусловленное ситуацией языковых контактов, топонимы и географическую лексику⁷. Мы рассматриваем как вкрапления также случаи так называемой изобразительности речи [Гольдин, Крючкова 2008], или моделирования речевого портрета другого человека. Оно может включать все вышеописанные явления и соотноситься с понятием «пересечения» (*crossing*) – маркированного смешения речевых элементов, принадлежащих «чужой» социальной группе, в разных прагматических целях [Rampton 2001], например языковой игры [см., например, Warner 2004].

⁷ Хотя некоторые из этих географических названий используются в стандартном русском языке и имеют неясную этимологию, связанную с контактами между сообществами, в дискурсе русскоязычных в условиях диаспоры они приобретают особое значение, часто наполняясь социальным смыслом. Эти названия перестают быть лишь географическими обозначениями и превращаются в важную часть личного лексикона говорящих, используемого для выражения пространственного восприятия и их связи с определенными окружающими средами или отстраненности от них [Galaktinov; Proshina 2023].

В условиях диаспоры процесс вкрапления, будучи регулярным, становится транслингвальной речевой практикой (см. ниже о понятии транслингвизма). Мы осознаем некоторую условность и спорность такого понимания термина и то, что он сложным образом соотносится с рядом теорий в сфере исследования многоязычия и языковых контактов. Остановимся далее на ключевых моментах этого соотношения.

Многоязычные практики в дискурсе различных сообществ описаны исследователями с разных точек зрения. Чередование и смешение в речи элементов разных языков часто называют переключением кода (ПК) [Grosjean 2008; Gumperz 1982; Matras 2009], переключением и смешением кода (*code switching and code mixing*) [Auer 2010; Muysken 2000]. П. Мьюскен, например, говорит о чередовании кода (*code alternation*), когда языки четко чередуются, и часто это более развернутые переключения на границе предложений. Исследователь выделяет также вкрапления (*insertions*) – отдельные слова [Muysken 2000] из языка А, интегрированные в язык Б, обеспечивающий морфосинтаксическую структуру предложения. Я. Матрас и Ш. Поплак говорят о «случайных заимствованиях» (*nonce borrowings*) [Matras 2009: 106], или «моментальных заимствованиях» (*on-the-spot borrowings*) [Poplack 1987: 69], когда заимствованные слова являются окказионализмами. Л. Юхансон, однако, утверждает, что вышеприведенные названия – неподходящие метафоры для описания феномена, т. к. заимствованные слова не идентичны имеющимся в языке-доноре, даже когда они как будто сохраняют все свойства оригинала [Johanson 2008: 62]. Поэтому Л. Юхансон предлагает термин копирование кода (*code copying*) [Johanson 1998], имея в виду, помимо отдельных слов, и слова-гибриды, словосочетания, семантическую переориентацию слов и словосочетаний, также описанную в ряде других работ [Дубинина, Полинская 2013; Зеленин 2007; Костанди 2011а; Рингблом 2004]. Другое явление, которое выделяет П. Мюскен, – «конгруэнтная лексикализация» (*congruent lexicalization*) [Muysken 2000], или, по словам Е. Головки, лексическая переориентация (*lexical reorientation*) [Golovko 2003], происходящая, когда грамматическая структура языка А заполняется лексическими единицами языка Б. Между перечисленными явлениями нет четкой границы, это единый континуум [Matras 2009: 110], что подтвердил и анализ нашего материала.

Некоторые исследователи используют термин ПК как обобщающий и рассматривают это явление и с прагматической точки зрения. Так, К. Майерс-Скоттон утверждает, что оно дает двуязычным людям возможность увеличить гибкость самовыражения, способствуя передаче нюансов социальных отношений, т. к. при ПК могут возникнуть социопсихологические ассоциации с используемым языком [Myers-Scottton 1993b: 1]. Исследователь различает «маркированный» и «немаркированный» выбор кода. «Немаркированное переключение кодов имеет место тогда, когда говорящий следует установившимся в языковом сообществе правилам речевого поведения и переключается в соответствии с ожиданиями слушающего; маркированное переключение имеет место в том случае, если

говорящий <...> сознательно производит переключение таким образом, что это замечается собеседником как отклонение» [Myers-Scotton 1993a, русский перевод цит. по: Багана, Блажевич 2010: 64]. С психолингвистической точки зрения гибкость создания дискурса проявляется в том, что, используя языковые ресурсы более чем одного языка, говорящий может преодолевать трудности в формулировании высказывания [Myers-Scotton 1993b: 2].

Попытки ученых построить единую теорию пока оказались безуспешными, что свидетельствует о многогранности рассматриваемых контактных феноменов. Разногласия касаются и самого термина ПК, который трактуется по-разному. Ж. Багана и Ю. С. Блажевич отмечают, что «предлагающиеся подходы не только полемичны по отношению друг к другу, но и оперируют совершенно разными терминологическими микросистемами» [Багана, Блажевич 2010: 63], что ведет к тому, что М. Клайн называет «терминологическими проблемами» [Clyne 2003: 70–72].

Существование множества подходов и определений отражает сложность рассматриваемого феномена. Это касается не только формального аспекта вкраплений, но и их значения, контекста, в котором они появляются. Вкрапления вызывают разные ассоциации, отражают разные голоса, оценки, их появление в речи связано с символическим капиталом⁸ языковых средств, с пространственно-временной ориентацией говорящих. Вкрапления взаимодействуют с адаптацией сообществ в окружающей физической и социокультурной среде.

Предложенное нами понимание вкрапления не полностью противопоставляется рассмотренным выше подходам. Мы понимаем вкрапление как обобщающий термин, близкий к понятию транслингвизма (см. ниже) и пересекающийся с явлениями, описываемыми в рамках других концепций. В ряде случаев поэтому мы используем для анализа и описания некоторых аспектов материала термины других подходов. В частности, термин ПК мы применяем к более развернутым переходам с одного языка на другой.

Многогранность предмета анализа не позволила установить четкие критерии для автоматического выявления вкраплений в онлайн-коммуникации рассматриваемых нами групп русскоговорящих. Поэтому мы сочли наиболее подходящим **методом** следование процедурам так называемой онлайн-этнографии, предполагающей систематическое наблюдение за онлайн-

⁸ В данной работе термин «символический капитал» употребляется в понимании его П. Бурдьё. Согласно исследователю, существуют три основные формы капитала – экономический (материальные блага), культурный (знания, навыки и другие культурные приобретения), символический (накопленные престиж и авторитет). В концепции П. Бурдьё одна форма капитала может перейти в другую. Владение определёнными языками или их разновидностями в специфических местах («полях») соотносится со статусом индивида в социальной иерархии. При этом знание определённых языков становится одной из ключевых составляющих символического капитала, известного как лингвистический капитал [Bourdieu 1991].

деятельностью интересующих исследователя групп людей [Hine 2000; Yang 2003]⁹.

Это способствовало сбору нашего **материала**, состоящего из включающих вкрапления комментариев, собранных на разных интернет-платформах, используемых русскоязычными коммуникантами из Италии и Эстонии. Этот процесс изначально выполнялся методом сплошной выборки, а затем отбора отдельных примеров. По причине доступности объемного материала мы рассматривали асинхронную коммуникацию на указанных платформах¹⁰. Были составлены отдельные корпуса¹¹ итальянского и эстонского материала, в которые вошли комментарии, содержащие, соответственно, итальянские и эстонские вкрапления.

Метод ставит вопрос о способах систематизации и объяснения материала. При рассмотрении языкового материала мы применили элементы формального, семантического, функционального и сопоставительного анализа. При изучении функционирования вкраплений в интернет-среде, «адаптации» многоязычных речевых практик коммуникантов к конкретным условиям оказался важным контекст, окружающий вкрапления, поэтому применялись и элементы дискурсивного анализа [Herring 2001, 2004].

Методология ставит вопрос о соотношении настоящей работы с научными традициями и фундаментальными положениями, на которые мы опираемся в ходе исследования. Мы соотнесли результаты нашего анализа с разными теориями и подходами, которые в общих чертах представлены во введении, более же детально рассматриваются в последующих частях работы.

Язык и человек органически связаны в единстве, называемом «био-социальным существом». В данном единстве средство (язык) воздействует на существование и развитие человека, взаимодействует с его адаптацией в окружающей среде. Как отмечает М. А. Шелякин, философы, подчеркивающие определяющую роль языка в жизни человека, часто говорят о *homo agens* (деятельностном), приспособляющем язык к процессу коммуникации при учете партнера и окружающей физической и социальной среды [Шелякин 2005: 13–16]. Человеческая коммуникация – это процесс взаимодействия людей, адаптирующихся друг к другу «в своем поведении путем передачи и понимания информации о той или иной реальности» [Шелякин 2005: 40].

В соответствии с этим мы придерживаемся взгляда на язык, который можно определить как динамический. Согласно ему, язык – объект, над которым говорящий постоянно работает, приспособлявая его к задачам,

⁹ См. подробнее о методе онлайн-этнографии и этических вопросах научного исследования в 2.4.

¹⁰ Мы исключили имеющий свою специфику материал чатов, поскольку он отсутствовал на момент сбора данных.

¹¹ В данной работе термин употребляется не в значении, которое он имеет в корпусной лингвистике, а предполагает рабочий корпус мини-текстов.

возникающим в жизненном опыте, и к среде, в которую этот опыт оказывается погруженным. Язык используется для достижения разных целей, он не фиксируемый, не конечный продукт. Как утверждает Б. М. Гаспаров, «всякий такой “продукт” не существует для говорящего иначе как в среде ассоциаций, интеллектуальных и эмоциональных реакций, произвольных воспоминаний, интуитивных и сознательных оценок ситуации и партнера и вытекающих из этого антиципаций того, как ситуация общения с ним будет развертываться в дальнейшем и какие новые коммуникативные задачи из этого вытекают» [Гаспаров 1996: 10]. Человеческая коммуникация осуществляется в «биосоциальной» среде, которую характеризуют «место, время, социальные отношения ее участников, их общая осведомленность о мире и друг о друге, пресуппозиция» [Шелякин 2005: 41]. Следовательно, процесс языкового существования – это открытое поле, «в котором нет ни раз навсегда определенных действий, ни полностью предсказуемых эффектов, вытекающих из этих действий» [Гаспаров 1996:12].

Как отмечает Б. М. Гаспаров, еще И. Г. Гердер рассматривал язык как непрерывное становление, никогда не достигающее целостной и законченной формы. Согласно философу, каждое новое языковое действие исходит из предыдущего опыта [там же: 16]. Соприкасаются с динамическим подходом концепции гетероглоссии и диалогической открытости коммуникативной деятельности М. М. Бахтина и исследования Л. С. Выготского о динамическом характере внутренней речи в ее соотношении с мышлением [там же: 25]. Динамический подход развивается и в парадигме постструктурализма, где во всяком явлении ценится «многосоставность, соприсутствие разнородных и разноречивых компонентов, тенденций, голосов» [там же: 26].

Если придерживаться динамического взгляда на язык, то естественным ходом для нашего исследования является рассмотрение материала с разных точек зрения. Ниже остановимся подробнее на функционализме, т. к. он служит общей теоретической базой нашего исследования.

В конце XX столетия Г. А. Золотова утверждала, что построение функциональной грамматики остается нерешенной задачей лингвистики и «понятие функции продолжает манить все еще недостаточной осознанностью» [Золотова 1993: 15]. Основной пафос функционализма – объяснение языковой формы ее функциями и подход «от значения (от семантических структур) к форме». Функция при этом часто понимается как синоним значения, содержания [там же].

Важным является вопрос о единицах, реализующих функции. Согласно Г. А. Золотовой, функция – это способ, которым данная единица участвует в построении связной речи, предполагающий выбор говорящего. Функция языковых единиц предполагает рациональность, осознанность, потребность, что говорит о мотивированности языковой системы. Функции реализуются при выборе говорящим значимых оппозиций [Золотова 1993: 17; Шелякин 2005: 62]. При этом функции являются результатом взаимодействия языковых категорий в синтаксическом процессе [Золотова 1993: 17]: «до

синтаксиса значимые единицы языка двухмерны, располагают формой и значением; и только поднявшись на уровень синтаксиса, они приобретают трехмерность: форму, значение, функцию» [там же].

М. А. Шелякин определял функцию как «способность языковых элементов (конструкций, группировок элементов и др.) или языковой системы в целом к выполнению того или иного назначения» [Шелякин 2001: 10]. Исследователь дает перечень признаков функции, утверждая, что функция – это:

- «особое свойство целостного объекта как системы или ее элемента <...> нет системы или системного элемента без функции, как нет функции без системы или системного элемента» [там же: 9];
- «производное свойство всей системы или ее элемента в системе» [там же].

При этом функция:

- «всегда обеспечивает нечто нужное, предназначенное, служит для чего-либо, т. е. имеет выход за пределы системы или ее элемента в системе» [там же];
- «имеет свою среду реализации и носит приспособительный к среде характер» [там же];
- «как назначение системного объекта или его элемента проявляется в самом реальном или потенциальном процессе их адаптации к среде по принципу обратной связи» [Шелякин 2005: 23].
- «может быть первичной и вторичной (производной от первичной)» [там же].

Разноуровневые значимые языковые единицы «объединяются в широкие функционально-семантические поля (функционально-семантические категории, языковые понятийные категории)» [Шелякин 2005: 53]. Как отмечает А. Мустайоки, согласно А. В. Бондарко, в языковом знании человека есть возможность выразить элементы семантических категорий различными языковыми средствами [Мустайоки 2006: 113], что связывает функциональную грамматику с идеей М. Халлидея о том, что грамматика основана на выборе [там же: 136]. Функциональный подход является попыткой «описать те возможности, которыми располагает говорящий, выбирая для своих мыслей словесную форму» [Мустайоки 2006: 136]. Выбор лежит и в основе понятия типовой ситуации (ТС), т. е. реализации одного и того же положения дел в речи [Мустайоки 2006: 123]. ТС определяется как «содержательный инвариант любого предложения независимо от его формального выражения, реализуемый в его денотативной структуре» [Всеволодова 2009: 87]. Понятие ТС связано с адаптационной способностью языковой системы. Как утверждает М. А. Шелякин, мы могли бы себе представить «систему коммуникации, в которой каждой определенной ситуации, каждому явлению действительности соответствует особый возглас», такая система, однако, «должна была бы включать настолько большое количество

различных знаков, что память человека была бы не в состоянии их усвоить» [Шелякин 2005: 33].

Функционализм соотносится с понятием гетероглоссии и фундаментальными положениями интернет-дискурс-анализа в том, что он подчеркивает важность выбора говорящего [Herring 2004]. Выбор, однако, не обусловлен только лингвистическими соображениями, а скорее отражает когнитивные и социальные факторы. Как отмечает Б. Ю. Норман, «функционализм не ограничивается коммуникативной целесообразностью: он отражает и иные стороны жизни индивида и общества <...>, речевые сообщения не несут в себе информации в узком, «утилитарном» смысле слова, а служат иным целям: выражения эмоций, межлических отношений, сакральных и трансцендентальных смыслов и т. д.» [Норман 2008: 265]. Это связывает функционализм с биологической точкой зрения [см. ниже Кравченко 2013]¹² и с теорией индексальности, согласно которым коммуниканты выбирают из возможных языковых средств те, которые способствуют выражению межлических отношений, указанию (индексации) на элементы настоящей социокультурной реальности [Jaffe 2016].

Обобщая работы ряда исследователей, А. В. Кравченко пишет о языке как о «биологически социально и экологически обусловленном интеракционном поведении, в котором рождается интеллект» [Кравченко 2013: 61]. По мнению исследователя, «существо языковой коммуникации состоит не в обмене мыслями, информацией, или знаниями, но в оказании ориентирующего воздействия на других и себя» [там же]. Язык является знаковой системой, т. е. семиотическим явлением, «характеризующим когнитивную (= жизненную) деятельность человека» [там же: 56]. Знаки являются компонентами человеческого мира и функционируют в процессе языковых взаимодействий [там же: 56; Thibault 2003]. Естественно-языковые знаки контекстуализированы «потокотом чувственно данных явлений», их означающая функция возникает из человеческого опыта [Кравченко 2013: 57–58]. Язык не может быть полностью свободен от контекста, «всякая конкретная контекстуализация по-своему уникальна» [там же: 58], а знаки «адаптируются к указанным особенностям процесса передачи и получения информации» [Шелякин 2005: 37].

¹² Имеется в виду точку зрения А. В. Кравченко, которая основывается на материальном подходе к изучению языка и размывании традиционных границ между умом и телом. Исследователь подчеркивает, что традиционная аналитическая философия, основанная на картезианской логике, создает противоречия между умом и телом, что затрудняет понимание языка. Он считает, что необходимо отказаться от этой парадигмы и перейти к более интегрированному подходу, который учитывает взаимосвязь между когнитивными процессами и физическим существованием. Таким образом, исследователь считает, что теория значения должна быть натуралистической как в эмпирическом, так и в метафизическом плане. Это означает, что значение должно рассматриваться в контексте его связи с реальным миром и человеческим опытом [Kravchenko 2002].

Уникальность контекстуализации каждого высказывания подчеркивается и в теории гетероглоссии, которая активно развивается в ходе изучения многоязычных практик. Б. Бейли, например, опираясь на идеи М. М. Бахтина, предпочитает говорить не о языках, а о «голосах». Исследователь отличает ПК от гетероглоссии, утверждая, что при таком подходе уделяется больше внимания «следам» социальных, политических и исторических сил, формирующих высказывание. Использование термина *переключение кода*, по мнению исследователя, относит конкретные знаки к определенным, ограниченным, отчасти искусственно созданным национальным языкам. Термин гетероглоссия охватывает одновременно как многоязычные, так и одноязычные формы, что позволяет анализировать высказывания с опорой на социальный и исторический контекст [Bailey 2007: 264–267]. Анализ нашего материала показывает, что из множества языковых средств, имеющих в распоряжении говорящих, они выбирают вкрапления с учетом общего социокультурного фона, пространства (реального и виртуального), характеристик коммуникантов и времени, формирующих их пресуппозиции. Вкрапления приобретают свои функции в контексте высказываний, где пользователи постоянно отсылают к своим и чужим словам, нарративам, фактам и т. д., во взаимодействии с другими языковыми средствами.

Точка зрения Б. Бейли связана с актуальной для нашего исследования парадигмой *транслингвизма* или *трансьязычия*¹³ [Головко, Шейко 2021], ключевая идея которого заключается в том, что общение выходит за рамки отдельных языков и что коммуникация выходит за рамки слов, включая в себя разнообразные семиотические средства и окружающие факторы [Canagarajah 2013: 6–7]. Как утверждает С. Канагараджа, сообщества и общение были всегда гетерогенными. Люди, которых обычно считают одноязычными, на самом деле владеют множеством регистров и диалектов данного языка. Даже когда они говорят и пишут на одном языке, они общаются, учитывая различные коды окружающей среды [там же], что, например, в нашем материале проявляется в языковой рефлексии коммуникантов. В рамках транслингвального подхода репертуар многоязычного говорящего рассматривается как одна семиотическая система, которая включает разнообразные лексические, морфологические, грамматические, прагматические средства и социальные практики [Voguel, García 2017]. Многоязычная личность формирует из средств известных ей языков «единый “репертуар”, компоненты которого далее использует для достижения своих коммуникативных целей как целостную систему» [Головко, Шейко 2021: 64], для осмысления окружающей действительности и конструирования значений [Li 2022: 2], следовательно, у многоязычной личности формируется так

¹³ Как отмечают Н. В. Головко и Д. В. Шейко, в англоязычных публикациях последних лет трансьязычие рассматривается с точки зрения педагогического метода, коммуникативной практики, лингвистической теории и общественной идеологии [Головко, Шейко 2021: 63]. Учитывая наш материал и цель анализа, мы фокусируем внимание на трансьязычии как коммуникативной практике.

называемая «мультикомпетенция», которая не является простой суммой уровней владения разными языками. В нашем материале мы это особенно часто наблюдаем в двуязычной языковой игре, при которой коммуниканты демонстрируют свои лингвистические и социокультурные знания и порой создают новые значения с учетом совместного опыта участников коммуникации. Транслингвальный подход акцентирует внимание на языке не как системе, а как практике, т. е. деятельности [Прошина 2016: 25]. В нашем материале это проявляется, например, в том, как вкрапления отражают речевые практики, осуществляемые в определенном хронотопе. Они взаимодействуют с так называемыми культурами – языковыми знаками, обозначающими «все относящееся к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения и т. п.» [Гак 1998: 142].

Язык рассматривается как практика, деятельность и в рамках когнитивной модели *usage-based approach* («подход, основанный на использовании [языковых средств]»). В данной парадигме структура и организация языкового знания анализируются как результат речевой деятельности говорящего [Diessel 2017: 1]. Из этого следует, что единицы и структуры языка возникают как результат специфических коммуникативных событий. В данной модели язык видится как расширение других когнитивных областей, как динамическая система изменчивых категорий, границы которых подвижны [Bybee, Beckner 2015]. Гибкость постоянно меняющиеся границ языковых категорий обусловлена воздействием общих когнитивных процессов, задействованных не только в употреблении языковых средств, но и в других когнитивных проявлениях, таких как зрение, внимание и т. д. [Diessel 2017: 1].

Один из аспектов речевой деятельности, который играет важную роль в этой парадигме, – частотность употребления языковых единиц. Частотность усиливает закрепление языковых элементов в памяти, способствует активации и обработке слов, категорий и конструкций, что может иметь долгосрочные последствия для развития и организации языковой системы [Diessel 2017: 1]. Важность повторяемости в развитии языковой системы подчеркивается и М. А. Шелякиным, утверждавшим, что повторяемость – одно из важнейших свойств языковых единиц [Шелякин 2005: 63]. Языковое знание говорящего состоит из большого объема имплицитных процедурных знаний (*procedural knowledge*), включая знание частотных закономерностей. На основе этого подход *usage-based* рассматривает язык как систему, в которой ментальные представления обновляются, «адаптируются» к внешней реальности на основе входящей информации [Bybee, Beckner 2015: 4]. В нашей работе, например, анализ, представленный в третьей главе, демонстрирует, что некоторые вкрапления являются единицами (согласно Л. Юхансону, «копиями» [Johanson 1998]), разнообразными по форме, которые появились в результате устойчивых речевых практик, и отражают ментальные представления, возникшие в процессе адаптации к внешней реальности.

Итак, обобщенные выше подходы различаются тем, что уделяют внимание разным аспектам человеческой коммуникации в условиях контактов народов, освоения языка и употребления коммуникантами средств разных языков. Они затрагивают сложные языковые, семиотические, психологические, биологические, социальные и исторические вопросы. Это свидетельствует о сложности, ускользаемости языковой сущности и человеческой коммуникации и, следовательно, о сложности определения и анализа предмета нашего исследования – вкраплений.

Как мы постарались показать, эти подходы имеют важные точки соприкосновения:

- понимание языка как контекстуализированной сущности, постоянно преобразующейся в речевых практиках при адаптации к собеседнику и биосоциальной среде;
- важность физической среды, биологического и социокультурного контекста, из которых вытекает значение языковых и других семиотических средств;
- важность выбора говорящего для передачи значений;
- гибкость границ языковых категорий.

Наш материал и предмет анализа отражают сложность, многогранность языковой сущности, ее адаптирующей природы в биосоциальной среде. Исходя из этого, в своем анализе мы опирались на разные точки зрения и теории, представленные и в теоретической, и в практической частях работы.

На первом этапе исследования мы сосредоточились на появлении вкраплений отдельно в итальянском и в эстонском материале, что привело к выявлению некоторых их функциональных свойств. В ходе работы выяснилось, что и итальянские, и эстонские вкрапления регулярно используются коммуникантами с разными целями, т. е. выполняют разные функции. Анализ показал, что эти функции во многом совпадают в итальянском и в эстонском материале, однако есть и различия, обусловленные биосоциальной средой, в которую коммуниканты погружены. Воздействие разнообразных прагматических факторов (историческое положение, социолингвистические контуры диаспор, их географическое расположение и т. п.) оказалось значимым в нашем материале, что определило **цель исследования** – выявление, анализ и сопоставление основных функций итальянских и эстонских вкраплений в интернет-дискурсе рассматриваемых диаспор. Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

- **Сбор материала** и отбор отдельных примеров для анализа. В течение нескольких лет мы регулярно наблюдали деятельность пользователей на разных находящихся в открытом доступе интернет-платформах, предназначенных для членов интересующих нас диаспор. Характер форумов и групп был определен на основе их названий, например «Русские в Италии», «Мамы Тарту» и т. п. (список форумов и фейсбук-групп

приведен в разделе 2.4)¹⁴. Анонимность множества комментариев, открытый доступ платформ не позволяют однозначно установить происхождение пользователей и утверждать, что все коммуниканты являются представителями русскоязычных диаспор Италии и Эстонии. Фактически любой человек из любой точки планеты может оставлять посты и комментарии на этих платформах. Это касается почти всех исследований, рассматривающих онлайн-сообщества. Однако предназначенность этих платформ для общения русскоговорящих, живущих в определенных местностях, дает основание предполагать, что большинство пользователей – представители анализируемых нами групп.

В начале исследования была проведена сплошная выборка примеров. В ходе наблюдения онлайн-общения рассматриваемых групп мы заметили, что коммуниканты часто переключаются с русского на итальянский / эстонский, калькируют определенные слова, словосочетания и пр. Были отобраны те комментарии / посты, где появляются итальянские и эстонские вкрапления¹⁵. Как отмечалось выше, подвижность границ предмета исследования не позволила установить абсолютно четкие критерии для автоматического сбора материала, поэтому в некоторых случаях в нем могут быть элементы субъективности.

- Другой важной задачей было **формирование теоретической базы** исследования. Вкрапления и смежные явления рассматривались исследователями на основе разных материалов, языков и научных традиций. Из этого разнообразия предстояло использовать то, что было необходимо для нашего исследования.

Для нас было не столь важно установить типологию контактных явлений, сколько показать, как коммуниканты адаптируют их к своим коммуникативным потребностям, используя для осуществления разных целей в зависимости от среды, в которую они погружены. Соответственно, помимо лингвистической литературы о контактных явлениях, мы посчитали необходимым остановиться на вопросах появления, освоения и функционирования «чужого слова» в русском языке с диахронической и синхронической точек зрения, варьирования языка, особенно в контактных условиях, функционирования языка в интернет-пространстве в условиях эмиграции и диаспоры. Важной составляющей теоретической базы стала и литература, посвященная проблемам референции, оценки, языковой рефлексии, процессов формирования языковой картины мира и хронотопа, поскольку этого потребовал анализ выявленных функций вкраплений. Все названные аспекты чрезвычайно широки и многогранны, мы же в теоретической части сосредоточились лишь на том, что было важно для нашего анализа. Выбор конкретных аспектов для анализа вытекал из имеющегося материала. Теоретическая база

¹⁴ Более подробное описание платформ см. в приложении №1.

¹⁵ Доступ к рабочей версии корпусов можно получить по согласованию с автором диссертации.

обобщенно представлена во введении, то, что имеет отношение ко всему анализу, подробнее рассмотрено преимущественно в первой главе работы и частично во второй, теоретическим вопросам более частного характера уделяется внимание в последующих главах, что предваряет анализ отдельных функций вкраплений.

- Для лучшего понимания функционирования вкраплений было необходимо понять социокультурные характеристики рассматриваемых групп русскоговорящих, поэтому одной из задач было **описание русскоязычных диаспор Италии и Эстонии** с точки зрения истории их формирования, выявление и анализ их основных социолингвистических и исторических различий, отношения к окружающей социолингвистической среде и местным государственным языкам.
- **Выявление и описание тематических особенностей собранного материала.** Мы создали программу с помощью R-Studio, которая позволила обнаружить наиболее частотные слова в имеющихся корпусах, что помогло осмыслить тематические особенности обнаруженных вкраплений и дать им общую характеристику.
- **Выявление основных функций вкраплений** в итальянском и в эстонском материале, **анализ и сопоставление** выявленных функций, **категоризация** материала.
- **Соотнесение** выделенных **функций с социокультурными характеристиками** диаспор для осмысления различий между итальянским и эстонским материалом.
- **Обобщение** результатов анализа и **соотнесение** их с разными научными подходами.

Разумеется, материал может быть глубже проанализирован, например, с социо- и психолингвистической точек зрения, с применением и иных подходов, однако в рамках диссертации охватить все аспекты невозможно. В фокусе нашего внимания были основные функции вкраплений в целом, более же детальный анализ отдельных аспектов может стать продолжением исследования.

Перечисленные задачи реализуют заданную цель – выявление, анализ и сопоставление основных функций вкраплений. Подчеркнем, что разные аспекты, функции вкраплений часто пересекаются или являются единым комплексом, и поскольку в работе отдельные функции рассматриваются в отдельных главах, порой неизбежны частичные повторы как анализируемых примеров, их характеристик, так и некоторых теоретических положений.

Ряд аспектов и примеров, представленных в разных разделах настоящей работы, ранее рассматривался нами в опубликованных статьях. Материал статей лишь частично отражен в тексте диссертации, и чтобы иметь более полное представление о нашем исследовании, кратко охарактеризуем содержание этих статей. Исследование началось с анализа вкраплений в интернет-коммуникации русскоязычных жителей Италии. В [Деци 2018a] были описаны и проанализированы признаки вкраплений, некоторые их

функции и тематические особенности. Наиболее очевидная функция итальянских вкраплений, которую мы рассмотрели в указанной работе, – идентифицирующая референция. Множество вкраплений, особенно слова и словосочетания, употребляются коммуникантами в целях номинации и однозначной отсылки к определенным объектам / явлениям. Позже, наряду с итальянским материалом, началось рассмотрение вкраплений в интернет-дискурсе русскоговорящих Эстонии. Некоторые формальные характеристики и тематика эстонских вкраплений анализируются в [Деци 2019а, 2020а], где основное внимание также уделяется функции идентифицирующей референции.

В ходе анализа итальянского материала выяснилось также, что множество вкраплений имеют оценочный характер, на котором и было сфокусировано внимание в [Деци 2018б, 2019б]. Мы продолжили анализ этого аспекта и на базе эстонского материала, где, в частности, обнаружили функцию изобразительности речи. Анализ показал, что последняя тесно связана с чужим словом, передающим разные оценки. Пользователи регулярно приводят, комментируют, оценивают чужие слова. Для этого они часто переключаются на эстонский и / или изображают русскую речь эстонцев. В [Деци 2019в, 2019г, 2020б] показано, что изображение речи в так называемых фиктивных цитатах – одно из проявлений речевой агрессии, связанной с негативной оценкой. При этом встает вопрос о границах чужой речи, об установлении вымышленных или реальных цитат и их функциональной направленности. В [Деци 2021а] мы сосредоточились на формальных маркерах чужой речи и продемонстрировали, что «в некоторых случаях границы чужой речи не полностью совпадают с эстонскими вкраплениями, что обусловлено функциональной направленностью этой речи, где вкрапления используются с разными целями» [Деци 2021а: 743]. Одна из целей цитирования – «проиллюстрировать (речевое) поведение и мировоззрение чужих или сфокусировать внимание читателя на определенных частях цитируемого дискурса» [там же: 746]. При этом «важную роль играют не только иноязычные вкрапления, но и окружающий контекст, позволяющий внести точку зрения автора и его оценку» [там же].

В нашем исследовании, преимущественно на итальянском материале, особое внимание уделено метаязыковой функции вкраплений и метаязыковым единицам, регулярно сопровождающим вкрапления [Деци 2018а]. В [Деци 2019д] также рассмотрено отражение в итальянских вкраплениях рефлексии коммуникантов по поводу не только языковых форм, но и культурем, появляющихся в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии в связи с изменениями, происходящими в их речевом поведении под влиянием итальянского социокультурного пространства. Языковая рефлексия при употреблении итальянских вкраплений подробнее рассмотрена в [Деци 2022а], где было продемонстрировано, что она появляется в интернет-дискурсе иммигрантов при имплицитном и эксплицитном сопоставлении коммуникативных средств и что это является частью процесса познания окружающей действительности и приспособления к новым условиям.

Важную роль в этом процессе играют вкрапления, представляющие собой свои или чужие слова, цитаты. Языковая рефлексия пользователей особым образом проявляется в многоязычной языковой игре, и в [Деци 2021б] мы сосредоточились на этом аспекте. Было обнаружено, что такую игру окружает множество метаязыковых комментариев, что позволило нам определить последнюю как рефлексивную. В [Dezi 2024] этот прием рассмотрен как выражение идентичности мультикомпетентных авторов.

На последних этапах работы мы сопоставили итальянский и эстонский материал с точки зрения функционирования вкраплений. Так, в [Деци 2020а] сравнивается частотность некоторых функций, таких, как функция идентифицирующей референции, передачи чужой речи, изобразительности речи, выражения агрессии, метаязыковая функция. При этом особое внимание уделено тематике вкраплений, выполняющих функцию идентифицирующей референции, в результате чего было обнаружено, что и в итальянском, и в эстонском материале множество вкраплений передают пространственные значения, что связано с пространственной рефлексией пользователей. В [Деци, Костанди 2021; Деци 2022б] пространственная рефлексия русскоговорящих Италии и Эстонии сопоставляется с точки зрения реализации оппозиции «свой – чужой».

Некоторые частные вопросы, более детально рассмотренные в опубликованных работах, в диссертации мы лишь затронем и сосредоточимся на наиболее важных аспектах, связанных с функционированием вкраплений в интернет-дискурсе рассматриваемых диаспор.

Указанные цель, задачи исследования и результаты анализа, продемонстрированные в упомянутых публикациях, обусловили **структуру диссертации**. Основная часть диссертации состоит из введения, шести глав и заключения. **В первой главе** представлена теоретическая база исследования, содержащая прежде всего рассмотрение **появления и функционирования чужого слова в русском языке** в разные эпохи и особенности процессов вхождения иноязычных элементов (адаптирование, освоение, вариативность, переход разных языковых средств из «чужого» в «свое») в русский язык. Наша задача заключалась не в детальном рассмотрении заимствований из разных языков, а в характеристике общих процессов интеграции и функционирования иноязычных элементов. Чужое слово в языке в целом пересекается с чужим словом – иноязычным вкраплением – в нашем материале.

В этой же главе затрагиваются основные вопросы **языкового варьирования**, влияющего на речь в любых условиях, в частности диаспоры и в интернет-среде, что значимо для нашего исследования и отражается, как показано в последующих главах, в функционировании вкраплений. Вариативность формы и функций вкраплений проявляется в речи разных групп русскоговорящих, живущих вне своей языковой метрополии, соответственно, мы обобщили результаты работ, посвященных разным аспектам языка русскоязычной диаспоры, и сосредоточились на **языке русскоязычной диаспоры как проявлении вариативности**.

Для выявления функций вкраплений было важно учесть и специфику коммуникативного пространства Интернета, поэтому мы обратились к работам, рассматривающим **общение в виртуальной среде и формирование разновидностей интернет-языка**.

Вторая глава посвящена характеристике **социолингвистических контуров русскоязычных диаспор Италии и Эстонии**. Описываются истории их формирования, современное положение русскоязычных жителей в этих странах, обобщаются работы, рассматривающие особенности их речи и функционирования русского языка в обществе. На этом фоне далее дается **общая характеристика материала** исследования и характеризуются его **тематические особенности**.

Анализ основных функций вкраплений приводится в **третьей, четвертой, пятой и шестой главах**, посвященных, соответственно, функциям идентифицирующей референции, оценки, метаязыковой функции и пространственно-временной ориентации, которую можно определить как хронотопическую функцию. Последовательность анализа отдельных функций продиктована характером материала, особенностями проявления в нем каждой из функций. Анализ каждой из функций предваряется рассмотрением теоретических вопросов по проблемам референции, оценки, языковой рефлексии, картины мира, пространственно-временной ориентации и хронотопа. Как отмечалось выше, при этом мы не рассматриваем указанную проблематику в полном объеме, что и невозможно, а фокусируемся на тех ее аспектах, которые соотносятся с нашим анализом.

В **третьей главе** анализируется **функция идентифицирующей референции** вкраплений, заключающаяся в «отношении актуализированного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» [Арутюнова 1982: 5–6]. Рассматривается то, как вкрапления отсылают к явлениям окружающей действительности.

С помощью вкраплений коммуниканты не только идентифицируют предметы, но и оценивают их, поэтому в **четвертой главе** мы рассматриваем **функцию оценки**.

Выбор, обсуждение, оценка средств разных языков, знания / незнания какого-либо языка могут отражать языковую рефлексию говорящих. В **пятой главе** рассматривается то, как вкрапления участвуют в этом процессе, выполняя **метаязыковую функцию**, при этом особое внимание уделяется многоязычной языковой игре.

В нашем материале вкрапления обозначают и разные локации, речевые практики, принятые в том или ином пространстве. Пользователи комментируют, оценивают, порой обыгрывают такие вкрапления, что отражает их **пространственную рефлексию**, порой соотносенную с **темпоральными характеристиками**, что рассмотрено в **шестой главе**.

В **Заключении** обобщаются и обсуждаются результаты анализа в отношении с важными теоретическими вопросами, делается общий вывод о том, что вкрапления – гибкое явление, выходящее за рамки отдельных языков, демонстрируется, как они связаны с поведением коммуникантов во

взаимодействии с окружающей средой, что способствует ориентации в разных социолингвистических пространствах.

Актуальность настоящей работы обусловлена несколькими факторами, основные из которых следующие:

- постоянно возрастающий научный и практический интерес к многоязычным практикам;
- расширение виртуального общения, требующего изучения;
- изменяющиеся контуры русскоязычной диаспоры и растущий интерес к ее речевым, поведенческим и иным практикам.

Новизна исследования заключается в нескольких моментах. Насколько нам известно, это первая работа, в которой системно анализируется материал интернет-общения русскоязычных жителей Италии. Итальянские вкрапления как проявление переключения кода рассматривались исследователями преимущественно на материале устного дискурса русскоговорящих Италии. Сетевое общение русскоязычного населения Эстонии предшественниками описано в большей мере, но также далеко не полностью, и наше исследование заполняет некоторые лакуны. Кроме того, данная работа является первой попыткой системного сопоставительного анализа формы и функционирования вкраплений, в частности – их коммуникативно-прагматических и когнитивных аспектов, в интернет-дискурсе разных русскоязычных диаспор. Данный анализ позволил выявить функциональные аспекты вкраплений, которые ранее не были обнаружены на основе языкового материала диаспоры.

Работа имеет **теоретическую значимость** для развития теории языковых контактов, анализа языка диаспоры в целом и интернет-общения в условиях эмиграции и диаспоры. Ее результаты вносят вклад в исследование вариативности русского языка и освоения контактного языка в иноязычном окружении. **Практическая значимость** диссертации заключается в том, что результаты анализа нашего материала могут использоваться в учебных целях, например, в учебных курсах и пособиях по изучению русского языка и его разновидностей, по вопросам интеграции в окружающее общество, социальных приоритетов говорящих, напряжений, конфликтов идеологического характера, употребления и освоения языка и конкретных речевых практик. Результаты анализа могут представлять интерес и для переводчиков.

Подытоживая общую характеристику работы в целом, следует сделать некоторые оговорки. Все выводы касаются только нашего материала и не распространяются на всю интернет-коммуникацию русскоговорящих Италии и Эстонии и, разумеется, диаспору в целом. Мы предполагаем, что ряд обнаруженных тенденций и особенностей имеет место и в ином материале, однако это требует дополнительного исследования. Кроме того, из природы материала (интернет-источники) вытекают некоторые сложности – веб-страницы постоянно появляются, удаляются, изменяются, как и посты и комментарии на форумах и в фейсбук-группах. В частности, последние

могут изначально быть открытыми, но со временем становятся закрытыми, что может вызывать вопросы с точки зрения этики научного исследования (см. об этом в 2.4). Интернет-коммуникация очень динамична, быстро развивается и изменяется, со временем какие-то темы, приемы устаревают, актуализируются новые, поэтому результаты ее анализа также могут изменяться.

Проведенное исследование прошло **апробацию** на международных конференциях и семинарах, где были представлены результаты анализа ряда аспектов. Также, как отмечалось выше, результаты исследования изложены в статьях, опубликованных в международных сборниках и журналах.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Чужое слово в русском языке

Русский язык, как и большинство естественных языков, формировался в процессе взаимодействия народов, культур и разных речевых практик. Почти четверть словарного запаса русского литературного языка составляют иноязычные слова, входившие в него на протяжении всей истории его эволюции и подвергавшиеся процессам ассимиляции и развития [Kravchenko 2014; Worth 1956: 47]. Иноязычные слова наглядно отражают взаимовлияние народов [Мухина 2019: 14] и переплетение чужих голосов, отсылающих к другому опыту и к определенному культурно-историческому контексту [Пилипенко 2017: 37], они свидетельствуют о культурных, торговых, военных, политических и иных связях с другими государствами [Бурибаева 2013; Виноградов 1978: 10–11; Миятбекова, Толегенова, Толебай 2019: 344], о социокультурных ориентациях и идеологических установках народа [Колесов 1991; Мухина 2019: 16]. В разные времена в исконный язык (восточнославянский, собственно русский) входили слова из других языков, имеющие семантико-стилистические, грамматические особенности, разные функциональные возможности и отражающие специфику деятельности и языковые идеологии [Котяева 2016; Крысин 1968; Маринова 2008; Панов 1968; Селищев 1928; Чэнь 2015]. Рассмотрим далее основные тенденции процесса заимствования, опираясь на результаты, полученные другими исследователями в разные периоды и в рамках разных подходов. Поскольку для нас были важны именно общие закономерности, мы не анализируем качество работ и отдельные примеры.

На заре своего развития язык восточных славян был представлен множеством разновидностей, обусловленных дробностью славянских поселений и отсутствием языкового единства [Соболевский 1884: 1]. Главной особенностью славянской колонизации была ее «ползучесть», т. к. славяне просачивались в «окружающую их среду других племен и народностей» [Виноградов 1978: 12]. В итоге русский язык является результатом скрещивания разных культур, древнейшие следы которых можно найти в ономастике, в частности, в топонимике. Примерами такого скрещивания служат, среди прочего, имена богов дохристианского, владимирского пантеона разноплеменного и разноязычного состава [Виноградов 1978: 11], имена скандинавского (Игорь, Олег, Ольга и т. п.) и греческого (Дмитрий, Артем и т. п.) происхождения или калькированные из греческого языка (Любовь, Надежда, Вера и т. п.), особенно после христианизации Руси [Дегтярева 2012: 21], субстратная топонимика балтийского [Аникин 2014: 190; Васильев 2020: 94; Евсеева 2020: 35] и прибалтийско-финского [Матвеев 1971; Захарова 2012, 2015] происхождения. В частности, В. Л. Васильев отмечает

сложность различения балтийских и славянских названий в топонимике, особенно архаичных, из-за значительной близости славянских и балтийских языков [Васильев 2012: 615], что свидетельствует о гибкости границ своих и чужих слов. Проблема различения славянской и балтийской топонимики дополнительно осложняется тем, что «славяне восприняли значительную долю дославянских названий и адаптировали их фонетически и словообразовательно, а иногда и лексически – с переосмыслением значений и сближением со славянскими лексемами или с переводом (калькированием) на славянский язык» [Васильев 2012: 615].

В Киевской Руси осуществлялась попытка связи черноморской и прибалтийской культур, «таким образом язык восточного славянства уже на заре своей исторической жизни выступает как носитель и объединитель сложных и разнообразных культурных традиций» [Виноградов 1978: 11]. Это объединение укрепилось благодаря христианизации, осуществлявшейся посредством церковнославянского языка, который способствовал формированию административно-политического и литературного языка. Хотя элементы греческого происхождения заимствовались славянами издавна [Виноградов 1978: 11], церковнославянский, образованный на основе южнославянского языкового материала и высокой греческой филологической культуры, обогатил русский язык новыми греческими и латинскими словами для передачи новых идей и образов. Произошел процесс приспособления старых слов к выражению отвлеченных понятий [Виноградов 1978: 17–18]. Старославянский книжный язык был пестр по своему составу, кроме южнославянизмов, включал в себя моравизмы, чехизмы и полонизмы. Тематическое распределение старославянизмов, показывает, что старославянская лексика в основном связана с тематической сферой «христианство». Выделяются следующие тематические группы:

- наименования праздников;
- наименования церковной иерархии;
- наименования библейских персонажей, святых;
- словесные знаки, отражающие основные понятия христианской морали и церковной жизни;
- словесные единицы, обозначающие церковные таинства;
- единицы, описывающие церковную архитектуру, живопись, утварь [Шевченко 2015].

Вопрос о границах старославянизмов все еще открыт. Семантика старославянизмов развивалась, приобретая новые значения, в том числе из-за калькирования западноевропейских слов [Загоровская 2018: 142–143], массово проникавших в русский язык петровской эпохи. Исследователями отмечаются слова, созданные писателями XIX века по образцам старославянизмов (например, пушкинское *из топи блат* (*блато*), карамзинское *общественность*, *промышленность* и др.) [там же]. Появление подобных слов во многом было обусловлено нуждами развития литературного языка и

языковыми идеологиями того времени (см., к примеру, споры между западниками и славянофилами [Тарланов 2006]).

Множество слов из западноевропейских языков заимствовалось через украинский и белорусский и в большей степени польский язык [Ахведиани 2020; Котяева 2016: 15]. Рассматривая иноязычную лексику в русских комедиях второй половины XVIII века, Н. С. Котяева утверждает, что «заимствованная лексика образует богатые и разветвленные лексико-семантические группы, внутренне организованные и перекрещивающиеся, развивает обширные деривационные и аналого-синонимические ряды, вариантность, свидетельствующие о расширении функциональных возможностей иноязычных лексем, сфер их употребления» [Котяева 2016: 12]. Заимствование касается всех частей речи – прилагательных, глаголов, наречий, незнаменательной лексики, а также фразеологизмов, имен собственных [там же: 45]. Отмечается адаптация заимствованных элементов, которая порой сопровождается языковой рефлексией авторов, семантическими преобразованиями и появлением оценочного компонента у некоторых единиц [Котяева 2016: 6, 15, 45, 49]. В этот период главными источниками заимствований являлись французский, немецкий, в меньшей степени итальянский, голландский, позже английский языки [там же: 15], Н. С. Котяева также отмечает расширение греческой и латинской терминологии [там же: 45]. Иноязычные элементы того времени касаются всех сфер жизни человека, соответственно, выделяются следующие тематические группы:

- человек и его признаки, наименования человека «по полу и возрасту, социальному происхождению, степени родства, дворянским и др. титулам, наименованиям, по фамилии, взаимоотношениям людей, в том числе любовным, семейным, содержащим сему характера деятельности, профессии» [там же: 46];
- бытовая сфера;
- военные атрибуты, награды, знаки;
- кулинарное, кондитерское искусства;
- новые игры и развлечения;
- морское дело;
- искусство, театр, музыка;
- наука и научная терминология;
- торгово-экономическая и финансовая сферы;
- сфера духовного, нравственного и интеллектуального мира человека [там же: 46–53].

Появление заимствований в русской речи этого периода связано со «стремлением отделить старые формы жизни и восприятия мира от новых, с новыми светскими формами просвещения, с новыми тенденциями в речевом употреблении» [там же: 15]. Согласно В. В. Колесову, «пристрастность к чужим словам всегда была признаком социальным» [Колесов 1991: 38]. Это касается и западных заимствований того времени, являющихся «признаком

высокой культуры и образованности, но и главным условием контакта с цивилизованным миром» [Котяева 2016: 15].

В частности, с XVIII века французский язык занимал особое место среди западноевропейских языков. Это влияние отразилось на формировании как разговорно-бытового, так и литературного стиля дворянской речи, который складывался на русско-французской основе [Гордеева 2018: 50]. В. В. Виноградов отмечал, что под влиянием французского языка в русском формировались средства выражения, позволяющие передавать как простые, так и более сложные, изысканные и многогранные мысли и чувства [Виноградов 1978: 49–50]. Одним из основных каналов заимствования языковых элементов стали литературные произведения и переводы. Часть слов была заимствована напрямую, другие создавались заново, а фразы и выражения подражали французским образцам. Целые синтаксические и стилистические конструкции проникали в русский язык с минимальными изменениями [Smith 2016: 12].

Рассматривая множество наречий, звучавших в Санкт-Петербурге в XIX веке, В. В. Колесов утверждает, что, напротив, речь коренного местного населения, различных финно-угорских племен, живших в нынешней Ленинградской области и являвшихся беднейшим населением города, не пользовалась популярностью [Колесов 1991: 67]. Несмотря на это, финно-угорские заимствования, множество которых можно определить как «субстратные» [Мызников 2003: 17], присутствуют и занимают важное место в современном русском языке, в большей степени в его северных говорах. Элементы финно-угорского происхождения начали проникать в исконный язык еще в праславянский период и позже проникали из-за экспансии восточных славян на северо-восток и переселения носителей финских диалектов в России [Кукконен 1970: 135–137]. Некоторые заимствования закрепились в литературном языке, другие сохранились в современных русских говорах [Мызников 2003: 56]. Например, рассматривая русские говоры Обонежья, С. А. Мызников выделяет следующие семантические пласты лексических заимствований:

- названия растений и их частей;
- наименования птиц, животных, частей их тел, форм их жизнедеятельности;
- наименования рыб, частей их тел;
- названия насекомых, земноводных, пресмыкающихся, червей;
- лексика ландшафта;
- метеорологическая лексика;
- сельскохозяйственная лексика;
- рыболовецкая и охотничья лексика;
- наименования построек и их частей;
- наименования средств передвижения по воде;
- наименования болезней [Мызников 2003: 66–411].

Влияние финно-угорских языков на говоры северной России касается всех подсистем языка [Мызников 2003: 65; Gaidamaško 2013: 202]. По С. А. Мызникову, степень усвоения прибалтийско-финских заимствований русскими говорами свидетельствует о глубине взаимовлияний в области фонетики, лексики, морфологии [Мызников 2003: 59].

Другая группа значимых составляющих словарного состава русского языка – заимствования из арабского, еврейского, китайского, корейского, монгольского, турецкого, японского языков и языков Индии, которые Н. Н. Мухина называет «восточными заимствованиями»¹⁶ [Мухина 2019: 6]. Контакты с народами, разговаривающими на перечисленных языках, сложились на заре русской государственности [Мухина 2019: 16–17], среди них важными являются контакты с тюркскими народами. Тюркские заимствования или тюркизмы (казанско-татарские, крымско-татарские, турецкие слова), проникшие в исконный язык еще до XIII в., – наиболее древние среди восточных заимствований. М. А. Бурибаева выделяет пять периодов развития русско-тюркских языковых контактов [Бурибаева 2013: 101–102]. В первые четыре периода в тюркских заимствованиях отражаются понятия государственного и экономического устройства и быта [Мухина 2019: 20]. Посредством тюркских языков в русском также появились многие арабские, персидские, монгольские, индийские и китайские заимствования. Последний, современный период характеризуется активизацией языковых контактов народов бывшего СССР, вследствие чего в русском языке появляются казахизмы, узбекизмы, таджикизмы. Эти заимствования представляют собой преимущественно слова, относящиеся к быту, т. е. «бытовизмы» [Бурибаева 2013: 102–103]. М. А. Бурибаева также отмечает постоянный процесс фонологической и морфологической адаптации тюркизмов, их семантическое развитие [там же: 104]. Влияние восточных языков в настоящее время в разной степени отражается на всех подсистемах языка [там же: 4]. Анализируя количество новых «восточных заимствований» на материале современных СМИ, национального корпуса русского языка и разных словарей, Н. Н. Мухина приходит к выводу, что эти заимствования в первую очередь касаются сфер политики, философии, религии, кулинарии, культуры и искусства, что свидетельствует об «изменении концептуализации объективной российской действительности» [там же: 84]. Исследователь отмечает семантическое и функциональное развитие данных заимствований, утверждая, что «номинативная функция активно дополняется эмотивным предназначением» [Мухина 2019: 11]. Н. Н. Мухина объясняет большое количество таких заимствований последних десятилетий ориентацией России «не только на тюркские и арабские этносы, но и на Восточно-Азиатский регион (Китай, Япония, Индия)» [там же: 164].

Культурная ориентация и идеологические установки российского социума оказывались в разные периоды важнейшими факторами, способствующими внедрению и / или актуализации иноязычных элементов в языке и

¹⁶ Исторический термин, используемый до сих пор некоторым исследователями.

речи. К периодам «лингвистических революций» относится эпоха, начинающаяся в 1905 г. Главной установкой революционной прессы было оттаивание от старого лингвистического капитала: «именно это объединяло в один конгломерат все те разнообразные явления, которыми характеризуется язык революционной эпохи» [Живов 2014: 18]. К иноязычным элементам в речи революционеров относились не только термины отвлеченного философского, политико-экономического значения, но и словообразовательные элементы (особенно продуктивными были суффиксы *-изм* и *-ист*), словесные сочетания и синтаксические конструкции, являющиеся кальками из разных западных языков, особенно из немецкого, образы и сравнения, понимание которых требовало знания западных культур [Селищев 1928: 36, 51, 52]. Иноязычные элементы выполняли важные функции. С одной стороны, они помогали революционерам разработать социалистическую программу своей партии, с другой – указывали на принадлежность деятелей революции к образованным, книжным людям [Селищев 1928: 51–52, 55], являлись знаком культурной ориентации, интернациональной и антинациональной, отказом от национальной традиции [Живов 2014: 22].

Как отмечает Л. П. Крысин, во-первых, иноязычное слово связано с книжностью, во-вторых, «вследствие иноязычности, “непрозрачности” формы смысл его для многих говорящих нередко оказывается как бы зашифрованным, непонятным» [Кронгауз 2007: 15; Крысин 1996: 147]. По этой причине в газетах и популярных брошюрах с 1906 г. начал появляться «ряд словарей с объяснениями “политических, социально-экономических и некоторых других слов”» [Селищев 1928: 29]. Глоссы, являющиеся своего рода метаязыковыми комментариями, «воплощают столкновение старого и нового государственного порядка и служат руководством к правильному гражданскому поведению» [Живов 2014: 21], т. е. способствуют идеологическому внушению и выполняют обучающую функцию. Освоение иноязычных элементов в дальнейшем оказалось важным для приобретения определенного лингвистического капитала, без которого было бы невозможно понимать программные установки новой власти и продвигаться в социальной иерархии советского режима.

С идеологическими установками связан и процесс ослабления потока новой заимствованной лексики после революции 1917 г. Этот период характеризовался изолированностью России, «сознательным противопоставлением себя, своего государства, всему буржуазному миру, слабым экономических и культурных связей с другими государствами» [Панов 1968: 82]. Повышается, однако, вариативность иноязычных элементов в публичной речи, проявляющаяся и в параллельном употреблении русской и иноязычной лексики, и в неустойчивости рода, числа и звуковой структуры слова [там же: 82–83].

В годы до и после Второй мировой войны определенные иноязычные термины, особенно немецкие, «связанные с номинацией и характеристикой

вражеской военной техники, структуры военной армии, особенностей политического строя гитлеровской Германии», приобрели отрицательную экспрессивную и стилистическую окраску [там же: 86].

Негативную оценку приобрели и малочисленные заимствования, вошедшие в русский язык в 40–50-х годах, т. е. в период идеологической борьбы против космополитизма и «низкопоклонства перед Западом» [там же: 88]. Иноязычные элементы того времени ассоциировались с «идеологически чуждым, непатриотичным и даже враждебным» [Крысин 1996: 143]. Была поставлена идеологическая установка избавиться от иноязычных терминов, при этом «чистка» касалась в основном более «заметных», недавно вошедших в русский язык иноязычных слов [там же]. Множество иноязычных элементов в то время уже не воспринималось как «чужое» [Живов 2014: 24; Панов 1968: 88], что демонстрирует неустойчивость, подвижность границы между освоенной, осваиваемой и экзотической (т. е. чужой) иноязычной лексикой [там же: 90] и другими иноязычными элементами.

Эмоциональную окраску обуславливали и семантические переносы некоторых иноязычных слов, вошедших в русский язык с середины 50-х годов. Много иноязычных слов, особенно из английского, относится к областям моды, танцев и т. д. Семантические переносы были обусловлены «необходимостью назвать какие-то новые предметы и явления окружающей жизни, а стремлением дать новые экспрессивные наименования уже существующим предметам и явлениям» [там же: 93].

Позже, в годы перестройки, заимствования касались в основном следующих тематических сфер:

- политика, социальное устройство, идеология;
- экономика, финансовое дело;
- армия, охранительные органы;
- техника, автоматизация;
- массовая культура;
- религии, верования;
- область паранормальных явлений;
- медицина, быт, некоторые другие сферы [Скляревская 1998: 14].

В 1990-х гг. происходит освобождение от так называемого «новояза», тоталитарного языка, характеризующего публичную речь советского общества. Этот процесс сопровождался диалогичностью, усилением личностного начала, стилистическим динамизмом, «сочетанием резко контрастных стилистических элементов не только в пределах текста, но и в пределах словосочетания» [Земская 2000: 12]. В этом контексте важную роль играли иноязычные элементы, которые «делаются объектом сознательного употребления и связанных с этим обыгрываний, каламбуров, структурных переделок и т. п.» [Крысин 1996: 154]. Порой подобное использование имело символическую функцию – «отказ от национальной (на этот раз советской) традиции в пользу ориентации на западные образцы» [Живов 2014: 27].

В конце XX – начале XXI вв. в русском языке наблюдался не только рост числа заимствований, особенно из английского, но и появление новых значений. Это часто осуществляется посредством заимствования значений, калькирования конструкций и, в частности, языковой игры [Кронгауз 2007: 15–16]. Такие процессы затрагивали главным образом компьютерную сферу, однако распространялись и на другие области жизни. Особого внимания заслуживает появление новых значений, основанное на игре со звуковым подобием иноязычного (чаще всего английского) слова, как, например, *хомяк* (в значении ‘home page’), *мыло* (в значении ‘e-mail’), *элочка* (в значении размер одежды ‘L’) [там же: 16].

Итак, «проблема заимствований сложна и многоаспектна, она включает в себя собственно лингвистическую, социолингвистическую и психолингвистическую составляющую» [Нещименко 2002: 124]. На протяжении всей истории формирования русского языка контакты с разными народами, культурные ориентации и идеологические установки русского общества способствовали вхождению в язык иноязычных элементов разного рода. Заимствуются:

- фонемы, фонологические особенности [Мызников 2003: 28];
- слова, словосочетания [Селищев 1928: 36; Теуш 2009: 259];
- части слова (префиксы и суффиксы, также отмечается процесс независимого создания новых слов с помощью иноязычных частей) [Лотте 1982; Загоровская 2018; Селищев 1928: 52–53; Алюнина, Нагель 2017];
- значение иностранного слова [Кронгауз 2007: 15–16; Мызников 2003];
- синтаксические конструкции [Алюнина 2017];
- речевые практики [Селищев 1928: 42, 43, 45];
- образы и сравнения [Селищев 1928: 51].

Заимствование касается всех уровней языка, речевых практик, однако наиболее наглядно оно проявляется на уровне лексики, что объясняется потребностью номинативных средств для усвоения новых понятий / реалий, различения значений, необходимостью специализации понятий, коммуникативной актуальностью (ср. с концептом «*salience*» в теории языковых контактов [Kerwill, Williams 2002]), а также социокультурными, политико-идеологическими изменениями в обществе [Крысин 2000: 146–147].

Лексические заимствования наиболее вариативны, что связано с тем, что лексика – «самая подвижная и чувствительная часть языка» [Скляревская 1998: 7]. Она возникает и формируется «в речи в живом функционировании слова» [там же]. Иноязычные слова из разных языков образуют семантико-функциональные группы, которые отражают специфику межкультурных и межъязыковых контактов в разные эпохи. При этом прослеживается своего рода частичная специализация по языкам. Например, старославянизмы преимущественно являются понятиями, связанными с духовной жизнью, греко-латинская лексика чаще обозначает абстрактные, научно-философские и политические понятия, многие галлицизмы связаны со сферами политики, истории, торговли, права, дипломатических отношений, немецкие слова

присутствуют в военной, профессионально-технической, административной сферах, английские, голландские, французские представлены в художественной литературе, морской и спортивной терминологии, итальянские дополнили сферу искусства и т. д. [Юналеева 2000: 8].

Займствования попадают в русский язык и через языки-посредники. Таким образом, заимствованные элементы отражают сложное переплетение чужих голосов с подвижными границами между ними, обусловленное и тем, что чужое, иноязычное слово сопровождается формальной, семантической и функциональной адаптацией, что зависит от типологических, фонологических [Демьянов 2001; Нащименко 2002], индексальных [Крысин 2008: 49–50] свойств языка-донора, языковых идеологий [Бурибаева 2013: 104; Загоровская 2018: 144; Колесов 1991]. Это порой отражает языковую рефлексию и процессы самоидентификации говорящих, что связано с «возрастанием осознания этноидентифицирующей роли родного языка (по принципу “свой-чужой”)» [Нещименко 2002: 121]. В частности, семантическое развитие заимствованных элементов, отмеченное во множестве исследований [Загоровская 2018: 141–142; Захарова 2012: 186; Кронгауз 2013а: 15–16; Крысин 2008: 72; Мызников 2003: 61; Панов 1968: 93; Kravchenko 2014: 244], происходит уже в процессе «трансфера» из языка-донора в язык реципиент [Johanson 1998], т. к. возможна интерпретация при переносе из одной культуры в другую [Kravchenko 2014: 245].

Адаптация (иноязычной лексики, заимствованных значений, словообразовательных элементов, калькированных синтаксических конструкций, чужих образов) порой осуществляющаяся посредством языковой игры, что демонстрирует творческий характер русского языка. Как утверждает М. А. Кронгауз, «эта «креативность» по существу встроена в русскую грамматику, т. е. доступна всем» [Кронгауз 2007: 19]. Она возникает как проявление мощных «защитных» ресурсов русского языка, которые состоят не в отторжении чужих элементов, а скорее в их освоении и особом «одомашнивании» [там же: 17]. Таким образом, отмеченные процессы принятия и приспособления иноязычных элементов являются «реализацией приспособительных, защитных сил организма <...>, свидетельствуют об активности адаптационных механизмов языковой системы, об ее способности к саморегулированию» [Земская 2000: 24]. Это подчеркивает динамический и адаптационный характер языка. Множество иноязычных единиц не зафиксировано в литературном языке, но они представлены в других разновидностях русского языка.

В связи с этим возникает вопрос о том, как определить заимствование. Часто к заимствованиям относят слова, словообразовательные суффиксы и аффиксы, обороты, вошедшие в язык в результате языковых контактов и ставшие полноправными элементами системы языка-реципиента [Маринова 2013: 77]. Выделяются разные признаки заимствованных слов – фонетические, графические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, семантические [Гринев 1982: 110–111]. Появление заимствований в языке часто обусловлено возникновением новых понятий, дифференциацией

уже имеющихся и обозначением новых предметов [Ахманова 1966: 150–151]. Часто наблюдаются переосмысление и / или стилистическая переработка ранее заимствованных слов [Крысин 1968: 21; Маринова 2008: 3].

Другой вид иноязычного слова – экзотизмы, которые понимаются как слова, «имеющие в своем значении нечто «нерусское», не свойственное русской жизни» [Калинин 1971: 34]. Они обозначают реалии, «которые в глазах народа, использующего данные обозначения в своем языке, специфичны для современной жизни и истории других народов» [Воронкова 2006: 77]. Данные слова можно соотнести с понятием *cultural loans* ‘культурные заимствования’ [см., например, Backus 2010: 237; Myers-Scotton 1992: 28].

Выделяются и варваризмы, которые узко понимаются как иностранные слова, словоформы, выражения, образованные не в соответствии с правилами словообразования, словоизменения или сочетания слов [Ахманова 1966: 68]. Как и экзотизмы, варваризмы часто сохраняют звуковую форму и графику языка-источника [Красина 2015: 242; Крысин 1968: 49] и поэтому, в отличие от многих заимствований, уже давно вошедших в русский язык, обычно отчетливо опознаются говорящими [Воронкова 2006: 77]. Варваризмы не называют никаких «нерусских» предметов, явлений или понятий, часто являясь избыточными [Ахманова 1966: 68; Калинин 1971: 34]. Как справедливо отмечает Е. В. Маринова, значение этого термина устарело, т. к. варваризмом называют не только иноязычное слово, но и «те речевые неправильности, причиной которых является сильное, заметное влияние чужого языка» [Маринова 2002: 153]. Термин варваризм также используется в случае употребления латинской графики [там же: 154, Воронкова 2006: 77]. Варваризмы и экзотизмы, в отличие от заимствований, представляют собой незамкнутые, не фиксированные группы и часто выполняют следующие функции:

- создание местного колорита [Калинин 1971: 36];
- описание деталей быта [Воронкова 2006: 77];
- осуждение людей, явлений, о которых идет речь [Калинин 1971: 36];
- создание комического эффекта [Воронкова 2006: 77].

Еще один вид иноязычных элементов, выделяемых в русской научной традиции, – иноязычные вкрапления, которые, как и экзотизмы и варваризмы, понимаются как незамкнутая группа слов, словосочетаний, предложений или более крупных отрезков текста на иностранном языке [Листрова-Правда 2001: 119]. Ю. Т. Листрова-Правда рассматривает иноязычные вкрапления как «стилистическую категорию литературной речи, обязанную своим появлением двуязычию (многоязычию) носителей литературного языка». Как таковые «иноязычные вкрапления испытывают влияние текста, в который они вставлены, вступают с ним в межъязыковой контакт» [там же]. Исследователь выделяет четыре вида вкраплений:

- полные, употребленные без графических, фонетических и морфологических изменений в составе русского предложения;

- частичные, ассимилированные фонетически, графически морфологически в составе русского предложения;
- контаминированные русско-иноязычные вкрапления, проявляющиеся в виде русского текста, построенного по законам иностранного языка;
- нулевые, являющиеся текстами, переведенными с иностранного языка на русский язык и включенные в оригинальные русские тексты [там же: 120].

Е. А. Красина выделяет также полилексемы – «гибридные лексические единицы, образованные главным образом лексико-синтаксическим способом и сочетающие исконно русские и иноязычные элементы уровня морфем, словоформ и словосочетаний» [Красина 2015: 242], что можно частично соотнести с понятием *mixed copies* Л. Юхансона [Johanson 1998].

Из вышеизложенного вытекает, что нет четких критериев разграничения описанных контактных феноменов, которые потому следует рассматривать как континуум [Котяева 2016: 44; Backus 2015: 27] и которые можно объединить под общей шапкой транслингвальных практик.

В нашей работе в фокусе внимания находится то, что мы понимаем как иноязычные вкрапления – буквы, слова, словосочетания, тексты, лексические и синтаксические кальки, речевые практики, культуремы и т. п., и сам процесс вкрапления, включения этих единиц, появляющихся, «адаптирующихся», осваиваемых в интернет-дискурсе двух разных групп русскоговорящих в результате сосуществования с другим социокультурным обществом. Вкрапления как результат чрезвычайно разнообразны по форме, степени освоения, адаптации к языку-реципиенту, по значению и тематическим сферам, к которым они относятся. Вариативность пронизывает весь процесс внедрения и освоения вкраплений, частично являясь причиной подвижности границ иноязычного чужого слова. Разные вкрапления входили в русский язык в разные эпохи и воспринимались как более или менее «чужие», порой становясь «своими». Как было отмечено выше, вкрапления из разных языков участвовали в формировании лексики определенных сфер жизни человека (торговля, рыболовство, церковная сфера, техническая и т. п.), разновидностей русского языка, стилей, жаргонов, сленгов разных эпох, выполняя разные функции. Эти функции тесно связаны с особенностями существования русскоговорящих в окружающем социокультурном пространстве, отношениями разных социокультурных групп, идеологическими установками разных эпох, соответственно, ниже остановимся на социальной значимости варьирования языка и языковых средств.

1.2. Социальная значимость языкового варьирования

М. М. Бахтин подчеркивал многообразие языка, его расслоенность на «социальные диалекты, групповые манеры, профессиональные жаргоны, жанровые языки, языки поколений и возрастов, языки направлений, языки авторитетов, языки кружков и мимолетных мод, языки социально-политических дней и даже часов» [Бахтин 1934: 2]. Автор называет это многообразие разноречием, разноречием, индивидуальной разноречием [там же].

Язык – подвижная система, он варьируется в ходе своей эволюции и создает конкурирующие средства выражения на всех своих уровнях. Понятие вариативности чрезвычайно широкое и включает разные формы существования языковых средств. Язык варьируется формально, семантически и функционально. При формальном варьировании имеются изменения в плане выражения при неизменности плана содержания, при семантическом – варьирование плана содержания при неизменности плана выражения, при функциональном варьируются функции языковых средств при неизменности плана содержания и плана выражения [Хомутова 2005: 28]. Варьирование пронизывает весь язык и является свойством языковой системы.

Причинами этого могут быть как внутриязыковые процессы – воздействие закономерностей развития языка, так и экстралингвистические факторы, к которым относятся разные явления: территориальные особенности, социальная стратификация и т. д. [Хомутова 2005]. Варьируются произношение, выбор слов, употребление грамматических моделей и т. п. Интерес к социальной дифференциации языка – одна из центральных проблем современной социолингвистики. А. Д. Швейцер рассматривал варьирование, раскрывая это понятие через взаимодействие разных социальных слоев друг с другом. Согласно его точке зрения, на языковое варьирование влияют все производные от классовых структур элементы – социальные слои, профессиональные, культурные и другие группы, вплоть до первичных коллективов [Швейцер 1982].

Вариативность относится не только к языку, но и к различным формам его существования, видам коммуникации: устной и письменной, компьютерной и т. п. [Пилипенко 2016; Androutsopoulos 2011]. Роль коммуникативной ситуации в процессах варьирования подчеркивал и У. Лабов, который ввел понятие лингвистической переменной, понимая под переменной парадигму вариантов, актуализируемых в речи в зависимости от коммуникативной ситуации [Labov 1972].

Употребление и организация определенных вариантов языковых средств в разных видах коммуникации обусловили выделение лингвистами стилей, жанров, разновидностей языка. При этом эти термины понимаются по-разному и существуют разные классификации.

Так, согласно британскому социолингвисту Н. Купленду, термин *стиль* относится к способу выполнения чего-либо, что отсылает к определенному месту и что можно опознать, даже если оно вырвано из контекста. Стиль, отражая социальные различия, является частью социальной компетенции

[Coupland 2007: 2]. Ученый, рассматривая общее понятие стиля, утверждает, что стиль реализуется и в речи и включает фонетические, грамматические и лексические особенности, формирующие языковые разновидности и представляющие собой ресурс, который люди творчески используют, чтобы «создать множество разнообразных личных и межличностных значений» [там же: 3]¹⁷. В нашем материале, как будет показано ниже, в четвертой и пятой главах работы, этот процесс можно проследить на примере изображения речи «чужого», когда коммуниканты сознательно употребляют итальянские и эстонские элементы в разных целях, таких, как речевая агрессия, юмор и т. п.

В русистике термин *стиль* обычно употребляется иначе. Напомним, что стиль – «понятие литературного языка, теснейшим образом с ним связанное, как и с понятием нормы и культуры языка» [Кожина 2008: 9–10], он связан с «коммуникативным аспектом языка, с проблемой его употребления и функционирования» [там же]. Выделяя научный, официально-деловой, публицистический, художественный, церковно-религиозный и разговорно-обиходный стили, М. Н. Кожина подчеркивает их «социальную сущность, коммуникативную функцию, отражательную и познавательную способность» [там же: 12].

Л. П. Крысин говорит о «формах» существования русского национального языка, о его «подсистемах», выделяя литературный язык, территориальные диалекты, просторечие, профессиональные и социальные жаргоны, и соотносит функционально-жанровое членение речи с функциональной дифференциацией языка [Крысин 2003: 33–74, 103–120]. Ученый отмечает четыре основополагающих параметра, формирующих коммуникативный акт – место, время, партнеры коммуникации, тема. Эти параметры «определенным образом конкретизируясь и взаимодействуя, формируют однотипные коммуникативные ситуации, которые «отливаются» в соответствующие типы текстов, т. е. жанры» [там же: 111]. При этом Л. П. Крысин отмечает значимость комплекса социальных ролей, участвующих в формировании типовых ситуаций [там же].

Для обозначения вариантов языка, обусловленных экстралингвистическими факторами (социальные, возрастные особенности, территориальное распределение групп говорящих, средства коммуникации и т. п.), А. Мустайоки употребляет термин *разновидности* [Мустайоки 2013: 13]. Исследователь дает наиболее полную на данный момент классификацию, охватывающую разные виды существования русского языка, выделяя разновидности по тому, кто говорит, и по коммуникативной ситуации. Эта классификация является важной для анализа нашего материала, состоящего из комментариев и постов, написанных разными социальными группами русскоговорящих, живущих в конкретных условиях. При этом в Интернете, как мы увидим ниже, в разделе 1.4, переплетаются разные жанры, стили,

¹⁷ Здесь и далее цитаты из публикаций не на русском языке переведены автором диссертации.

разновидности языка, поэтому для лучшего осмысления нашего материала остановимся на членении А. Мустайоки. Ниже перечислены разновидности, представляющие, по мнению исследователя, разные группы пользователей языка:

- стандартный русский язык, устный вариант;
- городское просторечие, диалекты, региональные варианты;
- язык детей;
- язык афатиков и других людей с сильным дефектом речи;
- язык сравнительно недавно эмигрировавших русских и русских, живущих в ближнем зарубежье;
- язык русских, долго живущих в изоляции от России;
- язык нерусских, свободно говорящих по-русски (near-native speaker);
- язык иностранцев.

Выделяет автор и разновидности, обусловленные ситуацией:

- стандартный русский язык, письменный вариант;
- профессиональные подязыки специалистов;
- жаргон, арго, сленг;
- язык миниатюрных письменных жанров;
- язык чатов и СМС;
- приспособленная к реципиенту речь носителей языка;
- русский язык как лингва франка [там же: 18–19].

А. Мустайоки отмечает, что границы групп довольно подвижны [Мустайоки 2013: 6], группы пересекаются, что подтверждает тот факт, что разновидности и соответствующие языковые средства редко представлены отдельно и в лингвокультурном социуме, и в дискурсе его отдельных представителей [Вахтин, Головкин 2004: 38; Ivanov 1999: 100].

Наше исследование, посвященное интернет-общению разных групп русскоговорящих, живущих вне России, прямо касается некоторых из перечисленных разновидностей. Коммуниканты общаются, часто используя письменный вариант стандартного русского языка, но в то же время используют элементы разговорной речи, разные регистры, жаргоны, сленг, элементы национальных, региональных, гендерных разновидностей русского языка. К примеру, как увидим во второй главе диссертации, русскоязычные жители Италии – преимущественно женщины. Множество комментариев в нашем материале затрагивает темы, представляющие интерес именно для этой социальной группы, – кулинария, любовные отношения, дети, их воспитание и (двуязычное) языковое развитие, семья и семейный язык и т. п. Как отмечалось во введении, представители русскоязычной диаспоры могут являться носителями разных языков помимо русского и использовать в общении с другими русскоговорящими русский в качестве лингва франка. Так, коммуникантами в нашем итальянском материале чаще всего являются украинцы, далее следуют молдаване, русские, грузины, белорусы. Русский

язык может быть не первым языком общения для представителей названных национальностей. То же касается представителей русскоязычной диаспоры Эстонии, где отмечаются разные уровни русско-эстонского двуязычия¹⁸. Социокультурное пространство, в которое коммуниканты погружены, и взаимодействие с другими социолингвистическими группами, разумеется, отражаются в интернет-коммуникации русскоязычных жителей Италии и Эстонии, проявляясь в употреблении иноязычных элементов, вкраплений.

Как мы увидим во второй и третьей главах работы, вкрапления регулярно появляются в интернет-коммуникации русскоязычных жителей Италии и Эстонии. Для полноценного анализа выполняемых ими функций необходимо понять и другие языковые средства, формирующие контекст, высказывание. Говорящие могут опознавать эти средства как типичные для определенных социолингвистических групп и стилей общения (в понимании Н. Кушленда), разновидностей и приписывать им определенное социальное значение. Функции вкраплений реализуются в рамках этих процессов, что будет рассмотрено на нашем материале в третьей, четвертой, пятой и шестой главах.

Социальную характеристику вариативности акцентирует теория гетероглоссии, продолжающая научную традицию М. Бахтина. Термин гетероглоссии, происходящий из греческого *hetero-* ‘другой, иной’ + *glōssa* ‘язык’, определяется В. Ивановым как «одновременное использование различных видов речи или (вербальных) знаков, находящихся в напряжении между собой и в противоречивых отношениях внутри одного текста или высказывания» [Ivanov 1999: 100]. В теории гетероглоссии подчеркиваются напряжение и конфликтность, возникающие при использовании разных видов речи и (речевых) знаков, несущих социально-исторический смысл [Bailey 2007]. Гетероглоссия не «возникает», а «создается» социальными субъектами, противопоставляющими в собственном дискурсе множество чужих слов, отсылающих к разным точкам зрения и оценкам [Androutsopoulos 2011: 282]. Таким образом, гетероглоссия зачастую является результатом умелой семиотической деятельности говорящих, которая обуславливает взаимосвязь между языковым варьированием, социальными различиями и иерархиями [там же].

Важный аспект варьирования – функционирование и социальная значимость чужого слова. В дискурсе людей есть множество чужих слов, которые осознаются и оформляются говорящим по-разному, их переплетение позволяет передать отношение к предмету сообщения и часто «направлено на получение ответной реакции» [Пилипенко 2017: 37]. В частности, в условиях диаспоры чужие слова, участвующие в формировании гетероглоссии дискурса, появляются в виде иноязычных вкраплений, открытых и скрытых цитаций, заимствований, отсылающих к другому опыту и к определенному культурно-историческому контексту. С помощью реконструирования

¹⁸ Подробнее см. в разделе 2.2 второй главы работы.

высказываний – чужих слов – человек может осмыслять свое место в мире и фиксировать свою социальную идентичность, т. е. «то, кем человек себя осознает и то, кем его осознают другие, с кем он себя отождествляет» [Вахтин, Головкин 2004: 37]. Как будет показано в четвертой, пятой и шестой главах диссертации, этот аспект также важен для анализа нашего материала, т. к. вкрапления способствуют осмыслению языкового, социального и пространственного опыта, участвуя в создании идентичности русскоговорящих в иноязычном пространстве.

Как справедливо отмечает Г. Пилипенко, «наша манера говорить представляет собой «визитную карточку», благодаря которой мы позиционируем себя в социуме» [Пилипенко 2017: 42]. Разнообразные языковые средства, комбинируемые в полифоничных речевых конструкциях, предоставляют «материал» для построения индивидуальной и коллективной идентичности людей, «лингвистическое поведение является серией актов идентичности, в которых люди раскрывают свою персональную идентичность и свой поиск социальных ролей» [там же: 42–43].

Вопрос идентичности является особо актуальным в многоязычных контекстах, где более или менее осознанное полифоническое использование языковых средств объединяет индивидуальные и коллективные идентичности [там же: 44]. В условиях диаспоры условиях, когда контактируют различные лингвокультурные социумы, средствами создания и выражения идентичности могут являться и вкрапления, способствующие формированию определенной диаспорной разновидности языка, проявляющейся во множестве вариантов. К языку русскоязычной диаспоры как проявлению вариативности обратимся ниже.

1.3. Язык русскоязычной диаспоры как проявление вариативности

Как уже было отмечено во введении, русскоязычная диаспора – сложное явление, не имеющее точного определения и четких границ. Сам термин «русскоязычная диаспора» не охватывает все группы, которые по разным параметрам пересекаются с конгломератом людей, использующих русский язык за пределами России. Эти группы гетерогенны и по пространственному и временному диапазону, и по политическим, социолингвистическим, этнокультурным параметрам. Русскоязычную диаспору составляли представители белой армии, люди, эмигрировавшие после революции 1917 г. и гражданской войны в России, после второй мировой войны и диссиденты. В последние десятилетия русскоязычную диаспору частично формируют люди, никуда не эмигрировавшие, а оказавшиеся в диаспоре в результате распада СССР, постсоветские иммигранты и их потомки. Процессы глобализации, включающие интенсивные эмиграционные потоки, новые комму-

никационные технологии, ускоряющие образование разных видов транснациональных пространств, усложняют состав и определение современной диаспоры.

Исследователями отмечается множество этнических групп, как, к примеру, русские евреи [Fogiel-Bijaoui 2013; Lerner, Rapoport, Lomsky-Feder 2008; Niznik 2005; Verschik 2018; Zbenovich 2014], русские немцы или немецкие русские [Иванова-Бучатская 2010; Иценко 2017; Менг, Протасова 2015; Isurin, Riehl 2017], туркофоны [Antonova-Ünlü, Sağın-Şimşek, Ateşman, Lozovska 2015: 393] и русины¹⁹ из постсоветского пространства [Коренькова, Краев, Кореньков 2019: 180–182] и др. Русскоязычная диаспора в мире также представлена различными религиозными группами, покинувшими родину в разные периоды. К диаспоре относятся молокане, эмигрировавшие на Балканы в 1860-е гг [Макарова 2013], общины староверов в Польше [Глушковский 2019; Гржибовский, Глушковский 2011], Боливии [Ровнова 2017, 2020], Эстонии [Евстратова 2013; Костанди 2007, 2008; Кюльмоя, Богданова, Бурдакова 2007; Паликова 2013; Штейнгольд 2007; Щаднева 2007, 2016а, 2016б, 2018.], Армении [Золян 2019: 198], США [Аргудяева 2011] и ряде других стран, русские молокане, штундисты, духоборы и субботники, переселившиеся в США и, в частности, в Калифорнию [Никитина 2010; Протасова, Рейзор 2019: 101; Шевцов 2020: 103].

Названные и другие группы характеризуются определенными отношениями с принимающей страной, что важно учитывать при исследовании специфики функционирования русского языка в диаспоре и процессов, определяющих идентичность ее представителей. Как известно, некоторые современные государства или отдельные их части (Беларусь, Украина, Польша, страны Балтии, Финляндия, Молдова, Казахстан, Узбекистан и др.) входили в состав Российской империи, некоторые из них позже стали частью СССР или имели с ним тесные связи. А. Вершик, к примеру, отмечает, что русские, переселившиеся в прибалтийские республики в советское время, в отличие от мигрантов, переехавших в Западную Европу, воспринимали переезд не как эмиграцию, а скорее как процесс перемещения внутри одной страны, что препятствовало освоению местных языков и в итоге привело к поляризации общества [Verschik 2016: 191]. С другой стороны, в последние десятилетия в этих странах отмечается рост русскоговорящих, подчеркивающих свою несхожесть с русскими метрополии и проявляющих эстонско-, латышско-, литовско-русскую идентичность [Бразаускаене, Лихачева 2011: 72; Cheskin 2013; Fein 2005; Verschik 2016: 191].

Интересное положение занимают и представители русскоязычной диаспоры Чехии и Словакии. Эти страны имеют долгую традицию отношений с восточными славянами, зародившуюся вокруг идеи славянского единства [Ведерников 2019], они стали приютом для множества людей в период после 1917 года. Как отмечает М. Е. Горохова, «как чехи, так и словаки в

¹⁹ Речь идет не об идентичности или самоопределении указанных групп, а о том факте, что в условиях диаспоры данные лица могут использовать русский язык для общения.

XIX в. были русофилами: они хорошо знали русскую культуру, литературу и положительно относились к России, как и ко всем славянским странам, поэтому эмиграция пришла на подготовленную почву» [Горохова 2020: 114]. В настоящее время отмечается многоязычие жителей, в том числе русскоязычных, Словакии и лабильность самоидентификации славянского населения страны [Коренькова, Краев, Кореньков 2019: 176].

Другой интересный пример отношения русскоязычной диаспоры с принимающей страной – русскоговорящие, живущие в Норвегии. Русскоязычные сообщества в Норвегии имеют долгую историю миграции, уходящую корнями в эпоху Киевской Руси [Багреева 2014: 107]. Общая граница между Норвегией и Россией стала в течение веков причиной интенсивной торговли с последующим расселением россиян на норвежских территориях. Активное взаимодействие народов привело к формированию в XVIII–XX веках пиджина – руссенорска для торговли [там же].

Есть также и спорные случаи, отражающие размытость и неоднозначность границ диаспорного пространства и заставляющие задуматься о том, корректно ли объединять множество гетерогенных групп русскоговорящих (некоторые из них используют русский язык как лингва франка) под определением «диаспора» [Cheskin, Kachuyevski 2019].

Русский язык при этом сосуществует с государственными языками в качестве официального (Казахстан, Кыргызстан, Южная Осетия²⁰) или государственного языка (как отмечает А. А. Сомин, «Беларусь – единственное государство, кроме России, в котором русский язык является государственным» [Сомин 2013: 172]) или имеет долгую историю функционирования во многих странах, являясь языком национального меньшинства. В качестве примера спорного случая приводится Украина [Степанов 2013]. Конфликтность и неоднозначность положения Крыма отражается в лингвистическом ландшафте этой территории [Volvach 2019] и, в частности, в речи представителей татарского населения, где Н. Волвач отмечает проявление так называемого *space of otherwise* – ‘пространства инаковости’ – «хрупкого социального проекта, в котором разные голоса заявляют об альтернативных формах принадлежности» [Volvach 2021: 20]²¹.

В указанных и других работах исследуются культура и язык групп русскоговорящих в диаспоре [Евстратова 2013; Гжибовский, Глушковский 2011; Глушковский 2019; Костанди 2007, 2008; Кюльмоя, Богданова, Бурдакова 2007; Никитина 2010; Паликова 2013; Протасова, Рейзор 2019; Ровнова 2017, 2020; Усиченко 2018; Шевцов 2020; Штейнгольд 2007; Щаднева 2007, 2016а, 2016б, 2018; Isurin, Riehl 2017], место определенных этносов в контексте исследования языка русскоязычной диаспоры [Иценко 2017],

²⁰ Спорная территория после российско-грузинской войны 2008 г.

²¹ Как отмечалось выше, наш материал был собран до начала полномасштабного российского вторжения в Украину. Однако нельзя не упомянуть, что современная ситуация в оккупированных регионах чрезвычайно сложна во всех отношениях, в том числе в языковом.

сферы функционирования русского языка в обществе и речевые практики русскоязычного населения [Костанди 2009, 2011б, 2013, 2015б], политический статус русского языка и языковые идеологии [Сомин 2013; Степанов 2013]. Рассматриваются отражение в дискурсе диаспоры процессов адаптации, этновитальность и степень интеграции русскоязычных групп в обществе [Бразаускаене, Лихачева 2011; Antonova-Ünlü, Sağın-Şimşek, Ateşman, Lozovska 2015; Ehala, Zabrodskaја 2014], идентичность постсоветской диаспоры [Синочкина 2002; Kulyk 2019; Cheskin, Kachuyevski 2019]. Другие исследователи анализируют языковой ландшафт, окружающий русскоязычные сообщества [Федорова 2019; Fedorova 2017; Протасова, Рейзор 2019], взаимодействие политических решений государства (*top-down*) и реакций (*bottom-up*) местного населения [Zabrodskaја 2014; Volvach 2019, 2020].

Особое внимание уделяется эритажникам. Исследуются с лингвистической и психолингвистической точек зрения проблемы утраты языка [Дубинина, Полинская 2013], выявляются синтаксические и морфологические черты, характерные для языка эритажников [Isurin, Sullivan 2008], рассматриваются проблемы интерференции и освоения русского языка, стратегии переключения и смешения кода, т. е. транслингвальных практик детей-билингвов [Вардиц, Рингблом 2019; Рингблом 2004; Karpava, Ringblom, Zabrodskaја 2019]. Уделяется внимание роли русского языка в лексическом развитии ребенка [Кенина 2004], проблемам понимания и освоения русского этнокультурного фона школьниками в диаспоре [Гаврилина 2004], речевым практикам в семье [Лихачева 2019; Moissejenko, Zamkovaja, Tshuikina 2012].

Также сопоставляется речь носителей русского языка в диаспоре с речью студентов, изучающих русский язык, с целью выявления общих тенденций и различий [Воейкова 2004; Рахилина, Казенкова 2019]. Важное место занимают работы, рассматривающие такие прагматические факторы, отражающиеся в дискурсе диаспоры, как языковая рефлексия и оценка, выражение эмоций, связанных с использованием русского и окружающего языка, presupпозиция / фоновые знания [Евстратова 2001; Костанди 2017; Лихачева 2014: 127; Venturin 2019, 2020]. Исследователи обращают внимание и на языковые средства, отражающие неоднозначность «своего» и «чужого» при оценке окружающего пространства [Деци, Костанди 2021].

Множество исследований свидетельствует о сложности изучения языка русскоязычной диаспоры. Как утверждал еще Ю. Н. Караулов, эта сложность обусловлена такими особенностями, как разнообразие функциональных жанров и стилей, социальная и психологическая неоднородность русскоговорящих [Караулов 1992: 5]. Исследователи отмечают, однако, ряд общих особенностей и тенденций языка диаспоры, из которых наиболее регулярны следующие:

- рост аналитизма [Земская, Гловинская 2001: 260; Polinsky 2000; Vlasova 2019: 47], который наблюдается и в языке метрополии [Гловинская 2001];

- специфика произношения и интонации [Балшайтите 2007; Земская, Гловинская 2001; Плакунова 1974; Синочкина 2018];
- передача средствами окружающего языка безэквивалентной лексики и ономастики [Синочкина 1989; 1990];
- архаизация лексики, синтагматики и прагматики [Земская, Гловинская 2001; Оглезнева 2009];
- отдельные грамматические особенности [Бразаускене 2000], как, например, калькирование²², происходящее на уровне синтаксиса и морфологии [Земская, Гловинская 2001: 261]. В частности, Е. И. Костанди отмечает специфику атрибутивных словосочетаний [Костанди 2011а, 2011в, 2012а], которую можно частично соотнести с тем, что рассматривается как *code copying* в [Verschik 2016];
- взаимодействие с местными говорами и просторечием [Синочкина 2018];
- графико-орфографические особенности, использование латиницы для установления однозначной референции [Костанди 2013; Синочкина 2018];
- экзотизмы (этнографизмы), варваризмы, вкрапления [Костанди 2011а; Костанди, Кюльмоя 2013; Синочкина 2018 и др];
- ПК (отмеченное во множестве исследований, где этот термин понимается по-разному) и другие контактные феномены, тесно связанные с ним, как *transfer* [Kuleshova 2020] *convergence* [Zabrodskaia 2009], *code copying*, о чем шла речь выше, и т. п.;
- особенности использования оценочных средств [Евстратова 2001; Костанди 2007];
- лексико-семантические инновации [Синочкина 2018: 126], которые иногда наблюдаются и в языке метрополии [Berdicevskis 2014: 240].

Особенности и отклонения от нормы могут объясняться взаимодействием языков, отсутствием стандартизации русского языка в диаспоре, что делает язык более «открытым» к инновациям, лексическими лакунами и релеванностью некоторых концептов / явлений в диаспоре, разной номенклатурной системой в принимающих странах [Berdicevskis 2014: 239–240]. Некоторые языковые явления объясняются не контактирующим языком, а давлением русской языковой системы [Синочкина 2018: 126, Polinsky 2000], что говорит о том, что не всегда можно определить причины появления особенностей в языке диаспоры, о чем свидетельствует и ряд примеров в нашем материале.

Некоторые социолингвисты выделяют разновидности русского языка, соотносимые с разными этносами [Perotto 2009: 79], что согласуется с теорией плюрицентричности [Еленевская, Протасова, Шайбакова 2019], подразумевающей единство языка в многообразии его вариантов. Последних, как отмечает М. А. Кронгауз, много: «<...> это ведь иллюзия, что русский

²² Для обозначения таких случаев нам кажется подходящим термин структурные кальки, принятый рядом западных исследователей [Karakoç 2014; Riera, Romero 2010; Waliński 2015], который будет использован и при анализе нашего материала.

язык един» [Кронгауз 2013а: 4], существуют диалекты, социолекты, идиолекты и, в частности, «иностранные» варианты русского языка, т. е. варианты в странах, в которые русскоговорящие эмигрировали или после распада СССР оказались разделены государственными границами [там же].

Как отмечалось выше, А. Мустайоки, говоря о разновидностях русского языка, различает две группы русского зарубежья – язык «сравнительно недавно эмигрировавших русских и русских, живущих в ближнем зарубежье» и язык «русских, долго живущих в изоляции от России» [Мустайоки 2013: 18]. Каждой из этих разновидностей автор приписывает свои лексические особенности, архаизмы и элементы, возникшие под влиянием окружающих языков [там же]. С этим можно соотнести положение Е. И. Костанди о типовом дискурсе диаспоры – «инвариантном дискурсе, порождаемом типичным представителем диаспоры», имеющем формальную, семантическую и прагматическую специфику [Костанди 2017: 38]. Формальные признаки типового дискурса, по мнению автора, проявляются в виде иноязычных вкраплений, латиницы в письменных текстах, калек и полукалек. Семантическая специфика обнаруживается в референтной соотнесенности и в лексической переориентации [там же]. К фактам, связанным с прагматической спецификой, относятся пространственно-временная локализация, языковая рефлексия, этикетная сфера и оценка, отражающие некоторые особенности языковой картины мира русскоязычных людей, живущих в условиях диаспоры [Костанди 2017: 47]. Можно предположить существование не только типового дискурса, но и некоего особого языка. Так, согласно А. Забродской, многоязычные речевые практики в речи диаспоры образуют специфические формы, которые невозможно отнести к конкретному языку – ни русский, ни X-язык [Zabrodskaja 2009: 17].

Компоненты типового дискурса диаспоры и их проявление в речи удобно объединить под шапкой транслингвальных практик. Транслингвальные практики диаспоры могут рассматриваться как адаптационная стратегия коммуникантов. Еще П. Ауэр рассматривал ПК как практику, регулирующую общение [Auer 1998], что отражает представление о языке как деятельности. Опираясь на данное положение, С. Альварес-Каккамо предполагает, что язык – это набор практик, имеющих различные проявления, которые нельзя четко отличить от других видов поведения [Álvarez-Cáccamo 1998]. Тем самым ученый предлагает рассматривать грамматику как инструмент организации говорящими языковых средств [там же]. Граматику следует понимать в социальном контексте высказывания, т. к. в основе ее вариативности лежит множество переплетающихся голосов [Woolard 2004]. В связи с этим М. Хеллер предполагает, что говорящие организуют языковые средства для осмысления окружающей действительности в конкретных социальных условиях [Heller 2007: 1]. Ученый утверждает, что исследование двуязычия, проявляющегося в транслингвальных практиках, заставляет задумываться о сущности языка [Heller 2007: 8].

Транслингвальные практики, в частности ПК²³ и лексические вкрапления²⁴, всегда связаны со средой, в которую погружены говорящие, и выполняют разные функции. Эти функции анализировались в ряде работ, где рассматриваются прежде всего функции вкраплений (иноязычной лексики), переключения и смешения кода (слова, словосочетания, предложения и переходные случаи). Исследователями отмечаются следующие функции иноязычной лексики и ПК в устной речи диаспоры:

- номинация / идентифицирующая референция [Земская, Гловинская 2001; Костанди 2011в; Николаева 2014; Оглезнева 2009; Синочкина 2018; Perotto 2009];
- передача чужой речи [Perotto 2009; Zabrodskaĵa 2006], устойчивых выражений [Perotto 2009], что можно соотнести с так называемым *flagged code-switching*²⁵ [Muysken 2000:101; Poplack 1987];
- ситуационное ПК [Gumperz 1977; Perotto 2009];
- солидарное ПК [Perotto 2009];
- экспрессивное / эмотивное [Земская, Гловинская 2001; Perotto 2009; Zabrodskaĵa 2006; ср. Швейцер 1977: 125];
- смена темы разговора [Zabrodskaĵa 2006];
- стрессовое ПК [Perotto 2009].

Взаимосвязь транслингвальных практик с окружающей средой очевидно проявляется в тематических сферах, к которым можно отнести вкрапления. Например, вопрос тематики иноязычной лексики был рассмотрен на материале русскоязычной диаспоры Харбина Е. А. Оглезневой, утверждающей, что процесс заимствования иноязычной лексики «сопровождал освоение русскими эмигрантами отдельных сторон жизни и быта чужой для них страны» [Оглезнева 2009: 135]. Автор выделяет следующие семантические группы заимствований:

- названия представителей азиатских народов;
- названия сельскохозяйственных культур, традиционно выращиваемых в Китае;
- названия традиционных китайских блюд и напитков;
- названия мер и денежных единиц;
- названия традиционной китайской постройки и ее частей;
- названия местных целебных растений;
- названия праздничных китайских процедур [Оглезнева 2009: 137].

²³ Имеется в виду более развернутое переключение с одного языка на другой.

²⁴ Имеются в виду отдельные слова из языка А, интегрированные в язык Б [Muysken 2000].

²⁵ *flagged code-switching* – это тип ПК, при котором переход между языками или диалектами становится заметным для говорящего и слушающего. Обычно такой переход сопровождается повторами, паузами или метаязыковыми комментариями, которые обращают внимание на сам факт смены языка. По мнению Ш. Поплак, особенностью маркированного код-свитчинга является его сигнальная функция: говорящий осознанно отмечает переход и может контролировать его влияние на общение [Poplack 1987: 65].

Тематическое распределение вкраплений в нашем материале будет рассмотрено во второй (раздел 2.4) и в третьей (раздел 3.3) главах диссертации.

Итак, на основе проанализированных выше работ можно сделать следующие выводы. То, что называется «русскоязычная» или «русская» диаспора представляет собой сложную совокупность социокультурных и этнических групп, различающихся между собой и внутри себя по:

- истории формирования;
- отношению к метрополии и к принимающей стране;
- отношению к русскому языку (диаспора включает многоязычных людей, освоивших различные формы русского языка в разных возрастах и условиях), языковым установкам и практикам;
- фоновым знаниям, формирующим картину мира русскоговорящих в условиях диаспоры.

Сложность изучения языка диаспоры связана и с наличием в нем множества разновидностей, границы которых, отражая специфику адаптирующих (языковых) процессов, не всегда четкие. Интернет-среда добавляет к этому свои нюансы. В ней сосуществует множество стилей, жанров, разновидностей, элементы которых коммуниканты в своих транслингвальных практиках используют в разных целях. В Интернете эти практики осуществляются в транснациональном пространстве независимо от государственных границ, что, думается, может влиять на концептуализацию окружающей действительности, в том числе и виртуальной. В то же время сами транслингвальные практики образуют виртуальное пространство, где пересекаются разные голоса, соотносимые с разными пространствами и временами – хронотопами. Коммуниканты «адаптируют» языковые средства из «внешнего пространства» к этой среде, используя разнообразные приемы. В этой среде собран наш материал, поэтому далее остановимся подробнее на тех ее аспектах, которые оказались важными для его анализа.

1.4. Общение в виртуальной среде и формирование разновидностей интернет-языка

Как отмечает С. Херринг, исследователи часто используют термин Интернет в широком смысле, имея в виду интерактивные системы, например, электронную почту, списки рассылки, форумы, чаты, обмен текстовыми сообщениями через мобильные телефоны, блоги, вики и т. п. [Herring 2008: 1].

Коммуникация в Интернете исследуется с разных точек зрения. Ряд исследователей отмечает следующие характеристики, моделирующие виртуальную коммуникацию:

- гипертекстуальность: присутствие в виртуальном пространстве множества указаний, ссылок и т. д.;

- глобальность: расширение коммуникативного пространства за счет отсутствия территориальных, социальных, половых, возрастных и иных ограничений;
- креативность: существование в Интернете креативных субъектов (коммуникантов), активно участвующих в создании гиперреальности;
- анонимность: отсутствие знаний о собеседнике;
- мозаичность: коллажная структура интернет-пространства;
- мультимедийность: использование нескольких способов подачи информации, таких как, например, тексты-аудио и видеофрагменты [Асмус 2005: 20–22; Галичкина 2001; Кутузов 2006: 309].

Исследователями рассматриваются и характеристики так называемого интернет-языка – «типа языка, отображающего свойства, уникальные для Интернета, <...> вытекающие из его характера как электронной, глобальной и интерактивной среды» [Crystal 2001: 18]. Согласно М. А. Кронгаузу, интернет-язык является промежуточным видом общения, т. к. формально и технически он является письменным (или, точнее, визуальным), а с точки зрения жанров и структуры устным [Кронгауз 2013b: 20–22], что, по мнению О. В. Загоровской, позволяет говорить об особой разновидности естественной письменной речи [Загоровская 2019: 204]. А. Б. Кутузов называет высказывания на сетевых форумах устно-письменными – «письменными, поскольку формально они зафиксированы алфавитно-цифровыми знаками и воспринимаются визуально; и устными, так как запечатлевают непосредственную коммуникацию, включая параграфемические заменители языка жестов, мимики и интонации (яркий пример – эмодиконы)» [Кутузов 2006: 310].

Интернет-язык неоднороден – в нем сочетаются разные стили и жанры, некоторые из них обусловлены характеристиками виртуального пространства [Herring 1996: 3]. Д. Кристал, к примеру, делит интернет-язык на разновидности, которые формируются в связи с разными коммуникативными режимами. Исследователь приводит пример языка электронных писем, включающего функционально различные элементы, такие как заголовок, приветствие, подпись и т. п., позволяющие идентифицировать электронное письмо как языковую разновидность [Crystal 2001: 94]. Точно так же язык групп общения на разных платформах имеет свою специфику и, согласно исследователю, представляет собой «любопытную смесь неформального письма и эссе, устного монолога и диалога» [там же: 148]. С. Херринг говорит о специфических жанрах интернет-общения (мгновенных сообщениях, веб-досках, блогах и пр.), формирующихся в связи с такими факторами, как синхронность / асинхронность веб-коммуникации, состав участников и тематика. Для каждого жанра характерны определенные речевые практики, которые часто направлены на осуществление разных прагматических задач, таких как выражение оценки, вежливости / речевой агрессии и пр. [Herring 2008: 3].

Я. Андруцопулос не отрицает влияния виртуальных технологий и разных веб-режимов на формирование определенных вариантов или жанров интернет-языка, однако подчеркивает роль вневиртуальных, контекстуальных параметров в осуществлении определенных речевых практик на разных платформах. Согласно исследователю, главный вопрос заключается не в том, как электронная почта, чаты или веб-блоги и пр. способствуют образованию новых жанров или разновидностей языка, а в том, как эти коммуникационные технологии приспособляются к неvirtуальным, местным условиям для воплощения различных речевых практик, формирующих разновидности языка [Androutsopoulos 2006a: 421]. В [Al Zidjaly 2019] подчеркивается креативная деятельность по всему миру коммуникантов, адаптирующих разные виртуальные платформы для собственных социальных и культурных целей. Таким образом создаются не только новые формы интеграции, но и новые средства для формирования сообществ.

Нас интересует асинхронная коммуникация двух разных «диаспорных» онлайн-сообществ. Исследуемые нами коммуниканты общаются на форумах и в фейсбук-группах преимущественно на русском языке, порой переключаясь на итальянский / эстонский язык для осуществления разных целей. Ниже сосредоточимся на наиболее релевантных аспектах интернет-коммуникации и на прагматических факторах, позволяющих понять причины переключений на этих платформах.

Т. Н. Колокольцева подчеркивает диалогичность коммуникации на форумах. Исследователь определяет форум как «жанр интернет-коммуникации, где тематическое общение происходит в режиме *off-line*» [Колокольцева 2016: 98]. Участники дискуссий читают и комментируют тексты, выражая свою позицию. Отдельные сообщения по сути образуют реплики диалогического макротекста [там же].

Фейсбук-группы обладают сходными с форумами характеристиками. Е. И. Горошко и Т. Л. Полякова относят Фейсбук к интерактивным мультимодальным платформам, «которые позволяют в социальном вебе комментировать мультимодальный контент посредством мультимодальных каналов в границах одного сайта» [Горошко, Полякова 2015: 124]. Эти модусы реализуются как в синхронном, так и асинхронном режимах [там же]. Нас интересует именно асинхронный режим коммуникации в фейсбук-группах (см. введение), где коммуниканты оставляют и комментируют так называемые посты – тексты, картинки, видео, гиперссылки и т. п. По мнению В. Н. Степанова, пост – это комплексный жанр интернет-коммуникации, имеющий следующие жанрообразующие признаки:

- двучленная структура, включающая презентацию, инициируемую адресантом, и реакцию, включающую сообщения других членов сообщества, при этом в структуру презентации могут входить новость, картинка, гиперссылка, видеоклип, в структуру реакции – перепост, гиперссылка, картинка, лайк, комментарий;
- поликодовый характер, т. к. в компонентах, входящих в его состав, представлены вербальные и невербальные коды;

- две базовые интенции: а) формирование социального капитала²⁶ участников сообщества, б) «информирование сообщества и формирование информационной картины участников группы» [Степанов 2013: 180].

М. Фарина рассматривает коммуникацию в Фейсбуке с точки зрения теории речевых актов. Применяя метод конверсационного анализа, исследователь утверждает, что ответы на посты организованы по определенной узнаваемой структуре. Это связано с тем, что, отвечая на посты и комментарии, пользователи совершают речевые действия, и, таким образом, комментарии приобретают значение только в контексте предыдущих реплик [Farina 2018: 51–52].

Цели общения на виртуальных платформах, таких как форумы и фейсбук-группы, разнообразны. Как отмечает А. Б. Кутузов, «сообщения на сетевых форумах (и сами форумы), несомненно, представляют собой речевые акты. Каждое сообщение или является ответом на предыдущее, или предполагает немедленный ответ на заданный вопрос или выдвинутый тезис» [Кутузов 2006: 306]. Собеседники могут передавать или получать информацию, поддерживать эмоциональный контакт, обмениваться опытом и т. д. Однако Н. Г. Асмус считает, что функции самовыражения и воздействия на других пользователей первичны. Информация, полученная из разных источников, сопровождается мнениями и оценкой собеседников, высказывания ориентированы на оценку возможной аудитории [Асмус 2005: 19; Maybin 2015: 33]. Пользователи стараются завладеть вниманием других, выражаясь по-новому, оригинально и экспрессивно, делая свои сообщения конфликтными и создавая своеобразный стиль общения [Асмус 2005: 19–29]. Этот аспект интернет-коммуникации связан с двумя интересующими нас явлениями – выражением оценки и проявлением языковой рефлексии коммуникантов, в которых, как показал анализ нашего материала, участвуют и вкрапления. Остановимся далее на этих двух явлениях сетевого общения подробнее.

По мнению А. Д. Плисецкой, оценка – ключевой компонент в дискурсе социальных сетей [Плисецкая 2014: 84]. Автор утверждает, что «оценка лежит в основе всех вербальных и невербальных действий на этой площадке» [там же: 85]. Исследователь рассматривает проявление оценочного компонента в графике, словообразовании, лексике, грамматических формах, синтаксисе и пунктуации в Фейсбуке и говорит о «сознательных графических искажениях или эрративах» [там же], утверждая, что ненормативный облик

²⁶ Дж. Филд определяет социальный капитал так: «The theory of social capital is, at heart, most straightforward. Its central thesis can be summed up in two words: relationships matter. By making connections with one another, and keeping them going over time, people are able to work together to achieve things that they either could not achieve by themselves, or could only achieve with great difficulty. People connect through a series of networks and they tend to share common values with other members of these networks; to the extent that these networks constitute a resource, they can be seen as forming a kind of capital» [Field 2003: 1].

слова способен передать точку зрения автора. Эпративы выступают в Фейсбуке как маркеры иронического отношения автора к предметам, персонажам и т. д. [там же]. В соцсетях различные словообразовательные модели активнее обыгрываются для выражения оценки [там же: 86]. В частности, в данном пространстве подтверждается большая оценочная нагрузка, которую в русском языке традиционно несут суффиксы и префиксы. Широко используются и намеренные тавтологии, неологизмы, экспрессивная лексика, сленг, также наблюдается изменение семантики некоторых слов. Отмечается и дисфемизация т. е. «обилие ненормативной, деструктивной лексики и преобладание открытой “полярной” оценки» [там же: 87]. А. Д. Плисецкая отмечает преобладание прямой оценки над косвенной, нередко сопровождающееся речевой агрессией. Это объясняется тем, что «виртуальный выплеск отрицательных и положительных эмоций – важнейшая функция социальных сетей» [там же]. В виртуальном пространстве «личность надевает маску, которая облегчает процесс коммуникации, снимает психологические барьеры, высвобождает творческое «я» <...>, при этом человек, надевший виртуальную маску, становится более агрессивным, оказывается настроен более негативно» [Трофимова 2000: 175]. Анонимность позволяет интернет-коммуниканту выразить то, что он скрыл бы или сгладил при непосредственном общении [там же].

Оценочный аспект виртуальной коммуникации тесно связан с языковой рефлексией пользователей. На виртуальных платформах коммуниканты могут пересматривать случаи аутентичного разговорного общения, сосредотачиваясь на языковых аспектах [Palfreyman 2007], обращать внимание на полисемиотический материал (гибридные и креолизованные знаки и сообщения), на использование разных алфавитов и разных языков [Мечковская 2006: 169]. В частности, языковая рефлексия пользователей Рунета, «замешанная на постоянной игре со словом и буквой, проявляется в ряде языковых особенностей русского Интернета, прежде всего в бурном и разнообразном смеховом переименовании английских терминов, а также в игровой фонетизации письма» [там же: 171–172]. Ниже сосредоточимся на этом аспекте, т. к., как показал анализ нашего материала, пользователи регулярно переключаются на итальянский / эстонский в целях языковой игры, обыгрывают итальянские и эстонские слова, комментируя языковые факты. Рассмотрим и особенности языковой игры в Рунете, где можно обнаружить сходство с процессами, происходящими в онлайн-общении русскоговорящих, живущих в условиях диаспоры.

Как отмечает О. В. Дедова, современный Рунет «является отражением общества в целом, со всеми его проблемами, в том числе и языковыми» [Дедова 2010: 27]. Согласно исследователю, развитие сетевой коммуникации вызвало активные неологические процессы. Для нашего исследования, сфокусированного на вхождении и функционировании иноязычного слова, представляют интерес номинации, возникающие в результате русскоязычной адаптации англицизмов, обозначающих компьютерные и сетевые реалии. О. В. Дедова выделяет следующие адаптационные основания:

- воспроизведение английского произношения (ср.: *бейсик* из англ. basic, *Виндоуз* из англ. Windows и пр.);
- перевод (ср.: *мышь* из англ. mouse, *материнская плата* из англ. Motherboard);
- «озвучание» латиницы (ср.: *гама* – game, *мсдос* – MS DOS);
- графическое сближение кириллицы и латиницы (*Васик* – basic, *зухель* – Zuxel, *хплорер* – Internet Explorer);
- игровое переосмысление на основе звукового или графического сближения (ср.: *девица* от англ. device, *батон* от англ. button);
- игровое калькирование (ср.: *междумордие* от англ. interface, *мелкомяжкие* от англ. Microsoft);
- обыгрывание английской паронимии (ср.: Internet Explorer – exploiter – *эксплуататор*);
- обыгрывание омографии (ср.: OS/2 – *полуось*, *полумух*, *полупчелка*) [Дедова 2010: 31].

Адаптация, согласно О. В. Дедовой, отражает креативное отношение к слову, что говорит об интенциональности и, следовательно, о прагматической направленности подобных явлений, возникающих как реакция на масштабную англоязычную экспансию и попытка ее преодоления [там же]. В то же время подобные процессы отражают и оценочные установки, и языковую рефлексию пользователей.

По мнению В. Ли, креативность – это «способность выбирать между правилами и нарушением правил, включая использование языка» [Li 2011: 1123]. Креативность тесно связана с критичностью, которую ученый понимает как «способность выражать свои обдуманые взгляды на культурные, социальные и языковые явления, подвергать сомнению и проблематизировать полученные знания» [там же]. В русском Интернете эти процессы можно проследить в «олбанском языке» – языке так называемых падонкаф, распространившемся в 2004–2006 годах. Как пишет М. А. Кронгауз, «падонки – это сетевая контркультура, сформировавшаяся на нескольких сайтах, многих из которых уже не существует. В основе ее лежал именно текст, в котором нарушались всевозможные табу, языковые и культурные» [Кронгауз 2013b: 23]. Главным признаком языка падонкаф была замена морфологического принципа написания фонетическим, что, согласно Н. Б. Мечковской, является осознанием относительной раздельности русского звучания и письма и поэтому вершиной проявления языковой рефлексии коммуникантов [Мечковская 2006: 173]. В языке падонкаф, однако, делаются и другие орфографические ошибки, которые не соответствуют принципу «пишу, как слышу» и делались бы просто неграмотным человеком. Поэтому, по мнению М. А. Кронгауза, писать на языке падонкаф – это искусство, в котором слово нужно исказить так, чтобы оно всё-таки осталось понятным. Н. И. Соловьева отмечает также случаи употребления латиницы в языке падонкаф. Согласно исследователю, за употреблением латиницы стояли следующие причины:

- боязнь, что адресат может не прочесть слово из-за отсутствия нужной кодировки;
- мода и престиж латиницы;
- желание показать знание латинского алфавита и некоторых слов какого-либо иностранного языка;
- психологический фактор: «если не знаю точно орфографию русского языка, то лучше скрыть это незнание фонетической записью латиницы»;
- комический эффект [Соловьева 2013: 132–133].

Учет особенностей употребления латиницы важен для нашего исследования, т. к. пользователи могут писать итальянские и эстонские слова латиницей с разными прагматическими целями.

По мнению Н. И. Соловьевой, появление гротескного языка падонкаф в Рунете можно объяснить в некоторой степени «желанием нестандартной подачи материала, полной речевой экспрессии; поиском комических эффектов» [там же: 135]. Язык падонкаф стал своего рода бунтом представителей сетевой субкультуры – «падонки провозглашают себя людьми, “способными абстрагироваться от социальных норм и правил, в каких бы то ни было проявлениях своей воли”. Они сознательно создают тексты, демонстрирующие нарушение языковых и моральных запретов. Их неграмотность последовательна, изошрена, целенаправленна, идеологически обоснована» [там же], что одновременно свидетельствует и об оценочных установках, и о языковой рефлексии пользователей.

Подобные явления позволяют говорить о карнавальности интернет-общения, особенно на платформах, посвященных коммуникации некоторых социальных групп, где сама жизнь оформляется игровым образом. Как справедливо отмечает Н. И. Соловьева, «именно игровое оформление мира и создает в сетевых социумах своеобразный стиль общения, который можно определить как стиль, характеризующийся отрицанием реальной жизни, реальных статусов, общепринятых норм общения, да и, в определенной мере, просто реальных людей» [там же: 34].

Карнавальность интернет-общения особым образом осуществляется в виртуальном общении диаспорных онлайн-сообществ, где пользователи могут играть с многоязычными средствами, имеющимися в их распоряжении. Важную роль в этой коммуникации играет ПК, которое похоже на ПК в устной речи, но имеет свои особенности [Androutsopoulos 2006b, 2007; Georgakoroulou 1997; Jaworska 2014]. Согласно Я. Андруцопулосу, игра – наиболее очевидный аспект всех случаев ПК в Интернете [Androutsopoulos 2007: 359]. Веб-пользователи часто играют, смешивая регистры, языки, орфографии, комбинируя скрипты и типографические символы разных языков [Androutsopoulos 2013; Lee 2016: 64; Vásquez 2019]. Игра в значительной степени ориентирована на оценку возможных адресатов, которые будут читать и комментировать сообщения. Ввиду этих особенностей С. Яворска называет многоязычную языковую игру в Интернете *digital code play*

(DCP)²⁷. Данное понятие включает целый ряд грамматических и семантических нарушений и другие семиотические средства, которыми пользователи манипулируют в Интернете в игровых целях [Jaworska 2014: 57]. С. Яворска также учитывает огромное количество металингвистических комментариев, которые обычно окружают эту игру, подчеркивает сознательность искажений и манипулирования кодами. Таким образом, (многоязычная) языковая игра в Интернете отражает «критическое творчество» [см. Carter 2004: 47] пользователей, которые манипулируют языковыми нормами и речевыми практиками для (пере)осмысления социальных отношений и ролей, собственной идентичности и представлений о чистоте языка [Jaworska 2014: 59].

Описанные выше процессы актуальны и для групп русскоговорящих, живущих в разных странах и общающихся на разных виртуальных платформах, в том числе для русскоязычных жителей Италии и Эстонии. Исследователи подчеркивают роль общения русской диаспоры в соцсетях в создании пространства для осмысления опыта диаспоры и формирования идентичности [Elias, Shorer-Zeltser 2006; Morgunova, Zinnurov 2019; Schmidt и др. 2005; Yelenevskaya 2019, 2024²⁸]. Особенности языка русскоязычной диаспоры в Интернете изучены далеко не полностью. Исследователи обращали внимание на роль иноязычных элементов в создании экспрессивной речевой агрессии [Картушина 2018], на метаязыковые комментарии и игру с графическими средствами как проявление «многоязычной» языковой рефлексии, показывающей намеренность языковых изменений в контактной ситуации [Verschik 2017].

На основе сказанного о виртуальной среде общения можно сделать некоторые выводы, значимые для нашего исследования. В виртуальном пространстве присутствует множество разновидностей языка, которые отчасти формируются в силу специфики платформ и их предназначенности для определенных видов коммуникации. Цели общения в этом пространстве самые разные, однако такие характеристики этих платформ, как анонимность, диалогичность актуализируют самовыражение и воздействие на пользователей. Коммуниканты освобождают творческое «я», выражаясь таким образом, чтобы завладеть вниманием других. Эти цели реализуются с помощью разных языковых средств и приемов (языковая игра, намеренное искажение слов, употребление иноязычной лексики и т. п.), что актуализирует одновременно оценочный компонент высказываний и языковую рефлексию пользователей. Эти явления позволяют говорить о карнавальности общения на данных платформах, где роли реальной действительности переосмысляются. Сходные процессы наблюдаются в интернет-общении

²⁷ Подробнее см. в разделе 5.4 диссертации.

²⁸ В частности, изучая общение русскоязычных женщин, живущих в Бельгии, Германии и Швейцарии, в фейсбук-группах, М. Еленевская отмечает, что эти площадки выполняют три функции: обмен информацией о различных аспектах жизни в стране, создание комфортной русскоязычной зоны общения и приобретение социального капитала через расширение социальной сети русскоязычных [Yelenevskaya 2024: 110].

диаспорных групп, где, однако, имеются свои нюансы. В интернет-общении этих сообществ регулярно происходит ПК. При этом коммуниканты могут выражаться, используя все языковые и неязыковые средства, имеющиеся в их распоряжении, комбинируя орфографию и символы разных языков. Эти явления и множество метаязыковых комментариев, окружающих их, свидетельствуют о многоязычной языковой рефлексии пользователей и об их «критическом творчестве».

ВЫВОДЫ

Итак, иноязычное чужое слово в русском языке – комплексный феномен и с формальной, и с функциональной точки зрения. Благодаря взаимодействию разных социокультурных групп, языков, речевых практик, новые «чужие» элементы постоянно входили в исходный язык восточных славян в течение веков, они до сих пор входят как в современный русский язык метрополии, так и в язык разных групп русскоговорящих, живущих вне метрополии, в условиях диаспоры, в частности, в дискурс интересующих нас русскоязычных жителей Италии и Эстонии. Этот процесс сопровождается формальной, семантической, прагматической адаптацией иноязычного слова.

Заимствуются фонемы и буквы, существительные, прилагательные, глаголы, наречия, незнаменательная лексика, синтаксические конструкции, фразеологизмы и т. п., при этом формы иноязычного слова характеризуются вариативностью во всем процессе его приспособления к принимающему языку. Заимствуются не только формы, но и значение определенных слов, словосочетаний, в частности, в условиях диаспоры, и речевые практики, актуальные для определенного хронотопа.

В разные эпохи в языке разных групп русскоговорящих иноязычные элементы выполняли важные функции, как, например, обозначение новых реалий и различение понятий, при этом элементы из разных языков образуют тематические группы, отражающие специфические сферы деятельности носителей языка, что свидетельствует об освоении и концептуализации разных аспектов жизни. Осмысление окружающей действительности, формирование и «обновление» языковой картины мира говорящих при вхождении чужого слова сопровождается языковой рефлексией коммуникантов, часто проявляющейся в речи в виде метаязыковых комментариев, иногда оценочного характера.

Употребление иноязычного слова в конкретных контекстах также свидетельствует об оценках и идеологических установках людей, живущих в определенном времени и пространстве и устанавливающих отношения с разными социокультурными группами. Иноязычное слово появляется в речи как знак, вступая в отношения с другими языковыми ресурсами, находящимися в распоряжении говорящих, приобретая определенные функции в

зависимости от контекста, формирующего высказывания, от хронотопа, в котором высказывания контекстуализированы, от конкретного говорящего.

Иноязычные чужие слова участвуют в формировании жанров, жаргонов, стилей, могут быть использованы говорящим для изображения манеры общения, передачи оценочных установок отдельных индивидуумов или группы людей. Иноязычные слова участвуют и в формировании разновидностей языка, имеющих социальные, «хронотопические» коннотации. Собеседники могут опознавать эти разновидности и приписывать им или их элементам определенное значение. В частности, в условиях диаспоры, иноязычное слово во множестве его проявлений (очевидные иноязычные элементы в речи, ПК, латиница, кальки, семантическая переориентация слов и т. п.) является одним из признаков типового дискурса диаспоры и речи его представителя, живущего в конкретном пространстве.

Общение сообществ русскоговорящих в Интернете, в частности в фейсбук-группах и на форумах, актуализирует некоторые аспекты, связанные с появлением иноязычного слова. Свойства интернет-пространства и общение в соцсетях усиливают (языковую) критичность пользователей, которая часто проявляется в креативных актах коммуникации. Последнее свидетельствует о языковой и пространственной рефлексии коммуникантов, нарушающих языковые и социальные «запреты», переосмысляющих социальные роли не виртуального мира и в то же время осмысляющих собственную позицию в окружающем сообществе, социальную идентичность. Это касается и исследуемых нами групп русскоговорящих.

Местные многоязычные практики русскоязычных жителей Италии и Эстонии адаптируются к интернет-среде, к платформам, посвященным их коммуникации. При всех сходствах неизбежно появляются особенности функционирования иноязычного слова, обусловленные пространством и историей формирования диаспор. Для лучшего осмысления функциональных свойств вкраплений ниже остановимся на социолингвистических контекстах исследуемых нами диаспор и истории их формирования.

ГЛАВА 2.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ ДИАСПОР И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛА

2.1. Русскоязычные жители Италии: история, современное состояние, сферы функционирования русского языка

Как отмечает М. Перотто, русскоязычная иммиграция в Италии – явление не новое, рассматривавшееся в большей степени в историко-литературной перспективе. Итальянские исследователи уделяли особое внимание отдельным выдающимся литературным или политическим деятелям [Perotto 2009: 1–2]. Работы российского историка М. Г. Талалая о русских в Италии охватывают широкий спектр тем, включая культурные связи, историческое взаимодействие и влияние русских путешественников на итальянскую культуру [см., например, Талалай 2017, 2021, 2023].

Первые русские путешественники в Европе и Италии в основном принадлежали к высшим слоям общества и, несмотря на трудности, вызванные значительными территориальными, климатическими и культурными различиями, осознанно выбирали Италию, привлекаемые ее художественным богатством [Perotto 2009: 1–2].

По мнению Е. А. Булучевской, хотя первые русско-итальянские культурные контакты восходят еще к XIV веку [Булучевская 2016: 21], можно говорить о присутствии русских иммигрантов на территории Италии только начиная со второй половины XIX века [там же: 24]. В этот период на итальянскую территорию прибывали преимущественно русскоязычные иммигранты, вынужденные покинуть родину по политическим, религиозным и культурным причинам [Perotto 2009: 2]. Количество иммигрантов постепенно начинает увеличиваться после 1917 года, когда в связи с революцией в России в Италию уехала часть русской иммиграции, в частности, творческой и научной интеллигенции. Согласно Е. А. Булучевской, русские иммигранты в Италии оказались территориально рассредоточены и не стремились к сплочению на базе идеи национально-культурной идентичности. Несмотря на тяжелое экономическое положение Италии в 1920-х годах, она выбиралась русскими иммигрантами на основе идейно-духовных мотивов, т. к. воспринималась «как место идейного, духовного спасения от социально-политических реалий эпохи» [Булучевская 2016: 28]. Иммигранты того периода питали надежду на возвращение на родину, однако эта надежда угаšla с приходом сталинизма [Perotto 2009: 3].

Вторая волна миграции русскоговорящих в Европу произошла в период Второй мировой войны, третья – в 1970-е годы и в основном включала евреев и религиозных диссидентов. В период с 1989 по 1991 год около полутора

миллиона человек прибыло в Западную Европу, в частности в Италию, с восточноевропейских территорий [там же: 3].

За последние годы, настолько нам известно, не появилось новых работ, рассматривающих социолингвистические контуры русскоязычной диаспоры Италии. Главный специалист, занимающийся этим вопросом, – профессор Болонского университета М. Перотто, результаты исследований которой дополнены другими учеными, поэтому ниже обратимся к этим работам.

Русскоязычные иммигранты постсоветского периода в Италии составляют многонациональный конгломерат, где русский язык используется как лингва франка [Перотто 2010: 83]. В этом многообразии количество представителей различных национальностей варьируется. Самую большую группу составляют украинцы, при этом значительно преобладают женщины (см. таблицу №1²⁹).

Таблица №1. Иммигранты из постсоветских стран в Италию³⁰

Страна происхождения	Мужчины	Женщины	Всего	Процент ³¹
Украина	57 263	192 350	249 613	4,86%
Молдова	36 778	73 026	109 804	2,14%
Россия	7 673	32 032	39 705	0,77%
Грузия	4 243	24 979	29 222	0,57%
Беларусь	1 851	7 397	9 248	0,18%
Литва	1 014	4 167	5 181	0,10%
Латвия	528	2 268	2 796	0,05%
Кыргызстан	494	1 788	2 282	0,04%
Казахстан	342	1 715	2 057	0,04%
Армения	654	858	1 512	0,03%
Эстония	213	995	1 208	0,02%;
Узбекистан	348	801	1 149	0,02%
Азербайджан	519	506	1 025	0,02%
Туркменистан	18	47	65	0,00%

²⁹ В таблице не отражается количество украинских военных беженцев с 2022 года. По информации Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) на 24 января 2023 года, на территории Италии получили временную защиту 169 306 украинцев (подробнее здесь: https://www.oporaua.org/en/report/viyna/24523-vpliv-povnomasshtabnoyi-viini-na-migratsiiu-ukrayintsiv-iak-masshtabi-peremishchennia-otsiniuiut-derzhava-ukrayina-ta-mizhnarodni-organizatsiyi?gclid=CjwKCAjw1MajBhAcEiwAagW9MbEe9wGs2yYZwzSvCknH97eEg3fgXBIjXdjwPxeBqTo-IXIUCeaeCRoC-4YQAvD_BwE).

³⁰ Цифры извлечены из статистических данных Итальянского национального института по статистике (ISTAT) от 01. 2023 г., см. <https://www.tuttitalia.it/statistiche/cittadini-stranieri-2023/>

³¹ От общего количества иммигрантов, проживающих в Италии.

В 2014 году, по мнению Ю. В. Николаевой, типичными представителями современной русскоязычной иммиграции в Италии являлись «женщины с высоким уровнем образования <...>, большинство которых удовлетворено своим социальным статусом и хорошо интегрировано в итальянское общество» [Николаева 2014: 104]. М. Перотто отмечала, что русскоговорящие живут дисперсно на территории Италии, не участвуя активно в организуемых ими мероприятиях [Перотто 2010: 86]. По ее мнению, иммигрантов последней волны «вряд ли можно считать членами определенной общины» [там же]. Несмотря на это, в 2000 годы на всей территории страны регистрировалось небольшое число русских православных храмов³², организовывались субботние школы, число которых увеличивалось в связи с растущим интересом со стороны родителей к получению двуязычного образования для детей [Перотто 2013: 247]. Существует меморандум между правительством Итальянской Республики и правительством Российской Федерации об организации в общеобразовательных учреждениях Италии и России классов с преподаванием на итальянском и русском языках [Šaklein, Moracci 2017: 34].

Как отмечают Ю. В. Николаева и С. Л. Нистратова, «преподавание русского языка в Италии имеет более чем вековую традицию и в своей истории переживало разные периоды: от бума в изучении русского языка в годы перестройки до резкого уменьшения количества обучавшихся в конце 90-ых годов» [Николаева, Нистратова 2007: 364]. В начале XXI века наблюдался значительный поток русскоговорящих, приезжающих в Италию в качестве иммигрантов или туристов, что усилило значимость знания русского языка, т. к. оно становилось важным инструментом как с культурной, так и с экономической точки зрения [там же]. В начале 2000-х интерес к изучению русского языка касался не только детей иммигрантов, но и итальянцев, которые все чаще начинали учить русский язык в разных учебных заведениях, особенно в университетах [Šaklein, Moracci 2017: 34]. Следует отметить, что в Италии долгое время существовала традиционная система обучения, где основное внимание уделялось преподаванию русской литературы, в то время как русский язык оставался на периферии. Это особенность итальянской славистики в целом, где до недавнего времени лингвистическим исследованиям и методике преподавания языков отводилась второстепенная роль [Николаева, Нистратова 2007: 365]. Вне университета русский язык в основном изучался в лингвистических лицах и туристических колледжах как второй или третий иностранный язык в течение двух или пяти лет [там же: 371].

Большую роль в распространении русского языка сыграла культурная ассоциация «Италия-Россия», занимающаяся организацией культурных мероприятий и преподаванием русского языка самому широкому контингенту: «от школьников до специалистов, изучающих язык в профессиональных целях» [там же: 371]. Самое большое количество курсов русского

³² Ср. <http://ortodossia.org/main-page/>

языках – в Риме и в Милане, однако они распространены и в городах меньшего масштаба. Ю. В. Николаева и С. Л. Нистратова приводят пример Мерано (небольшой город в регионе Больцано-Альто Адидже), где с 2006 г. ежегодно функционировал Международный кампус русского языка для туризма и бизнеса «Новая Россия – Новая Европа» [там же: 372].

В 2022–2023 годах, согласно данным итальянской ассоциации русистов (AIR), на территории Италии учебные планы³³ около шестидесяти школ предусматривали обязательное преподавание русского языка.

Говоря об изучении русского языка в мире, в частности в Европе и в Италии, в 2017 г. А. Павленко отмечала, что «решающим стимулом для молодежи являются экономические связи с Россией и русский туризм» [Павленко 2017: 494], что привело к распространению русского языка в разных местах и сферах коммуникации. Отмечалось присутствие русскоязычного персонала в аэропортах, в крупных торговых центрах, в гостиницах и ресторанах, наличие вывесок на русском языке, например, в крупных аэропортах Рима и Палермо, рекламы в аэропортах, на вокзалах и в гостиницах, меню в туристических ресторанах [там же: 498–503]. Русский язык использовался и в сфере торговли для привлечения внимания и оказания услуг [там же: 503]. На сайтах некоторых итальянских аэропортов, которые стремились привлечь русских туристов, появились русскоязычные страницы, например, аэропортов Рим-Фьюмичино (<https://www.adr.it/web/aeroporti-di-roma-ru/>) и Римини (<https://riminiairport.com/ru/>) [там же: 501]. Следует, однако, отметить, что в связи с агрессивными действиями России на территории Украины, особенно после начала полномасштабного вторжения России в Украину в 2022 году, связи Европейского Союза, включая Италию, с Россией значительно ослабли. Также поменялось отношение многих итальянцев к России, русскому языку и культуре. Поэтому вышеописанное положение русского языка на территории Италии, характерное для периода сбора нашего материала, в настоящее время может быть иным.

Итак, сфера функционирования русского языка в Италии, помимо семейного общения и части образования, включает туризм и торговлю [там же]. Русский язык в Италии не имеет широкого распространения, его использование является ограниченным, на нем говорят преимущественно представители диаспоры. На особенностях речи этой группы сосредоточимся далее.

³³ <https://www.airussisti.it/scuola/progetti/#:~:text=Attualmente%20le%20scuole%20italiane%20con,lingua%20russa%20sono%20circa%20sessanta>

2.1.1. Контактные явления в речи русскоязычных жителей Италии

По мнению Ю. В. Николаевой, русскоязычная диаспора Италии придерживается «бикультурной двуязычной модели поведения» [Николаева 2014: 104], стараясь сохранить связи с родиной и передать ее культурные ценности детям, но в то же время понять и принять новую культуру. Ситуация постоянного контакта с государственным итальянским языком приводит к некоторым особенностям русской речи. В своих исследованиях М. Перотто и Ю. В. Николаева уделяют внимание в основном лексическим вкраплениям, семантическим и синтаксическим калькам, переключениям с русского на итальянский, которые они рассматривают с точки зрения теории ПК.

Ю. В. Николаева анализирует лексику, фокусируясь на значении отдельных слов и словосочетаний. Исследователь отмечает, что «новые для эмигранта явления административно-политической и экономической жизни являются наиболее богатой почвой для возникновения заимствований» [Николаева 2014: 105]. Самые частотные заимствования в данной области – *пермессо ди соджиорно / соджорно* ‘вид на жительство’, *коммерчалиста* ‘специалист по торговому праву’, *тессера санитариа* ‘медицинская справка’. Эти единицы в основном выполняют функцию идентифицирующей референции. Как отмечает Ю. В. Николаева, «эмигранты видят в этих вкраплениях смысловые различия по сравнению со сходным русским понятием» [Николаева 2014: 106]. Присутствие итальянизмов в спонтанной речи русскоязычных иммигрантов объясняется автором следующими фактами:

- отсутствие полноценного эквивалента в лексической системе русского языка;
- стремление к дифференциации семантически близких понятий и явлений;
- необходимость заполнить понятийные и культурные лакуны;
- «желание экономить коммуникативные усилия и быть однозначно понятыми»;
- «давление окружающего языка и новой речевой культуры»;
- «ситуация неофициального <...> общения»;
- «ориентация на двуязычного адресата» [Николаева 2014: 106].

Согласно М. Перотто, отношение к языку у русскоговорящих характеризуется прагматикой его использования: они выбирают язык, позволяющий осуществлять более эффективную коммуникацию, из чего вытекают частые переключения [Перотто 2010], осуществляющиеся и на уровне отдельных слов, словосочетаний и целых высказываний. М. Перотто проанализировала форму этих явлений в устной речи своей выборки информантов, применяя теорию П. Мьюйсена о трех уровнях смещения языков: 1) вкрапление единиц (insertion), 2) лексическая и морфологическая интеграция единиц (congruent lexicalization), 3) полное чередование, переключение (alternation) (см. Введение), и установила, что процессу развития

двуязычия соответствует постепенная интеграция элементов итальянского языка в морфосинтаксическую матрицу русского языка [Перотто 2010: 90].

М. Перотто рассматривает ПК и с функциональной точки зрения и приходит к выводу, что иногда ПК возникает, когда говорящий находится в стрессовой ситуации и не может определить, на каком языке он говорит (стрессовое или патологическое ПК), но часто оно намеренное и выполняет следующие функции:

- название предмета или понятия, наименования которых отсутствуют в одном из языков (компенсирующее ПК);
- введение или подчеркивание цитаты, поговорки, перевода (метафорическое ПК);
- сигнализация смены места, собеседника или темы разговора (ситуативное ПК);
- подчеркивание и усиление национальной и групповой идентичности (we code / they code) (солидарное ПК);
- создание «тайного языка», чтобы не быть понятным другими (ПК соучастия);
- выражение сильных эмоций (эмотивное ПК);
- языковая игра и передача иронии (экспрессивное ПК) [Perotto 2009: 109–118].

Говоря о функциях ПК, Ю. В. Николаева особо отмечает сферу словообразования, где ярко выражена экспансия диминутивов как, например, *мерендинка* ‘легкая закуска в одноразовой упаковке’, *фиданзатик* ‘женишок’, *скалинки* ‘ступеньки’ [Николаева 2014: 105], отмечая, что данные формы часто нацелены на выражение оценки и, возможно, «транслингвистической памяти» [Николаева 2014: 105]. М. Перотто подчеркивает креативность подобных форм, отражающих языковую рефлексию коммуникантов [Perotto 2009: 104].

Транслингвальные практики многоязычного сообщества, в том числе русскоязычных жителей Италии, включают различные процессы калькирования, которые также рассматриваются нами как вкрапления (см. Введение). Среди калек исследователи выделяют семантические, как, например, *фамилия* в значении семья (ит. famiglia), структурные, как, например, *помидорный соус* вместо *томатный соус*, *делать души* (ит. fare la doccia) вместо *принимать души*, *возьму поезд / автобус* (ит. prendo il treno / l'autobus) вместо русского *поеду поездом / автобусом*, союз *если* вместо частицы *ли* в косвенных вопросительных предложениях, например: «часто у меня спрашивают, если я себя считаю русской или итальянкой» [Перотто 2013: 249]. Ю. В. Николаева также отмечает широкое использование под влиянием итальянского языка вспомогательных глаголов, например, *делать мастер*, *звонок*, *прогулку*, *экзамен*, *взять автобус*, *лекарства*, *давать темп* (задавать ритм), *иметь страх* [Николаева 2014: 105].

Итак, русскоязычная диаспора в Италии – относительно новый феномен. Русский язык не имеет долгой истории присутствия и традиции исследования на территории Италии, его использование ограничено. Тем не менее в начале 2000-х гг. он представлял интерес не только для некоторых русскоговорящих, заинтересованных в получении двуязычного образования для своих детей, но и для итальянцев. Это было важно, в частности, для укрепления торговых связей между Италией и Россией и продвижения туризма.

Современные русскоговорящие осознанно выбрали Италию для иммиграции, многие переехали сюда в поисках работы. Русскоговорящие Италии – люди разных национальностей, пользующиеся в общении разными вариантами русского языка. Они погружены в итальянскую языковую среду, что приводит к появлению контактных явлений разного вида, самые очевидные из которых – лексические вкрапления и ПК, выполняющие разные функции. Именно эти явления в большей степени были исследованы в устной речи диаспоры.

Положение русскоязычной диаспоры и русского языка в Эстонии представляется совершенно иным. Русский язык в Эстонии и история формирования диаспоры имеют долгую историю и традицию исследования.

2.2. Русскоязычные жители Эстонии: история, современное состояние, сферы функционирования русского языка

Вопрос о первых русско-эстонских контактах является весьма спорным. Нужно иметь в виду, что «русские как отдельная, особая нация сформировались только в XIV–XV вв., до этого был древнерусский этнос» [Исаков 2008: 7], и когда говорится о первых русско-эстонских контактах на территории Эстонии, имеются в виду восточные славяне. Согласно С. Г. Исакову, «по крайней мере к концу X – началу XI века относятся абсолютно бесспорные, зафиксированные в письменных источниках и никем из солидных исследователей не оспариваемые факты эстонско-славянских контактов, расселения славян на эстонских землях» [там же: 8; см. также Kriiska, Mäesalu, Selart, Põltsam-Jürjo, Piirimäe, Seppel, Andresen, Pajur, Tannberg 2017: 29; Tvauri 2014: 297]. Относительно постоянные русские общины образовались в Ревеле (Таллин), в Дерпте (Тарту) и в Нарве в Средневековье [Исаков 2008: 24–33]. В Эстонии сформировалась и особая группа русских, когда в результате раскола Русской православной церкви в 1666–1667 годах старообрядцы постепенно стали селиться в Причудье. Возникла довольно изолированная и закрытая этнокультурная община [там же: 72–96].

В XVIII веке Эстония вошла в состав Российской империи. Петр I восстановил права немецкой аристократии, частично утерянные при шведском правлении, немцы стали кадровым резервом высших чиновников империи, из-за чего немецкий стал важным языком Эстонии. Несмотря на то что

Эстония была частью Российской империи уже в XVIII в., к началу XIX столетия русских в Эстонии было мало. Это были в основном военные, купцы и живущие изолированно старообрядцы, мало влияющие на культурную жизнь Эстонии [там же: 96]. Ситуация начинает меняться в XIX столетии, когда медленно возрастает число русскоязычных в городах Эстонии, где появляется все больше образованных русских, представителей русской интеллигенции. Вторая половина XIX века была годами русификации, которая предполагала проведение центральным правительством ряда административных и культурных реформ в Прибалтийских губерниях с целью более тесного сближения этой территории с внутренними частями Российской империи [Raun 2001: 59].

Русский язык в Эстонии начал постепенно приобретать важную роль после революции 1917 года в России, когда на территории Эстонии оказался «пестрый конгломерат бывших военных, северо-западников, беженцев из Петрограда, еще не считавших себя эмигрантами» [Исаков 2011: 12]. После провозглашения независимой Эстонской Республики в 1918 г. русские превратились в национальное меньшинство, «которое вынуждено защищать свои права, свои школы, свою культуру» [Исаков 2008: 203]. Русскоязычные того времени сформировали особую этнокультурную группу, отличающуюся от русскоязычных мигрантов остальных частей Европы, но имеющую общие черты с другими русскоязычными стран Балтии. Факторами, которые способствовали этому, были: 1) присутствие компактного русского населения (особенно в восточной части Эстонии), 2) долгое проживание определенных групп русскоязычных, в основном старообрядцев, 3) деятельность благотворительных, профессиональных, спортивных, религиозных русскоязычных обществ. С. Г. Исаков отмечает высокий уровень владения русским языком среди эстонцев того времени, утверждая, что, особенно в городах, «русский не чувствовал себя чужим, нежелательным, иностранцем, отщепенцем» [Исаков 2011: 16]. Таким образом, русскоязычные жители Эстонии воспринимали себя не как иммигранты, а скорее как миноритарная этнокультурная группа.

После оккупации и аннексии Эстонии СССР (1940–1941, 1944–1991) в Эстонию прибыл новый поток русскоязычного населения. Советские руководители, стремясь укрепить аннексию, активно поощряли переезд русскоязычного населения в Эстонию, создавая условия для масштабного расселения здесь жителей других советских республик. С 1957 года русский язык был введен как обязательный предмет во всех национальных школах СССР, но, с другой стороны, изучение местного языка не всегда было обязательным [Verschik 2016: 190]. Таким образом, русскоговорящие, живущие в странах Балтии в период советской оккупации, в отличие от переселившихся в Европу, не чувствовали себя в положении иммигрантов, т. к. этот процесс осмыслялся как перемещение внутри страны [Verschik 2016: 190].

После распада Советского Союза и восстановления независимости в 1991 году социолингвистическая ситуация в Эстонии изменилась. Эстонский язык стал единственным государственным языком и обучение эстонскому

языку стало обязательным предметом в русскоязычных школах. По утверждению А. Вершик, рассматривающей языковое поведение русскоговорящих советского и постсоветского периода, формально говоря, первое среди них поколение русско-эстонских двуязычных было фактически третьим поколением, у которых русский был первым языком [Verschik 2016: 190].

По данным 2024 г., русское население Эстонии составляет 296 268 жителей (около 24,7% от общего числа жителей Эстонии), эстонское – 931 993 (67,7% от общего числа жителей Эстонии). Есть и представители других этносов (см. таблицу №2³⁴), у некоторых русский язык является родным, вторым языком или иностранным языком.

Таблица №2³⁵. Жители Эстонии нетитульной национальности

Национальность	Мужчины	Женщины	Всего	Процент³⁶
русские	133 143	163 125	296 268	66%
украинцы	30 800	37 970	68 770	15,5%
белорусы	4 921	6 481	11 402	2,6%
финны	4 336	4 008	8 344	1,9%
латыши	2 324	1 908	4 232	0,9%
немцы	1 665	1 258	2 923	0,66%
литовцы	1 071	1 075	2 146	0,5%
татары	948	1 074	2 022	0,45%
поляки	857	1 025	1 882	0,43%
армяне	980	824	1 804	0,4%
азербайджанцы	648	1 127	1 775	0,38%

В Эстонии русский язык довольно распространен. Большое количество русскоговорящих живет в самых крупных городах Эстонии – Таллине, Тарту, Пярну. Почти полностью русскоязычными являются города Нарва, Силламяэ и некоторые более мелкие населенные пункты. Согласно А. Вершик и А. Забродской, Эстонию можно условно разделить на три региона по этническому и языковому признаку: двуязычный Таллин, включая некоторые места в северном районе Харьюмаа, например, Маарду, преимущественно

³⁴ В таблице не отражается количество украинских военных беженцев с 2022 г. К 24 января 2023 г., по информации Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), на территории Эстонии получили временную защиту 42 342 украинца (подробнее здесь: https://www.oporaua.org/en/report/viyna/24523-vpliv-povno-masshtabnoyi-viini-na-migratsiiu-ukrayintsiv-iak-masshtabi-peremishchennia-otsiniuiut-derzhava-ukrayina-ta-mizhnarodni-organizatsiyi?gclid=CjwKCAjw1MajBhAcEiwAagW9MbEe9wGs2yYZwzSvCknH97eEg3fgXB1jXdjwPxeBqTo-IXIUceaeCRoC-4YQAvD_BwE).

³⁵ Цифры извлечены из статистических данных на 01. 2024 г. Эстонского национального института статистики Eesti Statistika (<https://www.stat.ee/ee>).

³⁶ От общего количества представителей нетитульной национальности.

русскоязычный Ида-Вирумаа на северо-востоке и остальная в основном эстоноязычная часть страны [Zabrodskaja 2006: 127]. Ида-Вирумаа и Западное Причудье – два исторически сложившихся региона компактного проживания русскоязычного населения.

За время существования независимой страны русский язык утратил ряд функций: он почти перестал быть языком политики, армии, законодательства [Костанди, Кюльмоя 2013: 85]. Тем не менее русский язык представлен в разных областях: СМИ, образование, культура, экономика, наука, официально-деловая и церковно-религиозная сфера, бытовое общение [Костанди 2013: 9]. На русском языке выходят газеты *Молодёжь Эстонии*, *Деловые ведомости*, *МКЭстония*, *Референт*, существует русскоязычная версия газеты *Postimees*, работают национальный радиоканал *Радио 4* и частные радиоканалы, существует государственный телеканал *ETV+*, вещающий полностью на русском языке. Кроме того, «функционируют частные телеканалы на русском языке» [Костанди 2013: 9]. В эстонской интернет-сфере русский язык также довольно широко представлен, русскоязычное население Эстонии имеет возможность пользоваться интернет-услугами и получать местную информацию на русском языке.

После распада СССР в Эстонии была еще возможность получить общее образование на русском языке. Однако с 2007 г. на гимназической ступени начался переход на обучение на эстонском языке. Несмотря на существование русскоязычных школ, в начале 2000-х значительное количество родителей, пытаясь обеспечить своим детям достойное место в эстонском обществе, определяло их в эстоноязычные учебные заведения [Замковая, Моисеенко, Чуйкина 2011: 133], что привело к образованию группы учащихся-билингвов [там же]. В 2022 году эстонское правительство утвердило подготовленную Министерством образования и науки программу перехода на эстоноязычное обучение. Переход начинается в детских садах и в первых и четвертых классах школы в 2024 году и продлится до 2030 года³⁷.

Другой областью функционирования русского языка в сфере образования является преподавание русского как иностранного [Костанди 2013: 10; Мальцева-Замковая, Моисеенко 2021; Чуйкина, Бусурина 2020]. РКИ в эстонских школах занимает второе место после английского, что объясняется и тем, что работодатели довольно часто требуют от работников знания русского языка. После российского вторжения в Украину в 2022 году ситуация постепенно меняется.

История формирования диаспоры на территории Эстонии, социально-территориальная характеристика эстонского населения, ситуация контакта представителей диаспоры с эстоноязычным населением приводят к появлению разных социолингвистических групп русскоговорящих и особенностей их речи в разных сферах коммуникации, на чем сосредоточимся ниже.

³⁷ <https://www.hm.ee/uleminek>

2.2.1. Контактные явления в речи русскоязычных жителей Эстонии

В настоящее время на территории Эстонии можно отметить по крайней мере 5 групп русскоговорящего населения по территориальному расположению:

- 1) русские староверы, живущие в Причудье, являющиеся носителями говора, и их потомки³⁸;
- 2) русскоязычное сельское старожильческое население Северного Причудья и Принаровья;
- 3) компактное русскоязычное население Ида-Вирумаа и русскоязычные, живущие в крупных городах Эстонии;
- 4) русскоговорящие, живущие преимущественно эстоноязычных местах и погруженные в эстонскую языковую среду;
- 5) русскоговорящие извне Эстонии, относительно недавно прибывшие в страну, но постоянно проживающие на ее территории.

Эти люди владеют и русским, и эстонским в разной степени в зависимости от времени и места проживания в Эстонии или в других странах, получения образования на эстонском, на русском или на других языках (см. например, [Кузнецова 2017; Моисеенко, Мальцева-Замковая, Чуйкина 2019; Verschik 2004]). В 2004 г. А. Вершик отметила, что значительное число русскоговорящих владеют эстонским в качестве второго языка [Verschik 2004: 436]. По данным анкетирования, проведенного в 2019 г. И. М. Моисеенко, Н. В. Мальцевой-Замковой и Н. В. Чуйкиной, исследующими языковую личность русско-эстонских билингов, получающих образование на эстонском языке в разных регионах Эстонии, «в качестве родного русский язык называли 48% респондентов, эстонский – 24%, оба языка (эстонский и русский) – 28%» [Моисеенко, Мальцева-Замковая, Чуйкина 2019: 155], что говорит о трудности определения первого или второго языка.

В течение последних десятилетий исследователи неоднократно фиксировали и анализировали тенденции развития русского языка в Эстонии. Обобщая результаты такой работы, Е. И. Костанди предположила, что ситуация социокультурного и языкового контакта привела к формированию определенного вида типового дискурса [Костанди 2017]. Он имеет как очевидные формальные признаки (заимствования, иноязычные вкрапления, жанровые особенности и т. д.), так и менее явные, о которых можно судить лишь на основе обобщения множества частных наблюдений. Последние касаются и особенностей языковой картины мира в условиях диаспоры.

³⁸ И. П. Кюльмоя, Н. Н. Богданова и О. Н. Бурдакова перечисляют три вида русских говоров: 1) говоры в основном старообрядческого населения Западного Причудья; 2) говоры православного русского населения Северного Причудья; 3) говоры православных жителей Принаровья (деревень в верховье реки Нарва) [Кюльмоя, Богданова, Бурдакова 2007: 125].

К ключевым компонентам такого рода исследователь относит пространственную и временную локализацию (связи между Эстонией, Россией и Западом; символические места, пространство в прошлом и настоящем; информационное пространство; исторические периоды, даты, праздники; время в информационном пространстве и т. д.), языковую рефлексию, особенности оценки и этикета и самоидентификацию (этническую, религиозную, культурную, социально-экономическую и др.) [Костанди 2018: 94]. Значительная часть названных компонентов будет рассматриваться ниже, в главах, посвященных отдельным функциям вкраплений. Сейчас остановимся только на том, что представляет разные аспекты предмета нашего исследования, а именно – на частично проанализированных разными авторами следующих контактных явлениях: вкраплениях, ПК и кальках.

Наиболее очевидные признаки влияния эстонского языка в речи русскоговорящих – лексические вкрапления, которые образуют единый континуум с ПК (см. Введение). ПК с русского на эстонский и наоборот – регулярная практика в местной русскоязычной прессе и рекламе, где обычно вставляются эстонские названия компаний, услуг, продуктов и т. п. [Verschik 2004: 439]. В некоторых случаях лексические элементы интегрируются в морфологическую систему русского языка (как отмечают А. Вершик и Е. И. Костанди, это происходит в основном в устной речи [Костанди 2018: 98; Verschik 2004: 439]), что часто осуществляется с помощью производных суффиксов и склонения существительных, заканчивающихся на *-a* или согласный [Кюльмоя 2000; Külmoja 1999].

Приводя примеры эстонизмов в говорах сельских старожилов Причудья, И. П. Кюльмоя отмечает такие русифицированные слова, как, например *корфик* – от эст. *korv* ‘корзина’, и неологизмы, «возникшие на основе межъязыковой полисемии и паронимии»: *пахта* – от эст. *paht*: ‘огороженное место в хлеву для свиней и овец’ [Кюльмоя 2009: 18]. Исследователь также выделяет тематические группы заимствованной лексики: бытовая, сельскохозяйственная, промысловая и ремесленная лексика, народная метрология, обрядовая лексика, лексика, связанная с природой, и т. д. [Кюльмоя 2009: 18].

Говоря о речи остальных групп русскоговорящих, в разной степени владеющих эстонским в качестве второго языка, А. Вершик отмечает, что интеграция лексических элементов в морфологическую систему русского языка происходит далеко не всегда и часто касается интернационализмов [Verschik 2004: 438–439]. В письменных текстах вкрапления часто передаются латиницей, что во многих случаях «обусловлено необходимостью установления однозначной референтной соотнесенности языкового знака и реалии» [Костанди 2013: 13, см. также Verschik 2004: 439].

Особым видом вкраплений являются топонимы и их вариации, в которых отражается взаимодействие русского, эстонского и других языков (например немецкого и шведского). Так, говоря о русских говорах Причудья, В. П. Щаднева отмечает, что вследствие взаимодействия и последовательной адаптации на разных языковых уровнях эстонские географические наименования русифицируются, а русские – эстонизируются

[Щаднева 2018: 245]. Этот процесс отражается и в неофициальной географической лексике, появляющейся в речи разных социальных слоев русскоязычного населения. Обобщая данные бакалаврской работы О. Соколовой «Неофициальная урбанонимия города Тарту» [Соколова 2013] и собственные наблюдения над географической лексикой острова Пийрисаар [Паликова 2012а, 2012б], О. Н. Паликова отмечает, что неофициальные микропонимы допускают широкую вариативность, они представляют собой в основном «словообразовательные, описательные, игровые (псевдо-этимологизирующие), метафорические и метонимические номинации» [Паликова 2013: 87]. Данные формы могут быть мотивированы, например, официальным наименованием и внешним видом городского объекта, они употребляются и для идентификации, и для ориентации в пространстве [там же: 85–86].

Исследователи рассматривают на разном материале и функции вкраплений. Так, А. Вершик рассматривает ПК в русскоязычных и двуязычных телепередачах на эстонском телевидении (ETV) [Verschik 2004]. Исследователь отмечает некоторые причины переключения и смешения языков, помимо референтной соотнесенности. Иногда ПК воспринимается как смешное и неподходящее, поэтому автор предполагает, что оно может появиться в речи как средство выражения иронии и оценки. В частности, цитаты на эстонском языке, которые часто осознаются и комментируются говорящими, могут преследовать эту цель [Verschik 2004: 441].

А. Забродская анализирует функции ПК в речи русско-эстонских студентов-билингвов, понимая под ПК любое смешение языков в рамках одного разговора (чередование языков и смешение элементов разных языков) [Zabrodskaja 2006]. Исследователь выделяет следующие дискурсивные функции ПК: передача чужой речи (reported speech), смена темы разговора (topic shift), выражение экспрессивности (expressivity). Учащиеся-билингвы переключаются для отсылки к определенным ценностям, связанным с задействованными языками, а также чтобы сигнализировать собеседникам о том, как они хотят, чтобы их высказывания интерпретировались в конкретных ситуациях [Zabrodskaja 2006: 140].

Попытка формального и функционального описания эстонско-русского и русско-эстонского ПК на материале соцсети Фейсбук предпринималась в бакалаврской работе Д. Аронии [Арония 2014], где были выделены три основных формальных вида ПК: 1) вставка слова или словосочетания, 2) переключение на уровне предложения, 3) переключение на уровне текста. Обнаруженные автором функциональные варианты ПК следующие: 1) использование этикетных форм, 2) выражение доброжелательности и солидарности, 3) выражение сарказма, недовольства, иронии, 4) смена темы разговора, 5) характеристика, пояснение слов, форм, выражений [Арония 2014: 52–53].

Способы включения эстонских вкраплений в интернет-дискурс русскоязычных блогеров Эстонии рассматривает и А. Вершик [Verschik 2016], подчеркивая важность изучения языковых процессов, происходящих в

интернет-коммуникации диаспоры. Исследователь анализирует эстонские вкрапления в рамках *code copying* [Verschik 2016: 186], что позволяет включить в анализ не только лексические вкрапления, которые могут рассматриваться как случаи глобальных копий³⁹, но и другие явления, например, семантические или структурные кальки, интерпретируемые как селективные и смешанные копии [там же: 193–195].

Кальки и полукальки эстонских сложных слов и словосочетаний также рассматривались на основе разного материала. К примеру, И. П. Кюльмоя отмечает эстонскую интерференцию в речи староверов, проявляющуюся в лексических кальках типа *солнечное вставание* – от эст. *päikesetõus* ‘восход солнца’, в построении словосочетаний и предложений по моделям, характерным для эстонского языка, в калькировании глагольного управления [Кюльмоя 2009:18].

Кальки появляются и в деловой коммуникации русскоговорящих Эстонии. Это прежде всего касается названий разных видов документов. Некоторые аналогичные названия есть и в русском языке в целом, прежде всего в России, однако в язык диаспоры они часто входят через эстонский, например: *карточка клиента* от эст. *kliendikaart*, *электронный билет* от эст. *e-pilet*, *льготная карточка* от эст. *sooduskaart* [Щаднева, Вельман-Омелина 2015: 117].

Системами русского и эстонского языков поддерживается распространенность некоторых калек, например, устойчивых атрибутивных словосочетаний: *личный код*, *материнская зарплата*, *семейный врач*, *больничная касса*, *налоговый департамент* и т. д. [Костанди 2012б: 105]. Их образование было особенно продуктивным в 1990-е годы, когда появилась масса новых социально-экономических и политических реалий, не имевших названий ни по-эстонски, ни по-русски. Данные словосочетания могут являться грамматически правильными, однако при этом восприниматься как не совсем «русские». Появление в речи подобных словосочетаний объясняется коммуникативно-прагматическими – влиянием речевых практик, аналогиями и т. д. – факторами [Костанди 2012б: 108].

Итак, в отличие от итальянской диаспоры, русскоговорящие в Эстонии имеют долгую историю существования. Русский язык в Эстонии также имеет богатую и относительно долгую традицию исследования. В разные периоды русский язык сосуществовал с местными языками (в основном эстонским), что привело к ситуации распространенного многоязычия, характеризующей и в настоящее время эстонское общество. Даже не будучи официальным языком в Эстонии, русский сосуществует во многих сферах с эстонским языком, формируя многоязычные речевые практики Эстонии. Контактная ситуация отражается в речи русскоговорящих, которые владеют титульным языком в разной степени в зависимости от социо-территориальной принадлежности. Многочисленные исследования подтверждают

³⁹ Такие случаи в других фреймворках называются *borrowing* или *code-switching*.

влияние эстонского языка и общей местной языковой ситуации, проявляющейся в рассмотренных контактных явлениях, в разных сферах деятельности. Появление эстонских элементов имеет прагматическую направленность в разных ситуациях.

Социолингвистические контуры, история формирования диаспоры, распространение русского языка в обществе и отношение русскоговорящих к месту проживания и местному населению и языку, уровень и причины дву- и многоязычия, отношение итальянцев и эстонцев к русскому языку участвуют в формировании символического капитала разных языковых средств в современных Италии и Эстонии, что, думается, может влиять на функционирование иноязычного слова и в Интернете. Ниже сопоставим интересные нас диаспоры с точки зрения символического капитала языковых средств.

2.3. Язык как часть символического капитала диаспор

Языковые средства можно рассматривать как формы символического капитала, используемые для получения преимущества и символической прибыли в речевых практиках [Bourdieu 1977: 650]. Такие практики происходят в особом «поле» ('field') или «игре» ('game') – «пространстве игры» ('a space of play') [Bourdieu, Wacquant 1992: 19], в котором «социальные деятели борются за признание и относительный вес различных форм капитала» [Kerfoot, Bello-Nonjengele 2016: 452], что приводит к появлению в обществе разных легитимных языков. Легитимный язык – это язык, на котором уместно говорить в конкретных социальных контекстах и который следует общепринятым нормам [Bourdieu 1977: 650]. Однако в разных сферах общества могут сосуществовать несколько легитимных языков. Помимо стандарта, одобренного элитой и / или государственными учреждениями, в определенных условиях коммуниканты предполагают возможность употребления других языков и / или их разновидностей. Это, в частности, происходит в сложных и конфликтных ситуациях, когда «языковой рынок» не унифицирован и легитимными могут быть признаны более одного языка [Søvik 2010: 8–9].

Как отмечалось в разделе 2.1, формирование групп русскоговорящих в Италии – относительно недавнее явление, начавшееся после революции 1917 г. и ставшее результатом иммиграционного процесса. В Италии русский язык является иностранным, он ограничен в использовании и в преподавании. Современные русскоязычные иммигранты в Италии образуют гетерогенный конгломерат выходцев из постсоветских стран, преимущественно женщин, порой использующих русский язык как лингва франка, русский может не быть официальным (или легитимным в некоторых коммуникативных ситуациях) языком в стране их происхождения. Цели этих

иммигрантов часто связаны с возможностями трудоустройства. Итальянский язык является формой капитала, которая дает иммигрантам доступ к широкому спектру социально-экономических сфер и представляет собой средство для интеграции в преимущественно италоязычное общество. В то же время русский язык является ресурсом для ведения бизнеса и получения выгод (как экономических, так и социокультурных) от русскоязычного сообщества, проживающего в Италии. Важно отметить, что итальянский имеет определенный престиж на постсоветском пространстве. На формирование образа Италии влияли разные факторы – античность, Возрождение, искусство, архитектура и т. п. Образ Италии также связан со стереотипом *la bella vita*, с престижными итальянскими курортами, высокой модой и местной кухней. На формирование этого стереотипа повлиял также образ далекой, экзотической Италии и итальянцев, утвердившийся в советское время через кино и литературу [Salmon 2017: 113–114].

Игра с признанием и непризнанием символических коммуникативных средств существенно отличается в Эстонии, где русский язык довольно распространен и как родной, и как иностранный, распространенность и уровень русско-эстонского билингвизма выше, чем уровень русско-итальянского в Италии. Эстония входила в состав Российской империи, после периода независимости была оккупирована и присоединена к Советскому Союзу. Русский язык в Советском Союзе обладал высокой степенью символического капитала в различных областях и имел статус языка межнационального общения [ср. Heller, McElhinny 2017: 142], что не стимулировало русских учить местные языки.

После распада Советского Союза языковая ситуация в Эстонии коренным образом изменилась, эстонский язык стал приобретать больший вес, или символический капитал, чем русский, особенно на рынке труда [Auer 2010: 467]. Это привело к тому, что некоторые группы русских, особенно слабо владеющих или вовсе не владеющих эстонским языком, заняли дистанцированную позицию по отношению к Эстонии, эстонцам и эстонскому языку [Ehala, Zabrodskaja 2014]. Постсоветская русскоязычная диаспора Эстонии представляет собой некогда доминировавшую группу, утратившую свой статус [Zabrodskaja 2014: 106].

Как уже отмечалось в разделе 2.2, русский язык довольно распространен в сфере услуг, культуры и образования, однако мнения по поводу присутствия и употребления русского языка в разных сферах могут быть разными у представителей эстонского общества. Социально-исторические процессы формирования русскоязычного населения в Эстонии привели к тому, что некоторые группы эстони- и русскоговорящих по-разному, порой кардинально противоположным образом относятся к языковым вопросам, характеризующим эстонское общество. В частности, в 2014 г., исследуя этновитальность разных групп русскоговорящих в Эстонии, М. Эхала и А. Забродская выделили группу, преимущественно с низким уровнем владения эстонским языком, негативно относящуюся к эстонскому языку, обществу и эстонской культуре [Ehala, Zabrodskaja 2014: 182]. В эту

группу входили в основном люди, не имеющие высшего образования и с относительно низким доходом. Как отмечают исследователи, часто это люди с так называемым серым паспортом⁴⁰, их контакты с эстоноязычными людьми ограничены, они живут в зонах компактного русскоязычного населения, их мотивация учить эстонский язык низкая. Недостаточное знание эстонского языка сужает карьерные и жизненные перспективы этой группы [там же: 183], однако в определенных сферах и местностях Эстонии знания только русского достаточно, чтобы устроиться на работу.

Эстонский язык представляет собой ресурс (лингвистический капитал) для достижения более высокого положения в обществе. Знание государственного языка дает больше возможностей для трудоустройства. Однако употребление эстонского языка может считаться неуместным в некоторых частных коммуникативных контекстах, особенно в местах с высокой концентрацией русскоязычного населения. Кроме того, русский язык в Эстонии по-прежнему представляет собой ресурс для местного и международного бизнеса.

Несмотря на существование групп русскоговорящих с негативным отношением к эстонскому обществу, исследователи отмечают появление группы интегрированных или ассимилированных русских [там же: 178—181] с более гибкой идентичностью, определяющих себя как эстонские русские [Verschik 2016], и возникновение смешанных разновидностей эстонско-русского языка в последние десятилетия [Verschik 2008; Zabrodskaja 2009]. Множество русских, особенно молодых, родились в Эстонии, закончили эстонскую школу, получили высшее образование на эстонском языке.

Итак, обобщая различия между рассматриваемыми нами диаспорами, можно сказать, что различаются истории формирования диаспор, процент русскоязычных жителей в Италии и Эстонии, отношение русскоговорящих к государственному языку и отношение итальянцев и эстонцев к русскому языку. Диаспоры также различаются по близости к России, по физическому пространству, в которое они погружены. Это, конечно, влияет на самовосприятие русскоговорящих, на восприятие и концептуализацию окружающей среды и на распространение и роль русского языка в обществе. Различия между двумя диаспорами могут привести к расхождению в восприятии языкового капитала и легитимности различных языковых средств в определенных пространствах и сферах деятельности.

Несмотря на социально-исторические различия рассматриваемых диаспор, в речи их представителей наблюдаются сходные процессы, причина которых – погружение в итальянское и эстонское социокультурное пространство, активное взаимодействие речевых практик носителей разных языков и культур.

Интернет-общение рассматриваемых диаспор показывает, что их социокультурные особенности отражаются в употреблении вкраплений, что будет рассмотрено в 2.4. и в следующих главах диссертации.

⁴⁰ Паспорт жителей Эстонии, не имеющих гражданства ни одного государства.

2.4. Сетевое общение русскоязычных жителей Италии и Эстонии: метод сбора и общая характеристика материала

Как было отмечено во введении, наше исследование осуществлялось в соответствии с процедурами онлайн-этнографии, включающей систематическое наблюдение за онлайн-активностью пользователей, сбор материала (методом сплошной выборки и отбора отдельных примеров), его систематизацию и анализ [Hine 2000; Yang, 2003]. Онлайн-этнография предполагает участие исследователя в виртуальных сообществах, что позволяет наблюдать взаимодействие пользователей и их культурные практики, анализировать языковые и в целом семиотические аспекты онлайн-коммуникации [Dovchin 2019]. Метод включает изучение чат-логов, публикаций в блогах и других цифровых артефактов, отражающих богатство онлайн-взаимодействий. Анализ данных в онлайн-этнографии осложняется динамичной природой цифровых взаимодействий.

Е. Г. Коулман в рамках онлайн-этнографии выделяет основные пересекающиеся сферы исследования, в частности, «культурную политику медиа», рассматривающую взаимообусловленность цифровых пространств и создания и трансформации идентичностей, представлений и характера мышления [Coleman 2010: 488]. Наше исследование, посвященное функционированию вкраплений и их роли в создании смысла в дискурсе коммуникантов, а также в осмыслении ими социокультурной реальности, затрагивает в большей степени именно эту сферу. Как будет показано в последующих главах диссертации, анализ функционирования вкраплений демонстрирует, как некоторые участники конструируют свою идентичность, взаимодействуя с культурными нормами и ожиданиями.

Проводя наблюдение, мы не вмешивались в деятельность участников коммуникации, что позволило собирать онлайн-данные, возникающие в процессе естественного взаимодействия пользователей [см. Fajina 2018]. Мы фиксировали в виде полевых заметок языковые практики пользователей в фейсбук-постах, репликах или комментариях на форумах. Каждый пример был задокументирован со ссылкой на страницу. Из этических соображений ссылки на конкретные примеры в нашей работе не приводятся. Имена и фамилии коммуникантов также не указываются, в случае скриншотов любая личная информация была затемнена.

Сбор материала проводился с 2015 г. по 2022 г., однако комментарии пользователей могут относиться и к более ранним периодам, что позволяет обеспечить исторический контекст и повысить полноту сбора данных [Hampton 2017]. Данные были собраны на форумах и в фейсбук-группах, представленных в таблицах №3 и №4⁴¹. КП (количество пользователей) указывает на количество зарегистрированных пользователей⁴². NA (not available) обозначает те случаи, когда сведения о количестве пользователей

⁴¹ Более подробное описание платформ см. в приложении №1.

⁴² По состоянию на 09.06.2024.

на форуме / в фейсбук-группе недоступны по разным причинам (например, фейсбук-группы «РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЭСТОНИЯ»⁴³ и «Книга жалоб (Эстония)» были удалены из Фейсбука, также перестал существовать форум «Италия на раз два три»). Во время сбора материала все фейсбук-группы были в открытом доступе, что не требовало апробации этического комитета. Однако в настоящее время для входа в некоторые из них требуется разрешение администраторов. В итоге нами были созданы два корпуса в отдельных текстовых файлах (txt) с примерами, содержащими вкрапления, в случайном порядке собранные на платформах общения русскоязычных жителей Италии и Эстонии. Полностью одноязычные комментарии были исключены из систематизации, однако некоторые одноязычные примеры, содержащие метаязыковые комментарии, были использованы для анализа языковой рефлексии коммуникантов. Итальянский корпус состоит примерно из 600 комментариев (34 729 слов), эстонский корпус также содержит примерно 600 комментариев (23 606 слов). Поиск наиболее частотных слов и их расположения по корпусам был осуществлен с помощью созданной нами программы в R-Studio (см. ниже). По форме и функциям вкраплений мы систематизировали и анализировали материал вручную в документе Excel, что не требовало употребления автоматизированных программ для поиска конкретных примеров.

Таблица №3. Платформы интернет-коммуникации русскоязычных жителей Италии, использованные для сбора материала

Форум / фейсбук-группа	КП
Russian Italy – https://www.russianitaly.com/	20 211
Италия по-русски – http://italia-ru.com/	NA
Италия на раз два три http://peopleandcountries.com/thread-14462-1-1.html	NA
Русские в Италии (Facebook) https://bit.ly/3NvKPLq	65 819
Русские, Украинцы, Казахи, Белорусы, Молдоване, Татары в МИЛАНЕ (Facebook) https://www.facebook.com/groups/354968438034651/	7 673
AMICI RUSSI UCRAINI A MILANO E IN ITALIA (Русские и украинцы друзья в Милане) (Facebook) https://bit.ly/3xeNvGm	6 266
РИМ Российско-Итальянская Молодежь. Русские в Риме / Russi a Roma (Facebook) ⁴⁴ https://bit.ly/3x8VaGp	4 602
Русские на Сицилии. Russi in Sicilia (Facebook) https://bit.ly/3MvAgH0	4 184

⁴³ Позже группа возродилась под тем же именем и на данный момент является одним из самых многочисленных и популярных русскоязычных онлайн-сообществ в Эстонии.

⁴⁴ Данный источник зарегистрирован как страница, но функционирует во многом аналогично фейсбук-группам.

Таблица №4. Платформы интернет-коммуникации русскоязычных жителей Эстонии, использованные для сбора материала

Форум / фейсбук-группа	КП
FORUM.EE https://forum.ee/	95 234
Рыболовный форум Эстонии – Rybolov.ee http://rybolov.ee/forum/	6 827
Мы живем в Эстонии http://privet.ee/	2394
Delfi RUS https://rus.delfi.ee/	NA
Таллиннцы (Facebook) https://bit.ly/39fIJS8	46 311
Граница НАРВА-ИВАНГОРОД (Facebook) https://bit.ly/3NyITmG	37 366
TallinnOPEN (досуг в Таллинне) (Facebook) https://bit.ly/39bYtES	37 176
Мамы Тарту (Facebook) https://bit.ly/3zk6SAG	3 789
Объявления Таллинн / kuulutused Tallinn (Facebook) https://bit.ly/3aBgZqn	1 272
куплю-продам/Услуги/Советы Пярну (Facebook) https://bit.ly/3HaXNMw	1 000
Русскоязычный Таллинн (Facebook) https://bit.ly/3mtogvi	614
Родители города Тарту и Тартуского уезда (Facebook) https://bit.ly/3QbeziH	444
РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЭСТОНИЯ (Facebook) https://bit.ly/3xwaVZg	NA
Книга жалоб (Эстония) (Facebook) https://bit.ly/3O79qGB	NA

Для эстонского корпуса комментарии собирались и на форуме *Delfi*, одном из главных новостных порталов Эстонии, который действует в трех странах Балтии и в каждой имеет местные русскоязычные версии. На *Delfi*, как и на многих других новостных порталах, есть возможность обсуждать новости и создавать дискуссию под каждой статьей. Такие порталы представляют собой интерактивное онлайн-пространство для русскоговорящих, живущих в странах Балтии, отсутствующее, насколько известно автору диссертации, в интернет-пространстве русскоязычных жителей Италии. Материал, собранный на *Delfi*, по жанровым особенностям не полностью совпадает с остальным нашим материалом. Однако и на форумах, и в фейсбук-группах можно комментировать новости, что дает основание для включения примеров, собранных на *Delfi*, в анализ.

Об участниках коммуникации можно, в зависимости от конкретной платформы, узнать некоторые социологические данные, содержащие информацию о поле, месте проживания в Италии и Эстонии (при наличии указания), реже – о месте происхождения. Участники представлены никами, используемыми на форумах и в Фейсбуке. В случае последнего ник может соответствовать реальному имени пользователя. В зависимости от настроек профиля отдельных пользователей, на их странице могут быть доступны аватары, часто являющиеся фотографиями самих пользователей, а также информация об их образовании, месте получения образования и дате рождения. Однако пользовательские комментарии на портале Delfi являются более анонимными по сравнению с фейсбук-группами и другими форумами. Согласно нашим наблюдениям, ники пользователей на этой платформе чаще всего не отражают их настоящих имен и фамилий, а информация о месте проживания и дате рождения пользователей не предоставляется.

На форумах и в фейсбук-группах русскоговорящих Италии существенно преобладают женщины. В целом состав участников эстонских форумов и фейсбук-групп более разнообразен, однако существуют группы и форумы, где преимущественно собираются пользователи определенного пола. Например, в фейсбук-группах «Мамы Тарту» и «Родители города Тарту и Тартуского уезда» большинство участников – женщины, в то время как на «Рыболовном форуме Эстонии» – преимущественно мужчины. Возраст участников, насколько его возможно установить, по нашим наблюдениям, варьируется примерно от 25 до 65 лет.

У участников фейсбук-групп / форумов общие интересы, в основном отношения солидарности, цели общения преимущественно практические. Часто они помогают друг другу в решении вопросов разного характера (оформление документов, поступление в учебные заведения, поиск определенных товаров и т. п.). Пользователи также регулярно комментируют и оценивают факты, новости, из-за чего между ними иногда возникают разногласия.

За несколько лет сбора и работы с материалом мы обнаружили, что специфика функционирования вкраплений связана с темами, которые обсуждаются на рассматриваемых платформах. Анализ вкраплений с тематической точки зрения проводился нами ранее в [Деци 2018а, 2019а, 2019б], и на данном этапе мы решили дополнительно обратить внимание на тематические особенности нашего материала в целом, т. е. комментариев, содержащих вкрапления. Анализ собственно вкраплений с учетом их тематики будет представлен в следующих главах диссертации, здесь же ограничимся общей характеристикой материала.

В целом, судя по топикам форумов и фейсбук-постам, коммуникация русскоязычных жителей Италии и Эстонии на рассматриваемых платформах тематически различается. На итальянских форумах и в фейсбук-группах часто обсуждаются вопросы, связанные с иммиграцией, с необходимыми документами для пребывания в Италии и поиском работы. Также регулярно обсуждаются социокультурные особенности итальянского общества, проб-

лемы, связанные с изучением, освоением итальянского языка и разные бытовые вопросы. На эстонских платформах по сравнению с итальянскими более актуальны социальные темы эстонского общества. Некоторые форумы и фейсбук-группы созданы для покупки / продажи предметов / услуг (например, фейсбук-группа «Куплю-продам Пярну»), для обмена информацией об услугах, системе образования, товарах для детей (например, фейсбук-группы «Родители города Тарту и Тартуского уезда» и «Мамы Тарту»), для получения информации, касающейся пересечения границы с Россией, привоза товаров и других предметов из России и т. п. (например, фейсбук-группа «Граница Нарва-Ивангород»).

Эти тематические различия отражаются и в наших корпусах. Для подтверждения этих наблюдений и иллюстрации тематических особенностей итальянского и эстонского корпусов мы создали в *R-studio* программу, которая была нацелена на решение следующих задач:

- очистка корпусов от исследовательской метаинформации;
- выявление наиболее частотных слов;
- выявление ключевых слов в итальянском и в эстонском материале на основе их появления во всем материале корпусов и актуальности в обсуждениях на исследуемых платформах;
- анализ местоположения выявленных ключевых слов в обоих корпусах;
- сравнение вхождений ключевых слов в обоих корпусах.

Прежде чем установить наиболее часто встречающиеся слова в обоих корпусах, был загружен список русских стоп-слов⁴⁵ (предлоги, союзы, частицы и другие так называемые «шумовые слова», не несущие смысловой нагрузки⁴⁶). Список содержит 528 стоп-слов, которые были исключены при подсчете частоты вхождений слов. В список стоп-слов мы намеренно не включили итальянские и эстонские слова, т. к. они являются вкраплениями, важными для нашего анализа в целом. Так, в диаграммах №1 и №3 ниже есть итальянский предлог *di* (*du*), часто обозначающий принадлежность кому-то / чему-то, и эстонское *ja*, обозначающее *да* или *и*, и отрицание *ei*. На первом этапе поиска частотных слов по всему корпусу в силу отсутствия разметки нам не удалось объединить словоформы одной лексемы, что, разумеется, могло повлиять на результаты. Тем не менее полученные данные позволяют выявить общие тенденции в употреблении различных лексических единиц и подтверждают наши многолетние наблюдения за тематикой общения русскоговорящих в Италии и Эстонии на исследуемых

⁴⁵ Список стоп-слов дан в приложении №2.

⁴⁶ В. А. Яцко выделяет три признака стоп-слов: статистический, семантический и морфологический. Статистический признак «указывает на высокую частотность стоп-слов в разных текстах, независимо от их жанра или функционального стиля» [Яцко 2022: 79]. Семантический признак указывает на то, что слова, взятые вне контекста, не являются полнозначными, морфологический – на то, что «большинство стоп-слов не принимают суффиксов и окончаний и не имеют производных форм» [там же: 80].

платформах⁴⁷. Самые частотные слова в итальянском корпусе иллюстрирует диаграмма №1.

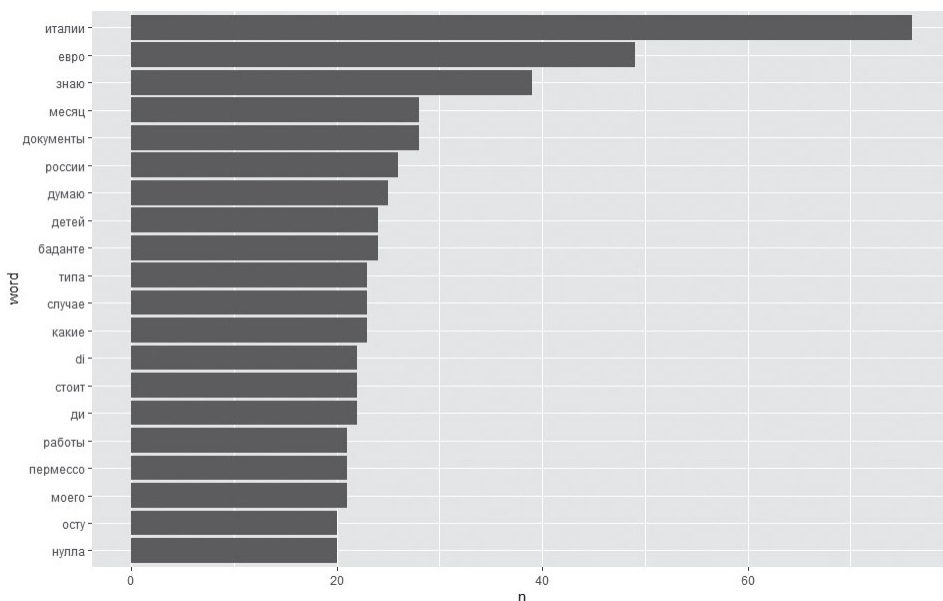


Диаграмма №1. Частотность лексики: итальянский корпус

Как показывает диаграмма, самое частотное слово в итальянском корпусе – *Италия* (в предложном, дательном и родительном падежах), что говорит об актуальности данного пространства для пользователей. Однако не все частотные слова были предметом обсуждения на рассматриваемых платформах. Соответственно, из наиболее частотных мы выбрали те, которые чаще всего были в фокусе внимания коммуникантов, т. е. являлись предметом речи. Это: *документы*, *баданте* ‘сиделка’, *пермессо* <ди соджорно> ‘вид на жительство’, *работа*. Данные слова, как свидетельствуют результаты нашего анализа, являются ключевыми, т. к. они отражают социальные аспекты, актуальные для русскоговорящих Италии.

Как было отмечено в разделе 2.1, иммиграция русскоговорящих в Италию часто связана с возможностями трудоустройства, что может объяснить, почему одно из самых частотных слов в корпусе – *работа*. Поиск работы в Италии предполагает решение вопросов бюрократического характера, которые могли бы узаконить присутствие человека на территории Италии. Это находит отражение в частом появлении слов *документы* и *пермессо*. Одно из самых распространенных занятий среди восточноевропейских женщин среднего возраста, проживающих в Италии, – уход за пожилыми людьми, то есть *баданте*. Эта работа в Италии часто выполняется нелегально и предполагает, что женщина должна заботиться не только о пожилым человеке, но и обо всем домашнем хозяйстве. *Баданте* среди итальянцев –

⁴⁷ См. приложение №1.

негативный стереотип, предполагающий, что женщина (иностранка) готова на все, чтобы получить более устойчивое положение в Италии. Часто женщин, выполняющих эту работу, подозревают в краже денег, плохом обращении с пожилыми людьми, на которых они работают, или в симуляции любовных отношений, чтобы получить материальные блага и итальянское гражданство. Как писала Ю. В. Николаева в 2014 году, «в современной Италии баданте – это настоящий социально-культурный феномен, про который газеты пишут в разделе скандальной хроники, ставят фильмы и создают книги» [Николаева 2014: 106]. Для проверки контекста употребления данного слова в корпусе, с помощью программы были найдены N-граммы⁴⁸ (в основном биграммы и пятиграммы). Программа не нашла повторяющихся коллокаций, однако некоторые N-граммы подтверждают описанный стереотип:

- (1) *баданте жаловаться*
- (2) *бояться если вдруг за баданте*
- (3) *слово баданте против слова семьи*
- (4) *баданте и аманте про ханжесей*
[аманте – ит. amante ‘любовник / любовница’].

Для лучшего осмысления нашего материала также важно визуализировать частотность ключевых слов в их расположении по всему корпусу. С помощью программы на втором этапе анализа было зафиксировано каждое вхождение независимо от словоформы. На диаграмме №2 по вертикали сверху вниз слова располагаются с учетом их распределения во всем корпусе: так, например, *работа* встречается регулярно в разных частях корпуса, а *баданте* сосредоточено в лишь некоторых местах. Точки по горизонтали на диаграмме подкрепляют это, отражая конкретные случаи появления ключевых слов во всем материале..

⁴⁸ N-граммы – это последовательность n элементов. Если речь идет о тексте, то N-грамм – ряд слов [ср. Ukkonen 1992].

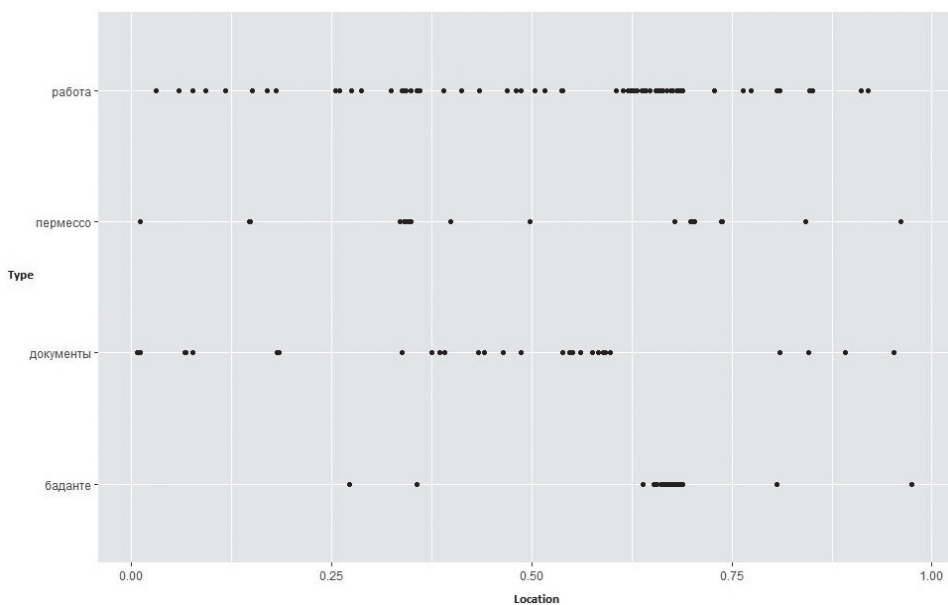


Диаграмма № 2. Расположение ключевых слов: итальянский корпус

Как мы видим, слово *работа* регулярно встречается во всем корпусе, что свидетельствует об актуальности этой темы для пользователей. Эта тема включает в себя другие актуальные явления, отражающиеся в регулярности других слов на диаграмме (*пермессо*, *документи*, *баданте*).

Аналогичный анализ эстонского материала показал существенные тематические отличия, демонстрируемые частотностью ключевых слов на диаграмме №3.

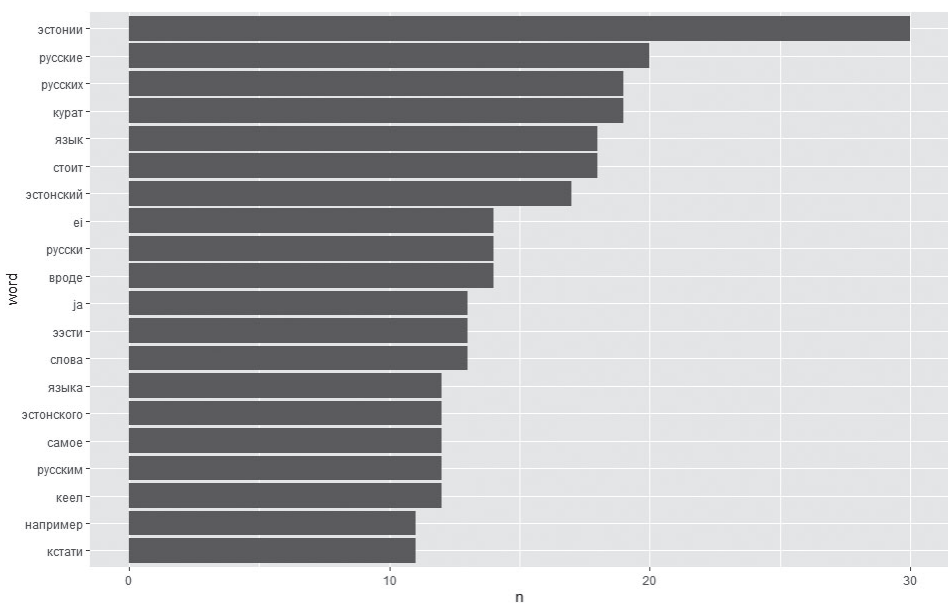


Диаграмма №3. Частотность лексики: эстонский корпус

Диаграмма иллюстрирует, что наиболее частотное слово в эстонском корпусе – *Эстония* (в предложном, дательном и родительном падежах), что так же, как и в итальянском материале, свидетельствует об актуальности пространства для пользователей. Другие ключевые слова, отобранные нами по тому же принципу, который был охарактеризован выше применительно к итальянскому материалу, – *русские / русских / русским, язык* (также эстонское *кеел* – ‘язык’), *эстонский* (также *ээсти* – ‘эстонский’), *курат* – ‘черт’. Частотность данных слов в определенной степени отражает взаимодействие русской и эстонской частей общества и, возможно, конфликтные темы, касающиеся языка и этничности жителей Эстонии. Часто появляющиеся слова *язык* и *слова* в корпусе свидетельствуют об актуальности языкового вопроса. Выявление N-граммов показало, что прилагательное *эстонский* часто относится к языку, о чем свидетельствуют следующие примеры:

(5) *словосочетаниями эстонский*

(6) *эстонский язык*

(7) *кеел это не эстонский*

(8) *означает эстонский как родной*

Были выявлены также N-граммы эстонского слова *курат* ‘черт’, показывающие, что оно появляется в предложениях при переключении на эстонский язык часто в конфликтных контекстах, содержащих языковую агрессию (см. 4.3.3.). От слова *курат* также образуется прилагательное, характеризующее отдельных людей или их группы (см. (11) и (12)).

(9) *курат еи теа еи саа ару*

[от эст. *kurat, ei tea, ei saa aru* – ‘черт, не знаю, не понимаю’]

(10) *курат куйдас ниш вьйкс олла*

[от эст. *kurat, kuidas nii võiks olla* – ‘черт, как так может быть’]

(11) *ах казел куратский бац*

(12) *кураттский комплекс мешает жить этносам*

Как и для итальянского корпуса, было установлено расположение ключевых слов в эстонском корпусе с учетом всех словоформ, что проиллюстрировано в диаграмме № 4.

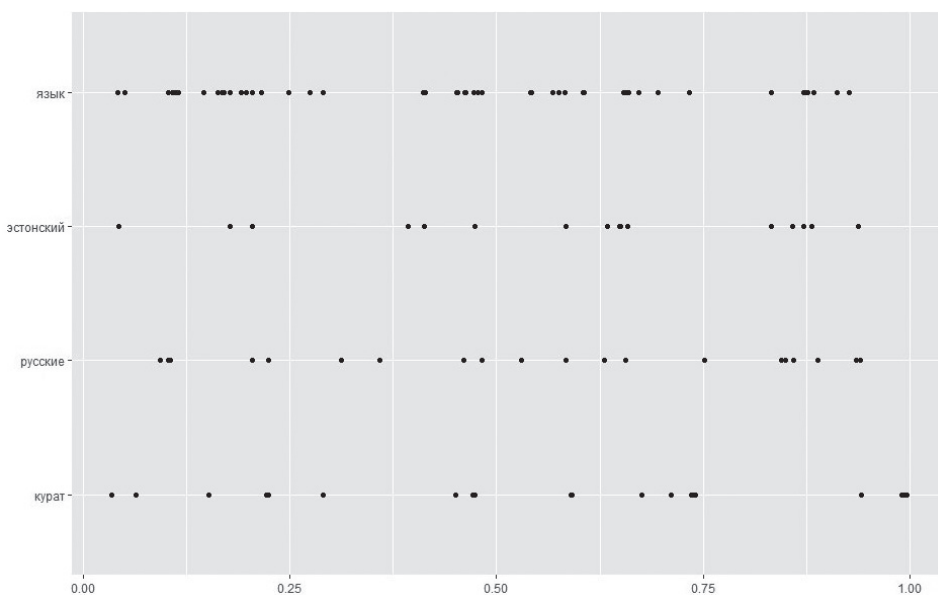


Диаграмма №4. Расположение ключевых слов: эстонский корпус

Слово *язык* регулярно появляется во всем корпусе, что может говорить о значимости языкового вопроса для пользователей. Во всем материале регулярно появляются слова *эстонский*, *русский* и *курат*, что можно соотнести с языковыми и межнациональными вопросами.

Итак, и в итальянском, и в эстонском корпусе есть слова, которые можно определить как ключевые. Для лучшего понимания тематических различий мы графически представили и сравнили встречаемость некоторых ключевых слов в обоих корпусах. Далее из этих слов мы выбрали те, которые можно сопоставить, т. к. они не являются итальянскими или эстонскими вкраплениями или специфичными словами, тесно связанными с Италией или с Эстонией: *документы*, *работа*, *русский*, *слова*, *язык*. Сопоставление этих ключевых слов представлено на диаграмме № 5.

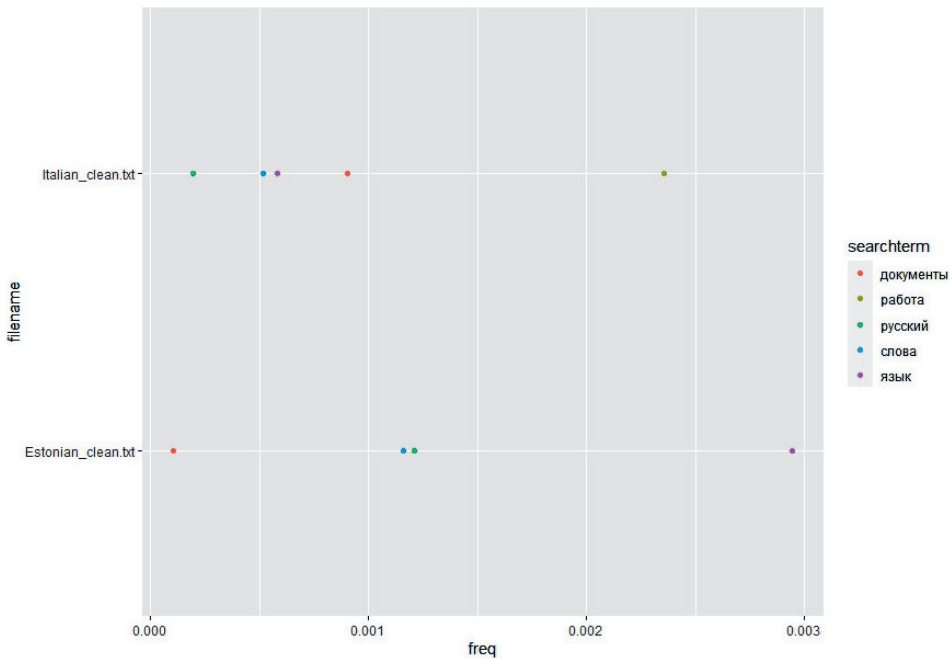


Диаграмма №5⁴⁹. Ключевые слова: итальянский и эстонский корпуса

Расположение точки соответствующего цвета, обозначающего то или иное слово, в диаграмме слева направо означает более частую встречаемость слова во всем корпусе. Диаграмма показывает, что слова *русский*, *язык*, *слова* во всех словоформах встречаются чаще в эстонском материале, что, возможно, говорит о том, что национальный и связанный с этим языковой вопросы более актуальны в эстонском корпусе. Слова *работа* и *документы*, однако, встречаются чаще в итальянском материале, что показывает, что вопросы, связанные с поиском работы и дальнейшего пребывания на территории Италии, больше обсуждаются пользователями итальянских форумов и фейсбук-групп.

ВЫВОДЫ

Итак, русскоязычные диаспоры Италии и Эстонии различаются по разным параметрам – гендерному составу, истории формирования и проживания диаспоры на территории Италии и Эстонии, а также символическому и лингвистическому капиталу языков, используемых в этих странах. Тем не менее в речи рассматриваемых групп наблюдаются общие контактные явления и функции переключения кода, вкраплений.

Как было отмечено выше, по нашим наблюдениям, рассматриваемые интернет-дискурсы тематически различаются, что в определенной степени

⁴⁹ В диаграмме *Italian_clean.txt* обозначает итальянский корпус, очищенный от стоп-слов. *Estonian_clean.txt* – эстонский корпус, очищенный от стоп-слов.

отражает особенности проживания диаспор в определенных хронотопах. Чтобы лучше понимать, как эти особенности могут влиять на функциональные аспекты вкраплений в интернет-дискурсе русскоговорящих Италии и Эстонии, мы решили проанализировать материал в целом и подкрепить общие наблюдения, выявив ключевые слова. Анализ последних, установление их расположения и N-граммов подтвердили наш предшествующий анализ, касающийся тематических различий. Эти различия, в свою очередь, соотносимы с разным положением диаспор на территории Италии и Эстонии, актуальными социальными и языковыми вопросами, значимостью окружающего (социолингвистического) пространства для пользователей. Среди ключевых слов есть и вкрапления (итальянские *баданте*, *пермессо* и эстонские *ээсти*, *курат*), которые связаны с другими ключевыми словами (*баданте* и *пермессо* относятся к вопросам работы и пребывания на территории Италии, *ээсти* и *курат* могут отражать конфликтные вопросы национального и языкового характера).

В ходе дальнейшего анализа постараемся продемонстрировать, как различия между итальянским и эстонским материалом соотносятся с историями формирования диаспор, с социокультурными аспектами их жизни, с когнитивными процессами, обеспечивающими существование в окружающем пространстве, его освоение и ориентацию в нем.

Обобщив множество исследований, связанных с социально-историческими причинами возникновения вкраплений, их вариативностью и функционированием в речи различных сообществ, в частности, русскоязычных диаспор Италии и Эстонии, в разные эпохи и в разных контекстах, а также учитывая тематику дискурса рассматриваемых диаспор, взаимосвязь вкраплений с другими элементами высказывания, мы выделили в собранном материале четыре макрофункции вкраплений, включающие более частные их реализации. Они будут подробно рассмотрены в последующих главах диссертации: функция идентифицирующей референции, оценки, метаязыковая функция и хронотопическая функция. Рассмотрение каждой будет предвzряться теоретическими положениями, значимыми для ее анализа.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИЯ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕЙ РЕФЕРЕНЦИИ ВКРАПЛЕНИЙ

3.1. Идентифицирующая референция: теоретические основы

Термин референция, происходящий от английского глагола *to refer* «относить(ся) к объекту, иметь в виду (какой-нибудь объект), сослаться на что либо» [Арутюнова 1982: 5–6], подразумевает «отношение актуализированного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» [там же: 5–6]. Это отношение связывает язык с действительностью [там же: 1982: 10].

Референция является семиозисом – процессом, в котором нечто функционирует как знак. По мнению Ч. У. Морриса, семиозис включает четыре фактора: то, что выступает как знак (знаковое средство); то, на что указывает (*refers to*) знак (десигнат), «воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком» (интерпретантой) и интерпретатор [Моррис 1983: 39]. Совокупность этих факторов позволяет рассматривать референцию как речевой акт. Она осуществляется при учете типов отношений, определяющих коммуникацию, связи между языком, действительностью, ситуацией речи, говорящим и адресатом [Арутюнова 1982: 11]. Референция является «отношением между намерением говорящего и узнаванием этого намерения адресатом» [Арутюнова 1982: 14; Линский 1982: 164; Серль 1982: 191]. Для того чтобы «значение» языкового выражения обладало смыслом, т. е. было постигнуто разумом, необходимо введение «участника коммуникации» [Кобозева 2000: 9], который выделяет или идентифицирует некоторый конкретный объект. Референция является невозможной, если она не воспринимается собеседником [Серль 1982: 185], что соотносится с тем, что «нечто есть знак только потому, что интерпретируется как знак интерпретатором» [Моррис 1983: 40].

Референция является идентифицирующей тогда, когда есть попытка со стороны говорящего дать понять участникам коммуникации, о чем идет речь [Серль 1982: 185; Доннелан 1982: 147]. Для интерпретации знака важны контекстуальная информация и фон знаний (пресуппозиция) собеседников, которые дополняют семантику референтного выражения [Доннелан 1982: 137; Серль 1982: 188]. Идентифицирующая референция тесно связана с понятием идентифицирующего знания. «Когда люди разговаривают друг с другом, то они обычно справедливо полагают, что обладают большим фондом общих знаний об отдельных объектах» [Стросон 1982: 112]. Таким образом, выражение является идентифицирующим, только когда оно апеллирует к идентифицирующему знанию [там же: 113].

Важность пресуппозиции для осуществления идентифицирующей референции можно проследить и в нашем материале, где множество комментариев демонстрирует, что пользователи понимают друг друга, используя

вкрапления, в частности те, которые отсылают к конкретным предметам / явлениям окружающего пространства. Это соотносится с принципом презумпции неосведомленности и осведомленности П. Ф. Стросона [Стросон 1982: 109–111], согласно которому, «мы всегда предполагаем со стороны той аудитории, к которой обращены наши утвердительные высказывания, как знание, так и незнание некоторых эмпирических фактов, и как та, так и другая презумпция оказывает существенное влияние на выбор того, что мы говорим» [там же: 111].

Референция является выбором [Костанди 2011г] (попутно отметим, что иноязычные элементы, «выбранные» для осуществления референции, отражают и языковую рефлексию говорящих [Verschik 2017; Деци 2022а]) и результатом социального построения смысла, который формируется коллективно [Кобозева 2000: 12; Патнэм 1982: 383–384] в зависимости от свойств коммуникантов и коммуникативной ситуации [Кобозева 2000: 12]. Важность выбора при осуществлении идентифицирующей референции соотносится с сущностью переключения кода, понимаемого в широком смысле как чередование двух или более языков в рамках высказываний для создания социального смысла с учетом окружающего контекста и участников коммуникации [Auer 2005 и др.; Gumperz 1970].

Есть определенная соотнесенность между семантическим типом языкового выражения и типом референции. «Языковые средства референции не однородны; не одинаковы и функции референтных выражений даже в пределах конкретного предложения» [Арутюнова 1982: 17]. Эти средства, с одной стороны, имеют понятийное содержание (концепт, коннотация, сигнификат), с другой, сообщают какую-то информацию, т. е. способны к денотации [там же: 7], и речь можно рассматривать и как систему классификации (категоризации, таксономии), и как систему ценностей [Степанов 1983: 12]. Согласно А. Вежбицкой, не осуществляют референцию выражения, отражающие отношение говорящего к тому лицу, объекту, о котором идет речь, т. е. выражения, включающие экспрессивные (модальные) элементы [Вежбицкая 1982: 244–246]. Тем не менее исследователями отмечается нечеткость функций некоторых выражений и промежуточные случаи идентифицирующей референции, оценки и передачи чужой речи [Вежбицкая 1982; Доннелан 1982: 136; Куайн 1982: 90; Стросон 1982: 114], о чем свидетельствует и наш материал.

Иноязычное слово – сложное явление, т. к. «с точки зрения лингвистической системы, к которой дешифровщик пытается свести данный текст, все такие инородные элементы являются “вставками”, “чужеродными телами”, “цитациями”» [Вежбицкая 1982: 237], часто содержащими экспрессивный (модальный) компонент [Вежбицкая 1982: 246; Пилипенко 2017], которые употребляют авторы, демонстрируя понимание современности – «ее тенденций, языковой полифонии, разнообразия условий существования людей и их привычек поведения» [Протасова 2022: 188]. Поэтому, как было отмечено выше, границы функций вкраплений, в частности идентифицирующей референции, не всегда четкие. По мнению Н. Д. Арутюновой, «иденти-

фицирующая референция доминирует в тех случаях, когда речь идет о предмете, известном как говорящему, так и адресату. В этих условиях предпочтение отдается собственно номинативным средствам языка» [Арутюнова 1982: 21]. К осуществлению идентифицирующей референции наиболее приспособлены следующие разновидности слов:

- дейктические местоимения [Арутюнова 1982: 21; Вежбицкая 1982: 243; Серль 1982: 184];
- имена собственные, выполняющие номинативную функцию, осуществляющие «сингулярную» референцию [Арутюнова 1982: 21; Вежбицкая 1982: 243];
- титулы [Серль 1982: 184];
- имена нарицательные, выполняющие денотативную функцию (или функцию обозначения) [Арутюнова 1982: 18; Вежбицкая 1982: 243];
- определенные дескрипции [Доннелан 1982: 135], сложные именные выражения [Серль 1982: 184]. При этом, как отмечает К. С. Доннелан, есть промежуточные случаи имен и дескрипций [Доннелан 1982: 135].

Для осуществления идентифицирующей референции важно использование сингулярных признаков, которые могут быть отнесены к лицу или к предмету, сужая область референции. Человек может отличить один объект от другого, применяя определенную дескрипцию, неприменимую ни к какому другому объекту. Эта дескрипция называется «идентифицирующей» и является одним из возможных средств привлечения внимания к лицу или предмету [Доннелан 1982: 139].

Иноязычным словам приписываются отличительные признаки, в результате чего их употребление позволяет расчленить понятия [Крысин 1968: 12]. Из этого следует, что идентифицирующая референция является одной из основных функций иноязычного слова, т. к. оно сужает область референции, привлекает внимание человека к данному объекту / явлению, выделяя его из общего фона, «идентифицируя» его [Моррис 1983: 65; Серль 1982: 181; Стросон 1983: 113]. Иноязычные элементы, наряду с другими, являются индексальными знаками, «основанными на отношении смежности между означаемым и означающим в реальной действительности» [Кобозева 2000: 37], что связывает их с функцией референции.

Референция иноязычного слова, как и любого, участвует в процессе презентации некоторых данных восприятия. Это не простое созерцание мира, «но в высшей степени избирательный процесс, в ходе которого организм получает указания о том, как ему действовать в отношении окружающего мира, чтобы удовлетворить свои нужды, свои интересы» [Моррис 1983: 64]. В языковом знаке взаимодействуют по меньшей мере четыре типа сущностей:

- категории действительного мира;
- мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания;

- прагматические факторы, т. е. то, что связано с целенаправленным использованием языка в человеческой деятельности;
- отношения между знаками – «единицами языковой системы» [Кобозева 2000: 43].

Соответственно, и иноязычное слово содержит в себе четыре разных типа информации: «о каком-то фрагменте мира; о том, в какой форме этот фрагмент мира отражен в сознании человека; о том, в каких условиях этот знак должен использоваться; о том, как он связан с другими знаками» [Арутюнова 1982: 10]. В языковых знаках «закреплены все те понятия, которые сложились у каждого народа в ходе его познавательной, трудовой, социальной и духовной активности» [там же]. Иноязычные элементы также являются отражением процесса познания окружающей действительности, который, в частности, осуществляется отсылкой к определенным явлениям / элементам, т. е. референцией. Обеспечивая эту функцию, иноязычные элементы помогают коммуникантам ориентироваться в разных сферах жизни, выполняя «координативную» функцию, что связывает их появление в речи диаспоры с биологической сущностью языка [Кравченко 2013].

Русскоязычная диаспора, проживающая в Италии и Эстонии, окружена разными социумами со своим языком (или языками), речевыми практиками, материально-культурной реальностью. Люди окружены языком и «визуально», находясь в определённом лингвистическом ландшафте. В зависимости от социума и культуры страны, истории формирования и специфики диаспоры некоторые сферы жизни с их реалиями актуализируются. Названия на титульном языке становятся «заметными» (*salient*), из-за чего легко переходят в язык диаспоры. «Заметность» (*salience*) – свойство языковой единицы, которое делает ее каким-то образом перцептивно и когнитивно релевантной [Kerwill, Williams 2002: 81]. Это свойство зависит от ряда причин: частотность употребления слова в окружающем социуме, лексические и прагматические лакуны, социолингвистическая релевантность, семантическая и формальная прозрачность слова [там же: 82]. «Заметность», т. е. релевантность определенных языковых единиц, способствует выполнению ими функции идентификации.

Рассмотрим, как в нашем материале коммуниканты используют вкрапления для осуществления успешной референции, сосредоточимся на структурных вариантах и на содержательной стороне иноязычного слова.

3.2. Функция идентифицирующей референции в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии

Рассмотрим в общих чертах два примера разговоров – в фейсбук-группе *Amici russi ucraini a Milano e in Italia* (13) и на *Forum.ee* (14), демонстрирующих, что коммуниканты употребляют итальянские и эстонские языковые

средства с учетом знаний собеседников. В примерах в целях сохранения конфиденциальности даются только инициалы имен и фамилий пользователей, во всех примерах сохраняется написание оригинала.

(13) **Начальный пост:**

M.S. *Amici russi*, *вопрос на заытку! Расскажите мне, на какие бы курсы, в какую бы школу вы хотели бы ходить? Какой бы диплом хотели бы получить? Может кто-то мечтает стать гидом, повором, медсестрой или окончить курсы кройки и шитья???* У кого какие мЕчты?

[*Amici russi – ‘русские друзья’*]

Реплики:

E.A. *А я уже отучилась здесь 3 года. Диплом эстетиста. Очень довольна выбором.*

Для хобби интересно было бы заняться фотографией. Но нет времени для этого?

[эстетиста – от ит. *estetista* – ‘косметолог’]

У.Г. *Чему здесь 3 года учат эстетистов, что они ничего не умеют?))))*

У. Г. *Я бы пошла здесь на курсы ювелиров (я как раз эстетист, только училась в Москве)*

Т. К. *Я уже получила **diploma di ragioneria** года, **operatore paghi e contributi** 800 часов, **operatore fiscale** 125 часов и **tecnica gestione e comunicazione aziendale informatizzato segretaria** 1000 часов. Но подумываю еще пойти учиться.*

[*diploma di ragioneria* – ‘диплом бухгалтера’; *operatore paghi e contributi* – ‘оператор зарплат и соцналогов’, *operatore fiscale* – ‘фискальный оператор’, *tecnica gestione e comunicazione aziendale informatizzato segretaria* – ‘техник менеджмента и корпоративной коммуникации и цифровой секретарь’]

Т. К. *а где получали вы **diploma di ragioneria**?*

Т. К. *Начинайте с того, что, самый высокий титул образования необходимо перевести на итальянский язык заверить в нашем министерстве потом подать в посольство на опостыль и **Dichiarazione del valore** то есть посольство укажет в Италии как будет считаться ваше образование. Если позволит поступить в среднюю школу или университет. И после всего этого смотрите куда поступать.*

[*Dichiarazione del valore* – ‘декларация стоимости’, документ, подтверждающий образовательную квалификацию, необходимый для поступления в итальянские учебные заведения]

В (13) пользователь M.S. начинает разговор с обращения – итальянского вкрапления «*Amici russi*», которое частично совпадает с названием группы (*Amici russi ucraini a Milano e in Italia*). Оно направлено на привлечение внимания пользователей и демонстрацию солидарности с определенной группой людей – русскоязычными жителями Италии, которые знают итальянский язык. Используя обращение на итальянском, автор отсылает тем самым именно к этой аудитории. По-русски обычное обращение – *Дорогие друзья*, однако оно имеет потенциально в виду гораздо более широкую аудиторию и, соответственно, именно по своей референции различаются обращения на итальянском и русском, будучи при этом речевыми синонимами. Пользователь хочет посоветоваться с людьми, имеющими опыт жизни в Италии.

Аналогичное, но еще более однозначно содержащее отсылку к итальянским реалиям употребление вкраплений мы наблюдаем и далее. Коммуниканты переходят на итальянский, чтобы безошибочно отсылать к конкретным дипломам, документам, важным для работы в Италии или для поступления в итальянские учебные заведения. Использование русских наименований в данном случае могло бы привести к коммуникативной неудаче. Во-первых, как уже сказано в 2.1, большинство русскоязычных жителей Италии родом не из России, в разных странах происхождения пользователей система образования и соответствующие названия дипломов, учебных программ могут различаться, во-вторых, использование русского перевода итальянских названий могло бы не обеспечить успешной референции.

Пример (14) иллюстрирует аналогичный процесс на эстонском материале. Речь идет о празднике летнего солнцестояния⁵⁰ *Jaanipäev*, который дословно можно перевести как *Янов день* (эст. *Jaani* – генитив имени собственного *Jaani* + *päev* ‘день’), по-русски же он называется *Иванов день*. Эстонский и русский варианты называют топик разговора. Другая форма, отсылающая к этому празднику в данном разговоре, – *ивановка*. В отрывке много моментов, отражающих культурные, социальные, пространственные и временные (хронотопические) знания коммуникантов, связанные с этим праздником, – время и место, где полагается его отмечать, еда, обычные условия, в том числе климатические. Это подчеркивается употреблением эстонского названия *Янипяев*. *Иванов день* и *ивановка* соотносятся с русской традицией праздника, в частности в диаспоре.

(14) Топик разговора: *Янипяев / Иванов день*

Реплики:

В. *Поделитесь плизззз кто как встречает Янипяев, праздник на носу а идей и информации ноль 😊*

С. *Я встречаю Янипяев с тобой в объятиях и, как полагается в Эстонии, сидя под дождем с зонтиком на берегу моря*

В. *Ты можешь для нас жарить шашлыки :-)*

І. С. *К чёрту все эти холодные палатки с насекомыми с утра, сырость и кучу непонятных пьяных лиц вокруг. Я делаю себе дома спа-салон, кушаю салатики, пью винице и наслаждаюсь индийскими фильмами в тепле.*

В. *Interesnii format, osobenno indiiskie filmi!! 😊 Neeeeee, hochetsja romantiki na beregu morja s družjami, s paljashim solncem i zakatom! Mozet kto podskazet horoshie mesta i morja!*

І. С. *Палящее солнце? У нас? На ивановку? =)*

Итак, в рассмотренных выше примерах разные формы вкраплений выполняют функцию идентифицирующей референции, которая порой сопровождается другими, более частными функциями. Примеры показывают, что употребление вкраплений предполагает знание конкретных фактов и явлений, связанных с определенным хронотопом. Коммуниканты опираются на эти знания и употребляют вкрапления

⁵⁰ Праздник, отмечаемый во многих странах, особенно в северных, в том числе в Эстонии.

для сужения референции. Вкрапления, осуществляющие референцию, могут быть вариативны, что и будет рассмотрено далее.

3.2.2. Варианты вкраплений

Анализ показал, что в обоих корпусах рассматриваемые вкрапления представляют собой слова, словосочетания, аббревиатуры и то, что можно определить как комплексное переключение (*complex code-switching*) [Demirçay 2017]. Д. Демирчай относит к последнему такие явления, как двуязычные предложения, которые не имеют однозначно устанавливаемого основного языка (*matrix language* [Myers-Scotton 1993b]), случаи, когда грамматическая структура языка А заполняется лексическими единицами языка Б, что можно определить как конгруэнтную лексикализацию (*congruent lexicalization*, см. введение), множественные, но отдельные вставки слов из языка А в язык Б, что демонстрируют примеры (15) – (17):

(15) *Луче, газ, рискальдаменто, спезе кондоминиали – это минимум 350/400 еро в месяц.*

[Луче, газ, рискальдаменто, спезе кондоминиали – от ит. Luce, gas, riscaldamento, spese condominiali – ‘свет, газ, отопление, коммунальные услуги’]

(16) *Идеального идеала нет. И учила меня синьора Винченцина с панчеттой.*

[синьора Винченцина с панчеттой – ср. ит. signora Vicenzina con la pancetta – ‘госпожа Винченцина с беконом’]

(17) *В сельвере мега хинд была – 275, вана хинд – 390 еек.*

[В сельвере мега хинд – ср. эст. Selveris⁵¹ on mega hind – ‘В Сельвере мега цена’, вана хинд – 390 еек – от эст. vana hind 390 eek – ‘старая цена⁵² – 390 крон’]

В (15) ряд существительных обозначает коммунальные затраты, которые в Италии часто перечисляются вместе, как и в примере. По мнению Д. Демирчай, подобные случаи комплексного переключения происходят из-за того, что слова регулярно используются вместе в речевых практиках, образуя устойчивый «фрагмент» [Demirçay 2017:32–35]. Примеры (16) и (17), соответственно, из итальянского и эстонского материала, похожи на конгруэнтную лексикализацию, при которой некоторые элементы языка А (русский) и языка Б (итальянский / эстонский) совпадают. В (16) *синьора* можно определить как экзотизм в русском языке (см. 1.1) и отнести его и к итальянскому, и к русскому языку. Далее следует имя госпожи (*Винченцина*), которая научила автора одному рецепту *с панчеттой*, где итальянское слово *панчетта* склоняется аналогично русским словам. Употребление

⁵¹ Selver – эстонская торговая сеть.

⁵² В данном контексте имеется в виду прежняя цена.

словосочетания *Синьора Винченцина*, на наш взгляд, усиливает референцию к итальянской госпоже. *Панчетта* отсылает к разновидности бекона – типичного мясного продукта итальянской кухни. В этом фрагменте / переключении сложно определить основной язык, как и в примере (17), где некоторые элементы (*мега*) можно отнести и к русскому, и к эстонскому, эстонское название сети магазинов (*Selver*) склоняется как русское слово. В примере (17) *Сельвер* отсылает к конкретной сети магазинов или, возможно, к одному конкретному магазину сети. *Мега хинд*, дословно ‘мега цена’, отсылает к цене со скидкой, *вана хинд* ‘старая цена’ – к начальной цене.

Как следует из таблицы №5, представляющей по убывающей количество обнаруженных форм вкраплений, осуществляющих идентифицирующую референцию, комплексное переключение и аббревиатуры с этой функцией в нашем корпусе немногочисленны. Наиболее регулярно и в итальянском, и в эстонском материале эту функцию выполняют слова и словосочетания, на чем и сосредоточимся далее.

Таблица №5. Структурные варианты вкраплений: количество и процентное соотношение

Итальянский корпус			Эстонский корпус		
вариант	количество	%	вариант	количество	%
Слово	437	68,4	Слово	259	67,4
Словосочетание	155	24,2	Словосочетание	92	24
Комплексное переключение	42	6,6	Комплексное переключение	17	4,4
Аббревиатуры	5	0,8	Аббревиатуры	16	4,2
Всего	639	100	Всего	384	100

В итальянском материале в целом вкраплений, выполняющих функцию идентифицирующей референции, почти в два раза больше, чем в эстонском. Причины этого разнообразны, однако, как нам кажется, основными являются история и современное положение русского языка в двух странах, широкое распространение русского языка в Эстонии, русско-эстонского билингвизма и переводных текстов. Множество названий в Эстонии имеет русские эквиваленты, которые и используют коммуниканты, отсутствие чего в итальянских условиях способствует использованию итальянских вкраплений.

Тем не менее и в итальянском, и в эстонском корпусе слова и словосочетания – наиболее регулярное средство осуществления идентифицирующей референции, и в обоих корпусах их формы вариативны. Прежде всего остановимся на самом распространенном случае, когда в рассматриваемой функции выступает итальянское (18–21) или эстонское (22–25) слово, как в следующих примерах:

(18) Неотправку **модуло** итого пени в 480 евро.

[модуло – от ит. modulo – ‘бланк’]

(19) 3 недели 30 или 25 без **ричевуты**.

[ричевуты – от ит. ricevuta – ‘квитанция’]

(20) Если я попросила меня не беспокоить в определённое время, он даже в комнату не зайдёт или в **баню**⁵³...

[баня – ср. ит. bagno – ‘ванная комната’]

(21) Пару раз коллеги мужа искали **бадантку**.

[бадантка – от ит. badante – ‘сиделка’]

(22) Народ, че на **вестлус** спрашивают?!...

[вестлус – от эст. vestlus – ‘собеседование’]

(23) <...> На время действия **лубы** но не более пяти лет...

[луба – от эст. luba – ‘разрешение’]

(24) <...> Возле **крестинки** — это уже молоднячий район.

[Крестинка – от эст. Kristiine, район в Таллине, возможно, имеется в виду торговый центр Kristiine Keskus]

(25) <...> Надо спрашивать в **инфостоле**...

[инфостол – от эст. infolaud – ‘информационный стол’]

Итальянские и эстонские слова могут склоняться, как русские (19, 23), гибридизироваться с помощью русских суффиксов (21, 24). Наблюдаются и некоторые явления, не общие для итальянского и эстонского материала, например, в (20) *баню* можно рассматривать как семантическую кальку. Формальное сходство итальянского слова *bagno* ‘ванная комната’ и русского *баня* способствует калькированию семантики итальянского слова. Как отмечает М. Фасмер, *баня* и *bagno* – родственные слова. Русское *баня* скорее всего старое заимствование из народнолатинского *bāneum* (ср. лат. *balneum*) [Фасмер 1986: 121], обозначающего 1) акт купания; 2) ванну; 3) ванную комнату [Dizionario di latino Olivetti]. Пример (25) также является результатом калькирования, но не семантики, т. к. *инфостол* появился в результате частичного перевода сложного слова *infolaud*, с точки зрения Л. Юхансона слово является *смешанной копией*⁵⁴.

⁵³ Спорный случай, который будет охарактеризован далее.

⁵⁴ Как отмечалось во введении, согласно, Л. Юхансону, термины *switching* (переключение кода), *mixing*, *borrowing* (вкрапление / заимствование) не совсем корректны, т. к. иноязычные элементы, которые принимаются каким-либо языком, подвергаются формальным, семантическим и прагматическим изменениям [Johanson 1998]. В связи с этим Л. Юхансон называет иноязычные элементы «копиями». Он говорит о смешанных копиях (*mixed copies*), когда в сложных словах, словосочетаниях, аналитических формах в фразеологизмах и т. п. один компонент полностью «копируется» из языка-донора, другой переводится [Johanson 1998].

Итак, в итальянском и в эстонском материале наблюдаются общие тенденции, однако есть и различия. Помогает понять эти различия и то, чем они обусловлены, анализ вариантов, связанных с формальными или семантическими изменениями итальянских и эстонских слов, и их частотность, проиллюстрированные по убывающей в таблице №6. Далее проанализируем обнаруженные варианты, сопоставляя итальянский и эстонский материал. Смешанные копии будут рассмотрены отдельно в 3.2.2.1, поскольку они, даже являясь словом, могут быть соотнесены со словосочетанием.

Таблица №6. Варианты слов-вкраплений

Итальянский корпус		Эстонский корпус	
вариант	количество	вариант	количество
Простое слово	384	Простое слово	89
Слово как результат стяжения словосочетания	21	Сложное слово	123
Слово с изменениями (гибридное)	12	Слово как результат стяжения словосочетания	21
Слово-калька (семантическая)	12	Слово-калька (результат стяжения)	10
Сложное слово	6	Смешанные копии на базе сложных слов	7
		Слово с изменениями (гибридное)	6

Все перечисленные единицы используются в двух графических вариантах. Наиболее регулярно в итальянском материале функцию идентифицирующей референции выполняют простые слова, в то время как в эстонском – сложные. При этом они могут склоняться по русской модели. В итальянском материале обнаружено 139 итальянских слов в косвенных падежах, 83 из них – простые слова. На наш взгляд, склонению итальянских существительных способствуют некоторое формальное сходство итальянского и русского языков. Например, в итальянском языке часто окончание женского рода, как и в русском, *-a*, поэтому такие формы, как *multa* ‘штраф’, *residenza* ‘местожительство’ и *scuola* ‘школа’, легко склоняются по аналогии с русскими словами, без потери референтной функции, что можно наблюдать в следующих примерах.

(26) *Вчера пришло письмо "счастья" с мульттой... 300 евро за просрочку отправки бумажки, которую мы даже не получили...*

[мультта – от ит. *multa* – ‘штраф’]

(27) *По старому адресу резиденцы (вообще старому, мы там 2 года не живем, новую резиденцу получили в декабре 2011)*

[резиденца – от ит. *residenza* – ‘местожительство’]

Гораздо реже склоняются итальянские существительные мужского рода в ед. числе, часто заканчивающиеся на *-o* или *-e* (в итальянском языке есть, например, такие слова, как *pollo* ‘курица’, *commesso* ‘продавец’, *quaderno* ‘тетрадь’, *cane* ‘собака’, *pane* ‘хлеб’, *dottore* ‘врач’). Эти слова, однако, легко склоняются во мн. числе (поскольку формально окончания мн. ч. в русском и итальянском языках похожи), как в (28), где родительный падеж, вероятно, образуется от формы *contributi*.

(28) <...> *знач не патят контрибутов...*
[контрибуты – от ит. *contributi* – ‘взносы’]

В эстонском материале существительные, выполняющие функцию референции, склоняются по аналогии с русскими словами реже, чем в итальянском. В нашем материале всего 26 эстонских слов в косвенных падежах, 10 из них – простые слова. Чаще всего это слова, заканчивающиеся на *-a* или на согласную, которые даются в русском предложном и родительном падежах, как демонстрируют примеры (29) и (30) ниже. Отметим, что пример (29) является спорным. *Призма* (лат. – *prisma*) не эстонское слово, оно давно вошло в русский язык как название геометрической фигуры. Кроме того, оно могло быть кому-то в диаспоре известно как наименование финской сети магазинов и до появления ее в Эстонии. Однако в нашем материале *Призма* отсылает к магазину в Эстонии, поэтому мы его рассматриваем в этом контексте как вкрапление, вошедшее в речь диаспоры через эстонский язык.

(29) *Значит кому-то повезло у нас максимум три дня было в Призме.*

(30) *В одно и тоже время перенести или это 2 разных вестлуса?*
[вестлус – от эст. *vestlus* – ‘беседа’]

В эстонском материале чаще всего функцию идентифицирующей референции выполняют эстонские сложные слова, иногда как в (31), они склоняются по аналогии с русскими. Отметим, что в (32) вкрапление является эстонским сложным словом, и оно ошибочно написано пользователем как словосочетание. Подобные случаи, однако, могут быть и спорными, т. к. в эстонском языке могут быть правильны оба варианта написания.

(31) <...> *Так что у меня отношение к ластехойдам скорей скептическое...*
[ластехойды – от эст. *lastehoid* – ‘уход за детьми’, *laste* – ‘детей’ генитив множ. ч. + *hoid* ‘хранение’]

(32) <...> *Заседание только на рииги кеел...*
[рииги кеел – от эст. *riigikeel* – ‘государственный язык’, *riigi* – ‘государства’ генитив ед. ч. + *keel* – ‘язык’]

В итальянском материале было обнаружено лишь 6 сложных слов, например, (33) и (34).

(33) <...> *Есть и эта рыба здесь я покупала в **Esselunge**...*
[Esselunga – ‘длинная буква с’, Esse – ‘буква с’ + lunga ‘длинная’, название магазина]

(34) <...> *Можно делать песто самому в **тритагутто**...*
[тритагутто – от ит. tritatutto, универсальная кухонная измельчительная машина, trita – ‘размельчает’ + tutto – ‘все’]

В обоих корпусах есть небольшое количество гибридных слов. Под гибридными словами (слово с изменениями) мы понимаем итальянские и эстонские слова, к которым добавляются русские суффиксы (уменьшительные, суффиксы прилагательных и т. п.), например:

(35) <...> *Пришлось делить зарплату и брать на ночь **бадантку**...*
[бадантка – от ит. badante – ‘сиделка’]

(36) <...> *Не мой бойлер внутри квартиры, а общий **кондоминиумский**...*
[кондоминиумский – от ит. condominio – ‘товарищество’]

(37) <...> *И парковка есть и от **крестинки** не далеко...*
[Крестинка – от эст. Kristiine, район Таллина, возможно, имеется в виду таллинский торговый центр Kristiine Keskus.]

(38) *Пусть **кадаковцы** и **ласнамяевцы** и впаривают*
[кадаковцы – от эст. Kadaka, район в Таллине; ласнамяевцы – от эст. Lasnamäe, район в Таллине]

Это могут быть существительные, к которым добавляется суффикс -к (35), или слова, которые строятся аналогично русским прилагательным (36). Подобные примеры, могут свидетельствовать об освоении реалий и о частотном появлении их названий в русском дискурсе. Не исключаем и того, что такие примеры как (35), (37) и (38) содержат оценочные коннотации⁵⁵.

Об освоении реалий и частотности употреблений коммуникантами определенных названий свидетельствуют и слова, являющиеся результатом стяжения словосочетаний например:

(39) <...> *Был **аутономо** - стал **субординато**, разница-то им какая?*
[аутономо – от ит. lavoro autonomo – ‘самостоятельная занятость’, субординато – от ит. lavoro subordinato – ‘наемный труд’].

(40) <...> *На **аватуд** ты можешь выбирать любую нагрузку и тд...*
[аватуд – от эст. Avatud ülikool – ‘Открытый университет’]

Пример (39) содержит компоненты частотных атрибутивных словосочетаний (АС), которые, как правило, связаны с получением работы. Важно

⁵⁵ Об итальянском слове *badante* см. 2.4 и 4.2.1.

отметить, однако, что (39) является репликой под топиком *Работа в Италии: правовые аспекты* на форуме *Russianitaly.com*, где другие пользователи употребляют и полные формы. Аналогично (40) является репликой на форуме *Forum.ee* под топиком *Avatud Ülikool* ‘Открытый университет’ – программа преимущественно заочного обучения. Большинство реплик содержит неполную форму, т. к. по названию топика понятно, о чем идет речь.

И в итальянском, и в эстонском материале референцию осуществляют и разного рода слова-кальки. В итальянском материале это в основном семантические кальки, образованные на основе слов, имеющих в русском языке или похожих на них, которым приписывается полностью или частично новое значение, например:

(41) <...> *Вся такая традиционная итальянская **фамилия** в сборе...*
[фамилия – ср. ит. famiglia – ‘семья’]

(42) <...> *В **коммуну** подать заявление и подписать декларацию и уже во вторник официально пожениться?*
[коммуна – ср. ит. comune – ‘городское управление’]

В эстонском материале не обнаружены семантические кальки, встречаются, однако, слова-кальки как результат стяжения эстонских сложных слов и словосочетаний. Примеры (43) и (44) иллюстрируют это явление, которое будет подробнее проанализировано в 3.2.2.1. Подобные примеры в итальянском материале отсутствуют.

(43) <...> *Наш **семейный** уехала, вместо нее такая ... сидит...*
[семейный – от словосочетания *семейный врач*, ср. эст. perearst.]

(44) <...> *Да и еще могут все **материнские** сравнять под эту сумму...*
[материнская – от словосочетания *материнская зарплата*, ср. эст. emapalk, зарплата, выплачиваемая после рождения ребенка одному из родителей (обычно матери), который в течение некоторого периода не работает.]

В целом в эстонском материале намного больше калек словосочетаний, чем в итальянском. Таблица №7 иллюстрирует варианты обнаруженных словосочетаний.

Таблица №7. Варианты словосочетаний

Итальянский корпус		Эстонский корпус	
вариант	количество	вариант	количество
Итальянское словосочетание	148	Эстонское словосочетание	47
Смешанная копия	6	Смешанная копия	25
Калька	1	Калька	19

И в эстонском, и в итальянском материале используются вкрапления-словосочетания, например:

(45) <...> *В лубом случае адвокат через 3 года готовит **леттеру ди диворцио** в суд, а потом судья вас окончательно разводит.*
[леттера ди диворцио – от ит. lettera di divorzio – ‘письмо о разводе’]

(46) <...> *И на водителя есть **теениндая карт***
[теениндая карт – от эст. teenindaja kart – ‘карта обслуживающего персонала’]

В итальянском материале словосочетаний существенно больше, чем в эстонском. В отличие от слов, словосочетания редко склоняются и в эстонском, и в итальянском материале, в подавляющем большинстве случаев они пишутся кириллицей (37 из 47 в эстонском, 105 из 148 в итальянском материале). Однако в итальянском материале 43 словосочетания написаны латиницей, как в (47), в то время как в эстонском только 10, что свидетельствует о степени освоения коммуникантами тех или иных реалий и их названий.

(47) <...> *в **cessione fabbricato** для не граждан ЕС, как я понимаю, необходимости нет...*
[cessione fabbricato – ‘передача помещения’]

Смешанные копии и кальки анализируются в 3.2.2.1 в связи с калькированием и появлением устойчивых атрибутивных словосочетаний в речи диаспоры. Здесь лишь подчеркнем, что количественные различия вариантов словосочетаний, обнаруженных в итальянском и эстонском материале, зависят от системно-структурных свойств итальянского и эстонского языков. Итальянский язык тяготеет к аналитическому способу образования номинаций, в то время как эстонский – к агглютинативно-флективному, поэтому в итальянском материале значительно больше словосочетаний, а в эстонском материале больше сложных слов.

Итак, и в итальянском, и в эстонском материале функцию идентифицирующей референции выполняют чаще всего слова и словосочетания, при этом наблюдается их большая вариативность в обоих корпусах. Варианты слов и словосочетаний, регулярность их появления во многом зависят от системно-структурных и типологических характеристик итальянского и эстонского языков. Формальные сходства итальянского и русского языка, например, облегчают возможность видоизменять итальянские слова, как бы «склоняя» их по аналогии с русскими, а наличие родственных слов в этих языках способствует появлению семантических калек. В эстонском материале больше сложных слов, обусловленных их частотностью в эстонском языке. И в эстонском, и в итальянском материале регулярно референцию осуществляют слова, являющиеся результатом стяжения словосочетаний, однако в итальянском материале это в основном стяжение итальянских

словосочетаний, а в эстонском присутствуют и слова, появившиеся в результате стяжения калькированных эстонских сложных слов и словосочетаний. Последние отсутствуют в итальянском материале, что отчасти тоже объясняется системно-структурными и типологическими свойствами итальянского и эстонского языков. Появление слов в результате стяжения, а также гибридных слов, может зависеть от узуса, от определенных речевых практик, от частотности употребления определенных названий русскоговорящими и об актуальности понятий, к которым эти названия отсылают.

Языковые факторы влияют и на процесс появления определенных устойчивых калькированных атрибутивных словосочетаний (КАС) в языке диаспоры в целом. Этот процесс, однако, тесно связан и с экстралингвистическими факторами, с речевыми практиками, осуществляющимися в определенных хронотопах. Рассмотрим КАС с учетом этого.

3.2.2.1. Калькированные атрибутивные словосочетания (КАС)

Как известно, атрибутивные словосочетания (АС) в русском языке разнообразны по форме, отличаются многообразием формальных характеристик, семантических и стилистических оттенков. Это явление в русском языке характеризуется отсутствием строгих правил употребления вариантов и, как отмечает Е. И. Костанди, «во многих случаях невозможно однозначно ответить на вопрос, почему одни варианты можно рассматривать как синонимы <...>, другие синонимичны, но могут различаться <...>, третьи – явно не синонимичны» [Костанди 2012б: 104]. Наличие потенциальных вариантов требует от говорящего / пишущего выбора одного из них. Такой выбор часто сопровождается изменением прагматического аспекта [Костанди 2011а: 360].

На специфику АС в русском языке Эстонии обращала внимание Е. И. Костанди [Костанди 2006, 2011а, 2012б 2013, 2017, 2018]. Однако АС и их функционирование практически не исследованы на материале речи русскоговорящих Италии. Ниже уделим внимание этому явлению в нашем эстонском материале, далее перейдем к анализу итальянского в сопоставлении с эстонским. При этом будут рассмотрены не только КАС в «чистом» виде, но и слова, и смешанные копии, которые частично пересекаются с КАС, либо являясь результатом калькирования словосочетания, либо предполагая потенциальную возможность такого калькирования. Для краткости изложения в данном разделе будем называть их КАС, черты которых они имплицитно содержат.

Как отмечает Е. И. Костанди, условиями для широкого распространения разных вариантов АС в русском языке Эстонии являются исходная вариативность АС в русском языке, социальные, экономические, политические и др. изменения в жизни носителей русского языка в целом и в диаспоре, в частности, в последний советский и в постсоветский период, изменения в русской речи / языке в период перестройки и в постсоветский период, потребность в новых названиях, местная языковая ситуация [Костанди 2012б:

105]. Важным фактором являются системно-структурные свойства эстонского языка, в первую очередь – характер исходных эстонских слов и словосочетаний.

Эстонские слова / словосочетания могут быть калькированы / переведены, полностью или частично, в результате чего появляются новые атрибутивные словосочетания в русском языке диаспоры [Костанди 2011а, 2012б]. Некоторые устойчивые словосочетания и их варианты, которые были ранее отмечены и другими эстонскими исследователями [см., например, Адамсон 2011; Костанди 2011а, 2012б; Евстратова 2012], есть и в нашем материале. Большинство КАС в эстонском корпусе можно определить как лексические или сочетаемостные кальки [Шанский, Иванов 1987: 40–41; Крысин 2002: 31] эстонских сложных слов, например:

(48) *Касса по безработице* потратила 900 000 на сувениры

(49) *Центристская партия потребовала от министра социальных дел Ханно Певкура объяснений по поводу денег, потраченных Кассой страхования от безработицы.*

Примеры (48) и (49) демонстрируют вариативность перевода названия *Töötu-kassa* (*töötu* – ‘безработного’, генитив, + *kassa* – ‘касса’), учреждения, осуществляющего страхование от безработицы и предоставляющего безработным различные услуги. Отметим, что на русской версии официального сайта данного учреждения его название переводится как *Касса по безработице*.

Устойчивыми словосочетаниями, неоднократно отмечавшимися исследователями, в нашем материале являются и *семейный врач* (*pere* – ‘семья’ генитив, + *arst* – ‘врач’, врач-терапевт, у которого обычно наблюдаются все члены семьи) и *материнская зарплата* (см. также пример (44)):

(50) *Очень нужен хороший семейный врач.*

(51) *Я ещё раз повторяю это материнская зарплата.*

В анализ КАС и их вариантов мы включили и такие примеры, как (52–55), которые рассматривали в разделе 3.2.2 как слова-кальки, появившиеся в результате стяжения словосочетаний.

(52) *Это же я передал семейному.*

(53) *“мама” всегда получает материнскую.*

(54) *2008-го и могла бы поставить сумму дохода значительно выше (для материнки)*

(55) *Тогда материнку будете нормальную получать.*

В (52–55) опускается существительное и прилагательное подвергается субстантивации без потери референтной функции, что свидетельствует об освоенности единиц. Как отмечает Е. А. Макарова, субстантивация происходит в результате «межкатегориального перехода языковых единиц из класса признаков в класс предметных слов» [Макарова 2011: 22]. Это не просто формальная смена, а глубокая, концептуальная перестройка лексемы [там же]. Данные субстантиваты концептуализируют фрагменты действительности – «они изображают предмет как качественное целое, вне времени и степени проявления признака» [там же: 23]. Результаты этого процесса и его продолжение в словообразовании можно видеть в примерах (54–55).

Как проиллюстрировано в таблицах № 6 и №7 в разделе 3.2.2, в нашем эстонском материале мы определили 7 слов и 25 словосочетаний как смешанные копии. Большая вариативность смешанных копий в интернет-дискурсе русскоязычных Эстонии была ранее отмечена А. Вершик [Verschik 2016], выделившей их разные виды. Некоторые из этих видов есть и в нашем материале, например:

(56) <...> *Посмотрели в эхитусрегистре*
[эхитусрегистре – от эст. ehitusregister – ‘регистр строений’]

(57) *Работодатель говорит, что ему нужен исикукод ребенка*
[исикукод – эст isikukood – ‘личный код’, персональный идентификационный код]

(58) <...> *В "Виру"-центре в подвале.*
[Виру-центр – от эст. Viikeskus – ‘центр Виру’, торговый центр в Таллине]

(59) <...> *Ты выше по дороге, где Нымме рынок, который горел недавно*
[Нымме рынок – от эст. Nõmme turg – ‘рынок Нымме’]

(60) *А сколько ЕС даёт сюда денег, которые реформисты плят через **ЮКК-схемы**?*
[ЮКК-схема – от эст. ЮКК-skeem, ЮКК: juriidiliselt on kõik korrektne – ‘юридически все корректно’]

(61) <...> *В банках компы с **ИД-читалками** стояли*
[ИД-читалки – от эст. ID-lugeja – ‘считыватель ИД’]

Примеры (56) и (57) демонстрируют **первый тип** смешанных копий, т. е. пограничные случаи, где первый элемент является эстонским словом, второй интернационализмом и может принадлежать как эстонскому, так и русскому языку. В (58) и (59) представлен **второй тип** – собственные имена или названия локаций, где в первом элементе сохраняется эстонская форма. В **третьем типе** первое слово – эстонская аббревиатура или аббревиатура, которая используется в эстонском языке и через эстонский вошла в язык диаспоры, второе – собственно русское слово или давно русифицированное слово. Этот тип демонстрируют примеры (60) и (61). В (56), (57), (58), (60)

есть интернационализмы (регистр, код, центр, схема), которые могут облегчать появление смешанных копий. Помимо названных случаев, которые были обнаружены и А. Вершик, мы нашли в нашем материале и другие виды смешанных копий, например:

(62) *И почему многих напрягает **дигитальное тв***
[дигитальное тв – от эст. digitaalne tv – ‘цифровое ТВ’]

(63) *Кто-нибудь может подсказать, если врач выписал **дигитальный рецепт** после того как закончились таблетки выписанные по этому рецепту.*
[дигитальный рецепт – от эст. digitaalne retsept – ‘цифровой рецепт’]

(64) *Как можно по майлу послать письмо с **дигитальной подписью**?*
[дигитальная подпись – от эст. digitaalne aalkiri – ‘цифровая подпись’]

(62), (63), (64) можно определить как **четвертый тип** смешанных копий: АС с русифицированным прилагательным. Следует отметить, что в последние годы прилагательное *дигитальный* используется и в России, о чем свидетельствует и национальный корпус русского языка [ruscorpora.ru], нашедший 20 вхождений с этим прилагательным. Скорее всего, данное прилагательное вошло в русский язык в России через английский. В речь русскоговорящих Эстонии оно вошло через эстонский. Кроме того, в национальном корпусе русского языка отсутствуют словосочетания *дигитальное тв / телевизор* (присутствует, однако, *цифровой телевизор*), *дигитальная подпись*. **Пятый тип** смешанных копий, который мы выделили – конструкции, образованные по модели «изафета»⁵⁶ [Костомаров 1996: 216], представленные в примерах (58) и (59) выше и (65) ниже, где *максима*, являющееся именем собственным – названием литовской сети магазинов, предшествует существительному *наклейки*, образуя притяжательную конструкцию.

(65) *Не кто не меняет **максима наклейки***
[максима наклейки – от Maxima kleebised ‘наклейки Максимы’]

Эстонский язык, где в притяжательных конструкциях генитив существительного предшествует номинативу существительного (например, *õpetaja kott* – ‘учителя сумка’, *venna maja* – ‘брата дом’, *ülikooli peahoone* – ‘университета главное здание’), может поддерживать эту модель. Отметим, что в примере невозможно точно установить язык-источник этой конструкции. Магазины *Maxima* и их реклама на русском языке есть в Литве, Латвии и Эстонии, поэтому *максима наклейки* в примере не обязательно появилось

⁵⁶ В 90-е годы XX века под этим термином В. Г. Костомаров имел в виду атрибутивные словосочетания или сложные слова, являющиеся неосвоенными заимствованиями, конструкции, аналогичные некоторым конструкциям в тюркских языках, не имевшие тогда и порой не имеющие и сейчас единого варианта написания, например шоп-туристы, вип-персона, кол-центр и т. п. [Костомаров 1996: 216].

под влиянием эстонского. Кроме того, слово *максима* есть и в русском языке (от лат. *maxima*) со значением «основное правило, принцип».

Итак, КАС в эстонском материале характеризуются большой вариативностью. Это обусловлено не только контактной ситуацией, но и закономерностями развития русского языка. В некоторых из рассматриваемых примеров проявляются черты глобализации, о чем могут свидетельствовать интернационализмы, сложность определения языка-источника, общность некоторых конструкций в разных диаспорах и метрополии, сложность установления направления перевода. Далее перейдем к сопоставлению эстонского материала с итальянским.

В итальянском обнаружено значительно меньше КАС, чем в эстонском. В эстонском языке сложные слова облегчают появление КАС. В итальянском корпусе и в целом в итальянском языке эта основа не столь представительна (сложные слова составляют 1% нашего корпуса), АС используются в их итальянском варианте, как в (66) и (67) и редко калькируется.

(66) <...> *Certificato di residenza*. Мы сделали на всякий случай.
[Certificato di residenza – ‘свидетельство о резиденции’]

(67) <...> *Переносится ли комуньоне дей бени в браке*.
[комуньоне дей бени – от ит. *comunione dei beni* – ‘общность имущества’]

С одной стороны, это можно объяснить тем, что в итальянском языке слово, обозначающее атрибут обычно находится в постпозиции, в эстонском – в препозиции, и, возможно, это может препятствовать или способствовать появлению определенных типов КАС, как, например, смешанные копии, представленные выше, с другой – степенью освоенности реалий и соответствующих единиц. Единственная калька АС в итальянском корпусе следующая:

(68) *В таблице званий Финансовой гвардии много разных maresciallo*.
[финансовая гвардия – от ит. *guardia di finanza* – ‘финансовая полиция’]

Финансовая гвардия является специальным военизированным формированием, предназначенным для защиты финансовых, экономических и военно-политических интересов государства. Словосочетание образовано по русской модели, в нашем корпусе есть всего один случай его употребления. Это название, однако, встречается на веб-страницах на русском языке, описывающих вооруженные силы разных стран, что могло повлиять на его распространение.

В итальянском материале обнаружено всего 7 случаев, которые можно рассматривать как смешанные копии, что демонстрируют примеры (69) и (70).

(69) *Без документов ин регола МУТВО банк не сделает*
[документы ин регола – от ит. *documenti in regola* – ‘документы по закону’]

(70) <...> Если только хитрый адвокат не прописал в **контракте ди сепарационе** замудрую фразу
 [контракт ди сепарационе – от ит. contratto di separazione – ‘контракт о временном прекращении брака’]

В данных примерах копируется вторая часть словосочетания. Появлению таких копий, особенно в итальянском материале, способствует и интернационализмы, облегчающие переключение с одного языка на другой [Слуpe 2003: 163–192]. В эстонском есть единицы, в которых русские слова, в том числе давно вошедшие в русский язык интернационализмы или иные заимствования, следуют за эстонскими (см. *ехитусрегистр* в (56), *исикикод* в (57)).

КАС в итальянском материале, в отличие от эстонского, не подвергаются стяжению, что может свидетельствовать о степени освоенности единицы в речи диаспоры. Однако, как было отмечено в 3.2.2 в нем есть слова, появившиеся в результате стяжения итальянских устойчивых АС. Для обобщения и наглядности количественных различий КАС, их возможных основ в эстонском и итальянском корпусе (эстонских или итальянских сложных слов и словосочетаний) и других форм ниже представим это на диаграмме №6.



Диаграмма №6. Соотношение КАС и других вкраплений, выполняющих функцию идентифицирующей референции, в эстонском и итальянском материале

Как показано на диаграмме, КАС составляют 18% эстонских вкраплений, что свидетельствует о регулярности их появления в речи русскоговорящих Эстонии. КАС в итальянском материале значительно меньше (1% вкраплений), и они варьируются в меньшей степени: обнаружены одна калька и некоторые смешанные копии.

В основном различия между итальянским и эстонским материалом обусловлены языком-источником. Однако отдельные примеры говорят о том, что форма конкретного вкрапления может быть обусловлена частотностью некоторых названий в дискурсе диаспоры и, следовательно, актуальностью фактов / предметов / явлений, к которым эти названия отсылают, а также речевыми практиками.

Как отмечает, например, Л. П. Крысин, при определении калек и других контактных явлений важно обращение к внеязыковой действительности. Если явление, которое какая-либо конструкция обозначает, «пришло к нам

извне, то, можно с большой вероятностью предположить, что и его наименование либо “материальная” иноязычная единица (т. е. лексическое или фразеологическое заимствование), либо калька» [Крысин 2002: 31]. Соответственно, обратимся к реалиям, к которым отсылают разные вкрапления, выполняющие функцию идентифицирующей референции, в частности, АС, КАС и сложные слова в эстонском и в итальянском материале, т. к. соотношение с местными реалиями, разумеется, наиболее характерна для вкраплений, выполняющих эту функцию. Отметим, однако, что не всегда возможно однозначное определение конкретной функции вкраплений и что существуют промежуточные и спорные случаи.

3.3. Содержательный аспект вкраплений

Вкрапления в нашем материале обозначают реалии, относящиеся к разным сферам жизни. Соответственно, выделяются определенные лексико-семантические группы (ЛСГ) вкраплений. Отдельные слова или иные единицы вне контекста не всегда можно однозначно отнести в какой-либо группе, однако учет контекста позволяет это сделать. ЛСГ, как известно, имеют центр и периферию, что наблюдается и в нашем материале. Разные ЛСГ частично пересекаются, границы между ними гибкие, поэтому не всегда возможно точно назвать ЛСГ и предлагаемые ниже названия отражают самую общую характеристику той или иной группы.

Выявленные в нашем материале ЛСГ довольно широки, их можно разделить на более частные. Мы выделили такие, например, как *пространство*, куда отнесли все вкрапления, называющие разные локации (города, улицы, здания и т. п.). К группе *время* мы отнесли вкрапления, называющие дни недели, месяцы и т. п., и т. д. К NA (not available) отнесены случаи, которые было невозможно классифицировать. Все выявленные ЛСГ представлены на диаграмме №7 и перечислены по убывающей, ЛСГ, одинаковые в итальянском и в эстонском материале, для наглядности сопоставления обозначены одним цветом.



Диаграмма № 7. ЛСГ вкраплений

Как показывает диаграмма, некоторые группы в двух корпусах совпадают тематически, однако различаются пропорционально, есть и различающиеся группы, специфические для какого-либо из корпусов. В итальянском и в эстонском материале частотны вкрапления, отсылающие к официально-деловой сфере, к пространству и к человеку. Вкрапления, связанные с пространством, будут подробнее анализироваться в **шестой главе**, посвященной пространственной рефлексии коммуникантов. В отличие от эстонского, в итальянском материале есть вкрапления из сфер *еда* и *дом* (в последнюю входят домашняя техника, покупки и траты для дома, части дома и т. п.). Возможно, эти сферы более актуальны для женщин, которые и составляют подавляющую часть итальянских коммуникантов. Добавочным фактором является то, что множество этих женщин живут в смешанных семьях с итальянскими супругами [Perotto 2014; Николаева 2014]. Кроме того, в окружающей повседневной практике жители Италии, в отличие от эстонских, как правило, не имеют дело с русскими наименованиями. С другой стороны, в итальянском материале отсутствуют вкрапления, которые можно отнести к сферам *политика* (например, названия партий, политических движений и т. п.) и новым (цифровым) технологиям (например, предметы, связанные с цифровыми услугами и т. п.), которые встречаются в эстонском материале.

Наши данные показывают, что вкрапления одной и той же тематической сферы в итальянском и в эстонском материале различаются. Поскольку процент вкраплений *официально-деловой* сферы и сферы *человек* довольно высок и в итальянском, и в эстонском корпусах, сравним эти сферы, подразделяя их на более узкие тематические группы, что представлено на диаграммах №8 и №9.



Диаграмма №8. Официально-деловая сфера

К официально-деловой сфере относятся документы и услуги, связанные с образованием, финансами, подтверждением местожительства, годностью транспортного средства и т. д.

Общие группы для итальянского и эстонского корпусов – образование (71) и (72), работа (73) и (74), государственные документы / услуги⁵⁷ (75) и (76).

⁵⁷ В этой группе объединены документы и услуги, не относящиеся к другим тематическим сферам (образование, работа и др.), в которых государство тоже может быть представлено.

(71) <...> *А где получали вы **diploma di ragioneria**?*
[diploma di ragioneria – ‘диплом по бухгалтерии’]

(72) *В системе **Маяндускоол**, где оценки выставляются в электронном виде.*
[Маяндускоол – от эст. Majanduskool – ‘Бизнес-школа’, учебное заведение]

(73) *Средний инженер в отделе проектирования имеет 1200, но с **индетерминато**.*
[indeterminato – от contratto a tempo indeterminato – ‘бессрочный контракт’]

(74) *А скоро **палка пяев** у бюджетников в пистонии!*
[палка пяев – от эст. palga päev – ‘день зарплаты’]

(75) *Лично ходили в местный **USL** и общались*
[USL – от Unità sanitaria locale – ‘местное здравоохранение’]

(76) *Ага, то и имеем, что нас по полной государство в лице **максуамета** имеет.*
[Максуамет – от эст. Maksu- ja Tolliamet – ‘Налогово-таможенный департамент’]

Необщая выделенная нами группа – *страховки*, обнаруженная только в эстонском материале (77).

(77) *Я вроде перенёс из **ханса киндлустус** 3 года стажа*
[ханса киндлустус – от эст. Hansa kindlustus – ‘Ганза страховка’]

Хотя к сфере *государственные документы / услуги* можно отнести и примеры, где вкрапления отсылают к эмиграционным вопросам, ввиду особенностей русскоязычной диаспоры Италии мы выделили отдельно группу *эмиграция*, которая составляет 30% от нашего итальянского материала. В (78–80) вкрапления называют документы, связанные с эмиграционными вопросами, и процессы, важные для переселения в Италию. В эстонском корпусе к этой сфере можно отнести лишь один пример (81).

(78) *У нотариуса я предъявляла **Карту ди соджерно**...*
[карта ди соджерно – от ит. carta di soggiorno – ‘карточка вида на жительство’]

(79) *Просто права у меня были московские. оказывается, в течении года после получения **резиденцы** в Италии, нужно было конвертировать права на итальянские.*
[резиденца – от ит. residenza – ‘местожительство’]

(80) *Можно было бы жить отдельно, но вот **пермессо** в марте кончится, а там как???*
[пермессо – от ит. permesso di soggiorno – ‘вид на жительство’]

(81) *Не паспорт еламислуба в эстонии приравнена*
[еламислуба – от эст. elamisluba – ‘вид на жительство’]

В эстонском материале вкрапления сферы *государственные документы / услуги* в основном называют удостоверения личности, документы на получение / продажу недвижимости, государственные учреждения / услуги и различные сертификаты, справки, разрешения, что демонстрируют примеры (82–84). Некоторое количество из этих вкраплений, как в (85) и (86) обозначает государственные электронные услуги / документы, типичные для современного эстонского государства. Такие вкрапления отсутствуют в итальянском материале, где эти возможности отсутствуют или не столь распространены, как в Эстонии.

(82) *Я с 3 раза нашла, то, что мне нравится-Maksundus (Налогообложение).*

(83) *Да зачем безысмены! Максуамет жалуется бабки кончаются*
[Максуамет – от эст. Maksu- ja Tolliamet – ‘Налогово-таможенный департамент’]

(84) *Бессрочно выдается луба...*
[луба – от эст. luba – ‘разрешение’]

(85) *Дигилугу - не единственный регистр*
[дигилугу – от эст. digilugu дословно – ‘электронная история’, эстонский медицинский портал]

(86) *Есть ли возможность ставить цифровую подпись с использованием Mobiil-ID на OS Android?*
[Mobiil ID – ‘мобильная ИД’, мобильное приложение идентификации личности и цифровой подписи]

Важно отметить, что около 30 эстонских вкраплений сферы *государственные документы / услуги* можно рассматривать как КАС, например:

(87) *Это тоже подтверждающий личность документ, но не ид-карта.*
[ид-карта – от эст. ID-kaart – ‘идентификационная карта’]

(88) *Но можно сделать это и раньше, без такого оборота, подав заявление в налоговый департамент.*
[налоговый департамент – от эст. Maksu- ja Tolliamet – ‘Налогово-таможенный департамент’]

Множество итальянских вкраплений сферы *семейные отношения* (отсутствуют в эстонском материале) также называют государственные документы или юридические процессы, как например в (89) и (90).

(89) *Separazione consensuale*, при имущественном режиме.
[Separazione consensuale дословно – ‘обоюдное разделение’, юридический статус раздельного проживания супругов]

(90) *Сейчас он считает, что может очень быстро (1 месяц) получить развод.*
[дыворцио – от ит. – divorzio ‘развод’]

В итальянском материале отсутствуют относящиеся к этой сфере КАС в чистом виде, однако есть пересекающиеся с КАС смешанные копии, называющие реалии сфер *семейные отношения* (91) *еда* (92), *дом* (93), *эмиграция* (94) и *работа* (95).

(91) <...> *Хитрый адвокат не прописал в контракте ди сепарационе замудрую фразу.*
[контракт ди сепарационе – от ит. contratto di separazione – ‘контракт о временном прекращении брака’]

(92) <...> *Из мякоти зимой готовят помидорный соус*
[помидорный соус – от ит. salsa di pomodoro – ‘томатный соус’]

(93) *В 13 году поменяли кондоминиальный бойлер и установили в каждую квартиру счетчики.*
[кондоминиальный бойлер – от ит. caldaia condominiale – ‘общий бойлер’]

(94) <...> *Знаю, что без документов ин регола квартиру в Италии не купить!*
[документы ин регола – от ит. documenti in regola – ‘документы по закону’]

(95) *Банковская импиегата то же самое, ни о каких двух штуках и речи нет!*
[Банковская импиегата – ср. ит. impiegata bancaria – ‘банковская служащая’]

Далее перейдем к рассмотрению вкраплений, называющих человека. И в эстонском, и в итальянском материале значительный процент вкраплений характеризует человека по разным признакам, которые представлены на диаграмме №9: национальность, профессия, место проживания, отношения (семейные, любовные).

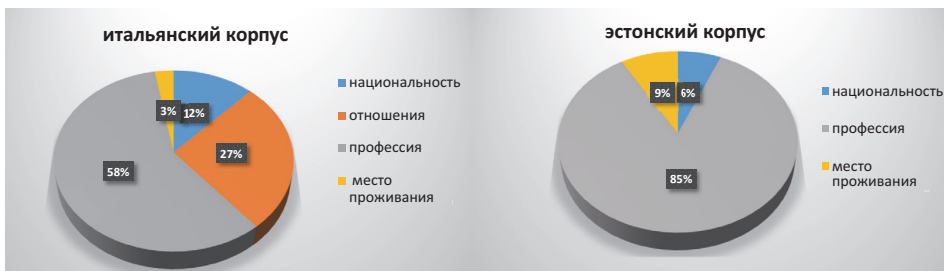


Диаграмма № 9. Сфера человек

Общими для итальянского и эстонского материала являются подгруппы национальность (96) и (97), место проживания (98) и (99), профессия (100) и (101).

(96) <...> *Раньше у нас только **cinesi** были...*
[cinesi – ‘китайцы’]

(97) <...> ***Ести тюдрук** по-русски даже спасибо не сказала даже как-то не приятно...*
[Ести тюдрук – от eesti tüdruk – ‘эстонская девушка’]

(98) *Парень из семьи **пульезе***
[пульезе – от pugliese – ‘апулийский’ – из области в южной Италии]

(99) *А **кохтла ярвских** тут не обитает?*
[кохтла ярвские – люди из эстонского города Кохтла-Ярве]

(100) *Так что **комерчалиста** – хорошо*
[комерчалиста – от ит. commercialista – ‘специалист по торговому праву’]

(101) *Всегда и везде востребованы **рааматупида***
[рааматупида – от эст. raamatupidaja – ‘бухгалтер’]

В нашем материале есть некоторое количество вкраплений, обозначающих национальность и семейные отношения (102, 103, 104), которые мы определили как выполняющие функцию идентифицирующей референции. Однако некоторые примеры могут быть спорными, т. к. отсылают к конкретному человеку или группе людей в негативно-оценочных контекстах и могут иметь и оценочные коннотации (см. четвертую главу диссертации).

В эстонском материале 11 вкраплений обозначают профессию *семейного врача*, о которой речь шла выше. Это словосочетание мы рассматривали выше как КАС. В итальянском материале в этой сфере не обнаружилось КАС. В сфере *человек* в итальянском материале мы выделили подгруппу *семейные отношения*, которую образуют вкрапления, отсылающие к личным или семейным отношениям, например:

(102) *Меня зовут Галя и мой **фиданцато**⁵⁸ подставил меня по всем пунктам*
[фиданцато – от ит. fidanzato – ‘жених, молодой человек’]

(103) *Да пусть моя **суочера** сколько хошь болтает со своим сыном*
[суочера – от ит. suocera – ‘свекровь’]

⁵⁸ Конкретное значение слова может определяться контекстом.

(104) *А если там все в Бога верят, то и надо объяснить марде и падре вашего marito, что "он нас с вами и свел, чтобы одни могли работать, в то время как другие смотрят за детьми"*

[мадре – от ит. madre – ‘мать’, падре – от ит. padre – ‘отец’, marito – от ит. marito – ‘муж’]

Вкрапления, обозначающие личные и семейные отношения отсутствуют в эстонском материале, что объясняется гендерным фактором русскоязычной диаспоры Италии. Как было отмечено ранее, большинство русскоговорящих в Италии – женщины. Коммуниканты отмечают специфику итальянских отношений и довольно регулярно обсуждают их на форумах и в фейсбук-группах. *Фиданцато* в (102) отсылает к итальянскому жениху, молодому человеку. В зависимости от региональных особенностей итальянского языка *fidanzato* может обозначать просто молодого человека, с которым имеются отношения, или жениха, помолвленного. Так же *суочера*, *марито*, *мадре*, *падре* в (103) и (104) отсылают к итальянским свекрови, мужу, матери, отцу.

Итак, вкрапления *официально-деловой* сферы и сферы *человек* в итальянском и в эстонском материале имеют общие черты, называя предметы / явления, связанные с образованием, работой, государством, что обусловлено потребностью коммуникантов отсылать к актуальным для них предметам / явлениям. Вкрапления также характеризуют человека по разным признакам. Однако существуют некоторые тематические особенности итальянских и эстонских вкраплений, связанные со спецификой диаспоры, ее хронотопом и с актуальностью в нем тех или иных вопросов.

Анализ тематических сфер продемонстрировал и некоторые формальные особенности. Так, относительно большое число эстонских КАС относятся к сфере *государственные документы / услуги*, а в сфере *человек* использовались КАС, обозначающие *семейного врача*. КАС, называющие документы и процессы, связанные с эмиграцией и домашней сферой, преобладают в итальянском материале, но отсутствуют в эстонском, что свидетельствует о большей актуальности соответствующих реалий для авторов комментариев, живущих в Италии. С другой стороны, в итальянском материале отсутствуют КАС, связанные, например, с номинациями государственных и других органов, услуг. Появление этих КАС в эстонском материале, в частности, обусловлено наличием текстов билингва, где множество названий этой сферы имеют русский вариант. Появление и закрепление анализируемых КАС обуславливают не только особенности контактирующих языков, но и речевые практики, значимость определенных номинаций в социуме и их частотность.

ВЫВОДЫ

Обобщая результаты анализа, можно сказать, что в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии вкрапления регулярно обеспечивают идентифицирующую референцию. И в итальянском, и в эстонском материале эту функцию выполняют слова, словосочетания, комплексное переключение и аббревиатуры. Частотность, форма и ЛСГ этих средств имеют как общие черты, так и частично различаются в итальянском и в эстонском материале.

На форму вкраплений, обеспечивающих идентифицирующую референцию, влияют структурно-системные свойства контактирующих языков, а также экстралингвистические факторы – коммуникативная ситуация, речевые практики, социальные, экономические и другие условия. От языковой системы зависит преобладание простых слов в итальянском материале и их склонение по аналогии с русскими словами, калькирование семантики этимологически связанных слов. Частично от языковой системы зависит преобладание итальянских словосочетаний в итальянском материале, эстонских сложных слов и КАС в разной форме в эстонском. Словосочетания в итальянском материале часто называют предметы / явления официально-деловой сферы, эмиграции. Данные сферы, вероятно, представляют собой нечто новое для авторов, общающихся на форумах и в фейсбук-группах русскоязычных жителей Италии, и являются для них актуальными. Такие вкрапления чаще всего перенимаются целиком на итальянском языке.

Помимо малочисленных смешанных копий в итальянском материале не наблюдается большой вариативности в процессе калькирования сложных слов и словосочетаний (КАС). В эстонском материале более вариативны КАС, которые часто относятся к официально-деловой сфере. Высокая частотность КАС и их вариативность в эстонском материале объясняются характером исходных эстонских слов и словосочетаний и вариативностью атрибутивных словосочетаний в русском языке. Эта вариативность, однако, не столь очевидна в итальянском материале. Массово подобные словосочетания вошли в речь русскоязычных жителей Эстонии в 90-е годы XX-ого века через эстонский язык для обозначения новых реалий в официально-деловой сфере. Отметим, что зафиксированные в нашем материале КАС не придуманы пользователями, а давно существуют в речи диаспоры, в разных текстах на русском языке, часто официально приняты и широко распространены. Частотность и вариативность данных словосочетаний и сложных слов в эстонском материале, на наш взгляд, свидетельствует о концептуальном освоении реалий, к которым они отсылают [Деци 2020а; Verschik 2016]. Русскоязычная диаспора Италии – более поздний феномен, находящийся на начальной стадии процесса вхождения в ее жизнь и речь новых понятий / реалий и соответствующих слов, у чего, возможно, не будет развития, если следующее поколение русскоговорящих Италии перейдет на итальянский язык.

Анализ материала показал и сложность установления границ вкраплений, что связано с вариативностью языковых средств и речевыми практиками в определенных хронотопах.

Формы и частотность появления вкраплений зависят и от языковой системы, и от факторов прагматического характера, что говорит о том, что их использование обусловлено и попыткой коммуникантов удовлетворить свои потребности, коммуникативные и материальные. Итальянские и эстонские вкрапления характеризуются сингулярными признаками, что позволяет успешно отсылать к конкретным предметам / явлениям. В то же время вкрапления содержат и некое представление о референте, которое, с одной стороны, отражает окружающую действительность, с другой, в определенной мере субъективно.

В условиях диаспоры, как и в любых других, у коммуникантов появляется необходимость осмыслить собственный социальный опыт, выражая свое отношение к окружающей действительности, что обеспечивают, в частности, и вкрапления, выполняя не только функцию идентифицирующей референции. Как было отмечено выше, некоторые вкрапления помогают не только отсылать к конкретному предмету / явлению, но, взаимодействуя с окружающим контекстом, выступая в нем как индексальные знаки, позволяют говорящим и выразить свое субъективное отношение к определенным объектам / явлениям / словам, свои эмоции. На этом аспекте функционирования вкраплений сосредоточимся ниже и рассмотрим функцию оценки.

ГЛАВА 4. ФУНКЦИЯ ОЦЕНКИ ВКРАПЛЕНИЙ

4.1. Оценка: теоретические основы

Как справедливо отмечает А. К. Абишева, осевой смысл человеческого бытия составляют те или иные ценности [Абишева 2002: 140]. Они выполняют функцию «повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности» человека [Старостина 2007: 233] и отражаются в языке, где многое предопределено механизмами социального и внутреннего состояния человека, его отношением к миру. Именно в языке человек имеет возможность «наиболее ярко и образно выразить свое отношение к окружающей действительности во всем ее многообразии, т. е. выразить ее оценку» [там же: 232].

М. М. Бахтин подчеркивал диалогическую природу оценки в вербальной деятельности человека. Согласно исследователю, «всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание вселенной, и он предполагает не только наличие системы того языка, которым он пользуется, но и наличие каких-то предшествующих высказываний – своих и чужих, – к которым его данное высказывание вступает в те или иные отношения (опирается на них, полемизирует с ними, просто предполагает их уже известными слушателю)» [Бахтин 1986: 261]. Важнейшие функции коммуникативного процесса – те, с помощью которых его участники позиционируют себя по отношению к существующим или потенциальным, предполагаемым, ожидаемым высказываниям [White 2008: 144]. Язык – механизм конструирования интересубъектных отношений и позиционирования говорящего / пишущего среди всего многообразия точек зрения. Эти точки зрения сопоставляются, ставятся под сомнение в коммуникативных актах с учетом реальных или воображаемых участников коммуникации, чьи ответы (реальные или вымышленные / предполагаемые) обсуждаются, оцениваются.

Категория оценки широка. Исследователями были выделены разные пересекающиеся понятия, предполагающие механизмы человеческого самовыражения, например, включенность (*involvement*), оценка (*evaluation*), позиция (*stance*). Под термином *involvement* У. Чейф и Д. Таннен подразумевают интерактивные особенности текста, воздействующие на эмоциональную вовлеченность слушателя / читателя [Chafe 1982; Tannen 1985]. Оценку (*evaluation*) У. Лабов и Дж. Валецки понимают как элементы повествования, позволяющие автору передать свою субъективную интерпретацию событий так, чтобы сделать рассказ более выразительным и интересным для слушателя / читателя [Labov, Waletzky 1967]. Разные понятия и дефиниции оценки представляют разные ее виды и компоненты, на чем остановимся ниже, опираясь на работу Е. М. Вольф [Вольф 2006]. Автор

определяет языковую оценку как «ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться следующим образом: «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [Вольф 2006: 5]. Е. М. Вольф выделяет модальную оценку, в основе которой лежит структура $A \text{ г } B$, где A – оценивающий субъект, B – объект, и $г$ – оценочное отношение. R является предикатом этой модальной формулы, ему свойственны разные признаки, которые определяют оценочное отношение субъекта к объекту. Исследователь выделяет следующие признаки предиката $г$: «“эмотивность” или “оценочность” как собственно отношение по признаку “хорошо / плохо”, а также “эмоциональность / рациональность”, “аффективность”» [Вольф 2006: 12]. Также автором выделяются две разновидности оценки – оценка *de dicto* и оценка *de re*. Эти две структуры оценки обусловлены тем, что в структуре *de dicto* модальность приписывается предложению («Хорошо, что P »), в то время как в структуре *de re* определённый признак приписывается объекту (« X – хороший») [Вольф 2006: 13]. По мнению Е. М. Вольф, в языковых выражениях оценка *de re* играет важнейшую роль, т. к. большинство оценочных суждений в действительности обычно направлены на те или иные свойства объектов. Эта оценка может быть абсолютная или сравнительная. Формула абсолютной оценки «хорошо / плохо», в то время как формула сравнительной – «лучше / хуже» [Вольф 2006: 15]. Однако хотя в абсолютных оценочных структурах сравнение прямо не выражено, они всегда имеют в виду оценочный стереотип и шкалу, на которые оценка ориентируется. Это соотносится с тем, что «оценка находится под влиянием двух факторов: объективной нормы, существующей в обществе, и субъективной нормы, своего представления о признаках предмета. Сравнивая свое и чужое представление о референте, субъект делает вывод об отклонении качеств предмета от нормы и оценивает предикацию» [Трушицына 2020: 274]. Е. М. Вольф отмечает, что система положительной и отрицательной оценки в языке асимметрична, т. к. оценочная система направлена в сторону негативизма. Поэтому слова семантической зоны «среднего» тяготеют к выражению отрицательной оценки *ср. средний, посредственный, ни то, ни се* [Вольф 2006: 20].

Важный компонент оценки – эмотивность, состоящая из собственных эмоций субъекта и тех, которые субъект хочет внушить собеседнику [Вольф 2006: 24]. Причиной эмоций является объект оценки, который своими признаками вызывает их у субъекта: «то, чему я радуюсь, хорошо (с моей точки зрения), то, чем я возмущаюсь, плохо» [Вольф 2006: 38]. Это позволяет говорить об эмоционально-оценочном членении мира в процессе его познания человеком. Согласно С. В. Пашкову, данное членение детерминирует оппозиция «свой» – «чужой», актуализирующая диалогизм высказываний, в основе которых лежит оппозиция «я» – «другой» [Пашков 2015: 92].

С эмоциональной оценкой связана экспрессивность в речи, рассматриваемая Е. М. Вольф как свойство не отдельных слов, а высказываний в целом [Вольф 2006: 42]. Главная функция экспрессивности в речевых актах – усилить эмоциональное воздействие на собеседника [Вольф 2006: 42].

Согласно В. К. Харченко, экспрессивность в речи создается с помощью языковых элементов, которые не соответствуют языковым стандартам, поэтому категория экспрессивности связана с такими факторами, как образность, интенсивность и т. п. [Харченко 1976: 68]. В частности, экспрессивность высказываний может образоваться в ходе переплетения своих и чужих слов и отражать процесс позиционирования говорящего [Günthner 2002].

Согласно Д. Байберу и Э. Финегану, позиционирование говорящих происходит посредством «лексического и грамматического выражения отношений, чувств, суждений или обязательств относительно пропозиционального содержания сообщения» [Viber, Finegan 1989:124], что способствует выражению субъективной точки зрения, касающейся предлагаемой информации [Viber 2004]. При определении понятия «позиция» Э. Окс обращает внимание на взаимоотношение *язык – культура*. Исследователь выделяет аффективную и эпистемическую позицию. Первая является «социально признанным чувством, отношением, настроением или степенью эмоциональной напряженности» [Ochs 1990: 2]. Вторая – это «социально признанный способ восприятия пропозиции, как, например, прямое (эмпирическое) и косвенное (полученное через посредничество других) знание, степень достоверности и специфичности» [там же]. Некоторые исследователи, например, Э. Кярккяйнен и Дж. У. Дюбуа, подчеркивают, что позиционирование происходит при взаимодействии своих и чужих слов. Позиция определяется Э. Кярккяйнен как социальный акт, который достигается в диалоге с участниками коммуникации [Kärkkäinen 2007: 183]. В этом процессе говорящий совершает три действия: 1) оценивает объект, 2) позиционирует субъекта (обычно себя), 3) присоединяется к другим субъектам. Это значит, что позиционирование – «это публичное действие социального актора, осуществляемое диалогически посредством коммуникативных ресурсов, оценки объектов и позиционирования субъектов (себя и других) по отношению к любому актуальному аспекту социокультурного поля» [Du Bois 2007: 163].

Позиционирование говорящего может проявляться как речевая агрессия. Речевая агрессия – «не единая форма поведения, отражающая одно побуждение» [Седов 2005: 88]. Она имеет разные лики, подчас маскируясь под корректность [Филиппова 2009: 87] и может быть прямой / косвенной, инструментальной / неинструментальной, враждебной / невраждебной и т. д. [Седов 2005: 88]. Эмоциональные и экспрессивные составляющие речевой агрессии подчеркиваются Е. А. Картушиной и К. Ф. Седовым, определяющими речевую агрессию как «тип языковой экспрессии, <...>, выражение недоброжелательных или даже враждебных чувств, высказывание отрицательной оценки к явлению, действию или предмету» [Картушина 2018], «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т. п.) у объекта речевого воздействия» [Седов 2005: 88], дискредитировать и унижить определенного человека, группу людей, организацию или общество в целом [Иванов и др. 2009: 562–564]. Основным

показателем прямой речевой агрессии являются стилистически маркированные речевые средства: экспрессивно-окрашенная лексика, грубо-просторечные слова и словосочетания и пр., часто появляющиеся в таких речевых актах, как оскорбления, угрозы, злопожелания [Карякин 2009: 164; Седов 2005: 89]. Непрямая речевая агрессия «содержится в речевом акте, негативная иллокуция которого не вытекает из суммарного значения входящих в высказывание компонентов» [Седов 2005: 89]. Подобный тип воздействия проявляется, например, в речевых жанрах колкости и насмешки, иллокутивная сила которых зависит от игры пресуппозициями [там же]. Речевая агрессия «является неотъемлемой частью социокультурной когнитивной матрицы как модели взаимосвязи и взаимоотношений, <...> и регулирует социальную интеракцию» [Ларинова 2017: 199]. Речевая агрессия выполняет ориентирующую функцию в сообществе, взаимодействует с материальным субстратом среды, позволяя определить «свое» и «чужое» пространство [там же].

Как отмечается в [Ochs, Schieffelin 1989], механизмы выражения оценки пронизывают всю языковую систему. Оценка выражается разными языковыми средствами на всех уровнях – фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Языковыми средствами, способствующими выражению оценки, могут быть, к примеру, аффиксы, отдельные слова, частицы и т. д. [Вольф 2006: 6]. Важным аспектом передачи оценочных значений является синтаксическая позиция. Е. М. Вольф отмечает, что типичной позицией для актуализации и усиления оценочных смыслов является предикативная, и утверждает, что «дескриптивные слова, не имеющие квалификативного смысла, «не любят» предикативной позиции, ср.: «медицинская этика», но «эта этика – медицинская»» [Вольф 2006: 31]. Оценочные значения проявляются и в сочетаниях, где «истинность» признака усиливается с помощью прилагательных типа *настоящий*, *истинный* и т. п. ср.: «он художник» (классификация) и «он истинный художник» (оценка). Оценочное значение также усиливается в восклицательных конструкциях и в экспрессивных высказываниях, содержащих определительное местоимение *какой*. Такие конструкции обозначают высокую степень качества [Вольф 2006: 32]. Оскорбительные слова также выдвигают на первый план эмотивный компонент оценочного предиката и могут служить средством агрессии. В таких случаях выражается прежде всего отношение говорящего к объекту оценки, а не свойства объекта. Другим способом выражения оценки является языковая игра⁵⁹ [Качалова 2010: 83].

Важным компонентом языковой игры в Интернете становится иноязычное слово, которому в процессе освоения и заимствования часто приписываются оценочные признаки [Крысин 2008: 72]. Как отмечает Л. П. Крысин, «иноязычная лексика представляет собой такой лингвистический объект, в

⁵⁹ Языковая игра будет более детально рассмотрена в связи с языковой рефлексией пользователей в пятой главе диссертации.

котором подчеркиваются самые различные, иногда противоречивые социальные оценки» [Крысин 2008: 70]. При заимствовании семантика слов может подвергаться «сдвигам», за счет чего часто «оценка появляется у слов, которые в языке-источнике либо не содержали никакой оценки, либо эта оценка была с другим знаком» [Крысин 2008: 72; см. также Прокутина 2009: 123]. Еще В. В. Виноградов утверждал, что «само предметное значение до некоторой степени формируется оценкой и оценке принадлежит творческая роль в изменениях значений» [Виноградов 2001: 25], что можно соотносить с одним из важнейших тезисов психолингвистики о том, что «именно концепт определяет семантику языковых средств, использованных для его выражения» [Алефиренко, Корина 2011:31]. По мнению Л. П. Крысина, «в основе оценки, которая может составлять часть лексического значения иноязычного слова, как правило, лежит определенный взгляд на вещи, угол зрения, под которым говорящий рассматривает данное явление, понятие, тот или иной предмет» [Крысин 2008: 82]. Данная точка зрения соотносится с тем, что переключение с одного языка на другой необходимо интерпретировать с учетом культурно-специфичных связей между языками и идентичностями, ценностями и отношениями [Jaffe 2007: 55].

Говорящие осмысливают свои чувства и выражают свои эмоции по-разному в разных языках [Wierzbicka 2004: 94]. Люди, владеющие несколькими языками, могут приписывать языковым средствам те или иные аффективные значения в зависимости от собеседников. Говорящие могут использовать языки для обозначения разнообразных аффективных установок, смешивать языки для передачи эмоциональных коннотаций [Pavlenko 2005: 131]. Некоторые слова становятся экспрессивными в связи с социально-политическими условиями [Бахтин 1986: 281]. Переключение с одного языка на другой позволяет говорящему создать «коммуникативное многоголосие» (*communicative multivocality*), чтобы выразить свою позицию в определенном социокультурном контексте [Jaffe 2007: 54]. Участники коммуникативного акта способны понимать оценочную составляющую кодовых переключений на основе общих языковых, социальных и исторических знаний, т. е. пресуппозиции [там же: 55]. Как отмечал М. М. Бахтин, несмотря на богатый арсенал языковых средств, имеющихся в языке для выражения эмоционально-оценивающей позиции, «действительную оценку может осуществить только говорящий в своем конкретном высказывании» во взаимодействии с другими высказываниями, своими и чужими словами и на социокультурном фоне коммуникации [Бахтин 1986: 279–280]. Следовательно, определить конкретную функцию вкраплений, в том числе оценочную, сложно, есть множество контекстуально обусловленных случаев [Jaffe 2007: 54].

Итак, оценка – сложный когнитивный феномен, имеющий множество проявлений. Есть много видов оценки, которые реализуются в речи с помощью различных языковых средств и коммуникативных стратегий. Одно из средств, особенно в контексте сосуществования разных социолингвистических групп, – иноязычное слово, вкрапления, которые приобретают

оценочные значения и за счет перехода из речи одной социальной группы в речь другой, и в силу их связи с социокультурным контекстом коммуникации. Характеристики интернет-пространства, в частности его интертекстуальность, позволяющие особым образом обыгрывать разные языковые средства, часто актуализируют оценочные значения вкраплений, посредством которых коммуниканты позиционируют себя в социокультурном пространстве. Определение оценочных значений вкраплений усложняется также тем, что их оценочная функция тесно связана с другими функциями, как, например, идентифицирующая референция, языковая игра, передача чужой речи и пр. Это мы наблюдаем и в интернет-коммуникации русскоязычных жителей Италии и Эстонии.

4.2. Функция оценки в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии: общая характеристика

И в итальянском, и в эстонском корпусе проявления функции оценки чрезвычайно разнообразны и по форме вкраплений, и по тому, как они эту функцию выполняют. В нашем материале ее выполняют слово, словосочетание, предложение, комплексное вкрапление, что демонстрируют примеры (105–114) из итальянского корпуса.

(105) <...> *Этот мамолог- дефиченте вообще забыл много чего написать...*
[дефиченте – от ит. *deficiente* – ‘слабоумный’]

(106) <...> *А то мой, упирается говорит, что там все векио и скифозо*
[векио и скифозо – от ит. *vecchio e schifoso* – ‘старый и отвратительный’]

(107) *"Кого-то продистурбировать" – это сильно!!!*
[продистурбировать – от ит. *disturbare* – ‘мешать’]

(108) <...> *И да, в бадантки я бы не пошла - есть работы, которые табу.*
[бадантки – от ит. *badante* – ‘сиделка’]

(109) <...> *Сказали, что не ожидали, что я, донна дель`эст, окажусь настолько умна...*
[донна дель`эст – от ит. *donna dell'Est* – ‘восточная женщина’]

В (105) и (106) вкраплениями являются итальянские оценочные слова. В (105) оскорбительное слово *дефиченте* не только передает негативное отношение автора к объекту разговора, но и дискредитирует его. В (106) *векио и скифозо* – итальянские прилагательные, объединённые русским союзом *и*, что можно рассматривать как комплексное вкрапление (см. 3.2.2), выражающее и свойства объекта (старый), и негативное отношение к нему субъекта (старый, отвратительный). Это вкрапление является и «чужим

словом», цитатой, передающей оценку не автора комментария, а цитируемого. В то же время демонстрация «чужого слова» позволяет автору выразить оценку действия цитируемого человека (*мой упирается*). Пример (107) можно рассматривать как языковую игру, в которой итальянский глагол *disturbare* русифицируется с помощью русских приставки и суффикса. Комментарий является частью более развернутого разговора под фейсбук-постом «*Перлы русско-итальянского суржика*», где коммуниканты приводят свои и чужие, часто смешные, примеры смешения итальянского и русского языков, комментируют, оценивают их, изобретают новые формы в целях языковой игры. В примере автор оценивает подобное изобретение как сильное, возможно, из-за созвучия с русским глаголом, называющим действие сексуального характера. Игра и ее оценка основываются на ассоциативных связях. В (108) вкрапление *бадантки* можно рассматривать как гибридное слово (см. 3.2.2), которое образуется с помощью итальянского слова и русского суффикса *-к*. Оно отсылает к конкретной профессии и имплицитно содержит «иммиграционную» характеристику работы, которая обычно в современной Италии выполняется женщинами, приехавшими из восточной Европы. Ю. В. Николаева отмечает широкое распространение этого слова, особенно в речи украинцев и молдаван. По её мнению, «казалось бы, нет никаких препятствий к использованию хорошо знакомого современным носителям русского языка эквивалента «сиделка», означающего «женщину, дежурящую у постели тяжелобольного». Однако это не совсем точный перевод, ибо женщины данной профессии в Италии не только ухаживают за больными, но зачастую выполняют всю черновую работу по дому» [Николаева 2014: 106]. Это значит, что вкрапление осуществляет идентифицирующую референцию, но в то же время передает оценочный стереотип (см. 2.4). Оценочный стереотип, а также гендерный фактор диаспоры отражает и словосочетание *донна дель'эст* в (109) – привлекательная женщина легкого поведения, приехавшая из восточной Европы⁶⁰.

В эстонском материале также на осуществление функции оценки нацелены разнообразные речевые средства и стратегии, как в примерах ниже.

(110) *На категорию сдавать не буду, никто меня не заставит, кериге витту...*

[кериге витту – от эст. *kerige vittu* – ‘мотайте на ****’]

⁶⁰ Об этом стереотипе свидетельствует, например, одна статья в известной итальянской газете *La Stampa* (<https://www.lastampa.it/rubriche/lo-stato-delle-donne/2017/03/21/news/la-verita-sulle-donne-dell-est-1.34639107/>). Стереотип подтверждает и тот факт, что, если искать *donna dell'Est* в поисковых системах, сразу появляются веб-страницы агентств знакомств, предлагающих романтические встречи с женщинами из восточной Европы.

(111) *Тупые алени-менеджеры, о курат, еи теа, еи саару. Бери, оплачивай, лишних вопросов не задавай.*

[о курат, еи теа, еи саару – от эст. oh kurat, ei tea, ei saa aru – ‘о черт, не знаю, не понимаю’]

(112) <...> *Если так сделать, то у эстов повысится конкуренция на рынке труда, многие чиста эстоонские должности и профессии придётся сократить.*

(113) <...> *Носитель почти всегда распознает тиблу и скукожится от омерзения.*

[тибла – пренебрежительное название русских]

(114) *В самой аббревиатуре Эстонского телевидения (ETV) уже есть эстонско-русский смысл: E - эстонский (ээстлане), V - русский (вене-лане)...(не буду ёрничать и добавлять что T - это тибла.*

Пример (110) является комментарием к статье на *Delfi.ee* «357 человек получили гражданство», где обсуждаются требования для получения эстонского гражданства. Вкрапление является предложением и эстонским грубым ругательством, посредством которого автор выражает негативную оценку обсуждаемых требований. В (111) вкрапление также является предложением, не только демонстрирующим чужую речь, но и дискредитирующим цитируемых посредством оценки их речевого поведения (*о курат, еи теа, еи саару*). В (112) не обнаруживаются явного переключения на эстонский язык, однако словосочетание *чиста эстоонские* можно рассматривать как случай изобразительности речи⁶¹, при которой имитируется русская речь эстонцев, характеризующаяся долгими гласными⁶². Словосочетанием *чиста эстоонские* характеризуются должности и профессии, на которые, по мнению автора, обычно нанимают эстонцев, что отсылает к конфликтным социально-этническим вопросам. Социально-этническое напряжение отражается и в (113) и (114), где *тибла* является этнофилизмом, передающим негативную оценку, презрение [Коробкова 2009]. В подобных единицах заложены этнические стереотипы, которые формируются посредством языковых контактов при взаимодействии представителей разных этнических сообществ [Баязитова 2021: 154]. При этом (114) можно рассматривать и как языковую игру.

⁶¹ Стремление передать коммуникативную тональность и тембральные характеристики цитируемой чужой речи [Гольдин, Крючкова 2008, 398]. Изобразительность речи подразумевает использование языковых элементов, отсылающих к речи конкретных людей / групп людей и может вовлекать разные виды переключения с одного языка на другой. Случай изобразительности речи рассматривается Б. Рамптоном как «стилизация чужого» (*styling the other*) [Rampton 1999], при которой «в пределах отдельных актов коммуникации “чужие” стереотипные элементы смешиваются с привычными речевыми образцами, в процессе чего порождаются символически сжатые диалоги между собой и другим» [там же: 421].

⁶² Эстонский язык различает долгие гласные разной степени.

Итак, в нашем материале оценочная функция выполняется словами, словами-гибридами, словосочетаниями, комплексными вкраплениями, множество из которых, как демонстрирует анализ примеров, можно рассматривать как псевдоцитаты⁶³. Число этих форм в процентном соотношении в итальянском и эстонском материале продемонстрировано в диаграмме №10.



Диаграмма №10. Средства выражения оценки

Как видим, процентное соотношение разных средств различно в итальянском и в эстонском материале. В итальянском преобладает оценка, выраженная словом, что характерно и для эстонского материала. Процент гибридных слов, выполняющих функцию оценки, выше в итальянском материале. В эстонском значительный процент вкраплений – предложения, которые могут быть полным переключением на эстонский или случаями изобразительности речи (25 примеров в целом), когда коммуниканты имитируют речь эстонцев (113). Подобные примеры отсутствуют в итальянском материале. Различия в частотности и форме вкраплений, выполняющих функцию оценки, как мы предположили в разделе 3.2.2, также объясняются историей и современным положением русского языка в двух странах, русско-эстонским билингвизмом.

В том и другом материале вкраплениями оцениваются люди / предметы / явления / действия (105, 106, 108, 109, 112, 113). Помимо того, ими же достигаются разные цели, как, например, речевая агрессия (110). Анализ материала позволил выявить основные предметы и цели оценки, что и представлено в схеме №1.

⁶³ Псевдоцитаты рассматриваются нами в рамках теории гипотетического дискурса, который содержит вымышленную и возможную чужую речь. Под вымышленной речью понимается речь, представленная в рамках выдуманной истории / ситуации, под возможной – речь, которая могла бы иметь место в прошлом или в будущем. Установить границы между вымышленной и возможной, т. е. фиктивной и реальной речью, удастся не всегда, однако диалогическая структура (сосуществование и переплетение разных точек зрения) и специфическая функциональная направленность чужой речи способствуют определению ее фиктивности [Pascual, Sandler 2016]. В [Деци 2019г] мы охарактеризовали фиктивность чужой речи как по формальным, так и по функциональным признакам.

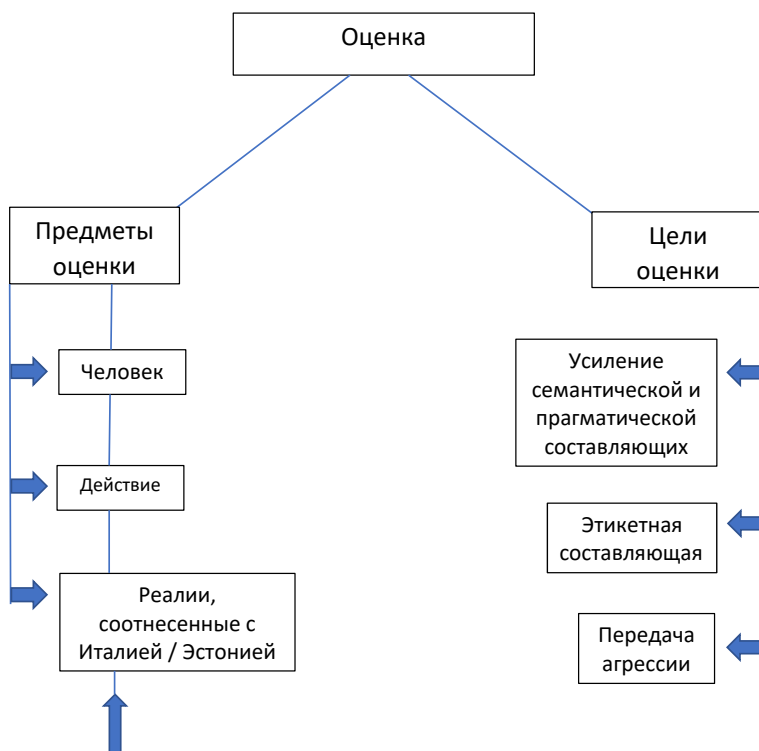


Схема № 1. Предметы и цели оценки

Границы между выделенными группами несколько условны, т. к. одновременно может осуществляться оценивание нескольких предметов с разными целями, а сами группы имеют зоны пересечения (так, действия выполняются человеком, этикет и агрессия предполагают прагматическую направленность). Оценка реалий, соотнесенных с Италией / Эстонией, пронизывает практически все и может проявляться более или менее явно⁶⁴. Это объясняется тем, что оценка, как социальное явление, контекстуализирована в специфичном лингвокультурном пространстве. Сопоставим итальянский и эстонский материал с точки зрения оценочной функции вкраплений. Вначале рассмотрим предметы оценки, затем перейдем к ее целям.

⁶⁴ Под реалиями мы понимаем предметы, функции, обычаи, факты поведения, связанные с историей, культурой, экономикой определенного пространства (предметы и понятия быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, произведения искусства и литературы, географические пункты, явления природы, носящие региональный характер и т. п.) [см. Влахов, Флорин 1980: 49–60; Гак 1998: 43].

4.2.1. Предмет оценки – человек

Итальянские и эстонские вкрапления используются для оценки человека по происхождению, поведению, профессии, личным отношениям, статусу и т. п. Некоторые из перечисленных признаков проявляются схожим образом в итальянском и в эстонском материале, некоторые более ярко либо в итальянском, либо в эстонском материале.

И в том, и в другом вкрапления способствуют выражению оценки **по этносоциальной принадлежности**. В (115) *страньера* можно рассматривать как чужое слово, передающее, как считает автор, мнение итальянцев о ее позиции в итальянском обществе. Как следует из комментария, данная позиция (иностранки), по мнению автора, оценивается итальянцами негативно.

(115) A знаете что самое класное в Китае?? Ты снова чувствуешь себя ЧЕЛОВЕКОМ. В Италии я чувствую себя исключительно иностранкой, страньера. Сколько бы лет тут не жил и как бы хорошо не говорил по-итальянски, все равно остается в общении этот самый привкус человека второго сорта.

[страньера – от ит. straniera – ‘иностранка’]

Вкраплениями оценивается человек по этносоциальной принадлежности и в примерах (116) и (117), являющихся репликами поста №1⁶⁵.

Пост №1



Пост состоит из скриншота, который можно перевести примерно так: «Минута молчания для тех, кто хотел поехать в Россию за проститутками под предлогом чемпионата мира». Скриншот включает ответ одной итальянской женщины: «Guarda, che le zoccole russe sono tutte in Italia» – ‘Да ведь все русские проститутки находятся в Италии’. Пост вызвал 724 ответа,

⁶⁵ В посте в целях конфиденциальности нами были удалены имя и аватар пользователя, опубликовавшего пост, и пользователя, комментирующего его.

оценивающих слова автора поста и комментирующей его женщины и взгляд некоторых итальянцев на русских женщин, например:

(116) *Да уж, может напомнить им недавнюю историю с их «порядочными итальянскими **синьорами**», которые бегали в грязное жилище к мигрантам ? 🤔🤔🤔🤔🤔🤔🤔🤔 какие бы русские **zoccole** бы ни были, но до такого уж точно бы не опустились !*
[zoccola – ‘проститутка’, пренебрежительное]

(117) *Да не, думаю тут проблема "**рагацца дель Эст**", я просто тогда вообще не парилась ничем. Мне все казались лапочками.*
[рагацца дель Эст – от ит. ragazza dell’Est – ‘восточная девушка’]

В (116) автор насмехается над итальянками и дискредитирует их, что можно рассматривать как агрессию. Итальянское слово «синьора» имеет больше значений, чем имеющийся в русском языке экзотизм, а именно: 1) вежливое обращение к замужней женщине, 2) женщина среднего возраста, 3) аристократка, 4) госпожа, доминирующая женщина, 5) женщина с большим вкусом и изящными манерами, 6) богатая женщина [treccani.it]. В комментарии содержится контраст между чужим словом *синьора*, которым могут быть названы итальянки, и контекстом, описывающем их якобы скандальное поведение. Сравнивая русских женщин с итальянками, автор возражает последним (*какие бы русские **zoccole** бы ни были, но до такого уж точно бы не опустились!*). В (117) вкрапление передает оценочный стереотип, который подтверждается в (118) комментарием члена фейсбук-группы «Русские в Италии» итальянского происхождения.

(118) *Purtroppo, è uno stereotipo duro a morire. Ieri sera su Rai 3 hanno trasmesso il film "smetto quando voglio" e purtroppo nel ruolo di escort erano sudamericane e russe...*
🙄🙄🙄
[К сожалению, это укоренившийся стереотип. Вчера на RAI 3 транслировали фильм «Smetto quando voglio» и, к сожалению, в роли предоставляющих эскорт-услуги были южноамериканские и русские девушки]

В (116) и (117) вкрапления можно рассматривать как цитаты, чужие слова отдельных итальянцев, оценивающих русских женщин. В свою очередь, пользователи приводят эти слова для дискредитации мнения таких итальянцев. Вкрапления способствуют усилению диалогичности комментариев, где точка зрения пользователей вступает в оппозицию с «чужим», представляя его негативный образ.

В эстонском материале вкрапления также способствуют оцениванию человека по этносоциальной принадлежности, например:

(119) <...>Но менять они ничего не хотят постоянно выдумывая какую то хрень вроде интеграции русских и прочих **мууласед**. Резюмирую, пока не будет согласия, всё останется как есть.

[мууласед – от эст. *muulased* – ‘иные, инородцы’]

(120) Так вот я считаю русские и люди с других частей быв. СССР лучшими гражданами чем понаедут сюда с Европы **куради талибанит** вот тогда наеме мис йухтуб.

[куради талибанит – от эст. *kuradi talibanid* – ‘чертовы талибы’]

(121) **Eestlased! Peab midagi tegema**. Ты адресом не ошибся, любезный? **Ээстласед** – это на той половине, а здесь **тиблад, венкуд, вандид, сибулад, умбкеэльсед окупандид**.

[Eestlased! Peab midagi tegema ‘Эстонцы! Надо что-то делать’; Ээстласед – от эст. *eestlased* – ‘эстонцы’; тиблад, венкуд, вандид, сибулад, умбкеэльсед окупандид – от эст. *tiblad, venkud, vandid, sibulad, umbkeelsed, okupandid* – ряд оскорбительных слов, употребляемых по отношению к русским]

В приведенных примерах вкрапления также являются чужими словами. Слово *мууласед* в (119) представляет эстонскую точку зрения. Само слово не пейоративное, однако в национальном интернет-корпусе эстонского языка⁶⁶ мы обнаружили, что *muulane* часто используется в негативно-оценочных контекстах. В (120) и (121) выражению оценки способствует эстонская бранная лексика (*куради*), негативно окрашенная лексика (*умбкеелсед, окупандид*), этнофилизмы (*тиблад, венкуд, вандид, сибулад*). В (121) приводится эстонская цитата некоего комментатора⁶⁷, к автору которой пишущий выражает свое враждебное отношение, применяя прием псевдо-вежливости (см. 4.3.2) и подчеркивая неуместность комментария на эстонском языке. Далее он характеризует оппозицию эстонцы / русские, приводя ряд оскорбительных слов, употребляемых эстонцами для негативного оценивания русских. Перечень данных слов преподносится как раздражающие и надоевшие штампы. Это способствует созданию негативного образа эстонца как человека грубого, ненавидящего и оскорбляющего представителей иноязычного социума.

Как мы видим, и в итальянском, и в эстонском материале вкрапления способствуют выражению оценки человека по этносоциальной принадлежности, актуализации оппозиции «свой» – «чужой» и созданию негативного образа «чужого», отражая специфику данной оппозиции в контексте Италии и Эстонии. В итальянском материале, в отличие от эстонского, эта оппозиция характерна для описания отношений не между итальянцами и русскими в целом, а скорее между определенной категорией русскоязычных женщин, живущих в Италии, и итальянцами, т. е. на характер оппозиции

⁶⁶ keeleveeb.ut.ee: foorumid, uudisgrupid, kommentaarid, jututoad

⁶⁷ Портал Delfi имеет русскоязычную и эстоноязычную версии, пользователи которых порой полемизируют друг с другом.

влияет гендерный фактор. Не обнаружены здесь и комментарии, касающиеся уместности употребления итальянского языка на форумах / в фейсбук-группах русскоговорящих, что есть в эстонском материале и отражает конфликтность вопроса легитимности языка в определенных контекстах в Эстонии.

Оценка по этносоциальной принадлежности и в эстонском, и в итальянском материале тесно связана с **оценкой поведения** (см. (116) и (121)), в том числе речевого, например:

(122) *Да, да моего бывшего сестра тоже говорила, что мы **донне фачиле и путаны**. ...так мы очень сильно потому поводу ругались у потом разошлись, нашол итальянку с Сицилии, такая девочки не ухоженная, ну мне все равно.*

...

[донне фачили и путаны – от ит. *donne facili e puttane* – ‘женщины легкого поведения и проститутки’]

В примере (122), являющемся репликой поста №1, вкрапление можно рассматривать как цитату, передающую негативно-оценочный стереотип и оскорбляющую женщин. Цитата демонстрирует то, как, с точки зрения некоторых итальянцев, эти женщины ведут себя в социуме. В итальянском материале чужое слово отражает оценку поведения не только русскоязычных женщин, но и итальянских мужчин, например:

(123) *В Италии 50-летний неженатый мужчина - "**рагаццино**" (Зачем ему жениться, он же еще совсем **рагаццино!**)*

[рагаццино – от ит. *ragazzino* – ‘мальчик’]

В (123) вкрапление передает, каким, согласно автору, итальянцы видят 50-летнего мужчину, что автором комментария оценивается негативно, саркастически (*зачем ему жениться, он же еще совсем **рагаццино!***).

Употребление вкраплений для оценки (речевого) поведения в эстонском материале демонстрируют примеры ниже.

(124) *В Турцию ездил? Там точно все экскурсии на русском! Один эстонец на 5 гостиниц! Вот печалька то! **Исанд юмаль, курад, венеласед, кругом венеласед!** Был свидетелем в Турции, маленькая испуганная эстонская девочка спрашивает маму, почему все вокруг говорят по русски, мама так **tasa, tasa** это ж надо себя довести до паранойи и ребенка так запугать русскими, что она в испуге от русского языка! Даже стало жалко их! Они же потратились, отдохнуть приехали, а тут **венеласед, окупандид** кругом! **Жуть! Я бы сдох от страха!***

[Исанд юмаль, курад, венеласед – от эст. *Issand Jumal, kurat, venelased* – ‘Господи, черт, русские’; окупандид – от эст. *okupandid* – ‘оккупанты’; *tasa* ‘тихо’]

(125) *Стопицот километров велосдорожек есть - укатайся в тряпки, но нет, нужно на своих за стопицот евро педовеликах лезть на проезжую часть, насрав на всех и вся. А потом, когда их на колеса грузовика наматает нить, что «ай-ай-ай, курат, куйдас нии выйкс олла, ма ни хеа инимене, ниисама сыйтсин, и - хуякс - сиюке паха аси юхтуб, ванастии оли айнульт лолльпеа, я веель нююд ялад нурукс, мисасья????»*

[от эст. Kurat, kuidas nii võiks olla, ma (olen) nii hea inimene, niisama sõitsin и <...> sihuke paha asi juhtub, vanasti oli(n) ainult lollpea, ja veel nüüd jalad puruks, misasja???? – ‘черт, как это возможно, я такой хороший человек, просто ехал, <...> такое нехорошее дело произошло, раньше был просто дураком, а сейчас еще и ноги переломаны, что за дела?’]

В (124), (125) вкрапления передают «чужое» речевое поведение, отсылая к предполагаемому мировоззрению стереотипного представителя эстонского социума. В (124) они вводят непрямую цитату, построенную на негативном стереотипе – эстонец, враждебно относящийся к русским. Стереотип создается посредством часто употребляемых эстонцами междометий *Иссанд юмал* и *курат*, обычно передающих эмоциональную реакцию на что-то. Далее повторяется слово *венеласед*, которое соотносится со словом *окупандид*. Если рассмотреть содержательную структуру комментария, то мы видим, что вначале приводится как бы точка зрения и оценка эстонца (*Один эстонец на 5 гостиниц! Вот печалька то! Исанд юмаль, курад, венеласед, кругом венеласед!*), далее автор раскрывает свое отношение к этой оценке (*это ж надо себя довести до паранойи и ребенка так запугать русскими, что она в испуге от русского языка!*), после чего иронически жалеет цитируемого (*Даже стало жалко их! Они же потратились, отдохнуть приехали, а тут венеласед, окупандид кругом! Жуть! Я бы сдох от страха!*). В результате оценка якобы цитируемого человека высмеивается и дискредитируется вместе с его поведением и мировоззрением. В примере (125) псевдоцитата создает образ неуклюжего «чужого». Вначале пишущий негативно оценивает поведение человека (*Стопицот километров велосдорожек есть – укатайся в тряпки, но нет, нужно на своих за стопицот евро педовеликах лезть на проезжую часть, насрав на всех и вся*). Далее цитата моделирует предполагаемую гротескно деформированную точку зрения и оценку эстонца.

Рассмотренные выше примеры отражают и специфику **оценки отношений** между русскоговорящими и другими социолингвистическими группами, с которыми они сосуществуют в Италии и в Эстонии. Итальянский и эстонский материал различаются тем, что в первом вкрапления способствуют выражению оценки человека **по личным отношениям**⁶⁸, как, например, в (126), во втором же подобные примеры отсутствуют.

⁶⁸ Речь идет о семейных, любовных, романтических отношениях.

(126) *Вот их и колотит, что итальянки – вечные **fidanzate**, а на нас женятся*
[fidanzata – ‘девушка, невеста’]

Итальянское слово *fidanzata* само по себе не оценочное, оно может обозначат девушку, с которой есть более или менее серьезные романтические отношения. В контексте, однако, итальянское слово приобретает негативные коннотации из-за сравнения (итальянки – вечные *fidanzate*, а на нас женятся).

В итальянском материале есть и более выразительные примеры оценки личных отношений, например:

(127)
*Мы не шуточки **скерцаем*** [от ит. scherzare – ‘шутить’],
Мы все молча созерцаем
*Про **аморов*** [от ит. amore – ‘любимый’] *все мы знаем,*
Только нет уж больше сил! Twisted Evil

*Он то **вьене и аббрачче*** [от ит. viene e abbraccia – ‘приходит и обнимает’],
*Будет много **баче, баче*** [от ит. baci, baci – ‘поцелуй, поцелуй’]
Много пасты не иначе
Он на уши нагрузил.

А потом он с той квартиры,
Чао, бимба, и партуре [от ит. ciao bimba, e partire – ‘пока, малыш, и уходит’],
Италийские сатиры
Все похожи, как один.

*А для **бимбы импортанца*** [от ит. per la bambina, l' importanza – ‘для малыша важность’]
Все пароли самозванца
*И останется **в сперанце*** [от ит. speranza – ‘надежда’]
Спозой [от ит. sposa – ‘невеста’] *стать евонной, млин!*

В (127) употребление многочисленных вкраплений наряду с использованием иных средств, например, стилистически маркированных форм, способствует созданию юмористического эффекта. Пример можно рассматривать как языковую игру, где представлены голоса разных лиц. Гибридные формы в первой строфе представляют собой как будто бы слова русскоязычных женщин, живущих в Италии (*мы не шуточки скерцаем / мы все молча созерцаем*). Далее отдельные вкрапления и целые переключения демонстрируют поведение, в том числе речевое (*Он то вьене и аббрачче, / Будет много баче, баче; Чао бимба, партуре*), итальянского мужчины. Автор отсылает к стереотипу итальянца, не желающего серьезных отношений, что отрицательно оценивается автором (*Много пасты не иначе / Он на уши нагрузил; Италийские сатиры / Все похожи, как один*), которая, однако, желает стать невестой итальянца (*И останется в сперанце / Спозой стать евонной, млин!*).

Итальянский и эстонский материал также различаются тем, что в первом вкрапления довольно часто способствуют оценке человека **по профессии**. Самая обсуждаемая профессия – *badante*: нами зафиксировано 43 употребления ее названия в разных формах. Как было уже отмечено (см. 108), *badante* не только выполняет функцию идентифицирующей референции, но и часто передает оценочный стереотип. Есть контексты, где это слово используется нейтрально только в целях референции, однако (128) свидетельствует о том, что оно приобрело негативные признаки.

(128) *Марьян, сложный период – это сложный период. Я не увидела в стартовом посте намек на то, что у старттопика в семье все плохо до такой степени, что надо идти именно в бадантки. Вообще, стоит задуматься, почему уже давненько слова "бадантка" и "нелегалка" негласно считаются синонимами. Сейчас есть масса безработных итальянок. Я не знаю ни одну из них, кто ухватился бы за предложение побадантить. А среди них полно бекиситтеров и уборщиц, в том числе по соседям.*

В примере слово *бадантка* уподобляется слову *нелегалка*, в соответствии с тем, что они *негласно считаются синонимами*. Это, судя по комментарию, может быть мнением как итальянцев, так и русскоговорящих, называющих женщин данной профессии *бадантками*. Интересным является и гибридный глагол *побадантить*, образованный на основе итальянского слова *badante* с добавкой русских приставки и суффикса. На наш взгляд, данный глагол позволяет автору не только обозначить действия, из которых состоит работа *badante*, но и, судя по контексту, оценить их. Подобные формы в итальянском материале не только обозначают действия, но и помогают оценивать их и реалии, с которыми они связаны.

В эстонском материале в целом зафиксировано 41 вкрапление, отсылающее к разным профессиям, однако они выполняют почти исключительно функцию идентифицирующей референции. Единственный случай, который мы классифицировали как пример оценки по профессии, – (129), представляющий собой гибридное сложное слово, где первый компонент – русское негативное оценочное слово⁶⁹.

⁶⁹ Отметим, что выше в (111) также есть оценка по профессии, которая передается сложным словом *алени-манажеры*. Оно не является эстонским, однако, возможно, в форме *манажеры* есть имитация эстонского произношения, где английские или иные слова на латинице часто читаются по правилам эстонского произношения (например, ви-фи (*wi-fi*), иде-карт (*ID-card*). В первый постсоветский период новые тогда наименования, в частности профессий, порой сознательно коверкались, обыгрывались. Как мы отметили в 4.1., это часто происходило на основе фонетизации письма, которая в данном случае может не вызываться, но поддерживаться «эстонским» прочтением английских названий.

(129) *Очередная дура-тениндая. Это попугаи-то живут недолго... Как всегда, молодежь безграмотная, ограниченная и необразованная*
[тениндая – от эст. teenindaja – ‘работник сферы обслуживания’]

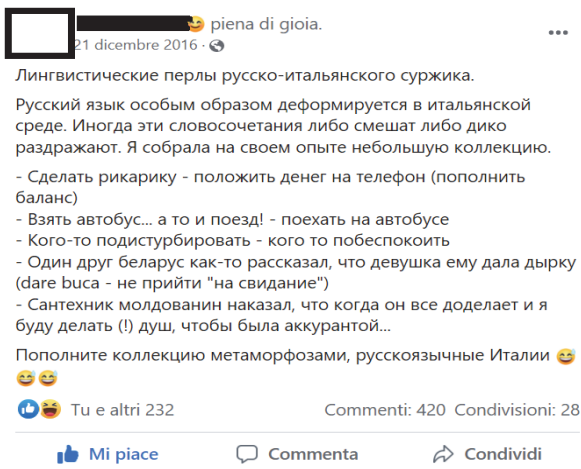
Итак, и в итальянском, и в эстонском материале часто вкрапления, представляющие собой псевдоцитаты, позволяют передавать и оценивать разные голоса, точки зрения, что в свою очередь способствует оценке человека по этносоциальной принадлежности и (речевому) поведению, при этом эти признаки связаны. В итальянском материале вкрапления также помогают оценивать человека по личным отношениям, что отражает гендерный аспект русскоязычной диаспоры Италии. Оценке человека способствуют преимущественно итальянские слова или словосочетания, в эстонском используются и развернутые предложения, представляющие якобы речь эстонцев и отражающие конфликтные вопросы сосуществования русских и эстонцев.

Как мы видели в (128), вкрапления также способствуют оценке действий людей, на чем сосредоточимся ниже.

4.2.2. Предмет оценки – действие

И в итальянском, и в эстонском материале вкрапления помогают шутливо называть определенные действия и вносить оценочные коннотации. В итальянском материале часто пользователи обыгрывают слова для создания комического эффекта. Это проявляется, например, в комментариях под постом №2.

Пост №2



 piena di gioia. ...
21 dicembre 2016 · 🌐

Лингвистические перлы русско-итальянского суржика.

Русский язык особым образом деформируется в итальянской среде. Иногда эти словосочетания либо смешат либо дико раздражают. Я собрала на своем опыте небольшую коллекцию.

- Сделать рикарику - положить денег на телефон (пополнить баланс)
- Взять автобус... а то и поезд! - поехать на автобусе
- Кого-то подистурбировать - кого то побеспокоить
- Один друг беларус как-то рассказал, что девушка ему дала дырку (dare buca - не прийти "на свидание")
- Сантехник молдованин наказал, что когда он все доделает и я буду делать (!) душ, чтобы была аккурантой...

Пополните коллекцию метаморфозами, русскоязычные Италии 😊

👍👍

👍👍 Tu e altri 232 Commenti: 420 Condivisioni: 28

👍 Mi piace 💬 Commenta ➦ Condividi

Шуточный пост, появившийся в фейсбук-группе «Русские в Италии», побуждал участников группы сообщать о курьёзных случаях смешения итальянского и русского языков, оценочно называя их «перлами русско-итальянского суржика»⁷⁰, в ответ на что получил 420 реплик. Множество пользователей отреагировали смеющимися эмодзи, приводя и оценивая примеры смешения языков, придумывая новые чужие слова, псевдоцитаты. Результаты анализа в [Dezi 2024] показывают, что множество реплик оценивает языковые практики русскоговорящих в Италии, что также можно рассматривать как оценку определенных действий. Ответы отражают языковую рефлексию пользователей, поэтому в [Деци 2021б] мы предложили называть двуязычные игровые сообщения под данным постом «рефлективной языковой игрой»⁷¹. В частности, языковая игра, основанная на словосложении, – это комплексный прием, создающий семантически емкие экспрессивные «образы-картины», внешняя форма которых порождает комические и шуточные эффекты [Симутова 2008: 219]. Как отмечает Т. И. Вендина, словообразование является благодатным материалом для порождения оценочных значений [Вендина 1997: 41], позволяющим маркировать те элементы действительности, которые представляют для человека жизненную ценность [там же: 42].

В условиях диаспоры маркирование таких элементов осуществляется и употреблением иноязычного слова. Согласно Л. П. Крысину, если перевести на русский, к примеру, английское слово *tutor*, «исчезнет указание на особенность именно английского домашнего воспитания и образования» [Крысин 2008: 49–50], русский перевод был бы нейтральным.

Опираясь на изложенные точки зрения, можно предположить, что в (130–132) взаимодействуют два сложных процесса, способствующих формированию оценки: 1) выделяются, «маркируются» некоторые специфические моменты эмигрантской жизни (например, изменение привычек питания, способа благодарить людей, говорить дома с детьми и т. д.); 2) за счет изменения внешней формы слова или выражения, провоцирующего комический, «деформирующий» эффект, меняется и точка зрения на эти моменты, переставая быть нейтральной.

(130) *я люблю тебя сильниссимо*

[**сильниссимо** – сильно + итальянский суффикс превосходной степени – *issimo*. Ср. *molto* – *moltissimo*, *forte* – *fortissimo*, *bello* – *bellissimo*.]

⁷⁰ На наш взгляд, название оценочное. Термин суржик, как известно, относится к ряду смешанных социолектов украинского и русского языков, используемых в основном в Украине. Как отмечает Н. Бернсанд, с одной стороны, термин может использоваться с негативной коннотацией, с другой, он также используется для подчеркивания нарушения норм, несоблюдения правил [Bernsand 2001: 40]. Смесь русского и итальянского также иронически определяется как *перлы*.

⁷¹ Более подробный анализ данного явления – в пятой главе работы о метаязыковой функции вкраплений.

(131) *капец:-):-):-) подтверждаю...за 8 лет мой русский, точно деформировался...и это происходит **троппо часто**:-), а что будет дальше*
[троппо – от ит. troppo – ‘слишком’]

В (130) наречие образуется с помощью итальянского суффикса превосходной степени (см. о функции итальянского суффикса превосходной степени *-issimo* в 4.3.1), в (131) использованы два наречия, из которых *троппо* – итальянское. Гибридизация или изменение формы устойчивого выражения в данных примерах интенсифицирует экспрессивность высказывания и способствует оценке действия. Оценка действия есть и в (132).

(132) *пойдём **поманжарим**:-)поедим:-):-):-)*
[поманжарим – от ит. mangiare – ‘поедим’]

В данном примере слово-гибрид может не только являться результатом языковой игры, отражающей языковую рефлексию говорящего, но и оценивать речевые действия русскоговорящих Италии. Форма *поманжарим*, образованная на основе итальянского глагола *mangiare* ‘есть’, может вызывать ассоциации с особенностями этого действия в контексте Италии (с итальянским временем обеда, с правилами поведения за столом, с едой, которую обычно едят на обед, на ужин и т. п.). В [Деци 2018а] мы предположили, что первоначально, в других контекстах, автор этого высказывания мог оценивать действие за счет ассоциативных признаков, которые эта форма вызывает на суггестивном уровне, отсылая к специфичным итальянским реалиям и отражая их оценку.

Хотя в исследованиях эстонских авторов приводятся примеры экспрессивных гибридных глаголов (например, *я прокулала* ‘я прослушала’, *мы поляхали* ‘мы пошли’ [Verschik 2005: 417], *магать* ‘спать’, *кыйкнуться* ‘1. кончить(ся), 2. сойти с ума, 3. разбить(ся)’, *сайтарить* ‘понимать’ [Кюльмоя 1999: 156]), в нашем эстонском материале значительно меньше гибридных глаголов, чем в итальянском. Некоторые примеры такого рода приведены в (133–135), где формы глаголов вносят оттенок шутливости, однако в отличие от приведенных выше итальянских они не вызвали ответного смеха пользователей.

(133) *Собутыльница, а ты как **мытлишь**?*
[мытлишь – от эст. mõtlema – ‘думать’]

(134) *Давайте посмотрим ещё раз, чего там, говорю, а кто **маскавать** за повторную диагностику будет*
[маскавать – скорее опечатка от максовать – от эст. maksma – ‘платить’]

(135) *Получается с моей зарплаты я **максую** за бесплатное лечение авганцев которые герои по всему миру распахивают*

И. П. Кюльмоя анализировала использование таких форм в молодежном сленге Эстонии [Кюльмоя 1999: 156]. Основные функции сленга, согласно исследователю, – корпоративная, указывающая на принадлежность к определенному кругу, демонстративно-аттрактивная, реализующая необходимость утверждения себя в социуме как творческой личности, депрециативная, проявляющаяся в едкой иронии [там же:152–157]. Глагол *максовать*, образованный от эстонского *maksuma* ‘платить’, настолько органично вошел в русский язык / русскую речь Эстонии, что даже перфективируется (*замаксовать*, *отмаксовать*) [там же: 156]. Такие формы могут быть использованы в целях языковой игры и иметь оценочную окраску. Однако нужно учесть, что приведенные глаголы довольно давно присутствуют в русской речи Эстонии и могли потерять первоначальную оценочную силу.

Итак, вкрапления, в частности слова-гибриды, позволяют маркировать определенные действия, менять точку зрения на них. Это может произойти и в силу новшества и необычного облика слова. Как показывает анализ эстонских примеров, гибридные слова могут изначально иметь оценочную окраску, однако длительное употребление может сделать их «привычными» и привести к потере оценочной окраски. В итальянском материале вкрапления, оценивающие действия, могут подчеркивать специфику жизни в инокультурном социуме, что связывает оценку действия с оценкой реалий, на чем сосредоточимся ниже.

4.2.3. Предмет оценки – реалия

Как мы предположили в [Деци 2018a], оценка реалий может осуществляться на суггестивном уровне, что постараемся объяснить, анализируя следующий пример, являющийся одной из реплик поста №2:

(136) *Возьмите самолет и на казу* 😊
[каза – от ит. casa – ‘дом’]

Пример – ответ на предыдущий комментарий пользователя, больше не живущего в Италии, но проявляющего интерес к «перлам русско-итальянского суржика» и побуждающего продолжать писать о них. Если бы он предложил вернуться «домой», это было бы нейтрально. Форма *на казу* может вызвать у читателя множество ассоциаций и оценок, касающихся специфики итальянского дома – как он выглядит, что его окружает и пр., стоит обратить внимание и на возможную переключку формы «на казу» с нейтральным «на дачу», от чего возникает идея лета, отдыха и т. д., и с разговорным «на хазу» (хаза – сниженное, жарг.: притон), вызывающую иные представления, отчасти связанные с уголовной жизнью. Таким образом *на казу* может вызывать разные оценочные представления. Важную роль здесь играют коммуниканты интернет-общения, поскольку оценка данной формы осуществляется и читателем, позволяя ему «выработать индивидуальное

отношение к высказыванию, в частности одобрение или неодобрение» [Качалова 2010: 85].

Оценка реалий в итальянском материале также присутствует в следующих примерах:

(137) *Пожелание по пятницам хорошей доменики*
[доменика – от ит. domenica – ‘воскресение’]

(138) *Тихое спокойное помериджо в Катании <...>*
[помериджо – от ит. pomeriggio – ‘послеобеденное время’]

Пример (137), являющийся репликой топика «Вы слишком долго прожили в Италии, если...» на форуме *Russianitaly.com*, был рассмотрен в [Деци 2019д] как культурема (о культурах также см. введение). Автор приводит «свои слова», демонстрируя, как его речевые практики поменялись в результате долгого проживания в Италии. Пример отражает общую оценку итальянского воскресенья, являющегося самым важным выходным днем, особенно для верующих. Он характеризуется также особыми поведенческими практиками, такими как месса, посещение родственников, воскресный обед и т. д. В (138) слово *помериджо* отсылает ко времени после обеда (с 12 до 18 часов), которое оценивается как *тихое* и *спокойное*. Итальянское слово передаёт представление не только о времени, но и о других аспектах, связанных с этой частью дня в Катании, на Сицилии: о погоде, о природе, об итальянских обычаях в это время и т. п. Как уже отмечалось выше, разные функции вкраплений часто пересекаются и даже образуют единую комплексную функцию. Так, в (138) сочетаются оценка, идентифицирующая референция и специфика хронотопа. Аналогичное совмещение функций можно было наблюдать и в примере (14) в 3.2, однако при рассмотрении каждой функции по отдельности мы сознательно не останавливаемся на остальных.

В эстонском материале оценка местных реалий ярко проявляется в случае использования вкраплений, изображающих русскую речь эстонцев:

(139) *Помешать эстонскому обществу сплотиться вокруг идеи национального государства, в котором *наивысшую ценность имеет развитие эстонского языка и культуры*. На народ, как всегда, наплевать. Ну, будут говорить все по-эстонски, ну прочитают все **Калевипоэга**, в театры ходить начнут, **культу-урными** такими станут. Пенсионеры вымрут, дети не родятся... Ну и что дальше-то?*

(140) *А чё - **рахва-стииль** - все дела - дресс-код - **черкизон+балтияаам**; меню - чизбургеры и похлёбка из бич-пакетов; музыка - баянист из **идавиру!** танцы до упаду!*
[рахва-стииль – от эст. rahva stiil – ‘народный стиль’, балтияаам – от эст.

Balti jaam, Балтийский вокзал в Таллине, *ида-виру* – от эст. *Ida-Virumaa*, преимущественно русскоязычный регион на северо-востоке Эстонии].

В приведенных примерах эстонские вкрапления представляют собой чужое слово, способствующее формированию негативной оценки некоторых социокультурных аспектов окружающего социума (язык, культурные артефакты и т. д.). Авторы манипулируют вкраплениями, дискредитируя «чужое», выражая отношение превосходства к объекту речи и проявляя агрессивность. Некоторые вкрапления являются вымышленными цитатами, с помощью которых комментирующие издеваются над речевым портретом эстонцев. В (139) можно выделить несколько точек зрения: автор приводит чье-то высказывание (*наивысшую ценность имеет развитие эстонского языка и культуры*), затем негативно оценивает его и в конце придает комментарию иронический оттенок, имитируя эстонское произношение (*культу-урными такими станут*), что контрастирует с содержанием высказывания и способствует утверждению противоположного. Используется и название эстонского эпоса *Калевипоэг*, что в охарактеризованном контексте дискредитирует данный культурный артефакт.

Дискредитация социокультурных особенностей осуществляется и в (140), являющимся комментарием к заглавию *«Президенту предложили пригласить на прием простых людей» на Delfi*⁷². Ответ автора содержит тонкую насмешку над некоторой категорией жителей Эстонии. Вкрапление *рахва-стиль* не оценочное, однако в контексте насмешки способствует передаче оценки. С его помощью характеризуются «простые люди», упомянутые в заглавии статьи. Далее автор раскрывает свое представление о «народном стиле», называя ряд реалий, являвшихся в недавние времена негативно-оценочным стереотипами, как например, *черкизон* (Черкизовский рынок в Москве) или рынок на таллинском Балтийском вокзале *Balti jaam*, отсылающих к образу нищеты, беспорядка, грязи и контрабанды, что дополняется названиями еды низкого качества (*бич-пакеты, чизбургеры*) и баянистом из неблагополучного русскоязычного региона Ида-Вирумаа. В итоге вкрапления вместе с другими средствами способствуют формированию негативно-оценочного образа некоторых эстонских реалий.

Итак, множество из рассмотренных выше примеров включают «свои» и «чужие» слова – более или менее эксплицитные цитаты на итальянском и эстонском языках, позволяющие формировать комплексную диалогическую структуру сообщений, отражающую разные точки зрения, оценки предметов, реалий, поведения и мировоззрения. Во всем нашем материале употребление вкраплений, оценивающих человека по разным параметрам, способствует созданию определенных оценочных образов «чужого» в оппозиции со «своим», что позволяет коммуникантам позиционировать себя в социокультурном пространстве. Вкрапления при этом могут быть направлены на дискредитацию объекта разговора, что приводит к агрессии. В

⁷² Новостной портал, см. раздел 2.4.

итальянском материале, однако, это может иметь шуточный характер и отражать желание понять «чужое» и приблизиться к нему.

В итальянском материале вкрапления, особенно гибридные глаголы, позволяют маркировать и оценивать действия, передавать особую точку зрения, подчеркивая специфику жизни в этнокультурном обществе. В эстонском материале гибридные глаголы могли изначально иметь оценочную окраску, которая, однако, думается, в силу их привычности в местной русской речи может нивелироваться.

И в итальянском, и в эстонском материале также оцениваются реалии, связанные с окружающим социолингвистическим пространством. Их оценка, более или менее очевидная, может основываться на ассоциациях, вызываемых иноязычным словом. В эстонском материале, в отличие от итальянского, оценка реалий может привести к их дискредитации и, следовательно, к агрессии. Одна из частных функций вкраплений здесь – высмеивание и дискредитация человека, реалий, негативная оценка отношений.

Для лучшего понимания различий оценочной функции в итальянском и в эстонском материале далее сосредоточимся на целях оценки.

4.3. Цели оценки

Употребление оценочных вкраплений и в итальянском, и в эстонском материале направлено на достижение определенных, часто пересекающихся, целей, таких как усиление эмотивной, экспрессивной и этикетной составляющих высказывания, речевая агрессия, солидарность с другими участниками коммуникации. Рассмотрим выявленные нами основные цели.

4.3.1. Усиление эмотивной и экспрессивной составляющих высказывания

Эмотивная составляющая высказывания связана с эмоциями человека, экспрессивная – с выразительностью речи. Эти явления тесно взаимосвязаны, порой их трудно разграничить, в нашем случае особенно в итальянском материале, где они составляют единый комплекс. Соответственно, далее будем рассматривать эмотивный и экспрессивный компоненты как единое целое.

В итальянском материале некоторые вкрапления, способствуют усилению экспрессивности высказываний, например:

(141) <...> *Досмотрели все личные вещи каццо!*...

[каццо – от ит. cazzo – вульгарное междометие, также обозначающее мужские гениталии]

(142) <...> *Давверо очень приятно))))))*

[Давверо – от ит. davvero – ‘действительно’]

(143) <...> *И вдруг не найду за неделю 2–3 любителя поохаться и сходить в клуб, в Италии? Ма дай.. Lol*

[ма дай – от ит. *ma dai*, для выражения удивления или сомнения, можно перевести в зависимости от контекста как ‘да ладно’, ‘да ну’ или ‘не может быть’]

Как отмечается и в [Ting, Yeo 2019], подобные переключения способствуют выражению удивления, сильных эмоций или используются для привлечения внимания собеседников. Дж. М. Фарезе подчеркивает, что в итальянском языке выражение оценки и связанных с ней эмоций осуществляется особым образом, тяготея к преувеличению [Farese 2019]. Исследователь относит этот прием к итальянскому культурному скрипту, в котором «преувеличение ярко выражено и настоятельно поощряется в определенных контекстах взаимодействия. Широкое использование преувеличения, в свою очередь, связано с общекультурным представлением, что свободно и безудержно выражать свои чувства в дискурсе – хорошо» [там же: 66]. Среди средств преувеличения Дж. М. Фарезе перечисляет некоторые актуальные для итальянской лингвокультуры прилагательные, как *schifoso* – ‘отвратительный’, и формы превосходной степени *superlativo assoluto* с суффиксом *-issimo/a*. Исследователь подчеркивает распространенность *superlativo assoluto*, отмечая, что превосходную степень можно образовывать не только с прилагательными и наречиями, но и с некоторыми существительными. Используя *superlativo assoluto*, носители итальянского языка намеренно преувеличивают свои чувства, представляя их не только как очень сильные, но и не поддающиеся контролю [Farese 2019: 68]. Итальянские средства такого рода используются и в нашем материале, что демонстрируют примеры ниже со словами-гибридами.

(144) *Он сказал, что может быть и скифозный мятный соус - типа крема... Посмотрим.*

[скифозный – от ит. *schifoso* – ‘отвратительный’]

(145) *Спасибиссимо, так просто! На днях реализую...*

[спасибиссимо – спасибо + *-issimo*]

Прилагательное *schifoso*, как и выражение *che schifo* – ‘как отвратительно’, очень распространены как выражение сильных негативных эмоций, необязательно связанных с отвращением. Русифицированное *скифозный* – не окказионализм, слово употребляется относительно часто не только в нашем итальянском материале (7 примеров), но и, судя по личным наблюдениям, в целом в дискурсе русскоговорящих, живущих в Италии или знающих в какой-то мере итальянский язык.

Вкрапления, направленные на усиление эмотивной составляющей высказывания, имеются и в эстонском материале, где также отражают специфику выражения эмоций в эстонском лингвокультурном пространстве, например:

(146) *Сезон сноуборда в самом курат разгаре...*
[курат – от эст. *kurat* – ‘черт’]

(147) *Пти, спорт. Пичаль... мне бы. А у меня было что то из разряда окружающей среды, и вопрос хорошо запомнился: Вы читаете коостис на упаковках перед покупкой? И почему? Иссанд юмал.*
[Иссанд юмал – от эст. *Issand jumal* – ‘Господи боже’]

(146) и (147) содержат распространенные в эстонской речи междометия: *kurat*, выражающее с разной степенью грубости в зависимости от контекста и ситуации удивление, недовольство, раздражение и др.; *Issand jumal*, используемое для выражения широкого спектра эмоций – удивления, недоверия, раздражения, отчаяния и др. (частично совпадает с русским *Боже мой!*).

Как в итальянском, так и в эстонском материале употребление подобных вкраплений может быть направлено и на демонстрацию принадлежности к определенной социолингвистической группе (см. в 5.4 про двуязычную языковую игру как демонстрацию мультикомпетентности автора), и на достижение солидарности внутри этой группы. Аналогичные цели могут достигаться и посредством этикетных формул, на чем остановимся ниже.

4.3.2. Актуализация этикетной составляющей речи

Оценка проявляется и в этикетных формах (приветствия, пожелания, обращения, благодарности и т. п.). Оценивая ситуацию, человек прибегает к тем или иным формам вежливости. Например, формы, или манеры, общения порождаются, а затем и используются в ситуациях, когда человек нуждается в чем-то. Отсутствие возможности получить желаемое может привести к разногласиям, открытому конфликту или обиде [Fienemann, Rehbein 2004: 224]. Подобные ситуации требуют «аккомодации», основывающейся на установках социума [там же]. По словам О. И. Даниленко, установка состоит из трех компонентов – когнитивного, эмотивного, поведенческого [Даниленко 2013: 3]. Эмотивный компонент, в частности, предполагает оценку (положительную или отрицательную) правил этикета [там же]. Формы вежливости нужны для создания социальных связей в определенных контекстах и помогают прийти к кооперации на социальном уровне. Данные формы и в итальянском, и в эстонском материале вызывают однотипные культурные коннотации, демонстрируют симпатию к собеседнику, как в примерах ниже.

(148) <...> *Помидоры я, для вкуса, сырыми добавляю. Скузи, что не по теме.*
[Скузи – от ит. *scusi* – ‘извините’]

(149) *Ciao!!! Пишу по-русски, чтобы правильнее изложить свой вопрос... Подскажите, где можно найти полную информацию по итальянским ВУзам...Поделитесь опытом поступления...С какими сложностями столкнулись? **Grazie mille...***

[Ciao – ‘привет’; Grazie mille – ‘большое спасибо’]

(150) *Спасибо, **каллис**))) мне не помог это Бравидон или как он там, у нас мазь Вишневского им заменили...*

[каллис – от эст. kallis – ‘дорогой’]

Как отмечает В. В. Вардиц, «речевой этикет подвергается в иноязычном окружении не только собственно языковой трансференции, но и трансференции культурно-прагматической» [Вардиц 2012: 76]. Примеры (151) и (152), соответственно, из итальянского и из эстонского материала, свидетельствуют о том, что с помощью этикетных формул оценивается речевое поведение русскоговорящих в итальянском и эстонском социокультурном пространстве.

(151) *В обед - **хорошего помэриджия**, а ближе к вечеру - **хорошей сэраты**.*



[хорошего помэриджия – от ит. buon pomeriggio – ‘хорошего послеобеденного времени’, хорошей сэраты – от ит. buona serata – ‘хорошего вечера’]

(152) *А часто ты с соседями общаешься? Это Эстония, а не Италия, тут дальше **тере-тере** разговоры не уходят :)*

[тере – от эст. tere – ‘здравствуй(те)’]

Пример (151) является комментарием топика «*Вы слишком много прожили в Италии, если...*» на форуме *Russianitaly*. В выражении *хорошего помэриджия* содержится пожелание, не имеющее аналога в русском языке и русской культуре: *pomeriggio* обозначает время после обеда (примерно с 12.00 часов до 18.00)⁷³. Как отмечает А. Д. Шмелев, «в основе членения суток на периоды для русского языка кладутся несколько иные принципы, нежели для западных языков» [Шмелев 2005: 18], поэтому в (151) не только оценивается речевое / этикетное поведение русскоязычных жителей Италии, но и изменения, происходящие в их концептуализации времени и отражающиеся в употреблении указанных этикетных формул. В (152) оценка этого аспекта отсутствует, но оценивается уместность определенной речевой практики в Эстонии, ее соответствие норме, являющейся, как отмечалось выше, критерием для оценивания. Комментарий является репликой топика «*Отношение к детям в Таллине*», где пользователь, переехавший из Москвы в Таллин, интересуется моделями поведения жителей Эстонии.

⁷³ В некоторых областях Италии это пожелание возможно в такое время дня, однако в нормативном языке после обеда принято желать *buona serata* ‘хорошего вечера’.

Итак, и в итальянском, и в эстонском материале вкрапления участвуют в формировании этикетной составляющей речи. Посредством этикетных итальянских и эстонских формул пользователи могут выражать симпатию к собеседнику, а также определять модели речевого поведения, которые оцениваются коммуникантами как уместные в определенном времени и пространстве. В эстонском материале, однако, в отличие от итальянского, этикетные формулы употребляются и саркастически. Мы называем такой прием псевдовежливостью, т. к. его цель – не выражение симпатии, а агрессия, которая будет рассмотрена в следующем разделе.

4.3.3. Речевая агрессия

Основное различие между итальянским и эстонским материалом с точки зрения целей оценки – ее пересечение с агрессией. В 4.2.1 были приведены примеры того, как некоторые вкрапления, способствующие оценке человека по этносоциальной принадлежности и представляющие собой чужие слова, участвуют в формировании оппозиции «свой» – «чужой» и дискредитации итальянских женщин (см. (116)). Помимо данного приема, в итальянском материале агрессии способствуют малочисленные случаи использования итальянской бранной лексики, например:

(153) *они в любом случае идут ваффанкуло со своими мнениями, которое тем более у них меняется по десять раз на день*
[ваффанкуло – от ит. vaffanculo, вульгарное выражение в итальянском языке – ‘иди в ж***’]

По мнению Х. Лантто, общая функция переключения кода, сленга и бранной лексики – и создание групповой солидарности, и, особенно в случае бранной лексики, эмоциональная разрядка [Lantto 2014: 633]. Согласно некоторым исследованиям, брань воспринимается сильнее на первом освоенном языке, чем на освоенном позже [Dewaele 2004a]. Также отмечается, что ругаются обычно чаще на первом освоенном языке [Dewaele 2004b]. Таким образом, переключение с русского на итальянский может быть и средством эвфемизации, что было отмечено нами в [Деци 2018a]⁷⁴. Малочисленность примеров использования итальянской бранной лексики с целью агрессии и обсуждение значения бранных слов коммуникантами, как в примерах (154) и (155), подтверждают мысль о том, что данным онлайн-сообществом итальянская бранная лексика не воспринимается так, как воспринималась бы на первом освоенном языке. Тем не менее, как отмечает Х. Лантто, ПК с

⁷⁴ Несмотря на то что у нас нет полных сведений о языковом портрете коммуникантов (особенности их двуязычия, уровень владения итальянским языком и т. п.), статистические данные, указывающие на то, что большинство русскоязычных жителей Италии – люди, приехавшие в Италию взрослыми, дают основание предположить, что итальянский язык не является первым языком для большинства коммуникантов.

применением бранной лексики используется и для создания контраста, эмфазы сообщаемого и, таким образом, эмоционального воздействия на собеседников [Lantto 2014: 641].

(154) Но и итальянские **паролачче** не всегда так невинны. Мы даже не нашли еще точного (не тюремного) русского аналога базовому **ваффанкуло** (иди на х.. = по употреблению, но не по смыслу).
[паролачче – от ит. *parolacce* – ‘нехорошие слова’]

(155) Ну значит вас это коробит. потому как аналогию с пошел на х** у вас перед глазами сразу встает! Но в Италии это НЕ ТАК!!! **Ваффанкуло**, я спокойно могу сказать певцу, с которым я работаю над партией, и он на это не отреагирует так, как если бы я в России сказала бы певцу пошел на х*** (в России я бы (может) сказала "пошел в задницу!")

В эстонском материале агрессия значительно более частотна, чем в итальянском (в эстонском материале мы обнаружили 63 переключения, выполняющих функцию агрессии, в итальянском – 12). Стратегии выражения агрессии посредством вкраплений также более разнообразны, поэтому далее остановимся на этом подробнее.

Формированию агрессии в интернет-коммуникации русскоязычных жителей Эстонии часто способствует присутствие эстонских и других иноязычных вкраплений. Обнаруженные способы формирования речевой агрессии, включающие эстонские и реже другие иноязычные вкрапления, следующие:

- использование русской и эстонской сниженной и бранной лексики;
- изображение чьей-то речи;
- псевдовежливость;
- языковая игра.

Как продемонстрировано в [Деци 2020б], перечисленные способы часто пересекаются, они могут появляться в разных комбинациях и способствовать формированию оппозиции «свой» – «чужой», являющейся одновременно и базой, и следствием языковой агрессии. Языковая игра как средство дискредитации определенных групп людей и, соответственно, агрессии будет рассмотрена в пятой главе диссертации как проявление языковой рефлексии пользователей. Ниже сосредоточимся на других вышеперечисленных способах, особенно на изображении речи и псевдовежливости⁷⁵.

Наиболее яркое проявление речевой агрессии в эстонском материале осуществляется реальным или вымышленным цитированием. Речевая агрессия на основе цитирования отмечается и в [Гордеев 2017: 176]. Б. Рамптон также отмечает использование «деформированных» языковых

⁷⁵ Частично данный материал рассматривается в [Деци 2019г, 2021а], однако под иным углом зрения – с точки зрения установления границ чужой речи и определения статуса цитаты по признаку ее реальности / вымышленности.

средств, стереотипно принадлежащих какой-либо социальной группе для дискредитации последней [Rampton 1991: 230]. В эстонском материале пользователи часто имитируют речь эстонцев, разговаривающих по-русски, гротескно, как демонстрируют примеры ниже.

(156) *Перевожу на понятный язык: мы, пlying, рупили всю лессу, райск, который на нам оставил оккупаций, которая не телал райк стесссь ни отна леспромхоссу, а теперь, курат, лессу нет, райск и тенги нусен на эстонский хоссяефф.*

(157) *У владельцев хуторских сортиров и сараек появляется возможность улучшить своё материальное положение... «васа трассу на моя туалетту пополам расресали, райск, а этот есть полсой укроос на насса народу, его языку и культуур и деньги нузен, стопы восстанавливать, курат, куда какать»*

Примеры являются комментариями к двум статьям, опубликованным на *Delfi*, – *Европа обеспокоена проблемами лесного хозяйства в Прибалтике* и *Жители Рапламаа недовольны проектом Rail Baltica*. Здесь мы наблюдаем то, что в [Деци 2019г] было определено как псевдоцитаты. Изображение речи эстонцев проявляется в имитации длинных гласных (*култуур*), в оглушении звонких согласных (*рупили* / рубили, *укроос* / угроза), т. к. в эстонском языке не различаются глухие и звонкие согласные, в искажении шипящих, отсутствующих в эстонском языке (*нусен* / нужен, *стопы* / чтобы, *васа* / ваша; *насса* / наша). В псевдоцитатах есть и типичные ошибки, которые могли бы сделать эстонцы, разговаривающие на русском языке, например, неправильное падежное окончание (*на наша народу*) и род (*укроос, народу*). В высказываниях повторяются эстонские ругательства (*курат, райск*), усиливающие их грубость. Псевдоцитаты четко выделяются на фоне слов автора, представляя «чужого», его речь и взгляды в гротескном виде. «Чужой» изображается как неспособный правильно говорить на русском языке, как грубый и глупый. Таким образом псевдоцитаты служат для высмеивания и дискредитации эстонцев, что и является агрессией.

Оппозиция «свой / чужой» образуется и в ходе фиктивного диалога с «чужим», в котором авторы могут цитировать свои возможные слова или слова собственной социальной группы, например:

(158) *Ну вот,- Хороший русский язык от эстонца. Русские которые эстонский выучили, тоже могут неплохо ответить! Суу кинни пыдера муннь, я мине минема...*

[Суу кинни пыдера муннь, я мине минема – от эст. *suu kinni põdra munn ja mine minema* – ‘Закрой рот, олений х**, и убирайся’]

Пример (158) появился в комментариях под статьей на *Delfi* с заглавием *Русский язык – для эстонцев!* и является ответом следующему комментарию: *komu ne nraivitsja estonia....ubiraites tuda, gde vam nraivitsja....* Пишущий

переключается на язык «чужого» не только, чтобы продемонстрировать свои языковые знания, но и для того, чтобы оскорбить его. Подобное переключение также отсылает к проблемам языкового и культурного взаимопонимания.

Итак, псевдоцитатами в эстонском материале могут быть изображение речи эстонцев, говорящих на русском, и переключение на эстонский. Они часто содержат сниженную, бранную лексику. Подобные вкрапления осуществляют агрессию, т. к. направлены на дискредитацию и оскорбления «чужого».

Речевая агрессия может появиться также в случае формально вежливого употребления этикетных формул «чужого». Категория вежливости, как известно, существенно зависит от контекста, что соотносится с требованием уместности и соответствия ситуации речевым манерам [Vilkki 2006: 324–325]. По мнению Р. Уоттс, способы выражения вежливости являются всегда оценочными, они легко поддаются формальным и прагматическим изменениям, при этом оценка может поменяться на противоположную. Способы выражения вежливости могут быть использованы для того, чтобы впечатлить, шокировать, соблазнить, обмануть и т. д. [Watts 2003: 49]. В примерах ниже посредством вкраплений создается контраст между предположительно вежливой формой и ситуацией, что способствует выражению иронии, сарказма и, следовательно, проявлению агрессивности.

(159) *Позвольте вам заметить, проуа Лауристин, что диалог возможен только между равными.*
[проуа – от эст. prooa – ‘госпожа’]

(160) *У РОНТА ОДНА ИЗВИЛИНА- КЫЙК ЛЯХМЕ ВЕНЕМАА /ЕСЛИ Я СКАЗАЛ НЕГРАМОТНО-ПАЛУН-ЯЗЫКОВАЯ ИНСПЕКЦИЯ*
[Кыйк ляхме Венемаа – от эст. Kõik lähme Venemaale – ‘все отправимся в Россию’; палун – от эст. palun – ‘пожалуйста’]

Использование эстонских этикетных формул в негативно-оценочных контекстах, представленных в примерах, меняет прагматику изначально вежливых высказываний, т. к. этикет используется для насмешки. Пример (159) является комментарием к статье на *Delfi* с заглавием *Лауристин: единое медиапространство предполагает диалог*, где говорится, что бывший министр социальных дел Эстонии Марью Лауристин предлагает русским журналистам Эстонии стремиться к созданию единого медиапространства, что, по ее словам, возможно через диалог. Лауристин определяется в примере, как *проуа*. Следует отметить, однако, что в современных эстонских повседневных речевых практиках обращения *prooa* ‘госпожа’ и *härра* ‘господин’ не узуальные, что придает комментарию несколько иронический оттенок. Далее автор намекает на то, что *проуа* не равна группе людей, к которым она адресуется. Эстонское слово *проуа* таким образом используется саркастически, оно позволяет автору отделить русских журналистов

от эстонского политика и, возможно, также от эстонского общества. Пример (160) также появился на *Delfi* под статей 2007 года *Ансип: перенос бронзового солдата был необходим*. Бронзовый солдат – неофициальное название памятника советским воинам, павшим во Второй мировой войне. В 1990-х гг. после восстановления независимости Эстонии памятник стал объектом ожесточенных дискуссий, т. к. часть эстонцев считала его символом советской оккупации. В 2007 г. эстонское правительство перенесло мемориал из центра города на кладбище, что вызвало волнения русского населения в Таллине и других городах Эстонии. Статья о переносе бронзового солдата вызвала более 500 комментариев, содержащих множество споров и негативных реакций. Автор (160) комментирует реплику пользователя *Ront*, выразившего несогласие с некоторыми пользователями⁷⁶, приписывая ему определенную позицию (*У Ронта одна извилина – Кыйк ляхме Венемаа*). Далее автор использует эстонское слово *palun*, передающее, однако, не вежливое отношение, а безразличие и пренебрежение мнением *Ронта*⁷⁷.

Анализ материала показал, что и в итальянском, и в эстонском корпусах вкрапления могут содействовать речевой агрессии, однако эта функция более частотна и разнообразна в эстонском материале, где ее реализации способствуют псевдоцитаты на эстонском или изображающие русскую речь эстонцев. В итальянском материале чужое слово, представляющее собой псевдоцитату, тоже может стать средством дискредитации и, следовательно, агрессии, однако это явление не столь регулярное, кроме того, в нашем материале отсутствуют примеры, изображающие речь итальянцев, говорящих по-русски. Причина этого очевидна – не предполагается умение итальянцев говорить на русском, в то время как часть эстонцев владеет русским (на разном уровне). И в итальянском, и в эстонском материале агрессии способствует и бранная, сниженная лексика, однако это явление не столь частотное в итальянском материале, где сниженная лексика часто используется не с целью агрессии. В эстонском материале действие сниженной эстонской лексики проявляется особенно ярко в псевдоцитатах, что способствует созданию негативного образа «чужого». В отличие от итальянского материала, в эстонском, наряду с другими средствами, агрессии способствуют и вкрапления, являющиеся этикетными формулами. Их употребление в неподходящих (негативно-оценочных) контекстах приводит к

⁷⁶ См. пример (220) в 6.3 – *Ну что вы ноете? Вы тут кто? Никто и звать вас никак. Кто с вами считается-то будет. Язык выучить попробуйте! Авось что-то новое почерпнете! Гражданство получите! Сидите на порталах как бомжи и на жизнь жалуетесь. Да кому вы нужны?! Думаете России за отданные голоса? Ну-ну... Вам еще с газопровода обломится манна небесная... Ждите, совки, ждите...*

⁷⁷ Языковая инспекция (эст. *Keeleinspektsioon*) представляет собой службу, находящуюся в ведении Министерства образования и науки Эстонии. Основной ее задачей является осуществление контроля за исполнением законодательства в области языковой политики, включая закон о государственном языке, а также другие правовые акты, регулирующие знание и использование государственного языка.

парадоксальности, на наш взгляд, позволяющей пишущим особым образом дистанцироваться от тех, к кому они адресуются.

ВЫВОДЫ

Способы оценивания посредством вкраплений множественны и вариативны. Вкрапления вступают в отношения с другими элементами высказываний, способствуя формированию диалогической структуры комментариев. Часто вкрапления приводятся как чужое слово, цитата, что позволяет усилить интертекстуальность комментариев. В интернет-общении, полифоничном и гипертекстуальном по своей природе, оценка проявляется особенно ярко. Вкрапления отражают разные голоса, точки зрения, оценки, на которые пользователи опираются, полемизируют с ними, что помогает им выразить собственную оценку и, следовательно, позиционировать себя по отношению к чему-то «чужому» – приблизиться к нему или отдалиться от него. Материал показывает, что вкрапления воздействуют на эмоциональную вовлеченность пользователей, что проявляется во множестве оценочных реплик. С помощью вкраплений пользователи выражают свои чувства, суждения, отношения, при этом некоторые вкрапления приобретают оценочные значения в конкретных высказываниях с учетом социокультурного фона.

С помощью вкраплений оцениваются разные предметы / явления. И в эстонском, и в итальянском материале оценивается человек по разным признакам, общими из которых для двух корпусов являются этносоциальная принадлежность и поведение, которые оказались тесно взаимосвязанными. В итальянском материале при оценке человека по данным двум показателям проявляется гендерный фактор – часто приводятся чужие слова, оценивающие положение русскоязычных женщин в Италии. В итальянском материале гендерный фактор также проявляется при оценке человека по личным отношениям, где можно наблюдать стремление сблизиться с «чужими». При оценке по профессии в итальянском материале отражается иммиграционный фон пользователей, в котором определенные работы, обычно выполняемые некоторыми группами иммигрантов, приобретают негативно-оценочные коннотации. Оценка человека по личным отношениям отсутствует в эстонском материале, а оценка человека по профессии появляется лишь в одном комментарии, что отчасти может свидетельствовать о том, что данные аспекты жизни русскоговорящих Эстонии не требуют использования вкраплений (названия должностей обычно зафиксированы и на русском). В эстонском материале при оценке человека по этносоциальной принадлежности и поведению прослеживается оппозиция «русские» – «эстонцы», актуальная для эстонского общества.

Помимо человека в итальянском материале вкрапления способствуют и оценке действия, в том числе речевого. Это особенно свойственно словам-

гибридам, являющимся результатом языковой игры, порой основанной на ассоциативных связях, приводящих к формированию экспрессивных образов-картин. Игровой компонент оценки в итальянском материале можно объяснить попыткой коммуникантов преодолеть эмиграционный стресс и осмыслить опыт освоения нового пространства [Dezi 2024, Disney 2014]. В эстонском материале мы обнаружили гибридные глаголы, которые уже давно вошли в речь определенных групп русскоговорящих Эстонии, которые, однако, как мы предполагаем, в силу своей привычности потеряли первоначальную экспрессивность.

И в эстонском, и в итальянском материале вкрапления помогают оценивать реалии, однако, в отличие от итальянского материала, в эстонском преобладает негативная оценка, проявляющаяся в дискредитации определенных реалий.

Посредством оценки коммуниканты достигают разных целей – усиливают эмотивную, экспрессивную, этикетную составляющие высказываний, осуществляют агрессию. Основное различие между итальянским и эстонским материалом заключается в регулярности проявления речевой агрессии посредством вкраплений.

В приведенных выше примерах вкрапления также отражают понимание значения и функций языковых средств итальянского и эстонского языков, а также умение использовать и порой обыгрывать эти средства для создания определенных значений и достижения конкретных целей. Коммуниканты в процессе позиционирования оценивают собственные и чужие языковые средства, а также их уместность / легитимность в итальянском и эстонском хронотопах. Все это свидетельствует о языковой рефлексии коммуникантов и связывает функцию оценки с метаязыковой функцией вкраплений, которую рассмотрим далее.

ГЛАВА 5. МЕТАЯЗЫКОВАЯ ФУНКЦИЯ ВКРАПЛЕНИЙ

5.1. Метаязыковая функция: теоретические основы

Размышления о языке способствуют развитию критического отношения человека к языку. Критика языка является составляющей философских учений о языке, однако она выходит за рамки собственно научной и философской мысли и осуществляется также и на бытовом уровне. По мнению М. А. Кронгауза, «любая рефлексия по поводу языка, в том числе на бытовом уровне, – письма в газету, застольные беседы и даже реплики в общественном транспорте – все это тоже критика языка» [Кронгауз 1999: 133].

Обострение критики языка происходит периодически, характеризуя состояние как языка и определенные процессы, в нем протекающие, так и общества [там же]. Кардинальные изменения социально-экономических обстоятельств усиливают интеллектуальную деятельность человека и, следовательно, языковую рефлексию [Вепрева 2002: 76]. Современные процессы глобализации, включающие новые коммуникативные технологии, передвижение людей в пространстве и т. д., приводят к увеличению контактов людей, владеющих разными языками и их вариантами, что обостряет языковое сознание социума в целом. В частности, один из примеров этого – иммиграция, когда люди вынуждены ориентироваться в новом физическом и социокультурном пространстве, считаться с возможным снижением социального статуса и языкового капитала.

Характеристика проявлений языковой рефлексии дана, в частности, И. Т. Вепревой, одним из известнейших специалистов-русистов в этой области [Вепрева 2002]. Исследователь утверждает, что изучение метаязыковых комментариев является смежной дисциплиной, т. к. чтобы охарактеризовать это явление максимально полно, нужно обратиться к данным других наук – социологии, психолингвистики, этнолингвистики, когнитологии и других антропологических дисциплин. По мнению И. Т. Вепревой, психологический аспект в исследовании языковой рефлексии занимает едва ли не главное место по ряду причин. Во-первых, языковое сознание является частью общей проблемы «язык и мышление», во-вторых, посредством изучения метаязыкового материала можно реконструировать не только мировоззренческие установки отдельного индивида, но и психологическое состояние общества в целом. И. Т. Вепрева характеризует нерасчленимую сущность *сознание – мышление*, добавление к которой языка образует ментально-лингвальный комплекс [там же: 29].

Сознание определяется И. Т. Вепревой как одна из форм мышления или как фиксированное знание, как образ определённых объектов, в то время как мышление определяется как «процесс или деятельность, посредством которого этот образ получается, т. е. как познание» [там же]. Важным

является вопрос о вербальности сознания и мышления, который в современной литературе не находит однозначного решения. Согласно более традиционной точке зрения, сознание «всегда протекает в вербальных формах, даже если оно достигает чрезвычайно высокого уровня абстракции» [Верещагин, Костомаров 1990: 16], «формы языка необходимо сопутствуют мышлению от начальной фазы зарождения мысли до момента отчуждения и передачи слушателю» [Кацнельсон 1984: 4]. Как отмечает И. Т. Вепрева, во многих работах говорится и о «языковом сознании». По мнению В. В. Красных, «языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано только как продукт прошедшей, бывшей деятельности» [Красных 1998: 22]. По мнению А. Мустайоки, лингвист не способен определить семантические категории на основе действительности, поскольку «необходимые для применения этой модели семантические категории находятся в “черном ящике”, в который нет прямого доступа» [Мустайоки 1999: 233]. Однако исследование вербализованной метаязыковой деятельности помогает лингвисту «заглянуть» в «черный ящик» сознания и установить этапы речемыслительного процесса [Вепрева 2002: 32].

Метаязыковое сознание определяется как компонент языкового сознания, который может проявляться как бессознательное и как сознательное знание о языке, свидетельствующее о рациональном понимании языка и о его интерпретации. Понимание метаязыкового сознания как компонента языкового сознания можно объяснить тем, что в последнем выделяется «особый круг знаний о языке как объекте познания» [там же: 52]. Языковое и метаязыковое сознание может быть как свойством индивида, относящимся к его субъективной структуре сознания, так и групповым, общественным и коллективным свойством. В этой связи встаёт вопрос о «соотношении субъективного и объективного, индивидуального и всеобщего в структуре сознания» [там же: 49]. Метаязыковое сознание существует на двух уровнях: на теоретическом, структурированном уровне, включающем научные суждения и лингвистические исследования, и на обыденном, в форме массовых знаний и представлений, полученных благодаря практически-духовному освоению действительности [там же: 54].

М. Сильверстейн различает в метаязыковой деятельности речевые приемы метасемантики и метапрагматики. Метасемантика отсылает к семантике лексических единиц, метапрагматика – к прагматическим значениям высказывания [Silverstein 1976: 16, 48; Silverstein 1981: 383]. В этой связи Д. А. Луси определяет метаязыковые явления как метапрагматическую деятельность и утверждает, что рефлексивная деятельность в основном направлена на соответствие использования языка коммуникативным условием. По мнению автора, та часть метаязыка, которая связана с семантикой, является особой субкатегорией рефлексивной деятельности [Луси 1993: 17].

И. Т. Вепрева считает метаязыковую деятельность дискурсивной и подчеркивает важность анализа точки зрения адресанта, его предпочтений,

оценок и эмоций по отношению к адресату или определенным явлениям. На базе теории дискурсивной природы метаязыковой деятельности она выделяет рефлексив – «метаязыковой комментарий по поводу употребления актуальной лексической единицы» [Вепрева 2002: 76] – как имеющий различные текстовые формы: «1) канонический текст-рефлексив, отдельное речевое произведение; 2) рефлексивы внутри целого текста: а) в виде авторского замечания, словесной реплики, ремарки, комментирующих основной текст, б) в виде метаязыкового высказывания; 3) в виде цепочки взаимосвязанных высказываний – текстового фрагмента» [Вепрева 2002: 74]. Метаязыковые комментарии могут быть направлены на фоновые знания адресата (эпистемические рефлексивы) или могут выразить отношение адресанта к слову (аксиологические рефлексивы). Рефлексивы апеллируют также к мнению адресата, и в них можно проследить преобладание рациональной или эмоциональной реакции, что связывает языковую рефлексию с категорией оценки.

Согласно И. Т. Вепревой, типы рефлексивов можно выделить с точки зрения их функционирования: 1) рефлексивы, реагирующие на коммуникативное напряжение и контролирующие процесс речепорождения; 2) рефлексивы, реагирующие на концептуальное напряжение [там же: 103]. По ее же мнению, все виды деятельности, включая речевую, основываются на системе стереотипов, которая «позволяет нам жить в режиме автопилота» [там же: 100]. Метаязыковое сознание действует и на бессознательном уровне, обеспечивая автоматизм речевой деятельности и контролируя её. Однако коммуникативные трудности мобилизуют «бессознательный компонент» метаязыковой способности, провоцируя экспликацию метаязыкового сознания в речи [там же]. В процессе речепорождения реакция человека острее проявляется там, «где сильнее ощущается языковая индивидуальность коммуниканта» [там же: 105]. Основываясь на отступлении от нормы, И. Т. Вепрева выделяет пять критериев напряжения, провоцирующих появление метаязыковых комментариев:

- динамический критерий: вызван незнакомой лексической единицей;
- стилистический критерий: спровоцирован стилистической инновацией;
- деривационный критерий: вызван производными формами. Дериватологи отмечают, что все производящие формы тяготеют к нормативности, в то время как производные, будучи более сложными, больше тяготеют к ненормативности. [там же: 107];
- личностный критерий: вызван проблемой точности формулировки авторского замысла и выбором речевых средств, позволяющих оптимально выполнить коммуникативную задачу. «В этом случае рефлексивы выступают как вербализованная культурно-речевая оценка своих или чужих речевых усилий» [там же: 109].
- ксеноразличительный критерий: вызван корреляцией «свой» – «чужой», которая проявляется «в использовании стилистически маркированных единиц, ориентированных на чужое слово» [там же: 112], что актуально для нашего исследования.

Согласно У. Джесснер, языковую рефлексию можно определить как способность фокусироваться на форме и переключать фокус с формы на функцию, и поэтому языковая рефлексия проявляется не только в виде эксплицитных метаязыковых комментариев, но и как отмеченная способность [Jessner 2014: 177]. Многие факторы отражают языковую рефлексию, например выбор и оценка языковых средств и их употребление в определенном хронотопе, обсуждение определенных «метаобъектов» – стереотипов, метаязыковых понятий, метафор и пр. [Штукенброк 2003: 63].

Метаязыковая деятельность говорящих ярко проявляется в средствах массовой коммуникации, в частности, в Интернете. И. Т. Вепрева пишет, что «Интернет, “икона” нового времени и “зеркало” современного развития <...>, сформировал стилевые признаки нового Net-мышления, напоминающего внутреннюю речь со специфическим темпоритмом, ассорти-композицией, свободой воли» [Вепрева 2002: 93]. Точка зрения Н. Б. Мечковской [Мечковская 2006], называющей компьютер «языковой машиной», является также интересной для нашего анализа. По мнению автора, свойства Интернета расширяют и усиливают языковую рефлексию по двум главным причинам: 1) присутствие полисемиотического материала (появления гибридных и креолизованных знаков и сообщений); 2) использование в русском Интернете не менее двух алфавитов и не менее двух языков [там же: 169]. Языковая рефлексия пользователей Рунета, «замешанная на постоянной игре со словом и буквой, проявляется в ряде языковых особенностей русского Интернета, прежде всего в бурном и разнообразном смеховом переименовании английских терминов, а также в игровой фонетизации письма» [там же: 171–172]. Вершина языковой рефлексии проявляется в фонетизации письма, а именно в осознании относительной раздельности русского звучания и письма [там же: 173]. Высокая степень языковой рефлексии проявляется в шуточной фонетической орфографии интернет-языка, примером чего служит так называемый олбанский язык. По мнению исследователя, проявление языковой рефлексии можно наблюдать также в языковой игре с английскими заимствованиями, однако орфографическая рефлексия – самое сильное проявление языковой рефлексии в Рунете [там же: 175].

Результаты исследований речи некоторых дву- и многоязычных обществ также демонстрируют усиление в них языковой рефлексии говорящих [Костанди 2013, 2018; Golovko 2003; Verschik 2017], что обусловлено тем, что дву- и многоязычные условия стимулируют, пусть наивный, контрастный анализ языковых средств разных языков [Костанди 2018; Golovko 2003]. Нередко в данных обществах возникают ситуации конфликтного характера, где говорящие борются за признание символического капитала разных языков и их разновидностей [Bourdieu 1977]. В [Jessner 2008] отмечается, что хотя металингвистическое сознание развивается и у людей, владеющих одним языком, языковая рефлексия моноязычных людей не может быть сравнима ни по степени, ни по качеству с метаязыковым сознанием многоязычных людей. Еще Л. В. Выготский отмечал, что контакт с

иностранным языком помогает детям оттачивать свои знания о первом языке [Выготский 1934: 33]. Согласно У. Джесснер, в многоязычных условиях у говорящих развиваются:

- креативное мышление (например, появляется большее разнообразие ассоциаций, оригинальные идеи и т. п.);
- интерактивная и / или прагматическая компетентность, которая проявляется, например, в приемах выражения приветствия, благодарности и т. п.;
- коммуникативная чувствительность и гибкость;
- способности и навыки перевода, которые считаются естественными чертами в многоязычных условиях [Jessner 2008: 277].

Языковая рефлексия в условиях многоязычия проявляется в речи в более или менее очевидных формах [Verschik 2017]. К более очевидным формам можно отнести метаязыковые комментарии. Для нашего исследования представляют интерес результаты анализа Е. И. Костанди и А. Вершик, выделяющих следующие темы, предметы речи, отражающиеся в метаязыковых комментариях русскоговорящих Эстонии:

- общая характеристика сосуществования народов, языков, обычаев;
- характеристика, оценка знания языков [Костанди 2016а: 248–249; Verschik 2017];
- описание конкретных коммуникативных ситуаций двуязычия;
- характеристика эстонских и русских слов и иных языковых единиц [Костанди 2016а: 248–249], обсуждения тонкостей эстонской грамматики [Verschik 2017].

Е. И. Костанди подчеркивает появление в текстах разных стилей и жанров и в разных коммуникативных условиях содержательно и формально похожих метаязыковых единиц, тематически связанных с ситуацией сосуществования языков, что позволяет говорить «об определенной степени стандартизации, о постепенной выработке типового “дискурса о языке” в речи русскоговорящих Эстонии» [Костанди 2016а: 249]. В разных сферах коммуникации существуют факторы, влияющие на трансформацию инварианта, однако «общим для всех фактором является ситуация диаспоры, сосуществования народов и языков» [Костанди 2016а: 250]. В [Verschik 2017] приведены менее очевидные примеры проявления языковой рефлексии в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии, например, визуальное разделение эстонских основ и русских флексий, игровое переключение с кириллицы на латиницу внутри слов и предложений.

Исследователи, рассматривающие языковую рефлексия в речи разных многоязычных сообществ, приводят и другие примеры ее проявления, такие как ПК, показывающие в некоторых случаях различие коммуникантами разных кодов [Golovko 2003: 180]. Так, в [Reyes 2004: 90] демонстрируется, как испаноязычные школьники, владеющие английским языком, адапти-

руют свою речь с помощью ПК, учитывая лингвистические знания сверстников. Школьники переключаются также с целью объяснения некоторых учебных заданий. Эти функции ПК отражают не только металингвистические знания говорящих, но и их наблюдения над речью других, что позволяет им выбирать подходящие средства в определенных коммуникативных ситуациях.

По мнению Е. В. Головки, в двуязычных условиях у говорящих появляется возможность «сопоставительного анализа» грамматических значений на основе интуитивных выводов [Golovko 2003: 180]. Это наблюдается, например, в заимствовании морфологических маркеров, демонстрирующем понимание грамматики коммуникантами и, следовательно, их языковую рефлексию [там же: 180]. Согласно исследователю, языковую рефлексию также можно наблюдать в процессе цитирования и в том, как люди подражают речи других говорящих, смешивающих языки, иногда для создания юмористического эффекта [там же: 186].

Сопоставление и выбор коммуникативных средств, проявляющиеся более или менее очевидно в речи говорящих, является частью процесса познания окружающей действительности и приспособления к ней. Этот процесс – часть формирования (языковой) картины мира человека, которая в ходе познания постоянно корректируется и развивается [Алефиренко, Корина 2001: 32]. Согласно А. В. Неронову, картина мира «представляется своеобразным “культурным ландшафтом”, внутри которого размещаются прочие элементы культуры, включая и шкалу ценностей, которая характерна только для определенной картины мира» [Неронов 2011: 248]. Еще Л. Витгенштейн утверждал, что «границы моего языка суть границы моего мира» [Витгенштейн 2018а: 101]. В связи с этим О. Ю. Корниенко утверждает, что «языковая картина мира отражает объективную реальность в определенный период времени. Она представляет собой не только способ восприятия и кодировки реальности в каждый определенный период времени. И сам способ кодировки реальности со временем конструирует реальность» [Корниенко 2021: 88]. Этот процесс связан с формированием идентичности, т. к. «человек определяется внутри своей культуры или культурного пространства» [там же]. Как подчеркивает А. В. Неронов, «речь идет об обретении некоего Я, где идентичность выражается через отождествление с некоторыми культурными формами внутри определенного культурно-символического поля» [там же: 248].

Идентичность людей образуется и выражается при помощи вербальных и невербальных средств. В постструктурализме идентичность рассматривается как динамичное (нефиксированное, нестабильное) и многообразное явление, тесно взаимосвязанное с языком – с одной стороны, языки предоставляют средства, с помощью которых идентичность выражается, с другой, языковые средства индексируют идентичность людей [Blackledge, Pavlenko 2001: 249]. Идентичность формируется, создается, обсуждается в процессе «позиционирования» личности по отношению к определенному социо-

культурному пространству. Б. Дейвис и Р. Харре определяют позиционирование как процесс, в котором участники выступают как субъекты совместно создаваемых сюжетов [Davies, Harré 1990: 48]. Выделяются интерактивное и рефлексивное позиционирование. Интерактивное позиционирование предполагает, что один субъект позиционирует другого, рефлексивное – процесс позиционирования самого себя [там же]. Согласно Б. Рампону, позиционирование часто осуществляется при помощи чужого слова. Коммуниканты намеренно используют / изображают стили, языки, диалекты и пр., которые обычно не используют внутри своего языкового сообщества, для присвоения, изучения, критики образов и стереотипов, принадлежащих другим социокультурным группам [Rampton 1999, см. понятие *crossing* в Rampton, Charalambous 2012]. В [Blackledge, Pavlenko 2001: 249] утверждается, что и разные речевые практики отражают процессы позиционирования говорящих, в них может осуществляться и интерактивное, и рефлексивное позиционирование, которые часто невозможно четко разграничить.

Эстонские исследователи рассматривали речевые практики отражающие соотношение «своего» и «чужого» в картине мира русскоязычных жителей Эстонии [Кюльмоя 2016; Купп-Сазонов 2016; Щаднева 2016б]. Как показано в работах Е. И. Костанди, позиционирование говорящих может проявляться, например в практике использования текстов билингва (ТБ) – «текстов на двух языках, один из которых представляет собой перевод другого: надписи-переводы на двух языках на древних каменных плитах, словарные статьи двуязычного словаря, параллельные тексты Евангелия на церковнославянск. и рус. языках, текст инструкции по использованию аппарата, механизма, лекарственного препарата и т. п. на двух языках» [Панькин, Филиппов 2013: 16]. ТБ могут быть чрезвычайно разнообразны и иметь множество вариантов и проявлений – сокращения, наращенные, трансформации [Костанди 2016а]. Сама практика ТБ, которая в Эстонии является повседневной, ее языковая (например, направление и корректность перевода) и содержательная составляющие, выбор, обсуждение, оценки знания / незнания какого-либо языка текста билингва отражают языковую рефлексивность говорящих в связи с соотношением «своего» и «чужого» [Костанди 2016а, 2016б].

Как речевую практику, реализующую позиционирование говорящих, рассматривают и ПК [см. например, Аует 2005]. В частности, оно проявляется как практика выбора языка, который нередко сопровождается комментариями о знании / незнании языка, оценкой выбора и его результатов [Костанди 2018].

Многоязычие включает более широкий спектр действий и речевых явлений, чем только переключение с одного языка на другой, и представляет собой богатый источник креативности и критичности, оно влечет за собой «напряжение, конфликт, конкуренцию, различия» [Li 2011: 1123]. В многоязычных условиях у говорящих появляется особая способность играть с различными языковыми кодами и с пространственными и временными

резонансами этих кодов [Kramersch, Whiteside 2008: 664]. Говорящие играют, переключаясь с одного языка на другой, как в устной, так и в письменной речи, жестикулируют, имитируют акцент и изображают речь других людей, включая и модели коммуникативного поведения, связанные с конкретными культурами [Li 2011: 3070]. Соответственно, языковая рефлексия имеет множество проявлений, представляющих собой дискурсивное пространство сознательных поисков путей самовыражения. Это соотносится с «творческим характером вербализованных актов мыслительной деятельности и креативным характером языковой способности говорящего», что делает возможным трактовать некоторые рефлексивы как «проявление языковой игры в широком понимании этого термина» [Вепова 2002: 118].

Такая игра предполагает не только знание языковых систем, но и знание норм использования языков в контексте [Li 2011: 274]. Осознание говорящими этой способности влияет на их самоощущение, возбуждает растущее чувство языковой компетентности, творчества и силы [Belz 2002; Canagarajah 2018: 43]. Эти практики особым образом осуществляются в онлайн-сообществах. Интернет-пользователи часто играют с необычным сочетанием языков, ориентируясь на возможные обсуждения и оценки других пользователей [Androutsopoulos 2013; Jaworska 2014; Lee 2016; Vásquez 2019]. Согласно С. Яворской, интернет-пользователи в условиях диаспоры часто обыгрывают языковые нормы и речевые практики для переосмысления социальных отношений и ролей, для выражения собственной идентичности [Jaworska 2014: 59].

Итак, языковая рефлексия имеет множество проявлений, более или менее очевидных. Процессы глобализации, включающие новые и расширенные коммуникативные возможности и участвовавшие контакты носителей разных языков и разновидностей языка дополнительно усложняют это явление. Многоязычие, проявляющееся в определенных речевых практиках, в частности, в переключениях разного вида, порой в целях игры, усиливает языковую рефлексивность говорящих, предполагая сопоставление и выбор определенных языковых средств в конкретных времени и пространстве, что связывает метаязыковую функцию вкраплений с процессами определения «своего» и «чужого», способствующими дискурсивному позиционированию говорящих и, следовательно, формированию идентичности.

Языковая рефлексия имеет множество проявлений, взаимодействующих с определением «своего» и «чужого» и позиционированием коммуникантов и в нашем материале. Ниже рассмотрим вначале общие тенденции, затем перейдем к специфике проявления языковой рефлексии в связи с процессами позиционирования, поскольку в нашем материале этот аспект является одним из наиболее очевидных и важных для коммуникантов.

5.2. Метаязыковая функция вкраплений в интернет-дискурсе русскоговорящих Италии и Эстонии: общая характеристика

Общая характеристика языковой рефлексии в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии была дана нами в магистерской работе [Деци 2018а] и ряде статей, где в ходе анализа разных аспектов вкраплений рассматривались и метаязыковые единицы [Деци 2019д, 2022а, 2022б]. Этот анализ показал, что вкрапления регулярно соотносятся с языковой рефлексией участников коммуникации, и позволил выделить следующие основные функции метаязыковых единиц:

- перевод и / или объяснение: 1) названий итальянских реалий, 2) представлений и стереотипов, 3) пословиц и поговорок, 4) грамматических форм;
- характеристика знания языков и речевого поведения, что реализуется в обсуждении: 1) языковой компетентности эмигрантов, 2) ситуации двуязычия и речевых проблем, связанных с детьми в смешанных семьях;
- выражение иронии посредством: 1) языковой игры, 2) реализации оценочной функции метаязыковых высказываний [Деци 2018а: 46], что демонстрирует тесную связь метаязыковой функции вкраплений с функцией оценки и с языковой игрой.

Были проанализированы и эпистемическая, и аксиологическая составляющие метаязыковых единиц, способствующие познанию окружающей действительности, ориентации говорящих в определенном хронотопе [там же: 46].

В [Деци 2022а] рассматриваются менее очевидные примеры проявления языковой рефлексии в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии. Результаты анализа показали, что языковую рефлексию можно проследить в том, как пользователи выбирают языковые средства русского или итальянского языков с учетом их функционального потенциала и символического капитала. Это наблюдается в объявлениях / сообщениях на разных языках, которые можно рассматривать как ТБ, в случаях употребления латиницы, маркирования чужого слова (цитирования), использования итальянских устойчивых словосочетаний / выражений, этикетных формул, итальянских частиц, союзов и наречий, для которых сложно найти точные русские эквиваленты.

В [Деци 2021б] мы сосредоточились на многоязычной языковой игре и продемонстрировали, что в интернет-дискурсе русскоговорящих Италии она часто сопровождается оценкой и метаязыковыми комментариями, что позволило определить ее как «рефлексивную» и установить ее связь с самоидентификацией коммуникантов.

Языковая рефлексия в эстонском материале рассматривалась в меньшей степени, однако следует отметить ее тесную связь с цитированием и изображением чужой речи, которые были подробнее проанализированы в [Деци 2019а, 2019г, 2021а]. В частности, в [Деци 2019в, 2020б] продемонстрировано, что цитирование и изображение чужой речи в интернет-дискурсе русскоговорящих Эстонии регулярно пересекаются с речевой агрессией, которая рассматривалась в предыдущей главе диссертации.

Метаязыковая функция вкраплений в нашем материале чрезвычайно разнообразна, она пересекается с другими функциями и взаимосвязана с процессами позиционирования говорящих и, следовательно, формирования идентичности, что демонстрируют следующие примеры.

Примеры (161–163) иллюстрируют метаязыковую функцию в итальянском материале.

(161) *У итальянцев чаще произносится **ти вольо бене**, но если есть... трогательный момент то они всегда скажут **ти амо**.*

[ти вольо бене – от ит. *ti voglio bene* – ‘я тебя люблю’, используется по отношению к друзьям, родственникам, детям и пр.; ти амо – от ит. *ti amo* ‘я тебя люблю’, используется только в романтических отношениях]

(162) *Ребята, а реально вообще для иностранца (**экстракомунитария**) без рекомендаций просто пойти в агентство и снять квартиру?*

[экстракомунитария – от *extracomunitario* – ‘из третьих стран’]

(163) *"Кого-то **продистурбировать**" – это сильно!!!*

[продистурбировать – от ит. *disturbare* – ‘мешать’]

В (161) вкрапления являются выражениями, сопровождаемыми метаязыковыми комментариями, объясняющими местные речевые практики, поэтому их можно рассматривать как эпистемические рефлексивы, демонстрирующие процесс освоения местного языка, что и отражает позицию «извне»⁷⁸ коммуникантов, старающихся понимать и изучать итальянский язык. В (162) пользователь уточняет на итальянском характеристику иностранца, возможно, чтобы продемонстрировать не только слова итальянцев (*экстракомунитария* можно рассматривать как чужое слово), но и их отношение к людям, приехавшим извне, что отражает то, как итальянцы могут позиционировать, по мнению автора, русскоговорящих, переселяющихся в Италию. *Иностранец* можно перевести более нейтральным словом *straniero/a*. Хотя первое значение термина *extracomunitario/a* – ‘человек из стран вне Евросоюза’, за ним, особенно в повседневной речи, закрепилось значение ‘человек из экономически неблагополучных стран’ (особенно из Африки и Азии), переехавший в страны Евросоюза в поисках работы и лучших условий жизни [treccani.it]⁷⁹. Это вкрапление может быть аксиологическим

⁷⁸ Для краткости будем так обозначать людей, приехавших в Италию из разных стран.

⁷⁹ <https://www.treccani.it/vocabolario/extracomunitario/>

рефлексивом, спровоцированным ксеноразличительным критерием, т. е. вызванным корреляцией «свой» – «чужой». Пример (163) является комментарием к посту №2 (см. выше стр. 108), где в ответах пользователи обсуждают «перлы русско-итальянского суржика». Как мы отметили в 4.2.2, пост спровоцировал множество комментариев, в которых участники группы приводят смешные примеры смешения итальянского и русского языков и придумают новые гибридные формы. Как было отмечено выше, в [Деци 2021б] мы рассматривали реплики на этот пост как «рефлексивную» языковую игру. Автор (163) отвечает на один из предыдущих комментариев, где приводится форма *подистурбировать*, оценивая ее – «это сильно!!!», что можно рассматривать как аксиологический рефлексив. В [Dezi 2024] продемонстрировано, как реплики позволяют пользователям позиционировать себя и других как креативных многоязычных авторов, что будет рассмотрено подробнее в 5.4.2 ниже.

В эстонском материале наблюдаются сходные процессы. Примеры (164–166) представляют собой обсуждение и оценку чужих слов, являющихся переключениями на эстонский язык.

(164) *В слове «муулане» слышится указание на вьючное животное*
[муулане – от *muulane* – ‘инородец’, от *muu* – ‘другой / иной’]

(165) *Схожу к халдурю максануть за таотлус*
[халдур – от эст. *haldur* – ‘управляющий’; максануть – от эст. *maksma* – ‘платить’; таотлус – от эст. *taotlus* – ‘заявка’]

(166) <...> *Спросила у первого попавшегося молодого человека, как пройти к гостинице "Виру". Он ей, мол, ей саа ару, рьягиге ээсти кеельт. Она ему тот же вопрос по английски он стоит и молчит. Она то же самое подряд на французском и испанском. В итоге он покраснел и рассказал ей по-русски как пройти.*

[ей саа ару, рьягиге ээсти кеельт – от *ei saa aru, rääkige eesti keelt* – ‘не понимаю, говорите по-эстонски’]

В (164) оценивается звучание эстонского слова *muulane*. На наш взгляд, в комментарии содержится ирония по отношению к слову и, возможно, негативно характеризуется отношения эстонцев к неэстонцам. Употребление вкрапления *muulane* и последующая его оценка вызывают напряжение «свой» – «чужой», позиционирующее разные социолингвистические группы в определенном пространстве по отношению друг к другу. Пример (165) является репликой топики «“Эстонский” русский язык» на *Forum.ee*. Подобно множеству реплик под постом №2 в итальянском материале, в этом примере пользователь приводит, возможно, в целях языковой игры, пример смешения русского и эстонского языков, характеризующего, по мнению автора, речь русскоговорящих Эстонии. В (166) пользователь переключается на эстонский, чтобы продемонстрировать речевое поведение цитируемого молодого человека. Пример отражает коммуникативное

напряжение, вызванное употреблением разными социальными группами разных языков в эстонском пространстве, и вопросы языкового капитала и легитимного языка.

Приведенные примеры свидетельствуют о комплексности метаязыковой функции вкраплений, ее пересечении с оценкой и языковой игрой. Вкрапления, выполняющие эту функцию, могут быть метаязыковыми комментариями / переводами, цитатами, языковой игрой, могут возникать в контексте обсуждения / оценки разных языковых средств и речевых практик в определенном пространстве, отражать вопросы языкового капитала и легитимности языков, соотношение «своего» и «чужого» и позиционирование говорящих в этом соотношении, на чем сосредоточимся ниже.

5.3. Метаязыковая функция вкраплений и позиционирование говорящих

В нашем материале процесс позиционирования коммуникантов более или менее очевидно наблюдаются в следующих, иногда пересекающихся случаях:

- интерпретация / обсуждение значения и употребления эстонских / итальянских слов, словосочетаний;
- обсуждение речевых практик;
- демонстрация знания языка.

Ниже в 5.3.1, 5.3.2 рассмотрим первые два пункта в эстонском материале, в 5.3.3 и 5.3.4 перейдем к итальянскому. Последний из перечисленных выше случаев часто осуществляется в процессе многоязычной языковой игры, направленной на демонстрацию языковых способностей двуязычного автора. Эта игра комплексная и отражающая несколько аспектов позиционирования говорящих как мультикомпетентных авторов⁸⁰, поэтому этот аспект рассмотрен отдельно в разделе 5.4. Результаты анализа итальянского и эстонского материала сопоставлены в выводах.

5.3.1. Предмет рефлексии (слова, словосочетания, речевое поведение): эстонский материал

В эстонском материале иногда обсуждаются / интерпретируются эстонские слова и словосочетания, что составляет лишь 5% от всех вкраплений, выполняющих метаязыковую функцию. Среди них некоторые, как в (167) и (168), на наш взгляд, отражают и рефлексивное, и интерактивное позиционирование говорящих.

⁸⁰ Мультикомпетентность относится к совокупности языковых знаний говорящего, включая нормы использования языка в контексте [Cook 1991, 1992, 2007, 2009].

(167) *Заметь там написано, что ээсти кеел - как основной язык, что означает эстонский как родной. Максимум чем обладаем русский это С1 и кыргтасе.*

[ээсти кеел – от эст. eesti keel – ‘эстонский язык’; кыргтасе – от эст. kõrgtase – ‘высокий уровень’]

(168) *Там написано, что это põhiline suhtluskeel. если умеешь по-эстонски свободно общаться, как по-русски общаешься, то возьмут без проблем, я полагаю*

[põhiline suhtluskeel – ‘основной язык общения’]

Примеры являются репликами топика «Мысли вслух» на *Forum.ee*, в них отмечается, что словосочетания *ээсти кеел* и *põhiline suhtluskeel* являются цитатами (*Заметь там написано / там написано*). Исходя из разговора под данным топиком, можно предположить, что речь идет об объявлениях о работе. Перевод словосочетания *põhiline suhtluskeel* затрагивает вопросы двуязычия и отражает разные оценки уровня знаний. В (167) языковая компетенция русскоговорящих на титульном языке оценивается как недостаточная, т. к. основной язык приравнивается к родному языку. В (168) интерпретация иная: *põhiline suhtluskeel* – язык, на котором можно свободно общаться, что позволяет более положительно оценивать языковую компетенцию (или языковой капитал) русскоговорящих Эстонии, не владеющих эстонским языком в качестве первого языка. Рассматриваемые интерпретации и оценки позволяют коммуникантам позиционировать себя и других как субъектов, владеющих (168) или не владеющих (167) адекватным языковым капиталом. В то же время эти примеры свидетельствуют о речевых практиках, позиционирующих субъектов в разных языковых сообществах (и эстонском, и русскоязычном).

3% примеров нашего эстонского корпуса с вкраплениями, задействованными в выполнении метаязыковой функции, содержит обсуждение употребления эстонских оскорбительных слов по отношению к русским, например:

(169) *Тибла у эста не всякий русский, а именно тот, что обращается на "ты Зайка, прости за грубость!"*

[Тибла – от эст. tibla – этнофилизм, оскорбительное наименование русских, см. (121)]

(170) *Ерунда полнейшая. К сожалению, мы для многих эстонцев tiblād ja sibulad.*

[tiblad ja sibulad – букв. ‘тиблы и луковицы’ – этнофилизмы, оскорбительные наименования русских, см. (121)]

Примеры появились как комментарии под топиком «Эстонски и русский девушки» на *Forum.ee*. Само название топика отражает оппозицию «эстонцы» – «русские». В примерах вкрапления можно рассматривать как чужое слово эстонцев, оценивающих определенную группу людей (русских) по

этносоциальной принадлежности (см. 4.2.1). Комментарии отражают то, как эстонское сообщество, по мнению авторов, позиционирует русских, создавая определенные образы, как, например, в (169) (*не всякий русский, а именно тот, что обращается на "ты Зайка, прости за грубость!"*). Обсуждение значения *тибла* в этом примере отражает оценочный стереотип, основанный на выдуманном или реальном речевом поведении определенных групп русскоговорящих. Однако автор (170), отвечая на предыдущую реплику (169), приписывает многим эстонцам негативное отношение к русским в целом.

Почти треть (29%) примеров участия вкраплений в реализации метаязыковой функции содержит обсуждение и оценки некоторых речевых практик, представляющих собой свои и чужие слова. Это часто демонстрируется переключением на уровне предложения, например:

(171) *Хм. Что значит отлично? В любом случае человек не выучит язык так, чтобы понимать, как происходит тоже словообразование в нём, он всё равно ограничит свой запас каким-либо кол-вом слов. На неродном языке человек всё равно будет испытывать сложности в разговоре со врачом, в аптеке, с тем же чиновником. Эти программы изучения языка рассчитаны здесь на "Палью максаб пуудель виина" и всё.*

[Палью максаб пуудель виина – от эст. Palju maksab pudel viina – ‘Сколько стоит бутылка водки’]

(172) *С точки зрения языка я сказать не могу, я с эст. школы, он как родной, а по поводу прессинга морального, ну да, есть немного. Сейчас как раз идёт учиться то поколение, которое русского вообще не знает, а знает только "эламе ээстис, ряягиме ээсти кеельт!"...*

[эламе ээстис, ряягиме ээсти кеельт – от эст. elame Eestis, räägime eesti keelt – ‘живем в Эстонии, говорим по-эстонски’]

(171) и (172) являются, соответственно, репликами топиков «Про русский и Эстонию» и «Sisekaitseakadeemia» («Академия внутренней безопасности») на *Forum.ee*. В них затрагиваются проблемы двуязычия как на индивидуальном, так и на уровне общества, вопросы языкового капитала. Авторы переключаются на эстонский, чтобы продемонстрировать и оценивать языковые способности (171) и речевое поведение (172) некоторых жителей Эстонии. Эти оценки позволяют коммуникантам выделять и позиционировать разные группы русско- и эстоноговорящих и свидетельствуют о разном восприятии «своего» и «чужого». В (171) пользователь переключается на эстонский язык, демонстрируя свое мнение о результатах обучения эстонскому языку, которые не позволяют, по его мнению, достичь уровня, необходимого для приобретения достойного положения в обществе. Переключение в (172) демонстрирует речевые практики, определяющие позицию некоторой группы не владеющих русским языком. Комментарий, предшествующий переключению (*поколение, которое русского вообще не знает*), содержит оценку языковой компетенции и, возможно, речевого поведения

данной группы людей. Пример отражает и рефлексивную позицию двуязычного автора, оценивающего свои языковые знания. Рефлексивная позиция двуязычного автора проявляется и в (173) при демонстрации «двуязычного мышления» и проблем переключения с одного языка на другой.

(173) *helistan Teile tagasi* – в моём исполнении по-русски, когда не успеваешь переключиться с языка-на-язык, звучит как "позвоню вам обратно" 📞 и еще таких пёрлов много выскакивает именно в момент неожиданного переключения на русс, после долгих часов на эст. 🤪 *teeme nii*- даа, делаем тогда так

[*helistan Teile tagasi* – дословно ‘позвоню Вам обратно’ – ‘перезвоню Вам’; *teeme nii* дословно – ‘сделаем так’, можно перевести как ‘договорились’]

Итак, в эстонском материале коммуниканты могут переключаться для обсуждения, интерпретации и употребления слов, чаще для демонстрации и обсуждения определенного речевого поведения, речевых практик в обществе. Обсуждение своих и чужих слов, т. е. рефлексив, отражает разные оценки, отношение к языку / речевым практикам, затрагивает вопросы языкового капитала. Это позволяет авторам позиционировать себя и других как владеющих или не владеющих адекватным символическим капиталом для достижения удовлетворительной позиции в социуме, как двуязычных или как не владеющих языками. В итальянском материале наблюдаются сходные процессы.

5.3.2. Предмет рефлексии (слова, словосочетания, речевое поведение): итальянский материал

В итальянском материале 15% примеров участия вкраплений в выполнении метаязыковой функции содержат обсуждение коммуникантами итальянских слов и выражений, например:

(174) Про "*ti voglio bene*" и "*ti amo*" все правильно!!! это у нас "мне нравишься" или "я тебя люблю", а у них еще и посерединке фразку придумали, чтоб не сильно себя обязывать возможно.

[*ti voglio bene* – ‘хочу тебе добра’, используется для выражения чувства привязанности, любви или заботы, особенно между друзьями, членами семьи или близкими людьми; *ti amo* – ‘я люблю тебя’, чаще используется в романтическом контексте]

(175) А вот про "*fidanzato/a*" странно!!! тут наоборот по моим наблюдениям только познакомились, а уже **фиданцаты** и когда я говорю, что не **фиданцата**, но у меня есть **рагаццо** с которым я год вместе, мне начинают вдалбливать, что "значит от **фиданцато**".... ну что тут с ними в перепалку играть....

[*fidanzato/a* – ‘помолвленный/ая’; *рагаццо* – от ит. *ragazzo* – ‘молодой человек’]

Коммуниканты обсуждают значение определенных слов и выражений, соотнося их с русскими (174), и употребление итальянцами некоторых слов (175). При этом обсуждаемые слова и выражения соотносятся как со «своим», так и, в первую очередь, с «чужим» (*это у нас...а у них..., ну что тут с ними в перепалки играть*), которое коммуниканты стараются понять и, возможно, освоить. Таким образом пользователи позиционируют себя как людей, отличающихся от окружающих говорящих. Такие примеры можно рассматривать как языковую практику людей, приехавших «извне», стремящихся освоить речевое поведение принимающего социума.

В нашем материале также присутствуют примеры, в которых непосредственно итальянские слова не комментируются, но упоминаются в контексте обсуждения их использования, соотнесенности с денотатами, сформировавшихся коннотаций и, шире – владения итальянским языком. В следующих примерах коммуниканты обсуждают, как воспринимают такие слова, какие коннотации они им приписывают русскоязычные жители Италии и итальянцы:

(176) *Это как? Доказываешь, что ты не такая, и какая не такая? **Бадантка** это ругательное слово, определенный набор отрицательных характеристик? Или все-таки эта работа? А мне пофиг если кто-то незнакомый подумает, что я **бадантка**. Для итальянцев — это работа. Для некоторых наших соотечественниц - позорное клеймо. И мне несимпатичны, кто так думает, поэтому пофиг, пусть идут свои комплексы лечить, чтоб не бояться, если вдруг за **баданте** по ошибке примут* 🤔
[бадантка, баданте – от ит. badante – ‘сиделка’]

(177) *Вообще, хочу сказать, что на данный момент ко мне все уважительно относятся и для этого есть причины. Одно дело, когда ярко видно, что **страньера**: не говорит по-итальянски, не понимает ни бельмеса, в глазах есть нечто непонятное (я это сейчас вижу у только что приехавших), одеты по российским меркам стиля и тд и тп. Другое дело, когда говоришь по-итальянски, в глазах спокойствие и уверенность, рядом красивый хорошо одетый чистый ребенок, похожий на маму как две капли воды, одета по меркам Италии хорошо, а не по меркам России ну и тд и тп...*
[страньера – от ит. straniera – ‘иностранка’]

В (176) и (177) слова *badante* и *straniera*, представляющие собой чужие слова, напрямую не обсуждаются, предмет разговора – статус тех, кого этими словами называют. Слово *баданте* – субстантивированное причастие, которое в контексте может сочетаться с артиклем мужского или женского рода. В нашем материале коммуниканты при вставке этого слова артикль не использовали, и формально грамматический род слова не определяется, однако контекст свидетельствует о том, что относится оно исключительно к женщинам. *Straniera/-o* может быть словом мужского и женского рода, в нашем материале оно используется только с окончанием женского рода (-a). Использование этих слов для обозначения женщин, видимо, объясняется

гендерным фактором, характеризующим русскоязычную диаспору Италии. Исследователи отмечают, что множество женщин из постсоветского пространства переехало в Италию после распада СССР в поисках работы и лучшей жизни [Николаева 2014; Perotto 2009], что рассматривалось выше при общей характеристике нашего материала (см. 2.1). Как мы отмечали в 4.2., слово *баданте* / *бадантка* отсылает к определенному оценочному стереотипу, который и отражается в (176)⁸¹. Автор говорит о мнении разных людей, например, воспринимающих эту профессию отрицательно, что характерно, в частности, для ее соотечественниц (*ругательное слово, набор отрицательных характеристик, позорное клеймо*), или нейтрально, как в случае с итальянцами (*Для итальянцев – это работа*). Таким образом, обсуждение положения *баданте* / *бадантка* отражает, как разные группы людей, включая автора, позиционируют женщин данной профессии – работницы низкого статуса или обычные рабочие, при этом попутно оценивается и слово как *ругательное*.

Пример (177) является репликой топика «Оценка вашей личной интеграции в итальянское сообщество по пятибалльной шкале» на итальянской форуме «Италия на раз два три». В нем слову *страньера* также приписывается набор негативных признаков. Языковая рефлексия проявляется в негативной оценке отсутствия нужного лингвистического капитала (*не говорит по-итальянски, не понимает ни бельмеса*). Такая оценка позволяет позиционировать русскоязычных жителей Италии, не знающих итальянский, как «чужих», не интегрированных в итальянское общество. С другой стороны, автор дистанцируется от данной группы и позиционирует себя как человека, знающего итальянский язык, интегрированного в итальянское общество и потому имеющего больше символического капитала. Несмотря на то что в (176) и (177) языковая рефлексия представлена минимально, сам выбор именно итальянских слов и вкрапление / вставка их в русский текст имплицитно содержат ее, задавая основу для сопоставления «своего» и «чужого».

При обсуждении слов, словосочетаний могут попутно затрагиваться вопросы речевого поведения, на чем в каких-то контекстах коммуниканты могут сфокусироваться.

В 65% примеров, выполняющих метаязыковую функцию, обсуждается речевое поведение коммуникантов, например:

(178) <...> *С недавних пор мои детки стали употреблять русские слова на итальянский манер. Например, помоемся Анита в ванной приходит и комментирует: Мама, я теперь чистиссима. А также появились слова хорошиссима, глупида (глупая+ступида), надъямо(найдем), едъямо(едим) и много других. Ну и как тут бороться за сохранение русского? А вчера Анита спросила у меня: Мама, а что такое мороз?*

⁸¹ Пример является репликой топика «Хочешь стать иммигрантом – готовься к унижению» на *Russianitaly.com*.

Пример (178) – реплика толика «Русский язык, итальянский язык :(» на *Russianitaly.com*. В нем автор демонстрирует и обсуждает речевое поведение своих детей, создающих русско-итальянские смешанные формы, что вынуждает автора позиционировать себя как человека, приехавшего извне, а своих детей как теряющих язык и связь с родиной матери.

Метаязыковая функция имеет и такое специфическое проявление как некоторые речевые практики, предполагающие особую языковую рефлексивность, например, перевод определенных документов, легитимизирующих пребывание русскоговорящих в Италии, хорошо отражает позицию коммуникантов, как индивидуумов «извне», которые стараются понять условия пребывания на итальянской территории. Эту практику демонстрирует пример ниже, появившийся под топином «ОБРАЗЦЫ ПЕРЕВОДОВ документов (рус - итал)» на *Russianitaly*:

(179) **PERMESSO DI SOGGIORNO** - РАЗРЕШЕНИЕ НА ВРЕМЕННОЕ ПРЕБЫВАНИЕ

stato civile: CONIUG. = семейное положение: ЗАМУЖЕМ (ЖЕНАТ)

RIFUG. - NIENTE = БЕЖЕНЕЦ - НЕТ (или ставится просто прочерк, если таковой статус отсутствует)

Residenza Italia – comune = место регистрации жительства в Италии - коммуна г. (наименование)

cittadinanza: russo (-a) = гражданство: Россия

PAS.ORD = *passaporto ordinario* = паспорт общегражданского образца

C.F. = *codice fiscale* = код налогоплательщика

rilasciato da (governo) = выдано властями (указать страну)

frontiera - MALPENSA = пограничный пункт - аэропорт МАЛЬПЕНСА (указывается пограничный пункт въезда в Италию).

Carta di soggiorno per stranieri = вид на жительство для иностранных граждан

rinnovo/aggiornamento - дата обновления/внесения изменений

dirigente ufficio immigrazione - начальник иммиграционного отдела.

Пример является фрагментом более развернутого комментария, где переводится содержание заявки на получение вида на жительство. Такая практика отражает языковые способности пользователя и позиционирует его как компетентного автора-переводчика. В то же время перевод направлен на облегчение понимания документов. Подобного рода примеры отсутствуют в эстонском материале.

ВЫВОДЫ

Итак, и в итальянском, и в эстонском материале вкрапления, выполняющие метаязыковую функцию, позволяют проследить позиционирование коммуникантов в социокультурном пространстве Италии и Эстонии. Эти вкрапления в основном представляют собой демонстрацию своих и чужих слов,

стереотипов, своих и чужих речевых практик и поведения. И в итальянском, и в эстонском материале рефлексивы отражают оценку такой демонстрации, отношение к разным речевым практикам, вопросы языкового капитала, способствуют и интерактивному, и рефлексивному позиционированию говорящих. Рефлексивы позволяют авторам выделить разные группы русскоговорящих. Коммуниканты позиционируют себя и других как 1) владеющих / не владеющих необходимым языковым капиталом 2) двуязычных.

Демонстрируется речевое поведение определенной группы, теряющей связи с русским языком и, возможно, с русской культурой. В итальянском материале рефлексивы могут отражать позицию «извне» некоторых групп русскоговорящих, также есть вкрапления, представляющие речевые практики, легитимизирующие присутствие русскоговорящих в Италии. Этот аспект будет подробнее рассмотрен при анализе пространственной рефлексии русскоязычных жителей Италии в шестой главе диссертации.

Один из важных аспектов и итальянского, и эстонского материала – позиционирование себя посредством языковой игры как мультикомпетентных и креативных авторов, чему посвящен следующий раздел.

5.4. Языковая игра как проявление мультикомпетентного автора

Как известно, существует максимально широкое понимание любого использования языка как игры [Витгенштейн 2018б: 30], однако мы придерживаемся более узкого подхода, также представленного рядом вариантов. Языковая игра в относительно широком смысле может быть определена как любая творческая деятельность, например, как игра со словами, идеями, жанровыми ожиданиями, идентичностью [Warner 2004: 72]. Это включает в себя маркированное и новаторское нарушение правил и норм языка, в том числе преднамеренное изменение форм и значений [Carter 2004: 9; Rivlina 2015: 440; см. также Jakobson 1960]. Как отмечает Г. Кук, «вопрос о том, считается ли какое-то поведение игрой, во многом зависит от отношения и субъективного восприятия, так что одно и то же действие <...> может быть интерпретировано как игра или не игра в зависимости от отношения участников. На самом деле именно это отношение часто делает что-то игрой, а не что-то, присущее поведению само по себе» [Cook 2000: 101]. Языковая игра основана на (языковом) сознании и связана с конвенциями и социокультурным контекстом общения [Belz 2002; Sherzer, Webster 2015].

В интернет-дискурсе рассматриваемых нами диаспор можно выявить разные виды языковой игры, отражающие характеристики творческих многоязычных авторов. Согласно Ч. Уорнер, коммуниканты могут играть с формой, контентом и фреймом [Warner 2004]. Игра с формой – это игра с грамматикой, графическими элементами, транслитерациями. При этом виде игры также могут повторяться буквы и слова, создаваться аллитерации, рифмы и т. п. Говорящие играют с контентом, когда переиначивают

семантику слов⁸² и выражений, создают новые смыслы на основе комбинации их первичных значений. При игре с фреймом пользователи имитируют, пародируют чужое слово и поведение других людей. Это игра с фрагментами дискурса, включающая использование реальных или вымышленных высказываний [Jaworska 2014: 59]. Перечисленные виды игры могут пересекаться. Ч. Уорнер, однако, подчеркивает, что исследователю необходимо приводить свое толкование игры и что определение игры и ее типов следует рассматривать скорее как инструмент анализа, а не как абсолют [Warner 2004: 74]. Мы присоединяемся к такому подходу и будем в своем анализе исходить из понимания языковой игры Ч. Уорнер.

Ниже рассмотрим эти виды игры на нашем материале. В итальянском корпусе языковая игра значительно более частотна, чем в эстонском (в итальянском материале – 99 примеров содержит многоязычную языковую игру, при этом один пример может содержать несколько единиц языковой игры, в эстонском – только 19), вследствие чего итальянскому материалу будет уделено большее внимание. В следующих разделах рассмотрим вначале виды и функции языковой игры в итальянском корпусе, затем перейдем к эстонскому материалу.

5.4.1. Языковая игра в итальянском материале: контексты и виды игры

Примеры языковой игры были собраны нами в основном на форуме *Russianitaly* и в фейсбук-группе *Русские в Италии*. На указанных платформах были выявлены четыре контекста, содержащих множество шуточных комментариев. В данном разделе будем называть контекстами темы на форуме и посты в фейсбук-группах с советующими комментариями, которые привлекли наше внимание из-за множества примеров многоязычной языковой игры. Информация о них представлена в таблице №8. Большинство комментариев к этим темам содержит элементы языковой игры на нескольких языках, преимущественно русском и итальянском. Из-за обширности комментариев не все случаи языковой игры были включены ниже в анализ, а лишь те, которые демонстрируют разные ее типы.

⁸² Вне игровых контекстов в контактной лингвистике подобные явления были обозначены как «семантическая переориентация» или «семантические кальки» [Grosjean 1989; Земская, Гловинская 2001; Рингблом 2004; Зеленин 2007; Perotto 2009]. Как указывается в [Riehl I 2024], во всех иммиграционных ситуациях эти кальки обусловлены родственными или гомофонными лексемами. Такое калькирование также называют «концептуальной перестройкой», так как элементы первого языка (L1) переосмысливаются, чтобы соответствовать объему значения второго (L2).

Таблица №8. Игровые контексты в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии

№ кон-текста	Название темы	Число ответов	Платформа
1	<i>Экспромты</i>	340	Russianitaly
2	<i>Не вижу часа уехать от холодной собаки вниз</i>	200	Russianitaly
3	<i>Вы слишком долго прожили в Италии, если...</i>	540	Russianitaly
4	<i>Перлы русско-итальянского суржика</i>	429	Facebook (Russians in Italy)

Названия тем, перечисленных в таблице, показывают, что они сосредоточены на языковых и поведенческих вопросах русскоязычных жителей Италии.

Часто игра основывается на игре с формой языковых средств. Она, как показано на диаграмме №11, осуществляется с помощью морфологической гибридизации, переключения кода, лексической переориентации (lexical reorientation) [Golovko 2003: 192] и графического обыгрывания, цифры на диаграмме отражают количество единиц, представляющих эти явления. Во введении мы уже указывали на определение Е. Головки лексической переориентации как ситуации, когда грамматическая структура предложения строится на основе одного языка (в данном исследовании – русского), в который морфологически интегрируются слова из другого языка (итальянского). Лексическая переориентация может включать частотные кодовые переключения и морфологически гибридные слова [Golovko 2003: 192]. Ниже продемонстрируем игру с формой примерами.



Диаграмма №11. Игра с формой в итальянском материале

Игра с формой проявляется, в частности, при склонении итальянского слова (180). Распространены и случаи морфологической гибридизации, когда итальянские глаголы обыгрываются посредством русских приставок, окончаний и суффиксов (181).

(180) *А ещё, тапарелу, спацатуру)))*

[тапарелу – от ит. *tapparella* – ‘жалюзи’, спацатуру – от ит. *spazzatura* – ‘мусор’]

(181) *Нужно колесо огонфиать)))или хочешь асаджиать...)))*

[огонфиать – от ит. *gonfiare* – ‘накачать’, асаджиать – от ит. *assaggiare* – ‘отведать’]

Игру с формой содержат и двуязычные стихотворения, где ПК (итальянские слова, словосочетания, предложения) помогает создать рифмы, как в примерах (182) и (183), которые можно также рассматривать как лексическую переориентацию.

(182) *И отварите спагетти*

Запивая амаретти

[амаретти – от *amaretto* – итальянский алкогольный напиток]

(183) *Бимба triste diventare* [от ит. *bimba triste diventare* – ‘малыш становится грустной’],

В "Russian Italy" писаре [-are – окончание первого типа итальянских глаголов],

Аспеттаре, аспеттаре [аспеттаре – от ит. *aspettare* – ‘ждать’],

И не беве, и не ест [беве – от ит. *beve* – ‘пьет’].

Графические трансформации включают игру с буквами, алфавитами как в (184), где автор создает двусмысленность на основе русского *пьяно* и итальянского *piano*, подчеркивая разное значение похожих по звучанию слов, для чего использует прописную букву как помету русского ударения и переключается с кириллицы на латиницу.

(184) *Не то, что руссо- не пъяно, а piano!*

[*piano* – ‘медленно’]

(184) можно рассматривать и как игру с контентом, основанную на созвучии итальянского и русского слов.

В нашем материале игра с контентом проявляется в первую очередь в намеренном дословном переводе итальянских выражений (4 примера), в использовании итальянского выражения, созвучного русскому (1 пример), в семантической переориентации русских слов (7 примеров). При дословном переводе создаются абсурдные предложения, не имеющие смысла по-русски, но имеющие его для людей, знающих русский и итальянский. В (185), например, *вес на совести* является дословным переводом устойчивого выражения *peso sulla coscienza*, эквивалентом чего на русском может быть *тяжесть на душе*.

(185) *А ты таблетку какую возьми против веса на совести.*

В фейсбук-группе *Русские в Риме* мы также обнаружили мемы, основанные на подобных дословных переводах.



Игру с контентом, основанную на созвучии итальянских и русских выражений, иллюстрирует (186), где итальянское *spacchiamo le nose* (правильно – *spacchiamo le noci*) воспринимается как *спокойной ночи*.

(186) У нас дома шутка "*spacchiamo le nose*", типа *спокойной ночи*.
[*spacchiamo le noci* – ‘расколом орехи’]

Игра с контентом, основанная на семантической переориентации слова, демонстрируется в примере (187), в котором автор иронически обращается к путанице, вызванной схожестью звучания русских и итальянских слов.

(187) А еще один раз сказала русским "пойду в *камеру*", они на меня долго непонятно смотрели, потом спросили "а зачем вам в *тюрьму*?" 🤔
[камера – от ит. camera – ‘спальня’]

Пользователи приводят свои и чужие слова в целях создания комического эффекта и как примеры смешения языков, путаницы в значениях итальянских и русских созвучных или родственных слов. Они играют с фрагментами разговоров, с собственным или чужим (языковым) поведением, из-за чего игры с формой, контентом и фреймом часто пересекаются. 33% примеров языковой игры в нашем материале является игрой с формой и с контентом. Остальные 67% основываются на переплетении этих видов игры. Пример (188) демонстрирует игру с фреймом, где пользователь приводит смешные случаи гибридизации итальянских и русских слов в своей семье. При этом в комментарии осуществляется и игра с формой (склонение итальянского слова *mutandina* и морфологическая гибридизация русского слова *попа* с добавлением итальянского уменьшительно-ласкательного суффикса).

(188) Мы с дочкой все время что-то такое изобретаем и хохочем потом... из разряда: "надеть *мутандину* на *попетту*", но это другая история 🤔
[мутандину – от ит. *mutandina* – ‘трусики’, попетту – от *попа* + итальянский диминутивный суффикс – *-ett.*, ср. *culetto* – ‘попка’]

Выявленные типы языковой игры и их комбинации отражают способность пользователей к творчеству: к созданию юмористических двуязычных текстов, формированию нового кода общения и внесению дополнительных семантических оттенков. Языковая игра позволяет пользователям продемонстрировать свою креативную компетенцию, социолингвистические знания и принадлежность к определенному кругу многоязычных людей. Рассмотрим подробнее каждый из этих аспектов.

5.4.2. Языковая игра как проявление творческой компетенции русскоязычных жителей Италии

Коммуниканты обыгрывают языковые средства разных языков, демонстрируя свои двуязычные творческие способности, как в примере (189), являющемся частью стихотворения под топиком «Экспромты» на форуме *Russianitaly.com*.

- (189) 01. Ну, здравствуй, Мишка!
 02. Как на свадьбе погуляли?
 03. Не думаю, что пели и плясали!
 04. Ведь, **матримонио all'italiano**
 05. Не то, что руссо – не пьяно, а **riano!**

06. А мы ходили - **mica obbligato**,
 07. В кафе **франчезе**, что зовут "**Ле Гато**"
 08. Все не пойму, как там произношенье-
 09. К котам, к законам ли имеет отношенье..... 😊

10. Но, все ж, замечу – это **meno male**,
 11. Что пирожков с котенком не давали,
 12. А суп-жюльен, бокал вина бургонский,
 13. Салат среди-ну-земно, даже морской! 😊

[матримонио all'italiano – от ит. matrimonio all'italiano – ‘свадьба по-итальянски’; руссо – от ит. russo – ‘русский’; riano – ‘медленно’; mica obbligato – ‘никто не заставлял’; франчезе – от ит. francese – ‘французское’; Ле Гато – от фр. le gateau – ‘торт’; ср. ит. legato – ‘завязанный’ или ит. gatto – ‘кот’; meno male – ‘к счастью’]

В стихотворении автор переключается на итальянский для создания рифмы. Он играет и со значением (контентом) слов, например, в 07. название французского кафе *Le gato* ‘торт’, звучит как итальянское *legato* – ‘связанный’. Автор, возможно, ассоциирует это слово с русским словом *легитимный* и с итальянским *gatto* ‘кот’ (*Все не пойму, как там произношенье- / К котам, к законам ли имеет отношенье*). Как отмечалось выше, в 05. пользователь обыгрывает итальянское и русское значения слов, которые письменно могут выглядеть одинаково (особенно, если писать оба слова кириллицей). Помимо игры с формой и контентом в этой строке можно наблюдать и игру

со стереотипами, предполагающую знание итальянского и русскоязычного социокультурного пространства. В строке 05. (*Не то, что руссо - не пьяно, а piano!*) автор намекает как на избыточное употребление алкоголя русскими во время праздников, включая свадьбы, так и на продолжительность итальянских свадебных торжеств, которые традиционно сопровождаются длительным застольем до позднего вечера.

Другие пользователи оценивают положительно подобные стихотворения (190), определяя их как перлы (191) и подчеркивая талант авторов (192), что отражает интерактивное позиционирование говорящих как способных творческих личностей.

(190) *Это круто!*

(191) *Может, перлы? Еще раз*



(192) *Ну, до чего наши девушки талантливые* 🍷 *Ждем продолжения.*

Пользователи демонстрируют свои творческие способности и под топиком «Не вижу часа уехать от холодной собаки вниз» на *Russianitaly.com*. Топик начался с обсуждения особенностей речи русскоязычных жителей Италии (193).

- (193) 01 Ирка: *Я вполне могу понять, что человек может выдавать какие-нибудь итальянизма типа "я взяла поезд", "не вижу часа" и т.д.*
02 НаташаЗ: *Не вижу часа взять поезд на юг: тут на севере делает холодную собаку...*
03 Ирка: *А это платье тебе стоит хорошо*
04 НаташаЗ: *А я и сама стою хорошо. А вы как стоите? Как у вас идет? Все на месте?*
05 Магнат: *Название топика о чем говорит?*
06 Страниера: *Учи итальянский. Непереводимая игра слов.*
07 Виктория: *Девочки, оставьте потерять! Не берите по кругу других людей*
08 Ирка: *Мы не берем по кругу. Мы держим под глазом*
09 Виктория_М: *О многом! (поверь, я не беру тебя за зад)*

Это пародирование отражает осознание процессов, происходящих в речи русскоязычных Италии, отличающих себя от русскоговорящих, не живущих в Италии / не знающих итальянского. Посредством дословных переводов итальянских выражений коммуниканты придумывают свой уникальный код, обеспечивающий общение. Для того, чтобы создавать и понимать этот код, разумеется, необходимы знания и русского, и итальянского языков, что, как следует из 05, 06, 07, исключает пользователей, у которых данная компетенция отсутствует. Таким образом, пример отражает и рефлексивное, и интерактивное позиционирование пишущих как дву- или не двуязычных участников разговора, способных или неспособных понимать этот код.

5.4.3. Языковая игра как проявление социокультурной компетенции русскоязычных жителей Италии

Языковая игра в рассматриваемых нами контекстах отражает освоение и переосмысление окружающих пространства и времени (хронотопа) и связанное с ними (речевое) поведение⁸³ людей, что можно наблюдать в примерах (194) и (195), относящихся к посту «Перлы русско-итальянского суржика».

(194) *А ещё для сокращения **Provincia di Milano**, его область- Подмилание.*

(195) *А еще живем в **Конельяновке***

Пользователи обыгрывают свое речевое поведение и речевое поведение других русскоязычных жителей Италии. В (194) и (195) русифицируются итальянские названия региона и города. В (194) *Подмилание* содержит русский префикс *под* и окончание *-е* и строится по характерной для русского языка модели, ср.: *Подмосковье*, т. е. окрестности Москвы, аналогично *Подмилание* – окрестности Милана (*provincia di Milano*).

Как известно, суффиксальная система русского языка хорошо развита. С помощью суффиксов можно выражать эмоции и оценки: ласку, нежность, восхищение, обожание, презрение, ненависть и т. д. Форма *Конельяновка* в (195) используется по отношению к городку Конельяно (*Conegliano*) в провинции Венето. Суффикс *-овк* характерен для названий маленьких русских, украинских и белорусских поселений или каких-либо иных локаций, в примере он, возможно, используется для ласкового называния маленького города и «одомашнивания» его. Однако в русскоязычном пространстве провинция и сельская местность часто ассоциируются с отсталостью [Астафурова, Олянич, 2012: 90]. Конельяно – город с хорошей логистикой, в процветающем индустриальном регионе, но формой *Конельяновка* может подчеркиваться его некоторая провинциальность. Ограниченный контекст не позволяет однозначно определить отношение автора.

В [Dezi 2024] мы предположили, что примеры (194) и (195) показывают, что пользователи создают топонимы с новыми коннотациями, конфигурируя окружающее пространство в соответствии с ранее усвоенными моделями, что отражает «многослойную синхронность» [Blommaert 2005] воздействия русско- и италоязычных хронотопов. Пространственная конфигурация основана на общем опыте участников коммуникации [Canagarajah 2018: 56; см. также Паликова 2012а; Vuolteenaho, Ainiala 2009], понимающих новые значения и коннотации, которые придаются итальянским топонимам добавлением русских префиксов и суффиксов. Такого рода примеры указывают на пограничное, транснациональное пространство, в котором

⁸³ Более подробный анализ пространственной рефлексии говорящих см. в шестой главе диссертации.

находятся пользователи: между сообществами, языками и нациями. Пользователи конструируют сложные идентичности, соотносимые с их миграционными передвижениями.

Топик «Вы слишком долго прожили в Италии, если...» предлагает пользователям делиться языковым и социокультурным опытом и предполагает знание итальянско- и русскоязычных социокультурных пространств. Обсуждение начинается с того, что один из пользователей призывает рассказать о «забавных», но в то же время «серьезных» проявлениях италянизации, которой подвергаются русскоговорящие под влиянием итальянской среды. Беседа превращается далее в комический диалог, где пользователи пародируют изменения, происходящие в их языковом и коммуникативном поведении. Участники отвечают, играя с моделями коммуникативного поведения и социокультурными аспектами общения (например, со временем и пространством, социальным порядком, культурно-специфическими нормами и конвенциями), что демонстрируют примеры ниже.

(196) *В обед <желаете> - **хорошего помэриджия**, а ближе к вечеру - **хорошей сэраты**.* 🇮🇹🇮🇹🇮🇹

[хорошего помэриджия – от ит. buon pomeriggio – ‘хорошего послеобеденного времени’; хорошей сэраты – от ит. buona serata – ‘хорошего вечера’]

(197) *Говорите много комплиментов, и, время от времени, пытаетесь перевести восклицание “**COMPLIMENTI**” на русский.*

[complimenti – от ит. complimenti – ‘поздравления’]

В (196) игра с формой (морфологическая гибридизация итальянских слов с добавлением русских падежных окончаний) демонстрирует, что у пользователей произошли изменения в коммуникативном поведении из-за иного восприятия времени в итальянском пространстве. Обычно итальянское время обеда (с 12 до 14 часов) воспринимается русскоговорящими как дневное время, и подходящим пожеланием в это время на русском языке будет *хорошего дня*. В (197) пользователь описывает освоение определенного коммуникативного поведения, а именно частое высказывание комплиментов. Отмечая попытку перенести значение итальянского выражения *complimenti* на русское *комплименты*, автор также создает игру с контентом.

Рассмотренные примеры в целом демонстрируют языковую креативность говорящих, их способность обыгрывать и переосмыслять не только языковые средства, но и социокультурные факты, связанные с хронотопическим опытом, порой для создания новых значений, приводящих к возникновению группового кода общения. Примеры также отражают рефлексивность говорящих в отношении своих отличительных языковых и социокультурных (поведенческих) черт и, следовательно, их рефлексивное позиционирование себя как особой группы русскоговорящих. Подобные процессы можно наблюдать и в эстонском материале.

5.4.4. Языковая игра в эстонском материале: контексты и виды игры

В эстонском материале нами обнаружены отдельные примеры языковой игры в ответах на разные топики и посты на форумах, в фейсбук-группах и в некоторых комментариях на информационном портале *Delfi*. В отличие от итальянского материала, контекстов, массово провоцирующих языковую игру, мы не нашли.

Языковая игра относительно частотна в контекстах, представленных в таблице №9. Как и в итальянском материале, в центре внимания большинства этих контекстов язык.

Таблица №9. Игровые контексты в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии

№ кон-текста	Название темы	Число ответов	Платформа
5	<i>Эстонские имена</i>	159	Forum.ee
6	<i>“Эстонский” русский язык</i>	103	Forum.ee
7	<i>В регистрации болгарской поликлиники не поняли, где на эстонском вжж имя, поэтому теперь я – Еламислава Опимисекс (elamisluba õpimiseks – учебный вид на жительство на обучения)</i>	125	Facebook.com Граница НАРВА-ИВАНГОРОД,

Мы выделили и в эстонском материале игру с формой, с контентом и с фреймом. Виды игры с формой перечислены ниже с указанием количества соответствующих единиц, обнаруженных в нашем корпусе.

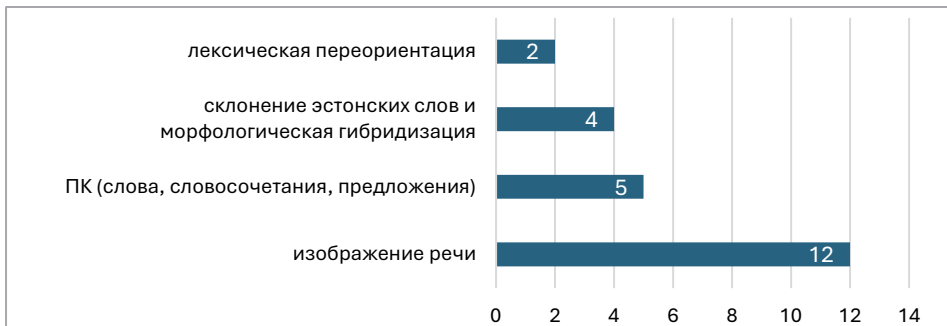


Диаграмма №12. Игра с формой в эстонском материале

В нашем материале лишь 2 примера можно рассматривать как лексическую переориентацию, они обнаружены под топиком «“Эстонский” русский язык», о котором шла речь в разделе 5.2. Лексическую переориентацию демонстрируют (165) в 5.2 и (198) ниже. Оба примера относятся к одному

топику и содержат и игру с фреймом, т. к. коммуниканты в ироническом ключе приводят примеры чужого речевого поведения.

(198) *Из последнего услышанного: "Надо максануть арве с ригильвом"*
<...>

В нашем материале есть лишь 3 случая морфологической гибридизации и один случай склонения эстонского слова, которые можно рассматривать как языковую игру:

(199) *Собутьльница, а ты как мытлишь?*
[мытлишь – от эст. mõtlema – ‘думать’]

(200) *Отдала в 3 года, по эстикелю вообще ни слова не говорил <...>.*
[эстикелю – от эст. eesti keel – ‘эстонский язык’]

В (199) форма *мытлишь* производится от эстонского глагола *mõtlema*, к которому добавляется русское глагольное окончание второго лица ед. числа. В отличие от итальянского материала, однако, морфологическая гибридизация и склонение слов в целях языковой игры в нашем эстонском корпусе редкое явление. В частности, использование гибрида в (199) может не являться языковой игрой конкретного автора, т. к. эта форма уже вошла в узус русскоговорящих Эстонии в качестве шуточной.

В редких случаях (один пример в нашем корпусе) переключения на эстонский могут использоваться для создания рифмы, как в (201). Однако и это выражение давно используется в русской речи в Эстонии.

(201) *Тупа ляхме метца будем зрецца! *)*
[ляхме метца – от эст. lähme metsa – ‘пойдем в лес’]

Как было отмечено в пятой главе диссертации, в нашем материале есть примеры, где коммуниканты изображают русскую речь эстонцев в оценочных целях, в частности негативно-оценочных, с целью агрессии, например:

(202) *Газопровод надо проложит по сустсе таак примеерно: эстония - латвия - лееду - поола - чехиа - аустриа - шветсаариа- пранцузмаа - болсая британия потом беелгия и поотом узе саксамаа так екологично будет и политиически не мотивировано, германцы получут фигу.*
[лееду – от эст. Leedu – ‘Литва’; поола – от эст. Poola – ‘Польша’; пранцузмаа – от эст. Prantsusmaa – ‘Франция’; саксамаа – от эст. Saksamaa – ‘Германия’]

Рассматриваемые примеры также отражают способность коммуникантов играть с формой языковых средств и с частями предыдущих вымышленных или реальных высказываний, речевым поведением людей, т. е. с фреймом.

Множество этих примеров саркастичны⁸⁴, что позволяет рассматривать их как языковую игру. Диаграмма №12 иллюстрирует, что это самый частотный вид игры с формой, полностью отсутствующий в итальянском материале. Такие примеры не обнаружены в контекстах, приведенных в таблице №9, они появились в комментариях к статьям на *Delfi*.

81% обыгрываний в эстонском материале является игрой с фреймом, включающей и другие виды, 19% является игрой исключительно с формой или с контентом. Языковая игра в эстонском материале отражает творческую компетенцию, социокультурные знания говорящих, порой же и их высокомерие. На этих аспектах остановимся далее.

5.4.5. Языковая игра как проявление творческой компетенции русскоязычных жителей Эстонии

На платформе *Forum.ee* реакции под топиком «“Эстонский” русский язык» содержат обсуждение особенностей русского языка в Эстонии. Здесь обнаружен лишь один комментарий, который можно рассматривать как демонстрацию творческой компетенции автора:

(203) *Сам люблю коверкать языки по приколу. Например, вечером поприветствовать человека фразой "добрый ыхтуль". Или озадачить работника, объявив ему, что завтра у него палка-пяев...* 😊

[добрый + ыхтуль – от добрый (вечер) + (tere) õhtust – ‘добрый вечер’; палка-пяев – от эст. palgaräev – ‘день зарплаты’]

В (203) пользователь демонстрирует, что знание русского и эстонского языков помогает ему креативно комбинировать эти языки с целью игры, позитивно оценивая собственное речевое поведение. В контекстах, указанных в таблице №9, и в эстонском корпусе в целом, однако, мы не нашли примеров, подобных итальянским, где творческая компетенция говорящих особенно проявляется в двуязычных стихотворениях и разговорах, основанных на игровом дословном переводе итальянских выражений, хотя, отметим попутно, что такие практики в целом в эстонском обществе довольно распространены.

Под топиком «“Эстонский” русский язык» мы также не нашли комментариев, поддерживающих двуязычную языковую игру, как в 5.4.2 (см. 190–192). Был, однако, комментарий, выражающий негативную оценку эстонского языка:

(204) *Подавляющее большинство и в основном молодёжь сплошь и рядом употребляют rohhi. Даже на мат язык беден.*

⁸⁴ Саркастические высказывания можно определить как агрессивные замечания с долей юмора [Dyrel 2009: 1290].

Подобного рода комментарии полностью отсутствуют в итальянском материале. Негативное отношение особо ярко проявляется в языковой игре, основанной на изображении русской речи эстонцев, что будет рассмотрено ниже.

5.4.6. Языковая игра как проявление социокультурной компетенции русскоязычных жителей Эстонии

В ходе анализа эстонского материала нами были обнаружены контексты, в которых языковая игра направлена на демонстрацию социокультурного и языкового превосходства, например:

(205) У владельцев хуторских сортиров и сараек появляется возможность улучшить своё материальное положение... "васа трассу на моя туалетту пополам расресали, райск, а этот есть полсой укроос на насса народу, его язуку и культуур и деньги нузен, стопы восстанавливать, курат, куда какать"

Как отмечалось в 4.3.3, данный пример содержался в комментариях к статье на *Delfi* под заголовком «Жители Рапламаа недовольны проектом Rail Baltica». Мы рассматривали его как вымышленную цитату, используемую для дискредитации определенных людей. Согласно автору комментария, эта «цитата» отражает мнение эстонцев, гротескно представленное как бессмысленное и глупое, что позволяет автору дистанцироваться от него, представляя цитируемых как людей бестолковых.

Чувство превосходства, на наш взгляд, отражается и в примерах игры с контентом ниже.

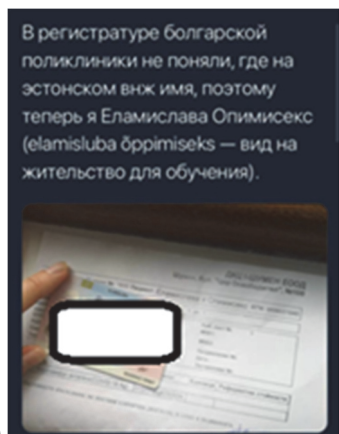
(206) Да норм имя Jaanus (Ja anus) :) двойные и т.д. серьёзно это убого... бредя! предлагаю veebruar-toivo :)

(207) И когда я называю его Анусом, то все эсты дружно поправляют, "ЯЯанус", даже не подозревая, что такое анус))

Примеры – реплики на тему «Эстонские имена» с *Forum.ee*. В (206) и (207) пользователи играют, приписывая эстонскому имени *Jaanus* определенное значение. В (207) подчеркивается свое понимание этой дискредитирующей человека игры, предполагающее, что эстонцам она недоступна.

В некоторых примерах пользователи также подчеркивают свое знание эстонского и его незнание / непонимание иностранцами, что демонстрирует пример ниже⁸⁵.

⁸⁵ По соображениям конфиденциальности на фото мы затемнили удостоверение личности автора поста.



(208)

(208) является постом в фейсбук-группе «Граница Нарва-Ивангород». В нем пользователь шутит над смешной путаницей с содержанием эстонского документа за границей. Некоторые ответы на пост представлены ниже.

(209) У меня в питерском автосервисе фамилия **OMANIK**
[omanik – ‘владелец’]

(210) 10 лет жила в Германии. Фамилия **Salajõe**, совершенно произносимая на немецком - к ним отсутствует буква Ö в алфавите - преобразовалась в смесь англо-немецкую (причём, так меня называли почти везде) - **Заладжо!** Поначалу даже не понимала, что это ко мне обращались. Потом, кроме смеха, ничего не вызвало.

В примерах (209) и (210) пользователи приводят комические ситуации, когда за границей эстонские слова неправильно употребляются (209) или искажаются (210). Эти примеры можно интерпретировать как игру с фреймом, содержащим обыгрывание контента (209) и формы (210). Они демонстрируют знания и компетенции пользователей, отличающие их от тех, кто не проживает в Эстонии.

Языковая игра в ответах к данному посту также отражает специфику положения некоторых русскоговорящих в эстонском пространстве, например:

(211) А у меня во Франции собрались все на паспортном контроле и буквально» ржали», **паспорт пришельца** 🤔

(212) Командировки в Германию и Швецию в начале 2000-х, смотрели как на **пришельца**, пограничник даже бегал показывать сослуживцам мой **серый паспорт**.

В (211) и (212) демонстрируется игра со значением, основанная на двойственности английского слова *Alien*, которое может означать как *инопланетянина*, так и *чужестранца*. Из-за его широкого использования в поп-культуре (в фильмах, книгах и т. д.) для обозначения инопланетянина, мы предполагаем, что это значение более знакомо не носителям английского языка. Термин *Alien's passport* является переводом эстонского *välismaalase pass*, что означает *паспорт иностранца*. Этот документ, также известный как *серый паспорт* (см. 212), стал выдаваться после восстановления независимости Эстонии людям, которые не имели эстонского или иного гражданства. Таким образом, примеры отражают не только социально-исторические знания говорящих, но и особенности их положения в эстонском обществе.

ВЫВОДЫ

Обобщая результаты анализа, можно сказать, что в итальянском и эстонском материале стратегии многоязычной языковой игры похожи. Эта игра отражает не только языковую рефлексию, но и творческие способности и компетентность говорящих, живущих в «транснациональных пространствах» [Сапагарaja 2018]. Наблюдаются, однако, существенные различия, касающиеся форм языковой игры и проявления в ней характеристик творческого мультикомпетентного автора.

В итальянском материале самый частотный вид игры с формой – это морфологическая гибридизация слов. Малочисленные гибридные формы в эстонском материале трудно определить как языковую игру, часто они используются в неигровых контекстах. Данные формы могут восприниматься как привычные русскоязычными жителями Эстонии, долго находившимися в контакте с эстонским языком. В эстонском материале самый частотный вид игры с формой – изображение речи эстонцев.

Разные виды языковой игры, в частности игра с фреймом, осуществляемая на основе переплетения голосов, отражают языковое творчество и социокультурные знания пользователей, размышляющих над особенностями собственного языка и социокультурного положения.

Важное различие между итальянским и эстонским материалом состоит в том, что в первом, в большинстве своем, игра с фреймом основана на пародировании русскоговорящих Италии и отражает как бы взгляд диаспоры «внутри» себя. В эстонском материале игра иногда содержит элементы языкового и культурного высокомерия пользователей, способных обыгрывать русский и эстонский языки, понимать дополнительные смыслы, возникающие на основе их смешения. В частности, обыгрывание «слов» не жителей Эстонии представляет некий взгляд «извне» и осознание особенностей собственного положения в пространстве Эстонии.

Таким образом, вкрапления по-разному выполняют метаязыковую функцию, позволяя коммуникантам позиционировать себя и других в определенном хронотопе. Языковую рефлексию отражает и многоязычная языковая игра. Эта игра многослойная, пересекающаяся с пространственной рефлексией говорящих, имеющая большое значение в процессе формирования их идентичности. Анализ примеров выше также показал роль вкраплений в организации и (пере)осмыслении пространственных ориентиров говорящих и в позиционировании коммуникантов в определенном хронотопе. В этом смысле вкрапления выполняют и хронотопическую функцию, на которой подробнее остановимся в следующей главе.

ГЛАВА 6. ХРОНОТОПИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ВКРАПЛЕНИЙ

6.1. Хронотоп в картине мира: теоретические основы

Как отмечалось во введении, в философии, лингвистике и психологии картина мира понимается по-разному, в том числе критически, мы же, вслед за рядом других исследователей, исходим из понимания ее как представления человеческого сознания о действительности. Синонимичными этому термину могут быть, к примеру, следующие: «видение мира», «образ мира», «мировидение», «восприятие мира» и т. д. [Гончарова 2012: 396]. Картина мира формируется на основе опыта человека, познавательная деятельность которого (когниция) в максимальной степени направлена на «освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения ориентироваться в этом мире на основе полученных знаний» [Алефиренко, Корина 2011: 23–24]. В процессе познания окружающей действительности «человек формирует представление об объектах, составляющее картину мира, ключевые понятия которой обозначаются с помощью языка» [Васильева 2006: 29]. Язык одновременно отражает и формирует картину мира, в первую очередь языковую. Этот термин «указывает на то, что носителем картины мира является язык» [Гончарова 2012: 397]. Картину мира можно определить как осмысление реального мира, сформировавшееся в сознании человека, тогда как языковая картина мира является фиксацией этого осмысления в слове [там же: 397]. Между этими двумя понятиями существуют сложные отношения, и установить между ними четкие границы трудно.

Исследование языковой картины мира становится актуальным в языкознании с начала XIX века и рассматривается современными исследователями с разных точек зрения. Некоторые ученые видят первые попытки ее рассмотрения в трудах В. Гумбольдта [Маслова 2001: 58; Шмелев 2005: 18], который подчеркивает национальную специфику языковой картины мира [Уфимцева 2016: 251]. Как отмечает В. Высочанский, «мир не является для нас объективной действительностью, которая существует сама по себе и сама для себя, а всегда формируется в результате производимого нами процесса категоризации, а значит <...> формируется через восприятие, знания и отношение к миру» [Высочанский 2014: 49]. Категоризация действительности способствует организации человеческого знания в более крупные понятийные классы, или категории, которые становятся «языковыми категориями» или «языковыми знаками» [там же: 49]. Говоря о языковой категоризации, исследователь подчеркивает, что она в определенной степени обусловлена характером отдельных языков. Из этого следует, что «разные языки различным образом отражают действительность», что приводит к принципу «языкового релятивизма» [Высочанский 2014: 50]. Важная роль языка в формировании концептов подчеркивается и А. А. Уфимцевой,

которая утверждает, что «язык, наряду с трудом, <...> определяя специфику сознания и человеческой психики вообще, помогает формировать предметное представление об окружающем мире» [Уфимцева 1988: 109]. Данная точка зрения разделяется Н. Ф. Алефиренко и Н. Б. Кориной, по мнению которых, слова являются одним из источников формирования концептов в сознании человека [Алефиренко, Корина 2011: 30]. Однако следует отметить, что сам концепт влияет на слово, т. к. «именно концепт определяет семантику языковых средств, использованных для его выражения» [там же: 31].

Сказанное позволяет сделать вывод, что «языковая категоризация действительности является одной из основных доминант языковой картины мира» [Высочанский 2014: 50]. Ее анализ через языковые факты позволяет реконструировать не только восприятие и концептуализацию мира человеком, но и познавать в целом ментальность отдельной личности, целого народа и различных социальных групп. Картина мира и, следовательно, языковая картина мира включают и субъективные, т. е. индивидуальные, и коллективные компоненты, т. к. они формируются у каждого индивида, но в то же время включают элементы общности. Именно присутствие элементов общности в картине мира и языковой картине мира обеспечивает формирование пресуппозиции и взаимопонимание между людьми [Власова 2012: 61].

Картина мира в процессе познания постоянно корректируется и развивается. Это связано также с тем, что концепты в сознании человека динамичны, они развиваются и меняются [Алефиренко, Корина 2011:32], что влияет и на формирование языковой картины мира. Как отмечает А. Н. Котельникова, «языковая концептуализация мира – это процесс духовно-вербального освоения и восприятия окружающей человека действительности» [Котельникова 2013: 93]. Язык систематизирует внеязыковую реальность, осваивает средства описания физического и духовного мира, оценивает его [там же]. Таким образом, язык материализует результаты познавательной деятельности, отражая различные состояния субъекта, его отношение к другим и окружающему миру [там же: 94]. Как отмечает Л. Ю. Буянова, «любая измерительная процедура всегда «замыкается» на субъекте науки, интерпретаторе. Это объясняется тем, что знания о количественных характеристиках любых физических явлений, происходящих в действительности, человек получает в конечном счете через органы чувств» [Буянова 2012: 62]. Последнее соотносится с биологической точкой зрения, согласно которой человеческий организм является структурно детерминированной системой, в результате чего «то, что происходит в языке как консенсуальной области, образующей реляционное пространство, также становится частью области изменений нервной системы человека, которые и являются нам в виде взаимных модуляций разума/тела» [Кравченко 2013: 60]. Исследователь заключает, что «таким образом язык не находится ни в головах индивидов, ни “где-то там” в так называемой объективной реальности; он радикальным образом распределен в пространстве-времени» [там

же: 60]. А. Н. Котельникова считает оправданным и целесообразным говорить о «лингвоэмоциональной картине мира» для обозначения вербализованного эмоционального пространства личности, которое получает свою реализацию за счет взаимодействия человека с реальной действительностью [Котельникова 2013: 95]. Согласно исследователю, язык – социальное явление, выполняющее функцию передачи двух кардинальных отношений: 1) отношения Вселенная / Человек и 2) Человек / Человек и «в основе лингвоэмоциональной картины мира <...> лежат два эмотивных <...> суперконцепта: «Пространство» и «Время»» [там же].

Пространство и время находятся во взаимосвязи, в которой они теряют самостоятельность, выступая как «отдельные стороны единого и неделимого пространство-времени» [Мельник 2006: 95–96]. Такая связь реализуется в картине мира людей как «категория хронотопа» [Бахтин 1975]. М. М. Бахтин определяет хронотоп, применительно к исследованию художественного текста, как «существенные взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [там же: 234]. Ученый, однако, понимает текст широко – «как всякий связный знаковый комплекс <...> мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах» [Бахтин 1986: 297]. Соответственно, пространство и время всякого текста, любых высказываний являются концептуализацией пространства и времени мира. Согласно М. М. Бахтину, «хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [Бахтин 1975: 235]. Это можно применить и к человеку в целом. Человек «не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [Гуревич 1984: 44], что проявляется в процессе определения идентичности говорящих [Blommaert, De Fina 2017: 1]. При этом хронотоп является многослойным, т. е. более общий хронотоп включает взаимодействующие микрохронотопы, определяющие модели поведения и организующие многослойную идентичность людей [там же].

С категорией хронотопа пересекается пронизывающая всю культуру человека оппозиция «свое» – «чужое», содержащая аксиологический компонент и выполняющая важную роль в процессах создания идентичности. Как отмечает И. В. Захаренко, «в древнейших представлениях «свое» и «чужое» пространство мыслится как совокупность концентрических кругов» [Захаренко 2013: 16], в центре которой находится человек, его родственники, «а степень “чужести” возрастает по мере удаления от центра (человек – дом – двор – село – поле – лес)» [там же]. «Свое» представляет собой освоенное, окультуренное пространство, которое через ряд границ переходит постепенно в «чужое». «Свое» можно определить как близкое, знакомое, что предполагает позитивную оценку, которая часто в дискурсе специально не маркируется. «Чужое» характеризуется чужествием, порой враждебностью, коррелирует со странным, непонятным [Матвеева 2007: 74]. «Чужое», однако, может восприниматься положительно, и образ

«чужого» представляется с двух позиций – неприятия и толерантности. «Свое» и «чужое» имеют разные градации, т. к. «свое» может приобретать качества «чужого» и наоборот [Егоров 2020: 139]. Соответственно, не всегда можно четко разграничить «свое» и «чужое».

Ситуация сосуществования народов со своими речевыми практиками усложняет эту картину, которая становится еще более комплексной в результате интенсификации процессов глобализации, перемещения групп людей, формирования диаспорных сообществ [Деци, Костанди 2021]. С такой ситуацией мы имеем дело и в интересующих нас контекстах Италии и Эстонии, где сосуществуют, реализуясь в регулярных речевых практиках, титульный и другие языки, в Эстонии прежде всего русский как язык самой большой диаспоры, реже – иные языки. В Италии, помимо региональных языков, – языки разных групп иммигрантов, приехавших в страну в разные периоды, в частности иммигрантов с постсоветского пространства. В итоге мы имеем ситуацию мультиязычных практик и взаимодействия языков, культур и картин мира. Языковая картина мира разных групп русскоязычных жителей Эстонии активно исследуется эстонскими учеными, в частности обращается внимание на пространственно-временную сферу [Костанди 2015а, 2018, 2019а, 2019б; Паликова 2012а, 2012б; Щаднева 2014, 2018]. Анализ языковой картины мира и лежащей в ее основе пространственно-временной локализации русскоязычных жителей Италии, однако, только начинается, поэтому далее обобщим лишь результаты эстонских исследований.

Анализ речевых практик русскоязычных жителей Эстонии, позволяет проследить за тем, как говорящие адаптируют свое представление о пространстве и времени к местным условиям. Как отмечает Е. И. Костанди, «основные лексические и грамматические средства обозначения времени в речи диаспоры, разумеется, не отличаются от имеющихся в русском языке в целом. Однако в любых относительно самостоятельных условиях, в частности в диаспоре, существует своя система «временных координат» и репрезентирующих ее средств» [Костанди 2015а: 80]. Многочисленные слова и словосочетания с темпоральным компонентом в семантике либо получают местное значение, либо подвергаются частичной семантической переориентации. Основные области, где происходят эти изменения, по словам Е. И. Костанди, – медийная сфера, названия праздников и того, что с ними связано, исторических периодов, деятельности, состояний, положений, имеющих темпоральную составляющую [там же: 80–81].

Темпоральная специфика речи диаспоры пронизывает разнообразные каждодневные языковые практики, на которые влияет ситуация погружения в эстонскую языковую среду. Что касается пространственной сферы, ее специфика формируется под воздействием разнообразных факторов – от отнесения Эстонии к определенному географическому, экономическому, политическому, культурному пространству до «информации о маршрутах общественного транспорта, дорожных знаков или надписи на двери магазина с указанием на то, в какую сторону ее надо открывать» [Костанди

2019а: 145]. Наиболее очевидные составляющие пространственных ориентиров следующие: географическая лексика и топонимы в широком понимании термина (названия населенных пунктов, улиц, зданий, гор, рек и т. п.), языковое оформление окружающего пространства, речевые практики, принятые в том или ином пространстве и то, что можно определить как пространственную рефлексию – замечания, комментарии, размышления говорящих по поводу окружающего пространства [там же: 145–146]. Последняя имеет множество проявлений, в частности, топонимы и, шире, географическая лексика в речи русскоязычных жителей Эстонии, отражают географические представления, формирующие картину мира говорящих, закрепляют их идентичность, «поскольку топонимы выступают в качестве символов, определяющих семиотическое пространство как личности, так и этнического сообщества» [Щаднева 2018: 246].

Официальная и неофициальная географическая лексика, разные топонимические варианты, в частности исторически обусловленные сосуществованием разных народов на территории Эстонии, их обыгрывание и оценка отражают не только взаимодействие языков, приспособление топонимов разного происхождения к речевым практикам русскоговорящих, постепенный переход «чужого» в «свое», что приводит к освоению окружающей действительности и приспособлению к физической и социальной среде [Паликова 2011, 2012а, 2012б, Щаднева 2018, Соколова 2013], но и языковую и пространственную рефлексию говорящих [Костанди 2019а]. Ее анализ на основе разного материала также показывает, что пространственная ориентация говорящих неоднозначна. Так, к примеру, рассматривая речевые практики новостного блока программы «Время» «Первого Балтийского канала» в начале 2000-х, Е. И. Костанди говорит о «многоступенчатости пространственно-временных координат» русских диаспор балтийских стран, в результате чего эстонское пространство определенным образом соотносится с другими пространствами: с мировым, российским, общебалтийским и др. [Костанди 2005: 194].

Эстонские исследования демонстрируют наличие множества пространственно-временных (хронотопических) ориентиров в речи диаспоры, способствующих приспособлению речевых средств коммуникантов к диаспорным условиям, а также размытость и постепенное превращение «чужого» в «свое», что проявляется в пространственной и языковой рефлексии говорящих. Особенно важно для нашего исследования то, что анализ пространственной рефлексии русскоговорящих Эстонии, проведенный на основе разного материала, отражает многоступенчатость и многовекторность пространственно-временных координат, задействованных в формировании идентичности коммуникантов.

Современные коммуникативные возможности, в частности Интернет, усложняют строение и восприятие хронотопа и оппозиции «свое» – «чужое». Говоря о современных миграционных процессах, Л. Прис отмечает, что транснациональные пространства характеризуются отношениями, состоящими из трех главных элементов – принимающего и исходного

государств и людей, находящихся в диаспоре [Pries 2001: 20]. По мнению автора, «жители» транснациональных пространств формируют комплексную «географию принадлежности», состоящую из отношения к месту проживания, мифов о родине и разных представлений о собственном диаспорном сообществе. «Трансмигранты» в современных коммуникативных условиях развивают свои пространственно-временные ориентиры, не только взаимодействуя с непосредственным физическим окружением, но и активируя более широкие хронотопические схемы [Jacquemont 2010: 50–51]. Таким образом, коммуникация разных диаспорных групп в интернет-пространстве создает некий транснациональный хронотоп, внутри которого пересекаются разные микрохронотопы.

Множество языковых средств соучаствует в этом пересечении, и, как показывает анализ нашего материала, важную роль в нем выполняют вкрапления. В следующем разделе будет рассмотрена не вся пространственная рефлексия коммуникантов, а лишь та, в которой задействованы итальянские и эстонские вкрапления. Временным характеристикам уделяется меньше внимания, так как в нашем материале они проявляются не столь ярко, как пространственные. В фокусе внимания будет определение говорящими «своего» и «чужого» в разных пространствах.

6.2. Вкрапления в пространственном дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии: общая характеристика

Соотнесенность вкраплений с пространственно-временными ориентирами говорящих была частично рассмотрена нами на базе итальянского материала в магистерской работе [Деци 2018а], где, выявляя тематические сферы вкраплений, мы отнесли множество их к пространственной сфере и проанализировали ориентирующую функцию обыгрывания названий географических локаций. Мы предположили, что эти вкрапления отражают оценку и освоение определенных мест, влияющие на картину мира говорящих. Там же рассматривались вкрапления с временными значениями, отражающие переосмысление членения суток под влиянием итальянского социокультурного пространства. Связь вкраплений с пространственно-временными ориентирами говорящих анализировалась в [Деци 2019д] с точки зрения теории культурем, что позволило установить, как вкрапления отражают поведенческие, в частности, проксеимические и паралингвистические, изменения в действиях говорящих, погруженных в итальянский хронотоп. Как отмечалось в 5.4.3, где рассматривалось обыгрывание итальянских топонимов как проявление языковой рефлексии говорящих, в [Dezi 2024] мы предположили, что это не только отражает процесс освоения про-

странства, но и указывает на пересечение разных хронотопов и пограничное, транснациональное пространство, в котором находятся пользователи, что влияет на формирование их идентичности.

Характеристика пространственно-временного аспекта вкраплений в эстонском материале частично дана в [Деци 2019а], где среди тематических групп вкраплений выделены *пространство* и *время*. В [Деци, Костанди 2021] рассматривался пространственный дискурс русскоязычных жителей Эстонии, в частности, на основе нашего материала и устных интервью жителей Эстонии разного происхождения и национальности, с фокусировкой на оппозиции «свой» – «чужой». Анализ показал неоднозначность определения «своего» и «чужого» в пространстве, наличие переходных зон и пересечение разных хронотопов. Ниже дадим общую характеристику материала и продолжим анализ этого аспекта, сопоставляя итальянские и эстонские примеры.

Как показывает диаграмма №7 в 3.3, вкрапления в нашем материале часто содержат пространственные характеристики: топонимы (названия населенных пунктов, разных географических объектов, локаций в городе и т. д.), упоминание иных разнообразных мест (дом, магазин и т. д.), их описание и оценку, например:

(213) <...> *лучше смотреть на курсы вообще, иногда есть оч. интересные. не знаю, как в других частях Италии, в Ферраре часто эти самые классные и интересные предназначены для жителей **зона обьеттиво дуге**... а я, как назло, живу в **центро сторико**. значит, кушать, не надо, наверное... 😡 сегодня в два места звонила, по этой причине меня и послали. плевать им, что я **страньера** и Россия куда более **зона депресса**, чем все их **обьеттиво дуге**...*

[обьеттиво дуге – от ит. obiettivo due – ‘цель два’, проект ЕС по поддержке социально-экономически депрессивных зон⁸⁶; центро сторико – от ит. centro storico – ‘исторический центр’; страньера – от ит. straniera ‘иностранка’; зона депресса – от ит. zona depressa – ‘депрессивный район’]

(214) ***Муста** – чисто пенсионерский район. Очевидно, что дедули рано концы отдают, вот так оно и есть) На центральной возле **крестинки** - это уже молоднячий район.*

[Муста – от эст. Mustamäe, район в Таллине, крестинка – от эст. Kristiine, район Таллина, возможно, имеется в виду торговый центр Kriistine Keskus, см. пример (37) в 3.2.2]

В примерах обсуждаются и оцениваются определенные локации, обозначаемые вкраплениями, способствующими определению коммуникантами их «личной сферы», в которую «входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально» [Апресян 1986:

⁸⁶ <https://eur-lex.europa.eu/IT/legal-content/summary/objective-2.html#:~:text=Le%20zone%20ammissibili%20all'obiettivo,in%20crisi%20dipendenti%20dalla%20pesca.>

28]. При этом сопоставляются разные пространства. В (213) пользователь комментирует недоступность некоторых бесплатных курсов для жителей, живущих в разных частях города Феррара, оценивая и с помощью вкраплений разные локации. Выражения *зона обьеттиво дуе* и *зона депресса* обычно используются в официальных документах для определения депрессивных зон и связанных с ними проектов. Соответственно, данные выражения могут рассматриваться как чужое слово. Выражение *зона депресса*, применяемое к определенным регионам Италии, переносится на Россию автором, позиционирующим себя как *страньера* (об оценочном использовании данного слова в качестве «чужого» см. 4.2.1). Таким образом, можно наблюдать оценку разных пространств, их пересечения и позиционирование говорящего в них. Пример (214) также содержит сопоставление и оценку определенных пространств – районов Таллина (*Муста* и *возле кристинки*). В [Деци, Костанди 2021] отмечалось, что эти локации оцениваются по возрастному критерию, что отражает оппозицию «свое» – «чужое», реализующуюся как «молодые» / «старые» и потому содержащую и темпоральный компонент.

Не только вкрапления, непосредственно обозначающие локации, отражают пространственные ориентиры говорящих. Есть и менее очевидные случаи, когда вкрапления появляются в дискурсе о пространстве или отражают связь речевых практик с определенным пространством, например:

(215) <...> *Ехал я троллейбусом номер два одну остановку с площади Свободы до "Соляриса"⁸⁷, опаздывал, а там сидят какие-то подростки и, выделяваясь друг перед другом, сообщают, между прочим, по-эстонски, что *avalikes kohtades vene keeles rääkida on keelatud*, в общественных местах, мол, по-русски говорить воспрещается. Ну, я, конечно, сообщил им по-русски, что хрена лысого. А поскольку молодежь по-русски ни бум-бум, они как-то на меня уставились, что-то сказали, мол, ты с какого района и прочее, а я повторил сказанное и сошел через открытую дверь.*
[*avalikes kohtades vene keeles rääkida on keelatud* – ‘в общественных местах по-русски говорить запрещено’]

(216) *Здравствуйте, Maria1588! а можете подробнее рассказать по поводу легализации. Это вам сказали в московском консульстве, что необходимо переводить только через аккредитованных переводчиков? Dichiarazione di valore вы уже тоже делали?*
[*Dichiarazione di valore*⁸⁸ – дословно ‘декларация ценности’, документ, подтверждающий образовательную квалификацию, необходимый для поступления в итальянские учебные заведения]

⁸⁷ Солярис – торговый центр в Таллине (Solaris).

⁸⁸ Правильно *dichiarazione del valore*.

В [Деци, Костанди 2021] отмечалось, что в (215) переключение на эстонский, являющееся цитатой, демонстрирует оценочную позицию «чужого», а негативная оценка дискурса подростков (*выделяваясь, друг перед другом, сообщил им по-русски, что хрена лысого*) отражает авторское восприятие этой точки зрения как «чужой». При этом в комментарии есть отсылка к пространствам, якобы предназначенным для разных языков (*в общественных местах, мол, по-русски говорить воспрещается*).

Пример (216) представлен в контексте топика «Учеба в Италии (2016–2020)» на *Russianitaly.com*, название которого уже задаёт хронотопические рамки разговора. В [Деци 2022a] мы рассматривали этот пример как менее очевидное проявление языковой рефлексии пользователя. Чтобы написать *dichiarazione di valore* автор переключает клавиатуру с кириллицы на латиницу, возможно, в целях лучшей идентификации словосочетания, кроме того сама реалия *dichiarazione di valore*, практика заверенного перевода и легализация документов для поступления в итальянский университет (*необходимо переводить только через аккредитованных переводчиков?*) затрагивают не только вопросы легитимного языка в определенном контексте, но и позицию говорящего «извне» в итальянском хронотопе.

Итак, вкрапления, могут содержать прямую или косвенную отсылку к различным видам пространства, отражать речевые практики в определенных хронотопах, их оценку и легитимность, тем самым участвуя в передаче характеристик разнообразных локусов. Как мы видим, вкрапления задействованы в разных видах размышлений о пространстве, которые можно определить как пространственную рефлексия. При этом коммуниканты делают отсылки к разным, взаимодействующим хронотопам (интернациональный, национальный, внутринациональный, общественный / приватный и т. п.), позиционируя себя в них. Далее рассмотрим соотношение «своего» и «чужого» в пространственной рефлексии русскоязычных жителей Италии и Эстонии и то, как вкрапления задействованы в этом и в пересечении разных хронотопов.

6.3. Пространственная рефлексия в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии: «свое» и «чужое»

Коммуниканты часто обсуждают некое положение дел, имеющее пространственно-временные границы, т. е. существующее в определенном хронотопе. Хронотопы характеризуются и сопоставляются пользователями по разным параметрам, наиболее различающимися из которых в эстонском и в итальянском материале, являются **внутренний / внешний**, и **языковой**. На их основе мы выделили следующие группы пересекающихся хронотопов:

- **внутритерриториальный:** вкрапления помогают коммуникантам характеризовать, оценивать и сопоставлять разные локации внутри территорий Италии и Эстонии;
- **внутри- / внеитерриториальный:** с помощью вкраплений пользователи более или менее эксплицитно сопоставляют локации внутри территорий Италии и Эстонии с другими национальными территориями;
- **внутри- / внедиспорный:** вкрапления помогают охарактеризовать и сопоставить разные группы русскоязычных между собой и с другими социолингвистическими группами, живущими на той же территории, передать их отношения;
- **языковой:** вкрапления участвуют в описании того, как разные языки и речевые практики взаимодействуют внутри определенного пространства.

В перечисленных группах, порой пересекающихся, вкрапления помогают выделять, характеризовать, оценивать что-либо, на основе чего коммуниканты определяют «свое» и «чужое». Проиллюстрируем все примерами, сопоставляя итальянский и эстонский материал, начав с характеристик пользователей внутритерриториальных хронотопов.

*(217) Я тоже в первый день фотографировала. Самозабвенно, ответственно, выбирая моменты меж частыми телеграфными столбами, но поезд несся, разрезая насыщенный горный воздух, и многие пейзажи получились размытыми. **Лекко** – **Колико** холёная, теплая и быстрая, со всеми удобствами, электричка, делает остановки в, пожалуй, самых скромных, но невероятных по своей красоте уголках **Ломбардии: Манделло-дель-Ларио, Беллано, Варенна...** Когда ты думаешь, что, однажды увидев **Комо** и **Лекко**, увидел весь регион, а тут для тебя раскрываются такие места, о которых туристы могут только мечтать... Да, да, после урюмого, метрополитенового **Милана**, путешествуя по правому и левому рукаву озера, вдоль до самого устья, забываешь о моде, стиле и аперитивах мегаполиса и настраиваешься на совершенно иные вибрации.*

*(218) Вы слишком долго прожили в Эстонии, если...
13. Вы редко бываете в **Нарве, Вильянди, Пярну**. Далекое.
26. Вы пишете «**Таллин**» с двумя «н».*

В (217) цель автора – передать красоту описываемых мест, названия которых, за исключением Милана и Ломбардии, скорее всего, не полностью освоены русским языком и представляют новое, «чужое» пространство, с которым автор знакомится, путешествуя. Тема путешествия, возникающая в комментарии, включает много моментов, подчеркивающих временность авторского положения «в пути» в «чужом» пространстве. Это, к примеру, выражения *в первый день, выбирая моменты, существительные поезд, электричка*, наречие *однажды*, глагол в прошедшем времени совершенного вида *увидел* и др.

В (218) приведена часть комментария, в котором перечислены 46 фактов, свидетельствующих, по мнению авторов, о том, что человек давно (*долго*) живет в Эстонии. Для анализа нами выбраны те пункты, где появляются вкрапления и есть пространственная (и языковая) рефлексия пишущего. Пункт 13 демонстрирует склонность пишущего думать в «местных масштабах», чем подчеркивается освоение «местного» восприятия. В пункте 26 автор отсылает к местному написанию названия города, появившемуся в постсоветский период по политическим причинам. Как мы отметили в таблице №8 в 5.4.1, подобный топик есть и в итальянском материале, его реплики отражают освоение местных речевых и иных практик. Однако в нашем эстонском материале отсутствуют примеры, подобные (217).

В итальянском и в эстонском материале осуществляется и внутри- / внетерриториальное сопоставление. Так, в итальянском корпусе это, в частности, проявляется в том, что вкрапления регулярно соотносятся с темой переселения из исходного в новое пространство (см. также пример (213)), в эстонском же они часто отсылают к вопросу принадлежности разных социокультурных групп территориям внутри / вне Эстонии, например:

(219) *Вычитала следующее: "...il visto di ingresso deve essere convertito in permesso di soggiorno, con una validità massima di 2 anni. "что я и сделала по приезду, но **пермессо** дали лишь на год (не знаю почему), наверно по окончании срока дадут еще на год, который будет последним, т.к СМ выше – поэтому не хочу по истечении срока остаться с пустыми руками да еще и за пределами Италии.*

[il visto di ingresso deve essere convertito in permesso di soggiorno, con una validità massima di 2 anni – ‘вездная виза должна быть преобразована в вид на жительство с максимальным сроком действия 2 года’; пермессо – от ит. permesso di soggiorno – ‘вид на жительство’]

(220) А. Ну что вы ноете? Вы тут кто? Никто и звать вас никак. Кто с вами считается-то будет. Язык выучить попробуйте! Авось что-то новое почерпнете! Гражданство получите! Сидите на порталах как бомжи и на жизнь жалуетесь. Да кому вы нужны?! Думаете России за отданные голоса? Ну-ну... Вам еще с газопровода обломится манна небесная... Ждите, совки, ждите...

Б. У РОНТА ОДНА ИЗВИЛИНА – **КЫЙК ЛЯХМЕ ВЕНЕМАА** <...>

[КЫЙК ЛЯХМЕ ВЕНЕМАА – от эст. kõik lähme Venemaale – ‘все отправимся в Россию’]

В (219) переключение на итальянский можно рассматривать как чужое слово, описывающее условие, при котором говорящий имел бы право остаться на итальянской территории и получить *пермессо*, т. е. вид на жительство в не полностью освоенном пространстве. Важными являются также временные показатели (*2 anni, лишь на год, по окончании / истечении срока*), отражающие неустойчивое положение говорящего. Пример (220) содержит комментарий пользователя *Ронта* (А.), критикующего жалующихся на ущемление прав русских в Эстонии и оценивающего их как

никому не нужных ни *тут*, ни в России, следовательно, везде «чужих» (см. пример (160) в 4.3.3). Б. в своем ответе иронически оценивает А., демонстрируя свое знание языка и переключаясь на эстонский, правда, неправильный (*ляхме кыйк Венемаа*, ср. эст. *lähme kõik Venemaale*), и также используя сопоставление, частично имплицитное, положения здесь и «отправки в Россию».

Как было отмечено выше, вкрапления также используются в характеристике отношений между разными группами, живущими в едином пространстве, что способствует внутри / внедиспорному сопоставлению. Ниже эти отношения рассмотрены отдельно на итальянском и на эстонском материале.

В итальянском материале вкраплениями называются и оцениваются эмигранты из разных стран, поведение, в том числе речевое, разных групп русскоязычных, характеризуются их отношения с итальянцами (об оценке по этносоциальной принадлежности см. 4.2.1). Можно выделить следующие подгруппы отношений: отношения русскоговорящих с другими иммигрантами, внутри группы русскоговорящих, отношения русскоговорящих с итальянцами. Рассмотрим по одному примеру для каждой.

(221) *Их посели в новые дома, такие классные домики, и прямо напротив школы! Они выходят и лезут по улице, тыняются без дела, человек 10 пока привезли, или сидят под домом! Черные шо уголь. Раньше у нас только cinesi было, ну это пол беды, они сами по себе, правда, все sarannoni заняли, а теперь пакистанов и афганцев навезли и негров. Вообще вот такие дела. [cinesi – ‘китайцы’; sarannoni – ‘сарай’; пакистанов – от ит. pachistani – ‘пакистанцы’]*

В (221) вкраплениями называют эмигрантов разных национальностей, чье поведение в итальянском пространстве оценивается негативно, а названные эмигранты – как «другие» (*Их поселили, они выходят и лезут по улице..., Черные шо уголь, раньше у нас только cinesi было...*).

(222) *Итальянцы знают, что россиянкам не надо *опы мыть. Они и дома работу найдут без проблем и не за 2 копейки. А замуж, это как получится, девушки из России путешествуют, учатся за границей, знакомятся с абorigенами, бывает, что и замуж выходят))) да не за дедов или за кого попало, как украинские бадантки, а за мужчин своего круга))) вы-то здесь – заробитчане)). [бадантки – от ит. badante – ‘сиделка’]*

В (222) характеризуются разные группы русскоговорящих и их отношения с итальянцами. Негативная оценка, появляющаяся в комментарии, способствует выделению «других» и среди русскоговорящих, изначально связанных с разными пространствами / странами (*россиянки, из России, украинские*). Как отмечалось в 2.4., вкрапление *бадантки* содержит негативный стереотип сиделки, предполагающий, что женщины, выполняющие эту

работу, стремятся получить право на постоянное пребывание в Италии, выходя замуж за итальянцев по расчету. Таким образом, вкрапление отсылает и к временному положению некоторых русскоговорящих в Италии.

Вкрапления также отсылают к позиции «извне» русскоязычных женщин, способствуя в то же время характеристике их отношений с итальянцами, например:

(223) *А сестра и брат моего мужа, когда узнали, что мы все-таки поженились, сказали, что не ожидали, что я, **донна дель`эст**, окажусь настолько умна, чтобы несмотря на все препятствия, смочь заключить брак (это смысл, а выражения были, понятное дело, совсем другими, вплоть до ведьмы). Ну бог им судья.*

[донна дель`эст – от ит. donna dell' Est – 'восточная женщина']

Вкрапление можно рассматривать как чужое слово, отражающее негативно-оценочный стереотип *Donna dell' Est*, характеризующий образ восточной женщины, переезжающей в Италию в поисках лучшей жизни. Подобно *баданте*, стереотип предполагает нечестное поведение женщины, которая готова на все, чтобы упрочить свое место в «чужом» для нее, с точки зрения итальянцев, обществе (см. пример (109) в 4.2.).

В эстонском материале также характеризуются отношения между группами людей, живущих в одном общем пространстве, а именно – отношения русскоговорящих, живущих в разных местах Эстонии (224), и русскоговорящих с эстонцами (225).

(224) *Спорно, как уже было замечено выше плотность торчков в **мустьямяэ** повыше, чем в **ласна** будет. Не знажи, есть несколько знакомых (из **Нарвских**), которые купив хату в **мустьямяэ** себя теперь чуть ли элитой считают.*

(225) *Здесь родился и вырос, живу с этим народом, и речь можно сказать родная, но..... но только рядом. Этот **кураттский** комплекс мешает жить этносам, кмк они уже пострадали, страдают и будут страдать из-за него. Но менять они ничего не хотят, постоянно выдумывая какую-то хрень вроде интеграции русских и прочих **мууласед***

[кураттский – от эст. kurat – 'черт'; мууласед – от эст. muulased – 'иные, иностранцы']

В (224) эстонскими вкраплениями являются названия районов Таллина (*Мустьямяэ* и *Ласнамяэ*), где живет большое число русскоговорящих, одно из них русифицированное (*Ласна*) или заимствовано из эстонского (*Lasna*). Этим местам приписываются противоположные с точки зрения разных групп русскоговорящих оценки. Оценка их *Нарвскими* противоположна авторской и воспринимается как «чужая».

В (225), относящемся к Эстонии в целом (*здесь*), вкрапления участвуют в характеристике отношений русскоговорящих и эстонцев. Прилагательное *кураттский*, образованное от эстонского существительного *kurat* – 'черт',

способствует выражению негативной оценки «комплекса» эстонского народа. *Мууласед* – оценочное существительное, которое можно рассматривать как чужое слово, передающее негативное отношение эстонцев к русским (см. (119) в 4.2.1). В комментарии есть и временные показатели, отражающие постоянство пребывания говорящего в эстонском пространстве (*Здесь родился и вырос; уже пострадали, страдают и будут страдать; постоянно выдумывая*).

В связи с пространством обсуждается и языковой вопрос, включающий неоднозначность определения «своего» и «чужого» языка. В итальянском и эстонском материале хронотопы сопоставляются и по языковому параметру – по тому, как языки и речевые практики взаимодействуют внутри определенного пространства. Кроме того, как было продемонстрировано в 5.4.3, в итальянском материале есть контексты, где итальянские слова с пространственным значением обыгрываются и русифицируются посредством добавления русских приставок, суффиксов и окончаний, что отражает языковую рефлексивность пользователей. Так, в примерах (226–230)⁸⁹ русификация итальянских слов, на наш взгляд, свидетельствует о попытке осмысления эмигрантского опыта и одомашнивании окружающего пространства (226 и 227) и передвижения в нем (228, 229 и 230).

(226) *А ещё для сокращения **Provincia di Milano**, его область – Подмилание*

(227) *Манжарим и дормирим, а ещё живем в **Конельяновке***

[в Конельяновке – от ит. Conegliano, город в северо-восточной части Италии в области Венето]

(228) *Ехать на **трене***

[на трене – от ит. in treno – ‘на поезде’]

(229) *„Ты на машине? ” – нет, на **пьядах**““!!!!*

[на пьядах – от ит. a piedi – ‘пешком’]

(230) *Так **риторнарьтесь** обратно!!!*

[риторнарьтесь – от ит. ritornare – ‘возвращаться’]

Как отмечалось в выводах к четвертой главе диссертации, двуязычную игру как процесс освоения реалий окружающей действительности рассматривает и Д. Дисней, утверждающий, что эта игра является способом осмысления окружающей реальности в попытке почувствовать себя дома [Disney 2014: 6].

В эстонском материале обнаружилось меньше примеров с двуязычной игрой в целом, больше внимания уделяется определенным речевым практи-

⁸⁹ Примеры являются репликами контекста 4, представленного в таблице №8, в 5.4.1 они анализировались как многоязычная языковая игра.

кам в том или ином пространстве. В русской речи в Эстонии отмечено множество примеров обыгрывания эстонской географической лексики, см., в частности, [Соколова 2013]. Однако в нашем эстонском материале языковая игра с названиями локаций встречается реже. Здесь более регулярно вкраплениями маркируются речевые практики, свойственные тому или иному пространству, например:

(231) *Помню в армии на 3тий день наткнулся на товарища с какой-то весьма русской рожей и фамилией, спросил кое-что по мелочи, а он мне в ответ на ломаном эстонском: **сиин он еести кайтсеваги я ме пеаме рякима еести кеелес...***

[сиин он еести кайтсеваги я ме пеаме рякима еести кеелес – от эст. siin on eesti kaitsevägi ja me peame rääkima eesti keeles – ‘тут эстонская армия, и мы должны говорить по-эстонски’].

В (231) переключение на эстонский передает голос «своего», русскоязычного человека, воспринимающего употребление русского языка как «чужое» в эстонской армии, что негативно оценивается автором комментария посредством характеристики «*на ломаном эстонском*».

ВЫВОДЫ

Анализ материала показал, что вкрапления используются в пространственной рефлексии пользователей, тесно связанной и с иными функциями. С их помощью идентифицируются разные локации, передаются, обсуждаются и оцениваются «свое» и «чужое» слово, речевые практики, принятые в том или ином пространстве. Вкрапления появляются в пространственной рефлексии говорящих, участвуя в характеристике разных хронотопов, отношений людей в них, оценок и точек зрения. Вкрапления, вместе с другими языковыми средствами, способствуют многовекторной организации хронотопов и их сопоставлению по разным параметрам. В этом сопоставлении и в итальянском, и в эстонском материале возникает «свое» и «чужое», границы которых не всегда являются четкими.

Различия между итальянским и эстонским материалом касаются в большей степени временного компонента рефлексии. На наш взгляд, итальянские вкрапления отражают процесс одомашнивания окружающей пространственной и социокультурной действительности, в отдельных случаях – временное / неустойчивое положение русскоязычных в итальянском пространстве. Вкраплениями также являются «чужие слова», передающие точку зрения итальянцев по отношению к присутствию русскоговорящих в Италии.

В эстонском материале временной компонент присутствует в меньшей степени, некоторые вкрапления соотносятся с долговременной социокультурной связью русскоязычного населения с местом. Вкрапления также

могут являться «чужим словом» и отражать социальные конфликты, возникшие в процессе длительного сосуществования народов. При этом определение «своего» и «чужого» в эстонском материале является более неоднозначным и размытым, чем в итальянском.

Итак, и в итальянском, и в эстонском материале вкрапления участвуют в формировании пространственных ориентиров в картине мира русскоговорящих, способствуя приспособлению к окружающему физическому и социокультурному пространству. Взаимодействуя с другими языковыми средствами, они отражают восприятие хронотопа в условиях диаспоры. Таким образом, вкрапления являются языковыми знаками, символами, способствующими категоризации окружающей действительности, и становятся важным средством формирования идентичности говорящих.

Идентичность – сложное и нефиксированное явление, включающее множество факторов. Анализируемые примеры представляют лишь некоторые частные аспекты создания идентичности русскоговорящих в разных пространствах. Также подчеркнем, что результаты анализа касаются только нашего материала. Однако анализ эстонского материала подтверждает ранее сделанные другими авторами выводы о значимости в речевых практиках соотношения «свое» / «чужое» и о размытости границ этого соотношения.

Далее перейдем к обобщению результатов нашего исследования и соотношению их с подходами, проанализированными во введении, и с теоретической базой, представленной в первой главе диссертации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель докторской работы заключалась в выявлении, анализе и сопоставлении основных функций итальянских и эстонских вкраплений в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии. В итоге было выделено и проанализировано 4 основных макрофункции, имеющих частные проявления: *функция идентифицирующей референции, оценки, метаязыковая и хронотопическая функции*, которые тесно взаимосвязаны.

Достижение этой цели требовало решения ряда задач. На первом этапе это был выбор онлайн-платформ коммуникации названных диаспор (см. таблицы №3, 4), их регулярное наблюдение, сбор примеров, содержащих вкрапления, и первоначальное определение их основных функций. Было собрано около 600 комментариев с вкраплениями, представляющих интернет-общение русскоговорящих Италии, и столько же представляющих общение русскоговорящих Эстонии. Внутри двух образованных корпусов материал был систематизирован по формальным и функциональным характеристикам.

Осмысление феномена «вкрапления» и особенностей их функциональной направленности в интернет-общении двух разных диаспор потребовало формирования теоретической базы, в рамках которой рассмотрены разные подходы к анализу контактных явлений и многоязычных практик, вопросы появления, освоения и функционирования иноязычного «чужого слова» в русском языке с диахронической и синхронической точек зрения, варьирования языка и его функционирования в разных условиях, особенно в интернет-пространстве и в диаспоре. Поскольку анализируемые диаспоры различаются и по пространственно-временным параметрам, и по социолингвистическим контурам, одной из задач являлись анализ и сопоставление названных параметров, сфер функционирования русского языка в Италии и Эстонии, вопросов языкового капитала в этих обществах, контактных явлений в речи русскоговорящих Италии и Эстонии, рассматривавшихся исследователями ранее. Для выявления и анализа функций вкраплений были рассмотрены вопросы референции, оценки, языковой рефлексии, картины мира и хронотопа. При этом мы сфокусировались на аспектах, актуальных для анализа собранного материала.

Рассмотрение общих процессов вхождения иноязычного слова в то, что мы условно называем русским языком разных эпох (восточнославянский, собственно русский), в который разными путями и в разных социополитических условиях входили элементы других языков, отражающие специфику отношения с разными народами, позволило лучше понять характер и функционирование вкраплений. Для нас было важно уяснить, что «чужие слова» разнообразны по форме, степени освоения, адаптации к русскому языку, по значению и тематическим сферам, к которым они относятся, что у них есть общие и частные функции.

Вариативность охватывает весь процесс внедрения и освоения вкраплений, определяя гибкость границ иноязычных «чужих слов». Некоторые из них сохранились в русском языке в целом, другие могут быть характерны для диалектов, специализированных языков, языков разных социальных групп, стилей. Для лучшего осмысления нашего интернет-материала мы остановились на вопросах вариативности и формирования разновидностей языка, обусловленных экстралингвистическими факторами. Эти разновидности часто переплетаются, их границы подвижны, они редко представлены в чистом виде не только в социуме, но и в дискурсе отдельных индивидуумов. Характеризует это и речь наших коммуникантов, которые, с одной стороны, общаются, используя письменную разновидность стандартного русского языка, с другой, задействуют элементы разговорной речи, национальных, региональных, гендерных разновидностей русского языка, разные регистры, жаргоны, сленг.

Для понимания функционирования вкраплений в условиях диаспоры важно было рассмотреть различные группы русскоговорящих, особенности их речи и процессов формирования диаспорных разновидностей языка, роль вкраплений в этом и приспособление коммуникантов к социолингвистической среде. Русскоязычная диаспора представляет собой сложное явление, состоит из гетерогенных по пространственным и временным характеристикам, истории формирования, политическим, социолингвистическим и этнокультурным параметрам групп русскоговорящих, что является важным фактором формирования их идентичности. Гетерогенность групп, их социальная и психологическая неоднородность, а также разнообразие функциональных жанров и стилей усложняют изучение языка диаспоры. Тем не менее в рассмотренных нами исследованиях отмечается ряд общих тенденций в речи диаспор, в частности обусловленных контактной ситуацией.

На основе рассмотренной литературы и анализа материала мы пришли к выводу, что вкрапления составляют часть транслингвальных практик, что было уже отмечено на введении и на чем мы остановимся далее. В Интернете эти практики развиваются в транснациональном контексте, не ограниченном государственными границами, что влияет на формирование разновидностей интернет-языка. Пользователи участвуют в дискуссиях, читая, комментируя тексты, выражая свою позицию, формируя диалогический текст, имеющий поликодовый характер. Общение порой приобретает карнавальную характер, отражающий (пере)осмысление окружающей действительности и процессы формирования идентичности говорящих. Такие процессы особенно актуальны для транснациональных онлайн-сообществ, в частности, для групп русскоговорящих, живущих в разных странах. Вкрапления появляются в речи как знаки, вступающие в отношения с другими языковыми средствами и в ходе этого приобретающие определенные функции в зависимости от контекста, формирующего высказывания, от хронотопа, в котором высказывания контекстуализированы, от конкретной коммуникативной ситуации.

Одной из задач докторской работы являлось описание и сравнение русскоязычных диаспор Италии и Эстонии с фокусировкой на истории их формирования и основных социолингвистических различиях, что способствовало пониманию причин некоторых формальных, тематических и функциональных различий в интернет-общении рассматриваемых групп. Сопоставительный анализ истории формирования, социолингвистических контуров и языкового капитала двух диаспор показал, что они имеют существенные различия. Несмотря на это, обобщение работ исследователей, рассматривающих речь русскоговорящих Италии и Эстонии, позволило обнаружить сходные контактные явления, например, заимствование слов, ПК и функции последнего – идентифицирующая референция, выражение эмоций, передача чужой речи, создание группового кода и т. п.

Чтобы лучше понимать, как внеязыковые особенности и различия отражаются в нашем материале, была поставлена задача описать тематические особенности интернет-дискурса рассматриваемых диаспор. Предварительные наблюдения по тематической специфике итальянского и эстонского корпусов были подтверждены выявлением ключевых слов с помощью созданной нами программы. Выяснилось, что в итальянском корпусе ключевые слова соотносятся с вопросами иммиграции и работы, отсылая к важным для иммигрантов документам, необходимым для проживания и работы в Италии. В эстонском материале ключевые слова отражают взаимодействие русско- и эстонскоговорящих общин, конфликтные темы, касающиеся языкового вопроса в Эстонии. Анализ ключевых слов, выявление их расположения в материале показал, что эти слова связаны с некоторыми из самых обсуждаемых тем в итальянском и эстонском материале и отражают тематические различия последних. Эти различия соотносятся с положением русскоязычных диаспор в Италии и Эстонии, актуальными социальными и языковыми вопросами, значимостью для пользователей окружающего (социолингвистического) пространства.

Изложенные выше положения, их обобщение, сопоставление разных теорий, применяемых в исследованиях многоязычных практик транснациональных сообществ, в частности, исследованиях речи русскоязычной диаспоры в мире и вхождения чужого слова в русский язык, общий анализ материала и его разных аспектов позволили нам выделить 4 макрофункции вкраплений.

Функция идентифицирующей референции – это речевой акт, в котором осуществляется намерение говорящего дать понять адресату, каков предмет речи при использовании конкретных языковых средств. Для этого необходим общий фон знаний (пресуппозиция) собеседников, дополняющих семантику референтного выражения. Особое средство осуществления идентифицирующей референции – иноязычное слово. Оно усложняет эту функцию, т. к. может восприниматься участниками коммуникации как «чужеродное тело», цитата. Несмотря на присутствие промежуточных и спорных случаев, идентифицирующая референция иноязычного слова

доминирует в том случае, когда им идентифицируется предмет, известный как говорящему, так и адресату.

В итальянском материале обнаружено 639 вкраплений, выполняющих функцию идентифицирующей референции, в эстонском – 384. Мы объясняем количественные различия разным положением диаспор в Италии и в Эстонии, распространением русского языка и переводных текстов в Эстонии, что обеспечивает появление русских названий для эстонских реалий. В Италии, напротив, чаще нет точных русских эквивалентов для множества названий, особенно в официально-деловой и государственной сферах.

В итальянском и в эстонском материале вкрапления вариативны. Наиболее распространенные формы вкраплений, осуществляющих идентифицирующую референцию в обоих корпусах – слова, словосочетание, комплексное переключение, аббревиатуры. Слово и словосочетания – самые распространенные средства в обоих корпусах, они вариативны и различаются формально:

- наиболее регулярно в итальянском материале функцию идентифицирующей референции выполняют простые слова, в эстонском – сложные;
- в итальянском материале обнаружено больше слов в косвенных падежах (139), чем эстонском (26);
- и в итальянском, и в эстонском материале референцию осуществляют слова, являющиеся результатом стяжения, однако в итальянском материале преобладают слова как результат стяжения итальянских словосочетаний, в эстонском – слова-кальки, или слова как результат стяжения устойчивых калькированных эстонских словосочетаний;
- и в итальянском, и в эстонском материале идентифицирующую референцию осуществляют слова-кальки, однако в итальянском материале это семантические кальки, образованные на основе слов, имеющих в русском языке или похожих на них, в эстонском – слова-кальки как результат стяжения эстонских сложных слов и словосочетаний;
- среди итальянских вкраплений существенно больше словосочетаний, чем среди эстонских, при этом и в итальянском, и в эстонском материале большинство словосочетаний написаны кириллицей, однако в итальянском материале больше словосочетаний, написанных латиницей (48), чем в эстонском (10);
- в эстонском материале значительно больше калькированных словосочетаний и смешанных копий (44), чем в итальянском (7).

Эти формальные и количественные различия могут частично объясняться системно-структурными свойствами итальянского и эстонского языков. Так, формальные свойства итальянских существительных могут облегчать их склонение по аналогии с русскими, итальянские и русские родственные слова способствуют появлению семантических калек. Эстонский – агглютинативно-флективный язык, в котором сложные слова – частое явление, а словосложение – один из основных способов словообразования, что может объяснить преобладание эстонских сложных слов в эстонском материале и

частично присутствие слов, появившихся в результате стяжения калькированных сложных слов и смешанных копий.

Появление вариантов слов и словосочетаний обусловлено и прагматическими факторами, например, регулярностью языковых практик, частотностью употребления определенных названий и актуальностью некоторых понятий. Реалии, к которым отсылают вкрапления, относятся к разным сферам жизни, что позволило нам выделить ряд крупных лексико-семантических групп (ЛСГ) – *пространство, время, официально-деловая сфера, человек, товары, услуги* и др. В целом ЛСГ в итальянском и в эстонском материале совпадают, однако к некоторым сферам относятся только итальянские вкрапления, например, *еда и дом*, или эстонские, например, *политика и технологии*. Особенно наглядно показывает связь формы вкраплений с экстралингвистическими факторами сопоставление лексико-семантических групп КАС. Относительно большое число КАС в эстонском материале относится к сфере *государственные документы / услуги*, чему, в частности, способствует наличие текстов билингва⁹⁰, т. е. то, что множество названий в этой сфере в Эстонии имеет русский вариант, изначально являющийся калькой. В итальянском материале небольшое число обнаруженных КАС называет документы и процессы, связанные исключительно с эмиграцией и домашней сферой.

Итак, появление, частотность и форму средств, осуществляющих функцию идентифицирующей референции, обуславливают не только особенности контактирующих языков, но и речевые практики, значимость определенных номинаций и их частотность, распространенность русского языка в социуме, что связывает данную функцию с процессами «кодирования» реальности, ориентации и приспособления к окружающей действительности, с вопросами языкового капитала русского, итальянского и эстонского языков.

Осмысление окружающей действительности и социального опыта, формирование языкового капитала осуществляется также с помощью языковых средств, способствующих выражению субъективного отношения к явлениям / предметам окружающей действительности, т. е. выполняющих **функцию оценки**. В итальянском и в эстонском корпусах оценка, в выражении которой участвуют вкрапления, проявляется чрезвычайно разнообразно и по форме вкраплений, и по тому, как они эту функцию выполняют. В обоих корпусах функцию оценки выполняют слова (в том числе слова-гибриды), словосочетания, комплексные вкрапления. Предметами оценки, передаваемой вкраплениями, были *человек, действие, реалии, соотнесенные с Италией и с Эстонией*. Ниже обобщим различия между итальянским и эстонским материалом:

⁹⁰ По отношению к ТБ используются и другие термины, например, параллельные тексты на разных языках.

- в итальянском материале оценка чаще выражается с помощью слов, как и в эстонском, однако в последнем намного больше, чем в итальянском, оценочных выражений на уровне предложения;
- в эстонском материале оценка передается и посредством изобразительности речи, когда имитируются акцент, типичные ошибки эстонцев, говорящих по-русски;
- и в итальянском, и в эстонском материале с помощью вкраплений оценивается человек по национальности, что актуализирует оппозицию «свой – чужой», способствуя созданию негативного образа чужого, однако в итальянском материале эта оппозиция в основном характеризует отношения между русскоговорящими женщинами и итальянцами, в эстонском – между русскими и эстонцами в целом;
- в итальянском материале относительно часто человек оценивается по личным отношениям и по профессии;
- в итальянском материале обнаружено множество гибридных глаголов, которые мы рассматривали как многоязычную языковую игру, позволяющую оценивать действия;
- в эстонском материале посредством вкраплений дискредитируются некоторые эстонские социокультурные особенности.

Оценочные высказывания с вкраплениями нацелены на реализацию частично связанных между собой частных функций оценки – *усиление семантической и прагматической составляющих, этикет, агрессия*. Основные различия целей оценки в итальянском и эстонском материале следующие:

- и в итальянском, и в эстонском материале с помощью этикетных формул оценивается речевое поведение русскоговорящих в социокультурном пространстве, демонстрируется солидарность с группами русскоязычных людей, живущих в Италии и Эстонии, однако, в отличие от эстонского, в итальянском корпусе комментарии, содержащие итальянские этикетные формулы, также демонстрируют изменения, происходящие в концептуализации времени и пространства коммуникантов;
- в эстонском материале этикетные формулы могут не передавать симпатию к собеседникам, а употребляться саркастически с целью агрессии;
- в эстонском материале агрессия посредством вкраплений осуществляется намного чаще (обнаружено 63 вкрапления, способствующих передаче агрессии), чем в итальянском (12 аналогичных случаев), и она более разнообразна.

Итак, сопоставление итальянского и эстонского материала показало, что способы передачи оценки вкраплениями вариативны. Множество вкраплений способствует передаче оценочных значений в результате их употребления в качестве цитат, чужих слов, что позволяет коммуникантам позиционировать себя по отношению к «чужому» – приблизиться к нему или отдалиться от него. Экстралингвистические факторы влияют на форму некоторых вкраплений, способствующих созданию оценочных высказываний, и

на способы передачи оценки. Так, прием изобразительности речи в эстонском материале мы объясняем тем, что предполагается знание русского языка некоторыми эстонцами, в то время как такое предположение не распространяется на итальянцев. Данный прием также вытекает из отношения части русскоговорящих Эстонии к эстонскому языку и отражает конфликтные аспекты сосуществования народов. Некоторые оценочные высказывания в итальянском материале отражают эмигрантский фон пользователей, пытающихся осмыслить новые социокультурные реалии и модели речевого поведения.

Сказанное предполагает связь оценки с **метаязыковой функцией вкраплений**, основные результаты анализа которой обобщим далее. На основе научной литературы мы выделили два актуальных для нашего исследования критерия напряжения, провоцирующих появление метаязыковых комментариев: 1) личностный критерий, к которому можно отнести комментарии, оценивающие свои и чужие высказывания; 2) ксеноразличительный критерий, отражающийся в комментариях, где используются стилистически маркированные единицы, ориентированные на акцентирование корреляции «свой» – «чужой». Ситуация контакта разных социолингвистических групп стимулирует сопоставительный анализ средств разных языков и часто характеризуется напряжением, вызванным борьбой за признание символического капитала языковых разновидностей. Появление в речи более или менее эксплицитных метаязыковых единиц – часть процесса познания окружающей действительности и приспособления к ней, т. к. они способствуют позиционированию говорящих, участвуя в формировании их идентичности.

Вкрапления регулярно соотносятся с языковой рефлексией исследуемых групп русскоговорящих, появляясь в чрезвычайно разнообразных по форме и функциям метаязыковых единицах (переводы и объяснения, характеристика знания языков, языкового поведения и т. п.), что позволило выделить метаязыковую функцию вкраплений. И в итальянском, и в эстонском материале они часто представляют собой демонстрацию своих и чужих слов, речевых практик и поведения, возникая в контексте обсуждения и оценки языковых средств и речевых практик, отражая вопросы языкового капитала и легитимности языков, соотношение «своего» и «чужого» и позиционирование говорящих при этом. Коммуниканты позиционируют себя и других как 1) владеющих / не владеющих необходимым языковым капиталом, 2) двуязычных. И в эстонском, и в итальянском материале демонстрируется речевое поведение определенной группы, теряющей связи с русским языком и, возможно, с русской культурой. В обоих корпусах процесс позиционирования коммуникантов наблюдается при интерпретации / обсуждении значений итальянских и эстонских слов и словосочетаний, при обсуждении речевых практик и демонстрации языковых знаний. Обобщим главные различия между итальянским и эстонским материалом:

- в итальянском материале коммуниканты обсуждают значения определенных слов и выражений и употребление некоторых слов итальянцами с целью их понимания и, возможно, освоения;
- в эстонском материале, в отличие от итальянского, отсутствуют переводы, направленные на облегчение понимания документов, легитимизирующих пребывание русскоговорящих на территории Эстонии;
- в итальянском материале намного больше примеров многоязычной языковой игры, чем в эстонском.

При разном количестве случаев многоязычной языковой игры в итальянском и в эстонском корпусах, она отражает несколько аспектов позиционирования коммуникантов как мультикомпетентных авторов, умеющих творчески употреблять языковые средства разных языков для демонстрации языковой и социальной компетенции и создания новых значений. Мы выделили в обоих корпусах 3 пересекающихся вида игры – *игра с формой*, *игра с контентом*, *игра с фреймом*. При этом главные различия между итальянским и эстонским материалом следующие:

- в итальянском материале намного больше примеров игры с формой;
- в итальянском материале есть примеры игры с контентом, в которых коммуниканты дословно переводят итальянские выражения для создания собственного кода, понятного только при знании итальянского и русского языков;
- в итальянском материале есть комментарии, поддерживающие многоязычную языковую игру, в эстонском они отсутствуют;
- в итальянском материале игра с фреймом пародирует русскоговорящих Италии, что отражает взгляд диаспоры «внутри» себя;
- в эстонском материале большинство морфологически гибридных форм не является языковой игрой;
- в эстонском материале почти отсутствуют рифмы, основанные на многоязычной языковой игре;
- в эстонском материале есть относительно много примеров игры с фреймом с целью агрессии;
- в эстонском материале в игровых контекстах встречаются комментарии, дискредитирующие эстонский язык;
- в эстонском материале некоторые случаи многоязычной языковой игры, направленные на демонстрацию социокультурной компетенции, отражают взгляд «извне» Эстонии и осознание особенностей своего положения в эстонском пространстве.

Мы объясняем различия между итальянским и эстонским материалом и, в частности, большое количество языковой игры в итальянском относительно новизной итальянского языка для русскоговорящих Италии, их эмигрантской позицией, а также престижем и языковым капиталом итальянского языка, принимаемыми русскоязычными жителями Италии, для которых местный язык является необходимым ресурсом для интеграции в

преимущественно италияязычное общество. Языковая игра помогает осмыслить окружающее (языковое) пространство и снизить напряжение, вызванное иммигрантским положением множества русскоговорящих Италии. Малое количество случаев многоязычной игры в эстонском материале объясняется, в частности, тем, что у коммуникантов есть больше возможностей употребления и смешения русского и эстонского языков в целях игры в других сферах, не только в интернет-пространстве. Кроме того, из-за долгой истории сосуществования народов и вопросов конфликтного характера для русскоговорящих Эстонии эстонский язык может не обладать привлекательной новизной, что отчасти объясняет и пересечение языковой игры здесь с агрессией. Выявленные отличия метаязыковой функции вкраплений отражают иммигрантскую позицию русскоговорящих Италии и желание понять «чужое». В эстонском материале метаязыковая функция отчасти отражает долгую историю сосуществования русского и эстонского народов.

Вкрапления играют важную роль в позиционировании в определенном пространстве и времени и участвуют в организации и (пере)осмыслении пространственно-временных ориентиров, что позволило вычленить **хроно-топическую функцию** вкраплений. Хронотоп многослоен, т. к. включает в себя взаимодействующие микрохронотопы, определяющие модели поведения и организующие идентичность говорящих в разных контекстах. Многоязычные условия и сосуществование разных народов усложняют характер хронотопа в лингвоэмоциональной картине мира человека и, следовательно, процессы образования идентичности.

В речи русскоязычных жителей Италии и Эстонии вкрапления содержат прямую или косвенную отсылку к разным видам пространства, отражают речевые практики в определенных местах, их оценку, участвуют в организации и пересечении разных хронотопов, в которых коммуниканты позиционируют себя. Обобщим главные различия между итальянским и эстонским материалом:

- в итальянском присутствуют примеры, где вкрапления взаимодействуют с описаниями мест в процессе ознакомления авторов с локациями;
- в итальянском материале вкрапления регулярно соотносятся с темой переселения из исходного в новое пространство, в эстонском они отсылают к региональным особенностям разных социокультурных групп;
- в итальянском материале вкрапления участвуют в характеристике отношений русскоговорящих с другими иммигрантами, внутри групп русскоговорящих, приехавших из разных постсоветских стран, отношения русскоговорящих с итальянцами; в эстонском – русскоговорящих, живущих в разных местах Эстонии, и русскоговорящих с эстонцами;
- в итальянском материале есть несколько итальянских слов с пространственным значением, которые русифицируются в целях игры, в эстонском материале мы не обнаружили подобных примеров, однако маркируются речевые практики, свойственные тому или иному пространству.

Основные различия между итальянским и эстонским материалом касаются в большей степени временного компонента, что объясняется различиями истории появления русскоговорящих в Италии и в Эстонии. В итальянском материале вкрапления отражают процесс одомашнивания окружающей пространственной и социокультурной действительности и временное / неустойчивое положение некоторых коммуникантов в итальянском пространстве, в эстонском – социокультурную связь русскоязычного населения с эстонским и социальные конфликты, возникшие в процессе длительного сосуществования народов.

В целом коммуниканты используют средства речевого репертуара для осмысления окружающей физической и социальной действительности, приспособления к ней и позиционирования себя («я»), «своего» и «чужого» в ней. Таким образом, вкрапления способствуют ориентации коммуникантов или выполняют ориентирующую функцию.

Анализ форм и функционирования вкраплений в речи двух диаспор привел к необходимости осмысления важной, на наш взгляд, теоретической и методологической проблемы установления сущности феномена вкраплений. На примере элементов анализа, представленных в разных главах работы, постараемся обосновать свое понимание вкраплений, соотнося его с релевантными для нас существующими подходами.

В третьей главе, с которой начинается анализ функций, рассматривая идентифицирующую референцию, мы сосредоточились на отдельных словах, т. е. на том, что, например, П. Мюскен определяет как *insertion*⁹¹. Мы также показали вариативность вкраплений, анализируя случаи сложного переключения, родственные слова, давно освоенные языком, но актуализируемые под влиянием окружающего языка и / или претерпевающие полную или частичную семантическую переориентацию⁹². Опираясь на теорию когнитивного подхода *usage-based* и, в частности, на фреймворк копирования кода Л. Юхансона, мы рассмотрели КАС.

⁹¹ См. введение.

⁹² Как отмечает А. Вершик, вопрос о различии между тем, что П. Мюскен определяет как *insertion*, и лексическими заимствованиями среди исследователей не находит единого ответа. По мнению А. Вершик, формальные критерии разграничения (например, склонение заимствованных слов) оказываются малополезными по ряду причин: во-первых, некоторые языки имеют относительно небольшую инфлексивную морфологию; во-вторых, в некоторых синтаксических позициях склонение слов не требуется; и в-третьих, даже внутри одного сообщества может существовать значительное межличностное и внутриличностное варьирование. Мы разделяем точку зрения А. Вершик, поддерживающей когнитивный подход, ориентированный на использование *usage-based approach*, который вместо формальных критериев различения предлагает критерий конвенционализации: если иноязычный лексический элемент становится конвенционализированным в определенном сообществе или у индивида, его можно рассматривать как заимствование. А. Вершик также подчеркивает существование континуума одноразовых вставок и полностью конвенционализированных элементов [Verschik 2021: 6].

Анализ тематических сфер и ЛСГ вкраплений позволил определить их не только как отсылающие к определенным объектам, но и как актуальные для коммуникантов единицы, отражающие представление о самих объектах. Таким образом, наше исследование согласуется с когнитивной теорией *usage-based*, согласно которой языковые структуры появляются в результате речевой деятельности коммуникантов. Вкрапление, его варьирование и подвижность его границ являются результатом закрепления в памяти и в языке знаний об окружающей действительности, приспособления речевых средств коммуникантов к задачам, возникающим в их жизненном опыте, и к среде, в которую этот опыт оказывается погруженным, что также соотносится с динамическим и биологическим взглядами на язык.

Учитывая исторические и современные процессы вхождения иноязычного слова в русский язык и опираясь на теорию гетероглоссии, мы уделили особое внимание не только очевидным переключениям с одного языка на другой, но и «следам» социокультурных, политических и исторических сил, «чужим словам», формирующим многоязычные высказывания. Вкрапления могут приобретать оценочные значения или соучаствовать в их передаче в конкретных высказываниях, где взаимодействуют с другими элементами, часто выступая в роли чужих слов, цитат, способствующих формированию диалогической структуры комментариев. Это свидетельствует о том, что, во-первых, функции вкраплений контекстуальны, и одно вкрапление может выполнять несколько функций. Во-вторых, частота повторения языковых единиц в определенных контекстах также влияет на их семантические признаки и функциональную направленность, что соотносится с когнитивным взглядом *usage-based*, согласно которому «процесс обобщения не является исключительно лингвистическим, а представляет собой более общий когнитивный процесс категоризации, что иллюстрирует один из основных принципов когнитивной лингвистики, а именно, что язык не представляет собой отдельную врожденную способность ума и полная реализация языковой системы зависит от опытных факторов (физиологических и культурных) и когнитивных способностей, которые не являются исключительно языковыми» [Lemmens 2017: 106].

Важную роль в придании вкраплениям оценочных коннотаций играет их использование в качестве чужих слов, цитат в конкретных условиях, что потребовало включения контекста. Это и диалогичность реплик усложняют вопрос о границах вкраплений, выполняющих функцию оценки. Эти границы расширяются, и невозможно определить вкрапление, выполняющее функцию оценки, только исходя из того, что это единица конкретного национального языка, итальянского и эстонского в нашем случае.

Вкрапления выполняют метаязыковую функцию, участвуя в демонстрации и обсуждении своих и чужих слов, речевых практик и поведения, взаимодействуя с окружающим контекстом и с метаязыковыми комментариями разного рода. Метаязыковая функция вкраплений особенно ярко реализуется в многоязычной языковой игре, что можно соотнести с предложенным С. Яворской в рамках теории трансыязычия понятием *цифровой языковой игры*

(digital code play) [Jaworska 2014]. Оно подразумевает онлайн-игровые переключения метаязыкового характера, включающие не только очевидные элементы разных языков, но и разного рода грамматические и семантические нарушения, переосмысление правил (речевого) поведения, отражающие «аккомодацию» языковых норм и формирование новых форм языкового капитала в процессе позиционирования говорящих и формирования их идентичности.

Используя элементы теорий трансязычия и гетероглоссии, применяя фреймворки когнитивного подхода *usage-based* для формального анализа контактных явлений и исходя из функциональных характеристик многоязычных практик коммуникантов, мы выработали свое понимание вкраплений. В центре нашего внимания было содержание, которое пишущий хочет выразить, используя доступные ему коммуникативные средства из своего речевого репертуара. Явление вкрапления представляется нам намного шире, чем отдельная вставка из языка А в язык Б. Коммуниканты учитывают различные семиотические коды окружающей среды, даже когда говорят и пишут на одном языке. Языковые элементы итальянского и эстонского языков, на которых мы сосредоточились на начальном этапе исследования, – самые очевидные вкрапления. Опираясь на такие элементы, мы расширили их границы для определения понятия вкраплений и для выявления их функций. В нашем понимании, вкрапления включают юмор, метакомментарии, стереотипы, невербальные знаки, стилизацию, передачу чужой речи, отражающие контактную ситуацию⁹³.

Вкрапления – это и процесс, и результат, обусловленный контактом носителей разных языков и культур, они представляют собой незамкнутую группу варьирующихся языковых средств с подвижными границами. Вкрапления испытывают влияние текста, вступают с ним в межязыковой контакт и в этом процессе приобретают функции, тесно связанные с пространственно-временным опытом говорящих. Такой подход и такое понимание вкраплений позволили нам определить и сопоставить их основные функции в итальянском и в эстонском материале.

Анализ вкраплений показал, как функция конкретной языковой единицы появляется в результате взаимодействия языковых средств и вступает в системные отношения с другими функциями и с языковой системой в целом, что соответствует определению функции М. А. Шелякиным [Шелякин 2001: 9–10, 2005: 23]. Выделенные нами функции частично соответствуют

⁹³ Согласно А. Блэкледж и А. Криз, трансязычный репертуар «включает в себя биографии и траектории обучения; он охватывает аспекты коммуникации, которые не всегда рассматриваются как “язык”, включая жесты, одежду, юмор, позы тела и т. д.; это отражение мобильности и опыта говорящих; он включает в себя ограничения, пробы и молчания, а также потенциалы; и он реагирует на места, в которых, и на людей, во взаимодействии с которыми семиотические ресурсы могут быть использованы. Как таковой, он реагирует на подвижность языковых и других семиотических ресурсов во времени и пространстве» [Blackledge; Creeese 2017: 34].

концепции локальных и глобальных функций переключения кода (*code switching*) и смешения кодов (*code mixing*), предложенной П. Ауэром [Auer 1998, 1999]. Согласно исследователю, локальные функции возникают в тексте и могут считаться значимыми для говорящих в конкретном коммуникативном акте⁹⁴, например, при использовании ПК для подчеркивания определенной языковой единицы, для передачи экспрессии и т. п. Глобальные функции работают на более высоком уровне и не всегда обнаруживаются в самих текстах, они отражают иерархические отношения и вопросы, связанные с идентичностью. К. Джонсон, отмечая, что границы между локальными и глобальными функциями подвижны, развивает эту категоризацию, и выделяет 5 локальных функций – цитирование (*quotations*), междометия (*interjections*), повторения (*reiterations*)⁹⁵, лакуны (*gaps*)⁹⁶, языковая игра (*word/language play*) [Jonsson 2005: 135], и 2 глобальные – выражение иерархических отношений (*power relations*), включающее доминирование (*domination*), сопротивление (*resistance*) и расширение прав и возможностей (*empowerment*) и конструирование идентичности (*identity construction*) [Jonsson 2005: 204]. Названные локальные функции есть и в нашем материале; мы рассмотрели их в контексте макрофункций, которые в свою очередь, отражают иерархические отношения, расширение прав и возможностей творческих авторов и создание их идентичности. На наш взгляд, выделенные нами макрофункции являются базовыми когнитивными функциями вкраплений и формируют единый комплекс, репрезентирующий фрагмент картины мира русскоязычных жителей Италии и Эстонии и отражающий когнитивные процессы, связанные с освоением окружающей действительности и ориентацией в ней. В этом смысле вкрапления осуществляют ориентирующую функцию, т. е. способствуют осмыслению окружающей действительности, а также конструированию значений, что соотносится с теорией трансязычия [Vogel, García 2017].

В нашем исследовании выявлены функции, которые ранее не были обнаружены или были недостаточно описаны на основе языкового материала русскоязычной диаспоры. Рассмотрение функций вкраплений позволило проследить за процессами, способствующими осмыслению окружающего (социолингвистического) пространства, трансформации картины мира коммуникантов. Сопоставительный анализ позволил лучше понять функции языковых единиц в речи двух диаспор, и то, как транслингвальные практики

⁹⁴ П. Ауэр справедливо отмечает, что «контексты теоретически бесчисленны, конечно, как и интеракционные значения переключения кода; однако способы, которыми эти значения воспринимаются, остаются неизменными от одного сообщества к другому» [Auer 1999: 312].

⁹⁵ Повторения описываются П. Ауэром как квази-переводы [Auer 1995: 120]

⁹⁶ Под лакунами К. Джонсон имеет в виду переключения, которые используются для выявления нюансов в обоих языках. В своем анализе исследователь сосредоточился на лакунах на основе слов и выражений, подразумевая, что эти единицы на одном языке и их аналоги на другом могут иметь различные коннотации [Jonsson 2005: 163].

взаимодействуют с адаптацией, ориентацией в окружающей среде и самоидентификацией русскоязычных жителей Италии и Эстонии.

Разумеется, нами описаны не все аспекты этого сложного процесса и работа может быть продолжена в следующих направлениях:

- **Расширение эмпирической базы**

Проведение интервью с представителями русскоязычной диаспоры Италии и Эстонии с учетом различных этнических, социальных и возрастных групп. Это позволит более детально изучить роль многоязычных практик в процессах самоидентификации столь гетерогенных диаспор, выявить и описать возможные разновидности русского языка, используемые внутри русскоязычных сообществ.

- **Исследование процессов языкового освоения**

Анализ особенностей процессов изучения и освоения новыми русскоязычными иммигрантами государственных языков. Это позволит лучше понять мотивацию и оценки русскоговорящих, начинающих языковое обучение в принимающих странах, изучить влияния особенностей местной языковой среды на речевые практики и стратегии русскоязычных жителей.

- **Расширение географического охвата**

Включение в исследование других стран со значительным присутствием русскоговорящих диаспор, таких как Германия, Франция, Великобритания и США. Это позволит провести более масштабное сравнительное исследование многоязычных онлайн-практик.

- **Методологические и теоретические аспекты**

Разработка и применение новых методологических и теоретических подходов для более глубокого анализа функций иноязычных вкраплений в онлайн-дискурсе. Это может включать, например, использование методов корпусной лингвистики, дискурс-анализа и этнографических исследований.

Реализация этих и возможно других направлений позволит существенно расширить и углубить понимание функционирования разных языковых средств, имеющихся в многоязычном репертуаре русскоязычных диаспор, а также их роли в процессах, определяющих языковую и культурную идентичность.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

- Russian Italy <https://www.russianitaly.com/> (23.09.2024)
- Италия по-русски <http://italia-ru.com/forum> (23.09.2024)
- Италия на раз два три <http://peopleandcountries.com/thread-14462-1-1.html>
(23.09.2022)
- Русские в Италии (Facebook) <https://bit.ly/3NvKPLq> (23.09.2024)
- Русские, Украинцы, Казахи, Белорусы, Молдоване, Татары в МИЛАНЕ
(Facebook) <https://www.facebook.com/groups/354968438034651/> (23.09.2024)
- AMICI RUSSI UCRAINI A MILANO E IN ITALIA (Русские и украи друзья в
Милане) (Facebook) <https://bit.ly/3xeNvGm> (23.09.2024)
- РИМ | Российско-Итальянская Молодежь. Русские в Риме/Russi a Roma
(Facebook) <https://bit.ly/3x8VaGp> (23.09.2024)
- Русские на Сицилии. Russi in Sicilia (Facebook) <https://bit.ly/3MvAgH0> (23.09.2024)
- FORUM.EE <https://forum.ee/> (23.09.2024)
- Рыболовный форум Эстонии <http://rybolov.ee/forum/> (23.09.2024)
- Delfi <https://rus.delfi.ee/> (23.09.2024)
- Таллиннцы (Facebook) <https://bit.ly/39flJS8> (23.09.2024)
- Граница НАРВА-ИВАНГОРОД (Facebook) <https://bit.ly/3NyITmG> (23.09.2024)
- TallinnOPEN (досуг в Таллинне) (Facebook) <https://bit.ly/39bYtES> (23.09.2024)
- Мамы Тарту (Facebook) <https://bit.ly/3zk6SAG> (23.09.2024)
- Объявления Таллинн / Kuulutused Tallinn (Facebook) <https://bit.ly/3aBgZqn>
(23.09.2024)
- куплю-продам/Услуги/Советы Пярну (Facebook) <https://bit.ly/3HaXNMw>
(23.09.2024)
- Русскоязычный Таллинн (Facebook) <https://bit.ly/3mtogvi> (23.09.2024)
- Родители города Тарту и Тартуского уезда (Facebook) <https://bit.ly/3QbeziH>
(23.09.2024)
- РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЭСТОНИЯ (Facebook) <https://bit.ly/3xwaVZg> (23.09.2022)
- Книга жалоб (Эстония) (Facebook) <https://bit.ly/3O79qGB> (23.09.2022)
- Мы живем в Эстонии <http://privet.ee/> (23.09.2024)

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Русская Православная Церковь Италии – <https://ortodossia.org/>

Associazione Italiana Russisti – <https://www.airussisti.it/>

Eesti Statistika – <https://www.stat.ee/et>

European Union – https://european-union.europa.eu/index_en

Haridus ja Teadusministerium – <https://www.hm.ee/>

La Stampa – <https://www.lastampa.it/>

Opora – <https://www.oporaua.org/>

Pew Research Center – <https://www.pewresearch.org/>

Ruscorpora.ru – <https://ruscorpora.ru/>

Treccani.it – <https://www.treccani.it/vocabolario/dizionario/>

Tuttitalia – <https://www.tuttitalia.it/>

UNHR – <https://www.unrefugees.org/>

Dizionario di latino Olivetti – <https://www.dizionario-latino.com/>

ЛИТЕРАТУРА

- Абишева 2002: *Абишева А. К.* О понятии ценности // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 139–146.
- Адамсон 2011: *Адамсон И. В.* Особенности русского языка Эстонии по данным поисковых систем // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV / Ред. О. Н. Паликова. Тарту, 2011. С. 29–47.
- Алефиренко, Корина 2011: *Алефиренко Н. Ф., Корина Н. Б.* Проблемы когнитивной лингвистики. Нитра, 2011.
- Алюнина 2017: *Алюнина Ю. М.* О статусе синтаксических заимствований в русском языке // Языки, народы, культуры. Альманах научных статей / Ред. Е.С. Михеева. М., 2017. С. 17–25.
- Алюнина, Нагель 2017: *Алюнина Ю. М., Нагель О. В.* Морфемные заимствования в современном русском языке // Язык и культура. Сборник статей XVII международной научной конференции / Ред. С. К. Гураль. Томск, 2017. С. 9–13.
- Аникин 2014: *Аникин А. Е.* Проблемы изучения балтизмов в русском языке // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 189–195.
- Апресян 1986: *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. № 28(5). С. 272–298.
- Арония 2014: *Арония Д.* Переключение кода в языке диаспоры (на материале текстов социальной сети Facebook). Бакалаврская работа, Тарту, 2014. Веб-источник: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://dspace.ut.ee/server/api/core/bitstreams/4119f035-1464-4baa-8051-f8499225e5a0/content> (дата обращения: 16.09.2024).
- Аргудяева 2011: *Аргудяева Ю. В.* Русские старообрядцы в Северной Америке // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 64–74.
- Арутюнова Н. Д. 1982: *Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (проблемы референции). Вып. XIII. М., 1982. С. 5–40.
- Асмус 2005: *Асмус Н. Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства. Челябинск, 2005.
- Астафурова, Олянич 2012: *Астафурова Т. Н., Олянич А. В.* Лингвосемиотика нейтрализации социальных фобий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 1. С. 86–92.
- Ахвледзиани 2020: *Ахвледзиани М.* О славянских заимствованиях в русском языке // *Sciences of Europe*. 2020. № 60(3). С. 9–12.
- Ахманова 1966: *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Багана, Блажевич 2010: *Багана Ж., Блажевич Ю. С.* К вопросу о переключении кодов // Серия гуманитарные науки. 2010. № 12(83), вып. 6. С. 63–68.
- Багреева 2014: *Багреева Е. В.* Русскоязычное сообщество в Норвегии: история формирования и специфика адаптационных процессов // Гуманитарий юга России. 2014. № 3. С. 106–120.
- Балшайтите 2007: *Балшайтите Д.* Особенности произношения носителей русского языка в Литве: безударные гласные в позиции после мягких согласных // Русский язык как иностранный: теория, исследования, практика. Вып. IX. СПб., 2007. С. 244–251.
- Бахтин 1934: *Бахтин М. М.* Слово в романе. 1934. Веб-источник: <http://filosoff.org/> (дата обращения: 16.09.2024).

- Бахтин 1975: *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бахтин 1986: *Бахтин М. М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 1986.
- Баязитова 2021: *Баязитова Р. Ф.* Отражение языковых и этнических конфликтов на постсоветском пространстве в интернет-коммуникации: функционирование и типология // Социолингвистика. 2021. № 2(6). С. 145–163.
- Бразаускене 2000: *Бразаускене Е.* Грамматические особенности русского языка в Литве // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000. С. 19–25.
- Бразаускене, Лихачева 2011: *Бразаускене Е., Лихачева А.* Русские в современной Литве: языковые практики и самоидентификация // Диаспоры. 2011. № 1. С. 61–85.
- Булучевская 2016: *Булучевская Е. А.* Особенности русской эмиграции в Италию в начале 1920-х гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3(39). С. 20–29.
- Бурибаева 2013: *Бурибаева М. А.* Тюркские слова в русском языке как результат языковых контактов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 1(22). С. 99–105.
- Буянова 2012: *Буянова Л. Ю.* Термин как единица логоса. М., 2012.
- Вардиц 2012: *Вардиц В. В.* Формы обращения как маркеры «своего» и «чужого» в русском языке диаспоры // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения. 2012. С. 75–82.
- Вардиц, Рингблом 2019: *Вардиц В., Рингблом Н.* Инновации в речи детей билингвов в сопоставительном аспекте: общие механизмы словотворчества в унаследованном русском языке в Швеции и Германии // Slavica Helsingiensia / Ред. Е. Протасова, А. Никунласси. Хельсинки, 2019. № 52. С. 275–286.
- Вахтин, Головкин 2004: *Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004.
- Васильев 2012: *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности новгородской земли. М., 2012.
- Васильев 2020: *Васильев В. Л.* Новгородская гидронимия на-ка: структура, деривация, хронология (на материале водных имен бассейна р. Мста) // Вопросы ономастики. 2020. Том 17. № 2. С. 75–106.
- Васильева 2006: *Васильева С. П.* Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира. Красноярск. Веб источник: http://scicenter/online/yazyik/russkiy/scicenter/russkaya_toponimiya_prieniseyskoy_sibiri.html (дата обращения: 16.09.2024).
- Ведерников 2019: *Ведерников М. В.* Чешско-российские отношения: модели двусторонних связей // Современная Европа. 2019. № 7. С. 17–26.
- Вежбицкая 1982: *Вежбицкая А.* Дескрипция или цитата // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (проблемы референции). Вып. XIII. М., 1982. С. 237–262.
- Вендина 1997: *Вендина Т. И.* Семантика оценки и ее манифестация средствами словообразования // Славяноведение. 1997. № 4. С. 41–48.
- Верещагин, Костромаров 1990: *Верещагин Е. М., Костромаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
- Вепрева 2002: *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.

- Виноградов 1978: *Виноградов В. В.* История русского литературного языка. М., 1978.
- Виноградов 2001: *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Ред. Г. А. Золотовой. М., 2001.
- Витгенштейн 2018а: *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 2018.
- Витгенштейн 2018б: *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М., 2018.
- Власова 2012: *Власова Е. А.* Соотношение понятий «язык», «культура» и «картина мира» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18), часть 1. С. 61–65.
- Влахов, Флорин 1980: *Влахов С., Флорин С. П.* Непереводимое в переводе. М., 1980.
- Воейкова 2004: *Воейкова М.* Формирование русско-немецкого двуязычия // *Slavica Helsingiensia* / Ред. А. Мустайоки, Е. Протасова. Хельсинки, 2004. № 24. С. 213–221.
- Вольф 2006: *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 2006.
- Воронкова 2006: *Воронкова И. С.* О понятиях «экзотизмы» и «варваризмы» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 77–29.
- Всеволодова 2009: *Всеволодова М. В.* Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 76–99.
- Выготский 1934: *Выготский Л. С.* Мышление и речь. Психологические исследования. М., Ленинград, 1934.
- Высочаньский 2014: *Высочаньский В.* Категоризация действительности в реконструкции фразеологической картины мира // Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. Нитра, 2014. С. 45–63.
- Гаврилина 2004: *Гаврилина М.* Восприятие культурологической информации текстов русскоговорящими учащимися Латвии // *Slavica Helsingiensia* / Ред. А. Мустайоки, Е. Протасова. Хельсинки, 2004. № 24. С. 222–225.
- Гак 1998: *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Галичкина 2001: *Галичкина Е. Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций). Волгоград, 2001.
- Гаспаров 1996: *Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996
- Гжибовский, Глушковский 2013: *Гжибовский С., Глушковский М.* Диглоссия и сферы употребления польского языка и русского говора в общине старообрядцев сувальско-августовского региона (Польша) // Русские старообрядцы. Язык. Литература. История. 2013. С. 379–389.
- Гловинская 2001: *Гловинская М. Я.* Общие специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. М. С. 341–483.
- Глушковский 2019: *Глушковский М.* Насколько язык связан с религией? Язык религии в общине старообрядцев, проживающих в Польше (Сувальско-Августовский регион) // Хрестоматия теолингвистики. С. 99–107.
- Гончарова 2012: *Гончарова Н. Н.* Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396–405.
- Гольдин, Крючкова 2008: *Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю.* Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2008. Кн. 3 (9). С. 398–413.

- Головко, Шейко 2021: *Головко Н. В., Шейко Д. В.* Обзор актуальных исследований трансязычия как коммуникативной практики мультилингвов // *Научный диалог*. 2021. № 7. С. 60–90.
- Гордеев 2017: *Гордеев Д. И.* Способы вербализации агрессии (на материале русскоговорящих анонимных форумов) // *Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии*. 2017. № 1. С. 175–181.
- Горохова 2020: *Горохова М. Е.* Проблема адаптации русских эмигрантов первой волны в Чехословакии: языковой аспект // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2020. № 4. С. 110–121.
- Горошко, Полякова 2015: *Горошко Е. И., Полякова Т. Л.* К построению типологии жанров социальных медий // *Жанры речи*. 2015. № 2 (12). С. 119–127.
- Гуревич 1984: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Даниленко 2013: *Даниленко О. И.* О типах установок в отношении этикетных моделей поведения и их ценностных основаниях // *Петербургский психологический журнал*, 2013, № 4, С. 1–14.
- Дегтярева 2012: *Дегтярева Л. И.* Таксономия заимствованных имен // *Філологічні трактати*, Том 4, № 3, 2012, С. 21–37.
- Дедова 2010: *Дедова О. В.* О языке Интернета // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2010, № 3, С. 25–38.
- Демьянов 2001: *Демьянов В. Г.* Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М., 2001.
- Деци 2018а: *Деци А.* Функции итальянских вкраплений в интернет-общении русскоговорящих Италии (на материале форумов и социальной сети Фейсбук). Магистерская работа, Тарту, 2018. Веб источник: <https://dspace.ut.ee/items/ea369668-ce44-4879-81b7-586c9c02e01d> (дата обращения: 16.09.2024).
- Деци 2018б: *Деци А.* «Ты девушка в ногу!». Язык русскоговорящих Италии // *Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов* / Ред. Гузаиров Т., Муковская Л. Ю., Е. Батракова. Тарту, 2018, № 29, С. 421–429.
- Деци 2019а: *Деци А.* Эстонские вкрапления в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии // *Ежегодник финно-угорских исследований. Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2019, Том 13, № 2, С. 331–342.
- Деци 2019б: *Деци А.* «Какой ты противно маледукатный!». Оценочный компонент итальянских вкраплений в интернет-дискурсе русскоязычных эмигрантов Италии // *Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов* / Ред. Гузаиров Т., Григорьев М. Т. Тарту, 2019, № 30, С. 260–270.
- Деци 2019в: *Деци А.* Иноязычные вкрапления в интернет-общении русскоязычной диаспоры Эстонии как проявление экспрессивной языковой агрессии // *Русский мир: исторические судьбы и современность* / Ред. Ремнева М. Л., Кукушкина О. В. VI Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2019, С. 526.
- Деци 2019г: *Деци А.* Иноязычные вкрапления как средство псевдоцитации в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии // *Русский язык: система и функционирование. К 80-летию филологического факультета БГУ. Материалы VIII международной научной конференции, 16–17 октября 2019 г.* / Ред. И. С. Родво. Минск, 2019, С. 221–225.
- Деци 2019д: *Деци А.* Итальянские культуремы в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии // *Valoda dažādu kultūru konteksta. Proceedings of scientific readings XXIX*. Daugavpils, 2019, С. 41–46.

- Деци 2020а: *Деци А.* Функции иноязычных вкраплений в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии: сопоставительный аспект // *Русская филология* / Ред. Степанищева Т., Григорьев М. Тарту, 2020, № 31, С. 336–351.
- Деци 2020б: *Деци А.* Речевая агрессия в интернет-дискурсе русскоговорящих жителей Эстонии // *Studia Slavica* / Ред. Дорвинг Д., Адамсон И. Таллин, 2020, Том XVIII, С. 119–128.
- Деци 2021а: *Деци А.* Границы иноязычной чужой речи в интернет-общении русскоязычных жителей Эстонии // *New Trends in Slavic Studies* / Ред. Suárez Cuadros, Simón José и др. М., 2021, С. 743–746.
- Деци 2021б: *Деци А.* «Рефлексивная» языковая игра в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии // *Studia Slavica* / Ред. Яблокова Е., Адамсон И. Таллин, 2021, Том XIX, С. 235–248.
- Деци, Костанди 2021: *Деци А., Костанди Е. И.* Пространственный дискурс в ситуации языковых контактов: «свое» - «чужое» // Ежегодник финно-угорских исследований. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2021, Том 15, № 4, С. 619–632.
- Деци 2022а: *Деци А.* Метаязыковая функция итальянских вкраплений в Интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии // *Русская филология* / Ред. Степанищева Т., Григорьев М. Тарту, 2022, № 32, С. 185–194.
- Деци 2022б: *Деци А.* Пространственная рефлексия в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии: «свое» и «чужое» // *Acta Slavica Estonica XIII. Вопросы сопоставительных исследований: языки и варианты языка* / Ред. Костанди Е. И., Кюльмоя И. П. Тарту, 2022, С. 105–116.
- Доннелан 1982: *Доннелан К. С.* Референция и определение дескрипции // *Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (проблемы референции)*. Выпуск XIII. М.: 1982, С. 134–160.
- Дубинина, Полинская 2013: *Дубинина И. Е., Полинская М. С.* Русский язык в США // *Русский язык зарубежья*. СПб., 2013, С. 15–39.
- Дятлов, Мелконян 2009: *Дятлов В. И., Мелконян Э. Л.* Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ереван, 2009.
- Евсеева 2020: *Евсеева О. С.* Топонимы балтийского происхождения на территории смоленско-белорусского приграничья // *Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования*. 2020. № 8. С. 34–39.
- Евстратова 2001: *Евстратова С. Б.* Языковые средства выражения оценочности в газетных заголовках (на материале русского и эстонского языков) // *Русский язык: система и функционирование. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия V* / Ред. Кюльмоя. Тарту, 2001. С. 7–18.
- Евстратова 2011: *Евстратова С. Б.* Речевые особенности русскоязычных телепередач в Эстонии // *Humaniora: Slavica Tartuensia IX*. 2011. С. 398–408.
- Евстратова 2012: *Евстратова С. Б.* Использование русского языка в средствах массовой информации Эстонии // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2012. № 2. С. 44–48.
- Евстратова 2013: *Евстратова С. Б.* Имя Бог и душа в языковой картине мира староверов эстонского Причудья и Белоруссии // *Acta Slavica Estonica III* / Ред. А. Д. Дуличенко. 2013. С. 59–69.
- Егоров 2020: *Егоров В. К.* Ещё раз об оппозиции «свой-чужой» // *Коммуникология*. 2020. Т. 8, № 1. С. 138–154.

- Еленевская, Протасова, Шайбакова 2019: *Еленевская М. Н., Протасова Е. Ю., Шайбакова Д. Д.* Идея плюрицентричности и русский язык // Русское слово в многоязычном мире. Материалы XIV конгресса МАПРЯЛ / Ред. Н. А. Боженкова, и др. 2019. С. 62–67.
- Живов 2014: *Живов В. М.* Лингвистический капитал и его трансформации в истории русского языка последнего столетия // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 1. С. 13–35.
- Загоровская 2018: *Загоровская О. В.* Старославянская лексика в русском языке: прошлое и настоящее // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 141–145.
- Загоровская 2019: *Загоровская О. В.* Естественная (непрофессиональная) письменная речь как модус существования современного русского языка и «зеркало» идиолекта его носителя // Известия ВГПУ. 2019. № 2(283). С. 202–206.
- Замковая, Моисеенко, Чуйкина 2011: *Замковая Н., Моисеенко И., Чуйкина Н.* Обобщение характеристики языковой личности двуязычных учащихся (русско-эстонский билингвизм), получающих образование на эстонском языке // Problems of Education in the 21st Century. 2011. № 30. С. 133–147.
- Захаренко 2013: *Захаренко И. В.* Архетипическая оппозиция «свой» – «чужой» в пространственном коде культуры // Язык сознание коммуникация. Сборник научных статей, посвященных памяти В. Н. Телия. М., 2013. С. 15–31.
- Захарова 2012: *Захарова Е. В.* Субстратные географические термины в топонимии Восточного Обонежья // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2012. № 4. С. 185–190.
- Захарова 2015: *Захарова Е. В.* Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья. СПб., 2015.
- Зеленин 2007: *Зеленин А.* Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). Тампере, 2007.
- Земская 2000: *Земская Е. А.* Введение // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 2000. С. 9–31.
- Земская, Гловинская 2001: *Земская Е. А., Гловинская М. Я.* Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования. М. – Вена, 2001.
- Золотова 1993: *Золотова Г. А.* Функция в языке и речи // Вопросы сопоставительного типологического исследования разнотипных языков: общетеоретические и конкретные вопросы функциональной грамматики. Таллин, 1993. С. 15–19.
- Золян 2019: *Золян С.* Русский язык в Армении: вчера, сегодня, завтра? // Slavica Helsingiensia / Ред. Е. Протасова, А. Никунласси. Хельсинки, 2019. № 52. С. 197–208.
- Иванов, Сквородникова, Ширяева 2009: *Иванов Л. Ю., Сквородникова А. П., Ширяева Е. Н.* Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2009.
- Иванова-Бучатская 2010: *Иванова-Бучатская Ю. В.* Российские немцы в Германии: знаковые объекты повседневной жизни и идентичность // Диаспоры. 2010. № 2. С. 137–166.
- Исаков 2008: *Исаков С. Г.* Путь длиною в тысячу лет. Русские в Эстонии: История культуры. Часть 1. Таллинн, 2008.
- Исаков 2011: *Исаков С. Г.* Культура русской эмиграции в Эстонии (1918–1940). Статьи. Очерки. Архивные публикации. Таллинн, 2011.

- Иценко 2017: *Иценко А. В.* Современные русскоязычные периодические издания российских немцев в Германии в контексте исследований языка русского зарубежья // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 11(188). С. 9–17.
- Калинин 1971: *Калинин А. В.* Слово как единица лексики // Современный русский язык / Ред. Розенталь Д. Э. М., 1971. С. 32–70.
- Кацнельсон 1984: *Кацнельсон С. Д.* Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 3–12.
- Караулов 1992: *Караулов Ю. Н.* О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5–18.
- Картушина 2018: *Картушина Е. А.* Прагмалингвистические особенности использования русского языка в диаспоре Финляндии (на примере интернет-текстов) // *Litera*. 2018. № 3. С. 223–231.
- Карякин 2009: *Карякин А. В.* Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. № 2.
- Качалова 2010: *Качалова И. Н.* Феномен языковой игры как средства выражения оценочной семантики в текстах СМИ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: русская филология. 2010. № 2. С. 83–87.
- Кенина 2004: *Кенина Т.* От первых слов к первой грамматике в условиях итальянско-русского раннего двуязычия: лонгитудинальное исследование // *Slavica Helsingiensia* / Ред. А. Мустайоки, Е. Протасова. Хельсинки, 2004. № 24. С. 226–233.
- Кобозева 2000: *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: *Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка. М., 2008.
- Колесов 1991: *Колесов В. В.* Язык города. М., 1991.
- Колокольцева 2016: *Колокольцева Т. Н.* Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2(14). С. 96–104.
- Коренькова, Краев, Кореньков 2019: *Коренькова Т. В., Краев А. Ю., Кореньков А. В.* Русский язык в Словакии // *Slavica Helsingiensia* / Ред. Е. Протасова, А. Никунласси. Хельсинки, 2019. № 52. С. 176–196.
- Корниенко 2021: *Корниенко О. Ю.* Языковая картина мира в формировании идентичности // Россия и современный мир. 2021. № 2(111). С. 86–99.
- Коробкова 2009: *Коробкова О. С.* Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 200–205.
- Костанди 2005: *Костанди Е. И.* Прагматика новостного дискурса (на материале «Первого Балтийского канала») // Взаимодействие языков и культур: русский язык в культурном коммуникативном пространстве новой Европы. Рига, 2005. С. 191–199.
- Костанди 2006: *Костанди Е. И.* Прагматический аспект межкультурной коммуникации (на материале эстонско-русских переводов рекламных текстов) // Международная научно-практическая конференция по проблемам преподавания русского языка и литературы в странах Балтии (сборник научно-методологических материалов). СПб, 2006. С. 6–13.

- Костанди 2007: *Костанди Е. И.* Оценочный компонент в устных рассказах староверов Причудья // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. X. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. П. Тарту, 2007.
- Костанди 2008: *Костанди Е. И.* Оценочная лексика в устных рассказах староверов Западного Причудья: слово – текст – культура // *Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов. Часть II*. Вологда, 2008. С. 78–84.
- Костанди 2009: *Костанди Е. И.* Роль прагматических факторов в формировании особенностей речи диаспоры // *Humaniora: Lingua Russica* / Ред. Ю. С. Кудрявцев, И. П. Кюльмоя. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Тарту, 2009. С. 65–81.
- Костанди 2011а: *Костанди Е. И.* Семантическая переориентация атрибутивных словосочетаний в языке диаспоры // *Функциональная семантика и семиотика знаковых систем*. М., 2011. С. 359–363.
- Костанди 2011б: *Костанди Е. И.* Иноязычные вкрапления в разговорной речи диаспоры // *Humaniora: Slavica Tartuensia IX*. Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков / Ред. А. Д. Дуличенко. Тарту, 2011. С. 409–418.
- Костанди 2011в: *Костанди Е. И.* К вопросу о роли прагматических факторов в формировании специфики языка диаспоры // *Русистика и современность*. Рига, 2011. С. 226–230.
- Костанди 2011г: *Костанди Е. И.* Номинация и референции - проблемы выбора в иноязычной среде // *Humaniora: Lingua Russica*. Развитие и вариативность языка в современном мире II. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV / Ред. С. Б. Евстратова и др. Тарту, 2011. С. 142–159.
- Костанди 2012а: *Костанди Е. И.* Метаязыковые единицы в разговорной речи диаспоры // *Scientific papers of University of Latvia* / Ред. И. Кошкин, Т. Стойкова. Рига, 2012. № 772. С. 16–23.
- Костанди 2012б: *Костанди Е. И.* Прагматика атрибутивных словосочетаний: проблемы перевода // *VALODA. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums*. XXII. Daugavpils, 2012. С. 104–109.
- Костанди 2013: *Костанди Е. И.* Русский язык в современной Эстонии: функционирование, изучение, специфика // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2013. № 1. С. 7–23.
- Костанди, Кюльмоя 2013: *Костанди Е. И., Кюльмоя И. П.* О русском языке современной Эстонии // *Русский язык зарубежья*. СПб, 2013. С. 85–105.
- Костанди 2015а: *Костанди Е. И.* Категория темпоральности в «обыденном» языке: сопоставительный аспект // *Rusistica Latviensis 5. Slavica 2015: filoloģijas pētījumi*. Рига, 2015. С. 79–85.
- Костанди 2015б: *Костанди Е. И.* Специфика дискурсивных практик в ситуации языковых контактов // *Ежегодник финно-угорских исследований. Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2015. № 2. С. 29–40.
- Костанди 2016а: *Костанди Е. И.* Метаязыковой дискурс диаспоры: варианты и инварианты // *W poszukiwaniu tożsamości językowej*. Tom I. Gdańsk, 2016. С. 244–253.
- Костанди 2016б: *Костанди Е. И.* Типовой текст диаспоры: когнитивный аспект // *Русистика и современность*. Рига, 2016. С. 273–280.

- Костанди 2017: *Костанди Е. И.* Типовой дискурс диаспоры: русский язык в Эстонии // Псковский регионологический журнал. 2017. № 2(30). С. 38–50.
- Костанди 2018: *Костанди Е. И.* Дискурсивные практики русской диаспоры Эстонии: языковые контакты // Слово.ру: Балтийский акцент. 2018. № 9(3). С. 95–105.
- Костанди 2019а: *Костанди Е. И.* Типовой дискурс диаспоры: пространственная локализация // Valoda dažadu kultūru konteksta. 2019. XXIX. С. 144–149.
- Костанди 2019б: *Костанди Е. И.* Пространство и время в речи диаспоры: функциональный аспект // Русский язык: система и функционирование. Материалы VIII Международной научной конференции, Минск, 16–17 окт. 2019 г. / Ред. И. С. Ровдо. Минск, 2019. С. 31–43.
- Костомаров 1996: *Костомаров В. Г.* «Изафет» в русском синтаксисе словосочетания? // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 212–218.
- Котельникова 2013: *Котельникова А. Н.* Структура и содержание лингвоэмоциональной картины мира // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ, 2013. № 3. С. 92–100.
- Котяева 2016: *Котяева Н. С.* Лексические заимствования в русском литературном языке второй половины XVIII века (на материале комедий). Тамбов, 2016.
- Кочетков, Калинин 2009: *Кочетков В. В., Калинин В. Ю.* Национальные диаспоры в транснациональном пространстве // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2009. № 1. С. 72–85.
- Кравченко 2013: *Кравченко А. В.* Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики, 2013. № 1 (34).
- Красина 2015: *Красина Е. А.* Варваризмы и полилексемы с точки зрения билингвизма и языковых контактов // Полилингвильность и транскультурные практики, 2015. № 5. С. 242–246.
- Красных 1998: *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М., 1998.
- Кронгауз 1999: *Кронгауз М. А.* Критика языка // Логос. Философско-литературный журнал, 1999. № 3 (13). Веб-ресурс: <https://bit.ly/2J5IIFQ> (дата обращения: 16.09.2024).
- Кронгауз 2007: *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007.
- Кронгауз 2013а: *Кронгауз М. А.* Кто отвечает за русский язык // Русский язык зарубежья / Ред. М. М. Ровинская. СПб., 2013. С. 4–14.
- Кронгауз 2013б: *Кронгауз М. А.* Самоучитель олбанского. Веб-ресурс: <http://bit.ly/2npdidk> (дата обращения: 16.09.2024).
- Крысин 1968: *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
- Крысин 1996: *Крысин Л. П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Ред. Е. А. Земская. М., 1996. С. 142–161.
- Крысин 2000: *Крысин Л. П.* Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека // Речевое общение: специализированный вестник, 2000. Вып. 3 (11). С. 61–64.
- Крысин 2002: *Крысин Л. П.* Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания, 2002. № 6. С. 27–36.
- Крысин 2003: *Крысин Л. П.* Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.

- Крысин 2008: *Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008. Веб-ресурс: <https://bit.ly/2LqGIRw> (дата обращения: 16.09.2024).
- Куайн 1982: *Куайн О.* Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (проблемы референции). Вып. XIII. М., 1982. С. 87–108.
- Кузнецова 2017: *Кузнецова В.* Преподавание РКИ на начальном этапе обучения: лингвострановедческий аспект. Тарту, 2017.
- Кукконен 1970: *Кукконен А. И.* О финно-русских языковых взаимоотношениях на территории Ленинградской области // Вопросы изучения северорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970. С. 135–137.
- Купп-Сазонов 2016: *Купп-Сазонов С.* Перевод – это «свой» или «чужой» текст? // Acta Slavica Estonica VIII. Свое – чужое в языке и речи / Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2016. С. 296–309.
- Кутузов 2006: *Кутузов А. Б.* Коммуникативные особенности дискурса компьютерных сетевых форумов // Третьи лазаревские чтения. М., 2006. С. 35–41.
- Кюльмоя 1999: *Кюльмоя И. П.* О прагматике сленговой лексики // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия II. Прагматический аспект исследования языка / Ред. Ю. С. Кудрявцев, И. П. Кюльмоя. Тарту, 1999. С. 151–159.
- Кюльмоя 2000: *Кюльмоя И. П.* Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы / Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2000. С. 84–93.
- Кюльмоя 2009: *Кюльмоя И. П.* Речь русской диаспоры Эстонии: тенденции развития // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII / Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2009. С. 11–28.
- Кюльмоя 2016: *Кюльмоя И. П.* К диалектике «своего» и «чужого» в русском языке рассеяния // Acta Slavica Estonica VIII. Свое – чужое в языке и речи / Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2016. С. 116–123.
- Кюльмоя, Богданова, Бурдакова 2007: *Кюльмоя И. П., Богданова Н. Н., Бурдакова О. Н.* О различиях в грамматической системе глагола говоров Принаровья, Западного и Северного Причудья // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X / Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2007. С. 125–140.
- Ларинова 2017: *Ларинова Т.* Речевая агрессия: от речевой практики к социокогнитивной матрице // Вопросы теории и практики, 2017. № 7 (73). С. 117–120.
- Линский 1982: *Линский Л.* Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (проблемы референции). Вып. XIII. М., 1982. С. 161–178.
- Листрова-Правда 2001: *Листрова-Правда Ю. Т.* Иноязычные вкрапления-библейзмы в русской литературной речи XIX–XX вв. // Вестник ВГУ, 2001. № 1. С. 119–140.
- Лихачева 2014: *Лихачева А.* “То, что тебе по наследству передали родители”: русский язык в восприятии русскоязычных жителей Литвы // Slavistica Vilnensis, 2014. № 59. С. 117–131.
- Лихачева 2019: *Лихачева А.* Дискурс иммиграции и перспективы русскоязычия в Литве // Slavistica Vilnensis, 2019. Т. 64(2). С. 128–142.

- Лотте 1982: *Лотте Д. С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982.
- Макарова 2011: *Макарова Е. А.* Субстантивация прилагательных: когнитивный аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2011. № 64(10). С. 22–25.
- Макарова 2013: *Макарова И. Ф.* Между Россией и Балканами: молоко в миграционных потоках 60-х годов XIX века // Славяноведение, 2013. № 4. С. 25–39.
- Мальцева-Замковая, Моисеенко 2021: *Мальцева-Замковая Н., Моисеенко И.* Организация коммуникативной деятельности на уроках родного (русского) языка в Эстонии // Polylogue. Neophilological Studies, 2021. № 11. С. 233–242.
- Маринова 2002: *Маринова Е. В.* Варваризмы и их место в типологии иноязычных слов // Преподавание и изучение русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России. 2002. С. 153–155.
- Маринова 2008: *Маринова Е. В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008.
- Маринова 2013: *Маринова Е. В.* Теория заимствования в основных понятиях и терминах. Словарь-справочник. М., 2013.
- Маслова 2001: *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М., 2001.
- Матвеев 1971: *Матвеев А. К.* Из истории изучения субстратной топонимики русского Севера // Вопросы топониматики. Вып. 5. М., 1971. С. 7–34.
- Матвеева 2007: *Матвеева А. А.* Взаимодействие категорий «свой-чужой» и категории оценки // Вестник Башкирского университета, 2007. № 12(3). С. 81–83.
- Матвеева 2015: *Матвеева Т. В.* «Свое» и «чужое» как способ самоидентификации культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. № 8–1. С. 117–119.
- Мельник 2006: *Мельник О. Г.* Идея хронотопа в языках разных систем // Перспективные информационные технологии и интеллектуальные системы, 2006. № 1. С. 95–99.
- Менг, Протасова 2015: *Менг К., Протасова Е. Ю.* Трансформация культурно-языкового самосознания российских немцев в Германии // Этнографическое обозрение, 2015. № 6. С. 13–25.
- Мечковская 2006: *Мечковская Н. Б.* Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении, 2006. № 2. С. 165–185.
- Миятбекова, Толегенова, Телебай 2019: *Миятбекова З. У., Толегенова С., Телебай Д.* Появление заимствований в языке // Actual Questions and Innovations in Science, 2019. № 2. С. 344–347.
- Моисеенко, Мальцева-Замковая, Чуйкина 2019: *Моисеенко И. М., Мальцева-Замковая Н. В., Чуйкина Н. В.* Влияние языковой ситуации на изменения обобщенных характеристик языковой личности двуязычных учащихся (русско-эстонский билингвизм), получающих образование на эстонском языке // Science for Education Today, 2019. № 9(6). С. 149–169.
- Моррис 1983: *Моррис Ч. У.* Основания теории знаков. Семиотика. М., 1983.
- Мустайоки 1999: *Мустайоки А.* Аспектуальность в теории функционального синтаксиса // Die grammatischen Korrelationen: Grazer Linguistische Slawistentage, 1999. № 4(6). С. 229–244.
- Мустайоки 2006: *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. М., 2006.
- Мустайоки 2013: *Мустайоки А.* Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания, 2013. № 5. С. 3–27.

- Мустайоки, Протасова 2004: *Мустайоки А., Протасова Е.* Быть русским и говорить по-русски. Русскоязычный человек в иноязычном окружении // *Slavica Helsingiensia* / Ред. А. Мустайоки, Е. Протасова. Хельсинки, 2004. № 24. С. 5–13.
- Мухина 2019: *Мухина Н. Н.* Восточные заимствования в современном русском языке: системно-описательный аспект. Владикавказ, 2019.
- Мызников 2003: *Мызников С. А.* Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
- Неронов 2011: *Неронов А. В.* Культурная идентичность и картина мира // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 2011. № 2(4). С. 247–255.
- Нещименко 2002: *Нещименко Г. П.* Заимствования как проявление культурно-языковых контактов и их функционирование в языке реципиенте // *Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте*. М., 2002. С. 121–151.
- Никитина 2010: *Никитина С. Е.* Русские конфессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика // *Русский язык зарубежья*, 2010. С. 69–118.
- Николаева, Нистратова 2007: *Николаева Ю. В., Нистратова С. Л.* Русский язык в Италии в условиях объединенной Европы // *Материалы международной научно-практической конференции специалистов-филологов и преподавателей-русистов по проблемам функционирования, преподавания и продвижения русского языка за рубежом*. М., 2007. С. 364–378.
- Николаева 2014: *Николаева Ю. В.* Переключение кодов в речи современной русскоязычной диаспоры в Италии // *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2014. № 3(56). С. 104–107.
- Норман 2008: *Норман Б. Ю.* Функционализм в языке, в лингвистике и в лингводидактике // *Slavica Helsingiensia* / Ред. Й. Линдстедт. Хельсинки, 2008. № 35. С. 262–276.
- Оглезнева 2009: *Оглезнева Е. А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск, 2009.
- Павленко 2017: *Павленко А.* Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // *Russian Journal of Linguistics*, 2017. № 21(3). С. 493–514.
- Паликова 2011: *Паликова О. Н.* Формирование позитивного отношения к неродному языку и его носителям путем использования на уроках диалектизмозаимствований контактирующих языков // *Компетентностный подход в поликультурном образовательном пространстве. Материалы Международной научно-методической конференции 21–22 апреля 2011 г. Псков*, 2011. С. 223–226.
- Паликова 2012а: *Паликова О. Н.* Отражение географических представлений жителей острова Пийриссаар в их лексике и фольклоре // *Acta Slavica Estonica I. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III* / Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2012. С. 160–193.
- Паликова 2012б: *Паликова О. Н.* Географическая лексика острова Пийриссаар: оценка окружающего пространства // *Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве. Материалы Международной научной конференции 26–28 апреля 2012 г. Псков*, 2012. С. 53–59.
- Паликова 2013: *Паликова О. Н.* Без хозяина дом – сирота (о сакральном и мирском в доме староверов Западного Причудья) // *Русские старообрядцы. Язык, культура, история*. М., 2013. С. 213–229.

- Панькин, Филиппов 2013: *Панькин В. М., Филиппов А. В.* Языковые контакты. Краткий словарь. М., 2013.
- Панов 1968: *Панов М. В.* Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. М., 1968.
- Патнэм 1982: *Патнэм Х.* Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (проблемы референции). Выпуск XIII. М.: Радуга, 1982. С. 337–390.
- Пашков 2015: *Пашков С. М.* Эмоциональная доминанта страха в контексте оппозиции «Свое-чужое» (на материале неоготического романа А. Мердок «The Unicorn») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2015. № 5. С. 92–100.
- Перотто 2010: *Перотто М.* Мигранты из постсоветских стран в Италии (результаты эмпирического социолингвистического исследования) // Диаспоры. Независимый научный журнал, 2010. № 1. С. 83–100.
- Перотто 2013: *Перотто М.* Два поколения русскоязычных в Италии: условия сохранения и утрата языка // Русский язык зарубежья. СПб., 2013. С. 237–257.
- Пилипенко 2016: *Пилипенко С. А.* Социолингвистическая основа языкового варьирования // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста, 2016. № 1(1). С. 80–84.
- Пилипенко 2017: *Пилипенко Г.* Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров. Взгляд «изнутри» и «извне». СПб., 2017.
- Плакунова 1974: *Плакунова Т.* Некоторые черты русского произношения в г. Вильнюсе // *Mūsų kalba*, 1974. № 9. С. 15–26.
- Плисецкая 2014: *Плисецкая А. Д.* О языковых и риторических стратегиях выражения оценки у пользователей социальной сети Фейсбук // Современный русский язык в интернете. М., 2014. С. 83–92.
- Прокутина 2009: *Прокутина Е. В.* Языковая игра как способ образования нестандартной лексики русского языка на базе английских заимствований // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. С. 123–127.
- Протасова, Рейзор 2019: *Протасова Е., Рейзор С.* Русский язык в мультилингвальной Калифорнии // *Slavica Helsingiensia* / Ред. Е. Протасова, А. Никунласси. Хельсинки, 2019. № 52. С. 100–119.
- Протасова 2022: *Протасова Е. Ю.* О переключении кода в современной художественной литературе // *Acta Slavica Estonica XIII*. Вопросы сопоставительных исследований: языки и варианты языка / Ред. Е. И. Костанди, И. П. Кюльмоя. Тарту, 2022. С. 179–189.
- Прошина 2016: *Прошина З. Г.* Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультуральных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016. № 2 (50). С. 6–9.
- Рахилина, Казкенова 2019: *Рахилина Е., Казкенова А.* Выражение итеративности в русских текстах казахских билингвов // *Slavica Helsingiensia* / Ред. Е. Протасова, А. Никунласси. Хельсинки, 2019. № 52. С. 37–45.
- Рингблом 2004: *Рингблом Н.* Типичные ошибки русско-шведских двуязычных детей // *Slavica Helsingiensia* / Ред. А. Мустайоки, Е. Протасова. Хельсинки, 2004. № 24. С. 203–212.
- Ровнова 2017: *Ровнова О. Г.* «Надо по-русски говорить»: старообрядцы о сохранении ими русского языка в Южной Америке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Вып. 12. С. 379–389.

- Ровнова 2020: *Ровнова О. Г.* Деньги в хозяйственной деятельности и языке старообрядцев Южной Америки // *Slavistica Vilnensis*, 2020. № 65(2). С. 65–82.
- Рязанцев 2016: *Рязанцев С. В.* Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? // *Социологические исследования*, 2016. № 12. С. 84–94.
- Седов 2005: *Седов К. Ф.* Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // *Юрислингвистика*, 2005. № 6.
- Серль 1982: *Серль Дж. П.* Референция как речевой акт. Пер. с англ. Т. В. Радзиевской // *Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (проблемы референции)*. Вып. XIII. М., 1982. С. 179–202.
- Селищев 1928: *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928.
- Симутова 2008: *Симутова О. П.* Окказионализмы и языковая игра в словообразовании // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, 2008. № 10. С. 212–222.
- Синочкина 1989: *Синочкина Б. М.* О некоторых региональных особенностях русского языка в Литве // *Kalbotyra*, 1989. № 40(2). С. 75–83.
- Синочкина 1990: *Синочкина Б. М.* Литовская топонимика и грамматические нормы русского языка // *Kalbotyra*, 1990. № 41(2). С. 17–24.
- Синочкина 2002: *Синочкина Б. М.* Речь как зеркало самоидентификации (староверы Литвы о себе) // *Respectus philologicus*, 2002. № 1. С. 152–161.
- Синочкина 2018: *Синочкина Б. М.* Русский язык в массмедийном пространстве Литвы: к проблеме вариативности // *Медиалингвистика*, 2018. № 5(1). С. 123–134.
- Склярёвская 1998: *Склярёвская Н. Г.* Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. М., 1998.
- Соболевский 1884: *Соболевский А. И.* Очерки из истории русского языка. Ч. I. Киев, 1884.
- Соколова 2013: *Соколова О.* Русская неофициальная урбанонимия города Тарту. Тарту, 2013.
- Соловьёва 2013: *Соловьёва Н. И.* Олбанский язык (компьютерный сленг Падонкаф) // *Eslavística Complutense*, 2013. № 13. С. 131–148.
- Сомин 2013: *Сомин А.* Русский язык в Республике Беларусь // *Язык русского зарубежья* / Ред. М. М. Ровинская. СПб., 2013. С. 171–200.
- СРЯ 1985: *Словарь русского языка. Том I.* / Ред. А. П. Евгеньева. Москва, 1985.
- Старостина 2007: *Старостина Ю. С.* Интерпретация лингвистической оценки в терминах аксиологических суждений // *Вестник Самарского государственного университета*, 2007. № 3. С. 232–241.
- Стексова 2013: *Стексова Т. И.* Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // *Политическая лингвистика*. 2013. № 3. С. 77–81.
- Степанов 1975: *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975.
- Степанов 1983: *Степанов Ю. С.* В мире семиотики // *Семиотика*. М., 1983. С. 5–36.
- Степанов Е. Н. 2013: *Степанов Е. Н.* Русский язык в контексте социально-политических процессов современной Украины // *Русский язык зарубежья* / Ред. М. М. Ровинская. СПб., 2013. С. 201–225.

- Степанов В. Н. 2013: *Степанов В. Н.* Жанровые признаки поста в социальной сети (на примере социальной сети Фейсбук) // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2013. С. 175–181.
- Стросон 1982: *Стросон П. Ф.* Идентифицирующая референция и истинное значение // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (проблемы референции). Вып. XIII. М., 1982. С. 109–133.
- Талалай 2017: *М. Г. Талалай.* Русские студенты-эмигранты в Католическом университете г. Милана в 1920-е годы // Русское зарубежье. 2017. № 6. С. 186–193.
- Талалай 2021: *М. Г. Талалай.* Советские партизаны в Северо-Восточной Италии // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 69–75.
- Талалай 2023: *М. Г. Талалай.* Между Москвой и Миланом: две жизни Ю. А. Добровольской (по материалам Восточно-Европейского института в Бремене) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 12 (134). Веб-источник: <https://history.jes.su/s207987840029428-9-1/> (дата обращения: 04.01.2025).
- Тарланов 2006: *Тарланов З.* Проблема типологии и функционирования евразийских и европейских заимствований в русском языке // Южнославянский филолог. 2006. LXII. С. 155–168.
- Теуш 2009: *Теуш О. А.* Этимологизация заимствованных финно-угорских словосложений в русском языке // Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» 8–12 сентября 2009 г. / Ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2009. С. 257–259.
- Трущицына 2020: *Трущицына В. С.* Основные подходы к определению экспрессивности и эмоциональности в лингвистике // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде / Ред. Л. И. Скворцова. М., 2020. С. 273–278.
- Усиченко 2018: *Усиченко Е. Р.* К вопросу о культурной жизни русскоязычных эмигрантов в Чешской Республике // Вестник современных исследований. 2018. № 9.1. С. 17–19.
- Уфимцева 1988: *Уфимцева А. А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Ред. Б. А. Серебренников. М., 1988. С. 108–140.
- Уфимцева 2016: *Уфимцева Н. В.* Языковая картина мира как предмет психолингвистического анализа // *Język i metoda*. 2016. С. 250–256. Веб-источник: <https://bit.ly/2xb8xdtm> (дата обращения: 16.09.2024).
- Фасмер 1986: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1986.
- Федорова 2019: *Федорова Л.* Русский язык в Армении: языковая ситуация и языковой ландшафт современного Еревана // *Slavica Helsingiensia* / Ред. Е. Протасова, А. Никунласси. Хельсинки, 2019. № 52. С. 87–99.
- Филиппова 2009: *Филиппова О. А.* Явление речевой агрессии в современных условиях общения (аспекты и проблемы) // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3.
- Харченко 1976: *Харченко В. К.* Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66–71.
- Хомутова 2005: *Хомутова Т. Н.* Теория языковой вариативности: социолингвистический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2005. № 11 (51). С. 28–34.

- Чуйкина, Бусурина 2020: *Чуйкина Н. В., Бусурина Е. В.* Лингвокреативные номинативные реалии, инновации и русский язык как иностранный // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 4. С. 110–130.
- Чэнь 2015: *Чэнь Ю.* Иноязычные заимствования в современном русском языке // Science for Education Today. 2015. № 4 (26).
- Шанский, Иванов 1987: *Шанский Н. М., Иванов В. В.* Современный русский язык. М., 1987.
- Швейцер 1977: *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М., 1977.
- Швейцер 1982: *Швейцер А. Д.* К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 39–48.
- Шевцов 2020: *Шевцов Д. В.* Динамика численности и этнодемографический состав русскоязычного населения Калифорнии (1850–1917 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 2. С. 99–108.
- Шевченко 2015: *Шевченко И. С.* Место старославянизмов в русской лексике духовно-нравственного содержания // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 2. С. 287–288. Веб-источник: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://interactive-plus.ru/e-articles/136/Action136-9026.pdf](chrome-extension://efaidnbmnnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://interactive-plus.ru/e-articles/136/Action136-9026.pdf) (дата обращения: 16.09.2024).
- Шелякин 2001: *Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. М., 2001.
- Шелякин 2005: *Шелякин М. А.* Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы. М., 2005.
- Шмелев 2005: *Шмелев А. Д.* Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 17–25.
- Штейнгольд 2007: *Штейнгольд А. В.* Лексика староверов Западного Причудья в этимологическом аспекте // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии II / Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2007. С. 164–175.
- Штукенброк 2013: *Штукенброк А.* Лингвонационализм. Языковая рефлексия как посредник коллективной самоидентификации в Германии (1617–1945) // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической семантики» / Ред. А. В. Павлова. СПб., 2013. С. 62–94.
- Щаднева 2007: *Щаднева В. П.* Безличные обороты в северных говорах и литературном языке (травы накошено вдоль, травы накошено, траву накошено, трава накошен) // Humaniora: Lingua Russica. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии II / Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2007. С. 141–148.
- Щаднева 2014: *Щаднева В. П.* Функционально-семантические особенности темпоральных языковых средств в текстах разных жанров (на материале эстонско-русских переводов криминальных новостей и обвинительных актов) // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем / Ред. В. Н. Денисенко, Н. В. Перфильева. М., 2014. С. 528–537.
- Щаднева 2016а: *Щаднева В. П.* Идея времени в рассказах староверов Эстонии как проявление этноконфессиональной идентичности // W poszukiwaniu tożsamości językowej / Ред. W. Stec, A. Nau. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2016. С. 133–143.
- Щаднева 2016б: *Щаднева В. П.* Языковая картина мира женщины-старообрядки в аспекте «свой» – «чужой» // Acta Slavica Estonica VIII. Свое – чужое в языке и речи / Ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2016. С. 211–226.

- Щаднева 2018: *Щаднева В. П.* Топонимика западного побережья Чудского, Теплового и Псковского озер в аспекте оппозиции «свой» – «чужой» // *Slavistica Vilmensis*. 2018. № 63. С. 245–261.
- Щаднева, Вельман-Омелина 2015: *Щаднева В. П., Вельман-Омелина Е. М.* Инновации в русском деловом общении в условиях Эстонии (в зеркале эстонского языка) // *Ежегодник финно-угорских исследований. Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2015. № 1. С. 112–123.
- Юналеева 2000: *Юналеева Р. А.* Тюркизмы русского языка: проблемы полиаспектного исследования. Казань, 2000.
- Яцко 2022: *Яцко В. А.* Значение стоп-слов для автоматического анализа текстов // *Материалы и методы инновационных научно-практических исследований и разработок* / Ред. А. А. Сукиасян. Самара, 2022. С. 78–81.
- Al Zidjaly 2019: *N. Al Zidjaly*. Society in digital contexts: New modes of identity and community construction // *Multilingua*. 2019. Vol. 38, № 4. P. 357–375.
- Álvarez-Cáccamo 1998: *C. Alvarez Cáccamo*. From 'switching code' to 'code-switching': Towards a reconceptualisation of communicative codes // *Code-Switching in Conversation. Language, Interaction and Identity* / Ed. P. Auer. London; New York, 1998. P. 29–48.
- Anderson 1983: *B. Anderson*. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London / New York, 1983.
- Androutsopoulos 2006a: *J. Androutsopoulos*. Introduction: Sociolinguistics and computer-mediated communication // *Journal of Sociolinguistics*. 2006. Vol. 10, № 4. P. 419–438.
- Androutsopoulos 2006b: *J. Androutsopoulos*. Multilingualism, diaspora, and the Internet: Codes and identities on German-based diaspora websites // *Journal of Sociolinguistics*. 2006. Vol. 10, № 4. P. 520–547.
- Androutsopoulos 2007: *J. Androutsopoulos*. Language choice and code-switching in German-based diasporic web forums // *The Multilingual Internet* / Eds. B. Danet, S. Herring. Oxford, 2007. P. 340–361.
- Androutsopoulos 2011: *J. Androutsopoulos*. From variation to heteroglossia in the study of computer-mediated discourse // *Digital Discourse: Language in the New Media* / Eds. C. Thurlow, K. Mroczek. Oxford, 2011. P. 277–298.
- Androutsopoulos 2013: *J. Androutsopoulos*. Code-switching in computer-mediated communication // *Pragmatics of Computer-Mediated Communication* / Eds. S. Herring, D. Stein. Berlin, 2013. P. 667–694.
- Antonova-Ünlü, Sağın-Şimşek, Ateşman, Lozovska 2015: *E. Antonova-Ünlü, Ç. Sağın-Şimşek, E. Ateşman, A. Lozovska*. Russian Immigrant Diaspora in Turkey: Language Use, Preference and Attitudes // *Turkish Studies*. 2015. Vol. 16, № 3. P. 391–410.
- Auer 1995: *P. Auer*. The Pragmatics of Code-switching: A Sequential Approach // *One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code Switching* / Eds. L. Milroy, P. Muysken. Cambridge; New York, 1995. P. 115–135.
- Auer 1998: *P. Auer*. Introduction: Bilingual conversation revisited // *Code-Switching in Conversation* / Ed. P. Auer. London; New York, 1998. P. 1–24.
- Auer 1999: *P. Auer*. From codeswitching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech // *International Journal of Bilingualism*. 1999. Vol. 3, № 4. P. 309–332.

- Auer 2005: *P. Auer*. A postscript: Code-switching and social identity // *Journal of Pragmatics*. 2005. Vol. 37, № 3. P. 403–410.
- Auer 2010: *P. Auer*. Code-switching/mixing // *The SAGE Handbook of Sociolinguistics* / Eds. R. Wodak, B. Johnstone, P. Kerswill. Los Angeles, 2010. P. 460–478.
- Backus 2010: *A. Backus*. The role of codeswitching, loan translation and interference in the emergence of an immigrant variety of Turkish // *Working Papers in Corpus-Based Linguistics and Language Education*. 2010. Vol. 5. P. 225–241.
- Backus 2015: *A. Backus*. A usage-based approach to code-switching: The need for reconciling structure and function // *Code-switching between Structural and Sociolinguistic Perspectives*. 2015. Vol. 43. P. 19–37.
- Bailey 2007: *B. Bailey*. Heteroglossia and boundaries // *Bilingualism: A Social Approach* / Ed. M. Heller. London, 2007. P. 257–274.
- Barnes 1954: *J. A. Barnes*. Class and committees in a Norwegian island parish // *Human Relations*. 1954. Vol. 7, № 1. P. 39–58.
- Belz 2002: *J. A. Belz*. Second language play as a representation of the multicompetent self in foreign language study // *Journal of Language, Identity, and Education*. 2002. Vol. 1, № 1. P. 13–39.
- Bernsand 2001: *N. Bernsand*. Surzhyk and national identity in Ukrainian nationalist language ideology // *Berliner Osteuropa Info*. 2001. Vol. 17. P. 38–47.
- Biber 2004: *D. Biber*. Historical patterns for the grammatical marking of stance: A cross-register comparison // *Journal of Historical Pragmatics*. 2004. Vol. 5, № 1. P. 107–136.
- Biber, Finegan 1989: *D. Biber, E. Finegan*. Styles of stance in English: Lexical and grammatical marking of evidentiality and affect // *Text-Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 1989. Vol. 9, № 1. P. 93–124.
- Blackledge, Creese 2017: *A. Blackledge, A. Creese*. Translanguaging in mobility // *The Routledge Handbook of Migration and Language* / Eds. S. Canagarajah. London, 2017. P. 31–46.
- Blackledge, Pavlenko 2001: *A. Blackledge, A. Pavlenko*. Negotiation of identities in multilingual contexts // *International Journal of Bilingualism*. 2001. Vol. 5, № 3. P. 243–257.
- Blommaert 2005: *J. Blommaert*. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge, 2005.
- Blommaert 2010: *J. Blommaert*. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge, 2010.
- Blommaert, De Fina 2017: *J. Blommaert, A. De Fina*. Chronotopic identities: On the time-space organization of who we are // *Diversity and Super-Diversity: Sociocultural Linguistic Perspectives* / Eds. S. Canagarajah. London, 2017. P. 1–15.
- Bourdieu 1977: *P. Bourdieu*. The economics of linguistic exchanges // *Social Science Information*. 1977. Vol. 16, № 6. P. 645–668.
- Bourdieu 1991: *P. Bourdieu*. *Language and Symbolic Power* / Ed. J. B. Thomson; Trans. G. Raymond, M. Adamson. Cambridge, 1991.
- Bourdieu, Wacquant 1992: *P. Bourdieu, L. J. D. Wacquant*. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Bybee, Beckner 2009: *J. L. Bybee, C. Beckner*. Usage-Based Theory // *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis* / Eds. B. Heine, H. Narrog. Oxford, 2009 (online edn, 18 Sept. 2012). Available at: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199544004.013.0032> (accessed 23 Sept. 2024).
- Berdicevskis 2014: *A. Berdicevskis*. Predictors of pluricentricity: Lexical divergences between Latvian Russian and Russian Russian // *The Russian Language Outside the Nation* / Ed. L. Ryazanova-Clarke. Edinburgh, 2014. P. 225–248.
- Brubaker 2005: *R. Brubaker*. The ‘diaspora’ diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. Vol. 28, № 1. P. 1–19.

- Canagarajah 2013: *S. Canagarajah*. Translingual practice: Global Englishes and cosmopolitan relations. New York, 2013.
- Canagarajah 2018: *S. Canagarajah*. Transnationalism and translingualism: How they are connected // *Transnational writing education. Theory, History, and Practice* / Ed. X. You. New York; London, 2018. P. 41–60.
- Carter 2004: *R. Carter*. Language and creativity: The art of common talk. London, 2004.
- Chafe 1982: *W. Chafe*. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // *Spoken and written language: Exploring orality and literacy* / Ed. D. Tannen. Norwood, 1982. P. 35–54.
- Cheskin 2013: *A. Cheskin*. Exploring Russian-speaking identity from below: The case of Latvia // *Journal of Baltic Studies*. 2013. Vol. 44, № 3. P. 287–312.
- Cheskin, Kachuyevski 2019: *A. Cheskin, A. Kachuyevski*. The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71, № 1. P. 1–23.
- Clyne 2003: *M. Clyne*. Dynamic of language contacts. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Coleman 2010: *E. G. Coleman*. Ethnographic Approaches to Digital Media // *Annual Review of Anthropology*. 2010. Vol. 39, № 1. P. 487–505.
- Cook 2000: *G. Cook*. Language play, language learning. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Cook 1991: *V. J. Cook*. The poverty-of-the-stimulus argument and multicompetence // *Second Language Research*. 1991. Vol. 7. P. 103–117.
- Cook 1992: *V. J. Cook*. Evidence for multicompetence // *Language Learning*. 1992. Vol. 42. P. 557–591.
- Cook 2007: *V. J. Cook*. Multi-competence: Black hole or wormhole for second language acquisition research? // *Understanding second language process* / Ed. Z. H. Han. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. P. 16–26.
- Cook 2009: *V. J. Cook*. Language user groups and the native speaker // *Contemporary applied linguistics 1. Language teaching and learning* / Eds. V. J. Cook, W. Li. London, 2009. P. 54–74.
- Coupland 2007: *N. Coupland*. Style: Language variation and identity. Cambridge, 2007.
- Crystal 2001: *D. Crystal*. Language and the Internet. Cambridge, 2001.
- Danet, Herring 2007: *B. Danet, S. C. Herring*. The multilingual Internet: Language, culture, and communication online. Oxford, 2007.
- Demirçay 2017: *D. Demirçay*. Connected languages: Effects of intensifying contact between Turkish and Dutch. Netherlands Graduate School of Linguistics, 2017.
- Davies, Harré 1990: *B. Davies, R. Harré*. Positioning: The discursive production of selves // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1990. Vol. 20, № 1. P. 43–63.
- Dewaele 2004a: *J. M. Dewaele*. The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2004. Vol. 25, № 2-3. P. 204–222.
- Dewaele 2004b: *J. M. Dewaele*. Blistering barnacles! What language do multilinguals swear in? // *Estudios de Sociolingüística*. 2004. Vol. 5, № 1. P. 83–106.
- Diessel 2017: *H. Diessel*. Usage-Based Linguistics // *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2017. Available at: <https://oxfordre.com/linguistics/view/10.1093/acrefore/9780199384655.001.0001/acrefore-9780199384655-e-363> (accessed 23 Sept. 2024).

- Dezi 2024: *A. Dezi*. Digital code play as a sign of the multicompetent self in the internet discourse of Russian speakers in Italy // *Speakers and Structures in Language Contact* / Eds. B. Hans-Bianchi, C. Truppi, B. Vogt. Berlin; Boston, 2024. P. 169–198.
- Disney 2014: *D. Disney*. Introduction: Beyond Babel? Exploring second language creative writing // *Exploring Second Language Creative Writing: Beyond Babel* / Ed. D. Disney. Amsterdam; Philadelphia, 2014. P. 1–10.
- Dovchin 2019: *S. Dovchin*. Language, Social Media and Ideologies: Translingual Englishes, Facebook and Authenticities. Perth, 2019.
- Du Bois 2007: *J. W. Du Bois*. The stance triangle // *Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction*. 2007. Vol. 164, № 3. P. 139–182.
- Ehala, Zabrodskaia 2014: *M. Ehala, A. Zabrodskaia*. Ethnolinguistic Vitality and Acculturation Orientations of Russian Speakers in Estonia // *The Russian Language Outside the Nation* / Ed. L. Ryazanova-Clarke. Edinburgh, 2014. P. 166–188.
- Elias, Shorer-Zeltser 2006: *N. Elias, M. Shorer-Zeltser*. Immigrants of the World Unite? // *Journal of International Communication*. 2006. Vol. 12(2). P. 70–90.
- Esman 1990: *M. J. Esman*. Ethnic Pluralism and International Relations // *Canadian Review of Studies in Nationalism*. 1990. Vol. 17(1-2). P. 83–93.
- Farina 2018: *M. Farina*. Facebook and Conversation Analysis. The Structure and Organization of Comment Threads. London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney, 2018.
- Farese 2019: *G. M. Farese*. The Ethnopragmatics of English Understatement and Italian Exaggeration: Clashing Cultural Scripts for the Expression of Personal Opinions // *Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication: Ethnopragmatics and Semantic Analysis*. Singapore, 2019. P. 59–73.
- Fedorova 2017: *K. Fedorova*. Manzhouli or Manchzhuria? Linguistic and Cultural Hybridization in the Border City // *Intercultural Communication with China* / Eds. F. Dervin, R. Machart. Helsinki, London, 2017. P. 91–110.
- Fein 2005: *L. C. Fein*. Symbolic Boundaries and National Borders: The Construction of an Estonian Russian Identity // *Nationalities Papers*. 2005. Vol. 33(3). P. 333–344.
- Fienemann, Rehbein 2004: *J. Fienemann, J. Rehbein*. Introductions: Being Polite in Multilingual Settings // *Multilingual Communication* / Eds. J. House, J. Rehbein. Amsterdam, Philadelphia, 2004. P. 223–278.
- Field 2003: *J. Field*. Social Capital. London & New York, 2003.
- Fogiel-Bijaoui 2013: *S. Fogiel-Bijaoui*. Babushka in the Holy Land: Being a Russian-Israeli Grandmother in Israel Today // *Journal of Comparative Family Studies*. 2013. Vol. 44(6). P. 725–739.
- Gaidamaško 2013: *R. Gaidamaško*. Finno-Ugric Substrate Appellatives in Russian Dialects of the Upper Kama // *Eesti ja Soome-ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2013. Vol. 4, № 2. P. 199–216.
- Galaktinov, Proshina 2023: *S. Galaktinov, Z. Proshina*. Translingualism and Intercultural Narratives in Kiana Davenport's "House of Many Gods" // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Vol. 27, № 1. P. 216–234.
- Georgakopoulou 1997: *A. Georgakopoulou*. Self-Presentation and Interactional Alliances in E-mail Discourse: The Style- and Code-Switches of Greek Messages // *International Journal of Applied Linguistics*. 1997. Vol. 7, № 2. P. 141–164.
- Golovko 2003: *E. Golovko*. Language Contact and Group Identity: The Role of 'Folk' Linguistic Engineering // *Mixed Language Debate* / Eds. Y. Matras, P. Bakker. Berlin, New York, 2003. P. 177–207.
- Grosjean 2008: *F. Grosjean*. Studying Bilinguals. Oxford, 2008.

- Gulina 2023: *O. Gulina*. Emigration from Russia after 24 February 2022: main patterns and developments // Migration Observatory. 2023. № 64.
- Gumperz 1970: *J. J. Gumperz*. Verbal Strategies in Multilingual Communication // Working Paper No. 36. Language-Behavior Research Laboratory. 1970.
- Gumperz 1977: *J. J. Gumperz*. The Sociolinguistic Significance of Conversational Code-Switching // RELC Journal. 1977. Vol. 8, № 2. P. 1–34.
- Gumperz 1982: *J. J. Gumperz*. Discourse Strategies. Cambridge, 1982.
- Günthner 2002: *S. Günthner*. Perspectivity in Reported Dialogues: The Contextualization of Evaluative Stances in Reconstructing Speech // Perspective and Perspectivation in Discourse / Eds. C. I. Ford, B. Fox, S. Thompson. Amsterdam, Philadelphia, 2002. P. 347–374.
- Hampton 2017: *K. N. Hampton*. Studying the Digital: Directions and Challenges for Digital Methods // Annual Review of Sociology. 2017. Vol. 43, № 1. P. 167–188.
- Heller 2007: *M. Heller*. Bilingualism as Ideology and Practice // Bilingualism: A Social Approach. London, 2007. P. 1–22.
- Heller, McElhinny 2017: *M. Heller, B. McElhinny*. Language, Capitalism, Colonialism: Toward a Critical History. Toronto, 2017. 333 pp.
- Herring 1996: *S. C. Herring*. Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social, and Cross-Cultural Perspectives. Amsterdam, Philadelphia, 1996.
- Herring 2001: *S. C. Herring*. Computer-Mediated Discourse // The Handbook of Discourse Analysis / Eds. D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. Oxford, 2001. P. 613–634.
- Herring 2004: *S. C. Herring*. Computer-Mediated Discourse Analysis: An Approach to Researching Online Behavior // Designing for Virtual Communities in the Service of Learning. Cambridge, 2004. P. 338–376.
- Herring 2008: *S. C. Herring*. Language and the Internet // The International Encyclopedia of Communication. 2008. P. 1–6.
- Hine 2000: *C. Hine*. Virtual Ethnography. London, 2000.
- Isurin 2011: *L. Isurin*. Russian Diaspora. Culture, Identity, and language change. New York, 2011.
- Isurin, Ivanova-Sullivan 2008: *L. Isurin, T. Ivanova-Sullivan*. Lost in Between: The Case of Russian Heritage Speakers // Heritage Language Journal. Vol. 6, № 1, 2008. P. 72–103.
- Isurin, Riehl 2017: *L. Isurin, C. M. Riehl*. Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants: Russian Germans or German Russians. Amsterdam, Philadelphia, 2017.
- Ivanov 1999: *V. Ivanov*. Heteroglossia // Journal of Linguistic Anthropology. Vol. 9, № 1/2, 1999. P. 100–102.
- Jakobson 1960: *R. Jakobson*. Closing Statement: Linguistics and Poetics // Style in Language / Ed. T. A. Sebeok. Cambridge, 1960. P. 350–377.
- Jacquement 2010: *M. Jacquement*. Language and Transnational Spaces // Language and Space: An International Handbook of Linguistic Variation. Vol. 1, 2010. P. 50–69.
- Jaffe 2007: *A. Jaffe*. Codeswitching and Stance: Issues in Interpretation // Journal of Language, Identity, and Education. Vol. 6, № 1, 2007. P. 53–77.
- Jaffe 2016: *A. Jaffe*. Indexicality, Stance and Fields in Sociolinguistics // Sociolinguistics: Theoretical Debates, 2016. P. 86–112.
- Jaworska 2014: *S. Jaworska*. Playful Language Alternation in an Online Discussion Forum: The Example of Digital Code Plays // Journal of Pragmatics. Vol. 71, 2014. P. 56–68.

- Jessner 2008: *U. Jessner*. A DST Model of Multilingualism and the Role of Metalinguistic Awareness // *The Modern Language Journal*. Vol. 92, № 2, 2008. P. 270–283.
- Jessner 2014: *U. Jessner*. On Multilingual Awareness or Why the Multilingual Learner is a Specific Language Learner // *Essential Topics in Applied Linguistics and Multilingualism*. Eds. M. Pawlak, L. Aronin. Wien, 2014. P. 175–184.
- Johanson 1998: *L. Johanson*. Code-Copying in Irano-Turkic // *Language Sciences*. Vol. 20, № 3, 1998. P. 325–337.
- Johanson 2008: *L. Johanson*. Remodelling Grammar: Copying, Conventionalization, Grammaticalization // *Language Contact and Contact Language* / Eds. P. Siemund, N. Kintana. Amsterdam, Philadelphia, 2008. P. 61–79.
- Jonsson 2005: *C. Jonsson*. Code-switching in Chicano Theater. Umeå, 2005.
- Karakoç 2014: *N. Y. Karakoç*. Structural Calques in Neologism Translation and Unintelligibility: The Case of Generation X // *Electronic Turkish Studies*. Vol. 9, № 3, 2014.
- Karpava, Ringblom, Zabrodskaia 2019: *S. Karpava, N. Ringblom, A. Zabrodskaia*. Translanguaging in the Family Context: Evidence from Cyprus, Sweden and Estonia // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 23, № 3, 2019. P. 619–643.
- Kerfoot, Bello-Nonjengele 2016: *C. Kerfoot, B. O. Bello-Nonjengele*. Game Changers? Multilingual Learners in a Cape Town Primary School // *Applied Linguistics*. Vol. 37, № 4, 2016. P. 451–473.
- Kerswill, Williams 2002: *P. Kerswill, A. Williams*. Saliency as an Explanatory Factor in Language Change: Evidence from Dialect Levelling in Urban England // *Language Change: The Interplay of Internal, External and Extra-Linguistic Factors*. 2002. P. 81–110.
- Kramsch, Whiteside 2008: *C. Kramsch, A. Whiteside*. Language Ecology in Multilingual Settings: Towards a Theory of Symbolic Competence // *Applied Linguistics*. Vol. 29, 2008. P. 645–671.
- Kravchenko 2002: *A. V. Kravchenko*. Toward a Bio-Cognitive Philosophy of Language // *Journal for Interdisciplinary Work in the Humanities*. Vol. 1, № 6. Available at: https://web-archiv.southampton.ac.uk/cogprints.org/4002/1/Cogphilosophy_Language.html!html (accessed 4 Jan. 2025).
- Kravchenko 2014: *S. Y. Kravchenko*. Cognitive Modeling of Interpretation of New Borrowings in Russian Language // *Наука и человечество*. № 6, 2014. P. 243–250.
- Kriiska, Mäesalu, Selart, Pölsam-Jürjo, Piirimäe, Seppel, Andresen, Pajur, Tannberg 2017: *A. Kriiska, A. Mäesalu, A. Selart, I. Pölsam-Jürjo, P. Piirimäe, M. Seppel, A. Andresen, A. Pajur, T. Tannberg*. Eesti ajalugu. Tallinn, 2017.
- Kärkkäinen 2007: *E. Kärkkäinen*. The Role of “I Guess” in Conversational Stancetaking // *Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction*. 2007. P. 183–219.
- Kuleshova 2020: *D. Kuleshova*. Code-Switching Between English and Russian with Russian Heritage Speakers, Born and Raised in Russian-Speaking Families in the USA // *INTESOL Journal*. Vol. 17, № 1, 2020. P. 44–65.
- Kulyk 2019: *V. Kulyk*. Identity in Transformation: Russian-Speakers in Post-Soviet Ukraine // *Europe-Asia Studies*. Vol. 71, № 1, 2019. P. 156–178.
- Külmoja 1999: *I. Külmoja*. Vene keel Eestis // *Eesti rahvaste raamat*. Tallinn: Eesti Entsüklopeedia Kirjastus, 1999. P. 516–524.
- Labov 1972: *W. Labov*. Sociolinguistic Patterns. Philadelphia, 1972.
- Labov, Waletzky 1997: *W. Labov, J. Waletzky*. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // *Essays on the Verbal and Visual Arts. Proceedings of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society*. P. 12–44.

- Laitin 1998: *D. D. Laitin*. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. New York, 1998.
- Lantto 2014: *H. Lantto*. Code-Switching, Swearing, and Slang: The Colloquial Register of Basque in Greater Bilbao // *International Journal of Bilingualism*. Vol. 18, № 6, 2014. P. 633–648.
- Lee 2016: *C. Lee*. Multilingualism Online. London, New York, 2016.
- Lemmens 2017: *M. Lemmens*. A Cognitive, Usage-Based View on Lexical Pragmatics: Response to Hall // *Semantics and Pragmatics: Drawing a Line*. 2017. P. 101–114.
- Lerner, Rapoport, Lomsky-Feder 2008: *J. Lerner, T. Rapoport, E. Lomsky-Feder*. The Ethnic Script in Action: The Regrounding of Russian Jewish Immigrants in Israel // *Ethos*. Vol. 35, № 2, 2008. P. 168–195.
- Li Wei 2011: *Li Wei*. Moment Analysis and Translanguaging Space: Discursive Construction of Identities by Multilingual Chinese Youth in Britain // *Journal of Pragmatics*. Vol. 43, № 5, 2011. P. 1222–1235.
- Li Wei 2022: *Li Wei*. Translanguaging as Method // *Research Methods in Applied Linguistics*. Vol. 1, № 3, 2022. Article 100026.
- Liebscher, Dailey-O’Cain 2013: *G. Liebscher, J. Dailey-O’Cain*. Language, Space and Identity in Migration. London, 2013.
- Lucy 1993: *J. A. Lucy*. Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics. Cambridge, 1993.
- Matras 2009: *Y. Matras*. Language Contact. Cambridge, 2009.
- Maybin 2015: *J. Maybin*. Everyday Language Creativity // *The Routledge Handbook of Language Creativity* / Ed. R. H. Jones. London, New York, 2015. P. 25–39.
- Moissejenko, Zamkovaja, Tshuikina 2012: *I. Moissejenko, N. Zamkovaja, N. Tshuikina*. Language Use Among Bilingual Students in Different Sociolinguistic Conditions (Russian-Estonian Bilingualism) // *Innovative Methods in Multicultural Education*, 2012. P. 69.
- Morgunova 2007: *O. Morgunova*. Discursive Self-Representations in Russian-Language Internet Forums: A Case of Russian Migrants in the UK. Edinburgh, 2007.
- Morgunova, Zinnurov 2019: *O. P. Morgunova, R. T. Zinnurov*. Connected by Digital Imagination // *The Soft Power of Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies* / Eds. A. Mustajoki, E. Protasova, M. Yelenevskaya. London, New York, 2019. P. 210–220.
- Musiał, Kazienko 2013: *K. Musiał, P. Kazienko*. Social networks on the Internet // *World Wide Web*. 2013. Vol. 16. P. 31–72.
- Muysken 2000: *P. Muysken*. Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge, 2000.
- Myers-Scotton 1992: *C. Myers-Scotton*. Comparing Codeswitching and Borrowing // *Journal of Multilingual & Multicultural Development*. Vol. 13, № 1-2, 1992. P. 19–39.
- Myers-Scotton 1993a: *C. Myers-Scotton*. Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa. Oxford, 1993.
- Myers-Scotton 1993b: *C. Myers-Scotton*. Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching. Oxford, 1993.
- Niznik 2005: *M. Niznik*. Searching for a New Identity: The Acculturation of Russian-born Adolescents in Israel // *Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism*. Somerville, 2005. P. 1703–1721.
- Ochs 1990: *E. Ochs*. Cultural Universals in the Acquisition of Language // *Papers and Reports on Child Development*. Los Angeles, 1990. P. 1–19.

- Ochs, Schieffelin 1989: *E. Ochs, B. Schieffelin*. Language Has a Heart // Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. Vol. 9, № 1, 1989. P. 7–26.
- Palfreyman 2007: *D. Palfreyman*. Online Media: New Dimensions for Language Awareness // Language Awareness. Vol. 16, № 1, 2007. P. 1–6.
- Pascual, Sandler 2016: *E. Pascual, S. Sandler*. Fictive Interaction and the Conversation Frame // The Conversation Frame: Forms and Functions of Fictive Interaction. Amsterdam, Philadelphia, 2016. P. 1–22.
- Pavlenko 2005: *A. Pavlenko*. Emotions and Multilingualism. Cambridge, 2005.
- Perotto 2009: *M. Perotto*. Lingua e Identità dell'Immigrazione Russofona in Italia. Napoli, 2009.
- Perotto 2014: *M. Perotto*. Post-Soviet Russian-speaking Diaspora in Italy: Results of a Sociolinguistic Survey // The Russian Language Outside the Nation / Ed. L. Ryazanova Clarke. Edinburgh, 2014. P. 143–165.
- Pfouts, Safier 1981: *J. H. Pfouts, E. J. Safier*. Social network analysis: a new tool for understanding individual and family functioning // Journal of Sociology & Social Welfare. 1981. Vol. 8, № 3. P. 657–664.
- Polinsky 2000: *M. Polinsky*. American-Russian: An Endangered Language? Available at: https://www.researchgate.net/profile/Maria-Polinsky/publication/2801385_American-Russian-An-Endangered-Language/links/5420e5cc0cf241a65a1e5285/American-Russian-An-Endangered-Language.pdf (accessed 23 Sept. 2024).
- Poplack 1987: *S. Poplack*. Contrasting Patterns of Code-Switching in Two Communities // Aspects of Multilingualism / Eds. E. Wande, J. Anward, B. Nordberg, L. Steensland, M. Thelander. Uppsala, 1987. P. 51–77.
- Pries 2001: *L. Pries*. New Transnational Social Spaces: International Migration and Transnational Companies in the Early Twenty-First Century. London, 2001.
- Rampton 1991: *B. Rampton*. Second Language Learners in a Stratified Multilingual Setting // Applied Linguistics. Vol. 12, № 3, 1991. P. 229–248.
- Rampton 1999: *B. Rampton*. Styling the Other: Introduction // Journal of Sociolinguistics. Vol. 3, № 4, 1999. P. 421–427.
- Rampton 2001: *B. Rampton*. Crossing // In Key Terms in Language & Culture / Ed. A. Duranti. Malden; Oxford, 2001. P. 49–51.
- Rampton 2014: *B. Rampton*. Conviviality and Phatic Communication? // The Importance of Unimportant Language. Special Issue of Multilingual Margins. 2014.
- Rampton, Charalambous 2012: *B. Rampton, C. Charalambous*. Crossing // The Routledge Handbook of Multilingualism / Eds. M. Martin-Jones, A. Blackledge, A. Creese. London, New York, 2012. P. 482–498.
- Raun 2001: *T. U. Raun*. Estonia and the Estonians. Stanford, 2001.
- Smith 1991: *A. D. Smith*. National Identity. Reno, 1991.
- Reyes 2004: *I. Reyes*. Functions of Code Switching in Schoolchildren's Conversations // Bilingual Research Journal. Vol. 28, № 1, 2004. P. 77–98.
- Riera, Romero 2010: *J. B. Riera, E. D. Romero*. Structural Calques: Source Language Interference in CLIL Lectures in Spain // Current Research on CLIL. Vol. 3, 2010. P. 5.
- Riehl 2024: *C. M. Riehl*. Language Contact and Language Attrition: Processes and Constellations // Speakers and Structures in Language Contact: Pluralistic Approaches to Change and Variation / Eds. B. Hans-Bianchi, C. Truppi, B. Vogt. Berlin, Boston, 2024.
- Rivlina 2015: *A. Rivlina*. Bilingual Creativity in Russia: English-Russian Language Play // World Englishes. Vol. 34, № 3, 2015. P. 436–455.

- Salmon 2017: *S. Salmon*. Gli stereotipi dei russi sull'Italia e gli italiani // In *Incontri fra Russia e Italia*. Lingua, letteratura, cultura / Ed. G. Moracci. Milano, 2017. P. 95–124.
- Sherzer, Webster 2015: *J. Sherzer, A. K. Webster*. Speech Play, Verbal Art, and Linguistic Anthropology // *Oxford Handbooks Online*. Available at: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935345.001.0001/oxfordhb-9780199935345-e-33> (accessed 23 Sept. 2024).
- Schmidt, Teubener, Zurawski 2005: *H. Schmidt, R. Teubener, N. Zurawski*. Virtual Reunification? Diasporic Culture(s) on the Russian Internet // *Media Studies*. *Studia Medioznawcze*. 2005. Vol. 3(22). P. 132–148.
- Silverstein 1976: *M. Silverstein*. Shifters, Linguistic Categories and Cultural Description // *Meaning in Anthropology*. 1976. Vol. 11. Available at: <https://bit.ly/2J1y7Gt> (accessed 23 Sept. 2024).
- Silverstein 1981: *M. Silverstein*. The Limits of Awareness (Sociolinguistic Working Paper Number 84). Cambridge, 1981. P. 382–401.
- Simpson 2017: *J. Simpson*. Translanguaging in the Contact Zone: Language Use in Superdiverse Urban Areas // *Multilingualisms and Development: Selected Proceedings of the 11th Language and Development Conference* / Ed. H. Colman. New Delhi, 2017. P. 207–223.
- Søvik 2010: *M. B. Søvik*. Language Practices and the Language Situation in Kharkiv: Examining the Concept of Legitimate Language in Relation to Identification and Utility // *International Journal of the Sociology of Language*. 2010. Vol. 201. P. 5–28.
- Tannen 1985: *D. Tannen*. Relative Focus on Involvement in Oral and Written Discourse // *Literacy, Language, and Learning: The Nature and Consequences of Reading and Writing*. 1985. P. 124–147.
- Thibault 2003: *P. J. Thibault*. Contextualization and Social Meaning-Making Practices // *Language and Interaction. Discussions with John J. Gumperz* / Eds. S. L. Eerdamans, C. S. Prevignano, *P. J. Thibault*. Amsterdam, Philadelphia, 2003. P. 41–62.
- Ting, Yeo 2019: *S. H. Ting, D. K. L. Yeo*. Code-Switching Functions in Facebook Wallposts // *Human Behavior, Development & Society*. 2019. Vol. 20(3). P. 7–18.
- Tsagarousianou 2004: *R. Tsagarousianou*. Rethinking the concept of diaspora: mobility, connectivity and communication in a globalized world // *Westminster Papers. Communication and Culture*. 2004. Vol. 1, № 1. P. 52–65.
- Tvauri 2014: *A. Tvauri*. *Rahvasterännuaeg, eelviikingiaeg ja viikingiaeg Eestis*. Tartu, 2014.
- Ukkonen 1992: *E. Ukkonen*. Approximate String-Matching with q-grams and Maximal Matches // *Theoretical Computer Science*. 1992. Vol. 92, № 1. P. 191–211.
- Vásquez 2019: *C. Vásquez*. *Language, Creativity and Humour Online*. New York, 2019.
- Venturin 2019: *B. Venturin*. “I Don’t Fit in Here and I Don’t Fit in There:” Understanding the Connections between L1 Attrition and Feelings of Identity in 1.5 Generation of Russian Australians // *Heritage Language Journal*. 2019. Vol. 16, № 2. P. 238–268.
- Venturin 2020: *B. Venturin*. “That Part of Me is in a Different Language”: 1.5 Generation Migrants’ Views on Feelings of Difference When Switching Languages // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2020. P. 1–18.
- Verdery 1994: *K. Verdery*. Beyond the nation in Eastern Europe // *Social Text*. 1994. № 38. P. 1–19.
- Verschik 2004: *A. Verschik*. Aspects of Russian-Estonian Codeswitching: Research Perspectives // *International Journal of Bilingualism*. 2004. Vol. 8, № 4. P. 427–448.
- Verschik 2005: *A. Verschik*. Russian–Estonian Language Contacts, Linguistic Creativity, and Convergence: New Rules in the Making // *Multilingua*. 2005. Vol. 24. P. 413–429.

- Verschik 2008: *A. Verschik*. Emerging Bilingual Speech: From Monolingualism to Code-Copying. London, 2008.
- Verschik 2016: *A. Verschik*. Mixed Copying in Blogs: Evidence from Estonian-Russian Language Contacts // *Journal of Language Contact*. 2016. Vol. 9, № 1. P. 186–209.
- Verschik 2017: *A. Verschik*. Metalinguistic Comments and Multilingual Awareness: Estonian-Russian Language Contacts in Blogs // *Applied Linguistics Review*. 2017. Vol. 10, № 3. P. 389–415.
- Verschik 2018: *A. Verschik*. Yiddish, Jewish, Russian, and Jewish Lithuanian in the Former Soviet Union // *Languages in Jewish Communities, Past and Present*. 2018. P. 627–643.
- Verschik 2021: *A. Verschik*. Yiddish–Slavic Language Contact in Multilingual Songs: Describing Deliberate Code-Switching // *International Journal of Bilingualism*. 2021. Vol. 25, № 6. P. 1696–1717.
- Vilkki 2006: *L. Vilkki*. Politeness, Face and Facework: Current Issues // *A Man of Measure: Festschrift in Honour of Fred Karlsson on His 60th Birthday*. 2006. P. 322–332.
- Vlasova 2019: *E. Vlasova*. Prepositional Phrases with *dlja* in Non-standard Varieties of Russian in Finland: Evidence from the Russian Learner Corpus // *Slavica Helsingiensia* / Eds. A. Nikunlassi, E. Protassova. Helsinki, 2019. Vol. 52. P. 46–60.
- Voguel, García 2017: *S. Voguel, O. García*. Translanguaging // *Oxford Research Encyclopedia of Education*. 2017. Available at: chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1448&context=gc_pubs. (accessed 23 Sept. 2024).
- Volvach 2019: *N. Volvach*. Still Ukrainian or Already Russian? The Linguistic Landscape of Sevastopol in the Aftermath of Crimean Annexation // *Euxeinos: Culture and Governance in the Black Sea Region*. 2019. Vol. 9, № 28. P. 93–111.
- Volvach 2021: *N. Volvach*. Constructing Spaces of Otherwise: Performing a Politics through Linguistic Citizenship // *Working Papers in Language & Literacies*. 2021. P. 1–23.
- Vuolteenaho, Ainiala 2009: *J. Vuolteenaho, T. Ainiala*. Slang Toponyms in Early Twentieth Century Helsinki // *Proceedings of the XXIII International Congress of Onomastic Sciences: Names in Multi-Lingual, Multi-Cultural and Multi-Ethnic Contact* / Eds. W. Ahrens, A. Lapierre, S. Embleton. Toronto, 2008. P. 1030–1035. Toronto.
- Waliński 2015: *J. T. Waliński*. Translation Procedures // *Ways to Translation*. 2015. P. 55–67.
- Warner 2004: *C. N. Warner*. It's Just a Game, Right? Types of Play in Foreign Language CMC // *Language Learning and Technology*. 2004. Vol. 8, № 2. P. 69–87.
- Watts 2003: *R. J. Watts*. Politeness. Cambridge, 2003.
- Wierzbicka 2004: *A. Wierzbicka*. Preface: Bilingual Lives, Bilingual Experience // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2004. Vol. 25, № 2–3. P. 94–104.
- White 2008: *P. White*. Modality as Dialogue: A Bakhtinian Reanalysis of Epistemic Stance // *Word*. 2008. Vol. 59, № 1–2. P. 143–167.
- Woolard 2004: *K. A. Woolard*. Codeswitching // *A Companion to Linguistic Anthropology*. 2004. P. 73–94.
- Worth 1959: *G. H. Worth*. Foreign Borrowings in Russian // *The Slavic and East European Journal*. 1959. Vol. 3, № 1. P. 47–54.

- Yang 2003: *G. Yang*. The Internet and the Rise of a Transnational Chinese Cultural Sphere // *Media, Culture & Society*. 2003. Vol. 25. P. 469–490.
- Yelenevskaya 2019: *M. N. Yelenevskaya*. “Ours Abroad” as a Theme of Humour on Ru.net: Changing Values, Competing Loyalties // *Russian Journal of Communication*. 2019. Vol. 2, № 3–4. P. 267–287.
- Yelenevskaya 2024: *M. N. Yelenevskaya*. “Girls, You Know Everything...”: Russophone Female Immigrant Groups on Facebook as Spaces of Solidarity and Facilitators of Integration // *Slavic Language Education*. 2024. Vol. 4. P. 94–113.
- Zabrodskaia 2006: *A. Zabrodskaia*. Russian-Estonian Conversational Code-Switching in Student Interviews // *Language, Diversity and Integration in the Enlarged EU: Challenges and Opportunities* / Ed. I. Savickienė. Kaunas, 2006. P. 131–140.
- Zabrodskaia 2009: *A. Zabrodskaia*. Russian-Estonian Language Contacts: Grammatical Aspects of Language Use and Change. Tallinn, 2009.
- Zabrodskaia 2014: *A. Zabrodskaia*. Tallinn: Monolingual from Above and Multilingual from Below // *International Journal of the Sociology of Language*. 2014. Vol. 228. P. 105–130.
- Zbenovich 2014: *C. Zbenovich*. Linguistic Performance of Russianness among Russian-Israeli Parents: Child Raising Practices in the Immigrant Community // *The Russian Language Outside the Nation*. // *The Russian Language Outside the Nation* / Ed. L. Ryazanova-Clarke. Edinburgh, 2014. P. 189–205.
- Šaklein, Moracci 2017: *V. M. Šaklein, G. Moracci*. La Diffusione della Lingua Russa in Italia Oggi // *Incontri fra Russia e Italia. Lingua, Letteratura e Cultura*. Milano, 2017. P. 29–37. Available at: <https://www.ledonline.it/Il-Segno-le-Lettere/allegati/834-Russia-Italia-03.pdf> (accessed 23 Sept. 2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

Общая характеристика источников материала⁹⁷

Интернет-платформы сетевого общения русскоговорящих Италии

1. Форум: Russian Italy



Объявления, информация	Темы	Сообщения	Последнее сообщение
Дисконт объявлений Любой зарегистрированный пользователь может разместить здесь свои объявления. Дискуссии по объявлениям не проводятся, поэтому пишите подробно всю информацию и указывайте более подробные для поиска. Проверяйте регулярно, что есть в этом разделе, променяв заголовок сообщения (обновить).	1	1	03 Nov 2012 23:18 kashka_Italy
Тематические форумы			
Юридические вопросы Вопросы Италии и России, информация о визах, визах наительство, гражданстве, легализации документов. Имя пользователя: Italy_08	1103	27972	28 Jun 2024 22:05 kashka_Italy
Работа Работа, перспективы работы для разных профессий и специальностей в Италии, как открыть и вести собственный бизнес, особенности итальянского рынка труда. Приобрести карту. Имя пользователя: Italy_08	528	29203	18 Jun 2024 20:41 kashka_Italy
Учеба Образование: как выбрать учебное заведение в Италии, как и где поступить и учиться. Приемы экзаменов. Паста дипломное образование. Имя пользователя: Italy_08	292	46800	04 Oct 2024 18:46 kashka_Italy
Школа итальяно Итальянские, связанные с изучением итальянского и других языков.	206	14220	21 Jun 2024 13:12 kashka_Italy

Год создания: 2002

Пользовательская активность: несмотря на значительное снижение активности на форуме с появлением фейсбук-групп, форум остается площадкой для обсуждения многих вопросов, связанных с жизнью в Италии. В 2024 году наибольшее количество посетителей (1200) было зафиксировано 6 ноября.

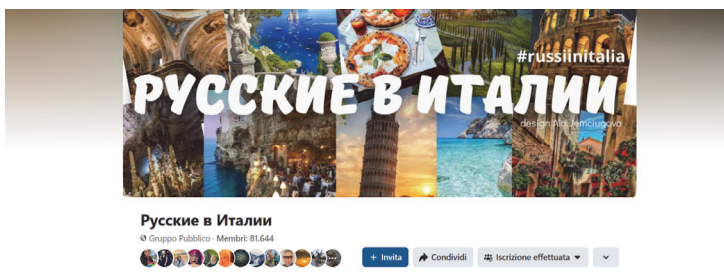
Наиболее популярные темы: юридические вопросы, работа и учеба в Италии, переводы с русского на итальянский, изучение итальянского, горячие события и глобальные проблемы, воспитание детей, итальянская и русская кухня и т. п.

Гендерный состав⁹⁸: на форуме пользователи общаются преимущественно под вымышленными никнеймами, что затрудняет определение их гендерного состава. Однако основываясь на многолетних наблюдениях за общением на форуме, можно утверждать, что большинство пользователей – женщины.

⁹⁷ На основе доступной на отдельных форумах и в фейсбук-группах статистической информации и общих наблюдений. В приложении описываются веб-ресурсы, доступные на декабрь 2024 года.

⁹⁸ Анализ материала свидетельствует о значимости этого показателя, поэтому здесь мы отдельно обращаем на него внимание.

3. Фейсбук-группа: Русские в Италии



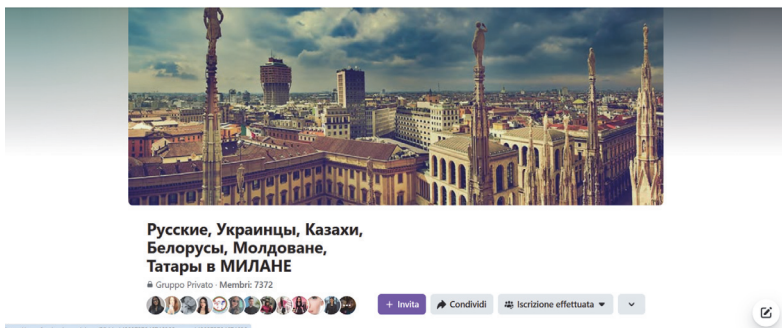
Год создания: 2013, открытая группа.

Пользовательская активность: В декабре 2024 г. опубликовано приблизительно 132 поста, количество подписчиков постоянно растет (так, за период с 23.12.2024 по 29.12.2024 подписались 152 новых пользователя).

Наиболее популярные темы: вопросы, связанные с видом на жительство в Италии, въездом в Италию, бытовыми темами (где купить или найти определенные продукты, покупка и продажа имущества, советы по путешествиям внутри Италии), работой в Италии, изучением итальянского языка, итальянскими традициями и бытовыми практиками и т. п.

Гендерный состав: основываясь на именах, аватарах подписчиков, а также на их пользовательской активности, можно утверждать, что большинство пользователей – взрослые женщины.

4. Фейсбук-группа: Русские, Украинцы, Казахи, Белорусы, Молдоване, Татары в МИЛАНЕ



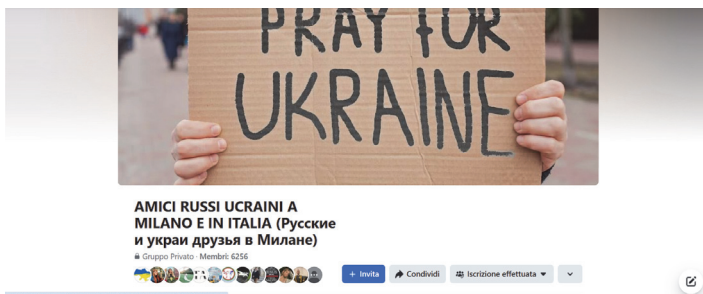
Год создания: 2015, первоначально открытая группа, на декабрь 2024 г. закрытая.

Пользовательская активность: в декабре 2024 г. опубликовано 4 поста, количество подписчиков снижается (так, в августе 2024 г. было зарегистрировано 7637 подписчиков, а на декабре их стало 7372).

Наиболее популярные темы: поиск квартиры и работы в Милане, русскоязычные мероприятия для взрослых и детей, предоставление услуг, въезд и выезд из Италии, перелеты в Милан и из Милана. В последние годы регулярно появляются объявления о помощи украинским беженцам.

Гендерный состав: основываясь на именах, аватарах подписчиков, а также на их пользовательской активности, можно утверждать, что большинство пользователей – взрослые женщины.

5. Фейсбук-группа: AMICI RUSSI UCRAINI A MILANO E IN ITALIA (Русские и украин друзья в Милане)



Год создания: 2012, первоначально открытая группа, на декабрь 2024 г. закрытая.

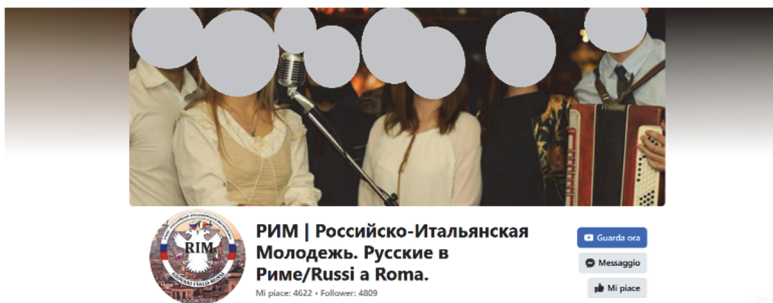
Пользовательская активность: в декабре 2024 г. опубликовано 18 постов, количество подписчиков несущественно снижается (так, в августе 2024 г. было зарегистрировано 6 266 подписчиков, на декабрь их стало 6256).

Наиболее популярные темы: информация об аренде квартир в Милане, курсы итальянского языка, мероприятия на русском языке, поиск работы в Милане и окрестностях.

Гендерный состав: основываясь на именах, аватарах подписчиков, а также на их активности, можно утверждать, что в группе преобладают женщины.

Дополнительные примечания: присутствует значительное количество мужчин с итальянскими именами.

6. Фейсбук-страница: РИМ | Российско-Итальянская Молодежь. Русские в Риме / Russi a Roma (Facebook)



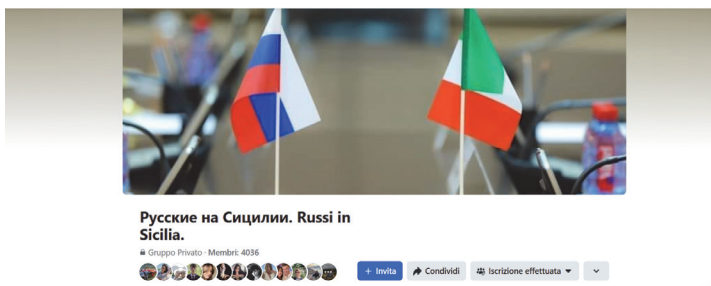
Год создания: 2010, открытая фейсбук-страница.

Пользовательская активность: до 2019 г. страница регулярно публиковала посты, которые получали 10–15 комментариев и более. С 2020 г. публикации стали реже (2–3 поста в год) и собирают меньше комментариев. Количество подписчиков, однако, растет (так, в августе 2024 г. было 4 602 подписчика, на декабрь зарегистрировано 4809).

Наиболее популярные темы: русскоязычные мероприятия в Италии, русские и итальянские традиции, события в Италии, изучение итальянского языка и билингвизм.

Гендерный состав: список подписчиков недоступен, однако, по нашим наблюдениям, наиболее активными комментаторами постов являются женщины.

7. Фейсбук-группа: Русские на Сицилии. Russi in Sicilia



Год создания: 2012, первоначально открытая группа, на декабрь 2024 г. группа закрытая.

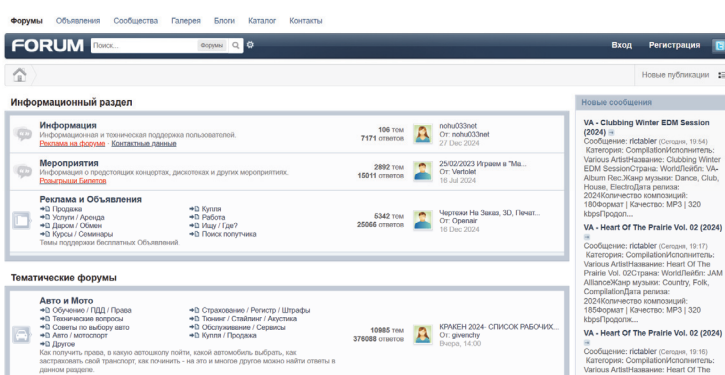
Пользовательская активность: в декабре 2024 г. опубликовано 10 постов, количество подписчиков несущественно снижается (в августе 2024 г. было зарегистрировано 4 184 подписчика, на декабрь их стало 4036).

Наиболее популярные темы: поиск квартиры на Сицилии, предоставление услуг, русскоязычные и другие мероприятия в различных городах Сицилии, необходимые для въезда и проживания в Италии документы, курсы по разным предметам (музыка, живопись и пр.) на русском языке, языковые курсы (русский для детей, итальянский) и т. п.

Гендерный состав: основываясь на именах, аватарах подписчиков, а также на их пользовательской активности, можно утверждать, что большинство пользователей – взрослые женщины.

Интернет-платформы сетевого общения русскоговорящих Эстонии

8. Форум: Forum.ee



Год создания: 2001

Пользовательская активность: несмотря на снижение активности на форуме с появлением фейсбук-групп, он остается площадкой для обсуждения самых разных вопросов. В 2024 г. наибольшее количество посетителей (7455) было зафиксировано 14 августа.

Наиболее популярные темы: музыка, спорт, разные увлечения, автомобили и мотоциклы, электроника и техника, образование, учеба.

Гендерный состав: на форуме пользователи общаются почти исключительно под вымышленными никнеймами, что затрудняет определение их гендерного состава. Однако основываясь на многолетних наблюдениях за общением, можно утверждать, что гендерный состав участников зависит от темы дискуссий. Например, темы, связанные с кулинарией, чаще обсуждаются женщинами, тогда как вопросы электроники, техники, автомобилей и других подобных областей преимущественно интересуют мужчин.

9. Форум: Рыболовный форум Эстонии – Rybolov.ee

Год создания: не указан

Пользовательская активность: форум является крупнейшим интернет-ресурсом для рыбаков в Эстонии, где обсуждают различные темы, связанные с рыбалкой, а также делятся опытом и советами. Информация о наибольшем количестве посетителей в 2024 г. отсутствует.

Наиболее популярные темы: техника рыбалки, места для рыбалки, оборудование, ловля конкретных видов рыбы и пр.

Гендерный состав: на форуме пользователи общаются почти исключительно под вымышленными никнеймами, что затрудняет определение их гендерного состава. Однако, думается, тема форума привлекает больше мужчин.

10. Форум: Мы живем в Эстонии

Мы живем в Эстонии Эстонский интернет форум обительных людей.
privet.ee Онлайн общение, разные темы, городские новости.
 Обсуждения, отзывы, информация, полезные знания,
 вопросы-ответы, мнения, советы. Добро пожаловать!

asta.ee Бизнес и частные услуги

Эстония, бизнес, сайт

Активные темы | Календарь | Пользователи | Правила | Поиск | Обновления | Сайты Эстонии

Здравствуйте, гость (Выход | Регистрация | Присоединиться)

Privet.ee

С возвращением, последний раз вы были здесь: Сегодня, 21:35

Имя пользователя: [input type="text"/> [input type="password"/> [input type="button" value="Вход"/>

Общий	Тема	Ответов	Новые сообщения
	Новости, события, мероприятия, информация В Эстонии и не только. Эстония по-русски. Что будет, было, случилось. Делится полезной информацией, указываю новости, обсуждаю события, анонсы	118	778 [d 7.1.2023, 19:45] Феликс Жалтис: Колхозников бежа... Вопрос: как получить
	Наша жизнь, общество и мы Разговоры за жизнь. Общаемся, спрашиваем, отвечаем, советуем лучше. Разносторонние темы не относящиеся к другим разделам форума	307	5069 [d 11.4.2024, 16:57] Коммунизм Эстонии... Вопрос: аид
	Развлечения, отдых, хобби, творчество, искусство Отдыхаем, развлекаемся, занимаемся, увлекаемся, творим	132	1925 [d 22.8.2023, 14:47] Путешествие Австрию. Или как абж... Вопрос: аид
	Секреты красоты, мода, стиль Искусство красоты. Красота - страшная сила! Все о красоте и про красоту, о моде и стиле	89	1075 [d 21.7.2023, 16:34] Выпадение волос Вопрос: Кайлине
	Здоровье, питание, спортивный образ жизни Обсуждает все вопросы, связанные со здоровьем, спортом, диетой, лечением	133	1629 [d 30.6.2023, 13:46] Как защитить себя в сезон прост... Вопрос: Кайлине
	Любовь, отношения, секс Вечная тема! Он и она, о сексе, любви и отношениях между мужчиной и женщиной	183	3118 [d 14.11.2023, 16:48] Детские. Или. Милитари... Вопрос: Саймон
	На кухне, кулинария, вкусные блюда Вкусная кухня. Готовим сами, пробуем, делимся рецептами вкусной еды, выпечкой	71	709 [d 18.1.2019, 10:42] Вегетарианство: за или против? Вопрос: Умарк42

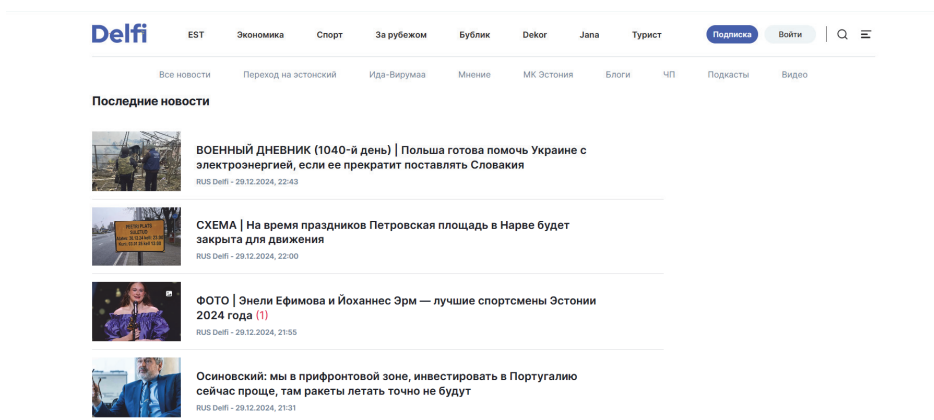
Год создания: не указан

Пользовательская активность: на декабрь 2024 г. наблюдается активность пользователей, размещающих комментарии под различными топиками. Однако информация о наибольшем количестве посетителей в 2024 г. отсутствует.

Наиболее популярные темы: эстонское общество, развлечения, отдых, хобби, электроника, техника, продажа / покупка мебели и т. п.

Гендерный состав: на форуме пользователи общаются почти исключительно под вымышленными никнеймами, что затрудняет определение их гендерного состава. По нашим наблюдения на форуме общаются как женщины, так и мужчины в зависимости от темы разговора.

11. Новостной портал: Delfi



Год создания: 1999

Пользовательская активность: портал активно взаимодействует со своими читателями, позволяя комментировать статьи. У портала есть свой Телеграм-канал, на котором в 2021 г. было 4000 подписчиков⁹⁹. У портала есть также своя страница в Фейсбуке, за которой на декабрь 2024 г. следят 36 245 фейсбук-пользователей. Однако точные данные об общем количестве комментариев за 2024 г. в открытых источниках отсутствуют.

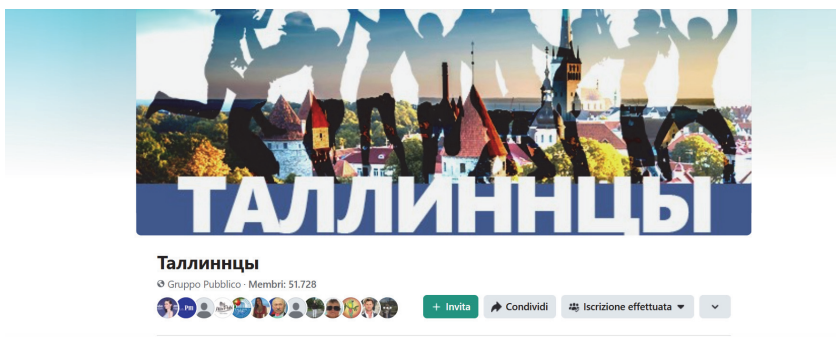
Наиболее популярные темы: количество комментариев может варьироваться в зависимости от темы и актуальности. Например, материал «Не политикой единой – Елена Пазилина подводит итоги года в Нарве» от 24.12.2024 собрала 157 комментариев¹⁰⁰.

Гендерный состав: на портале пользователи комментируют статьи анонимно или под вымышленными никнеймами, что делает невозможным определение их гендерного состава.

⁹⁹ https://rus.delfi.ee/statja/92238157/v-telegram-rusdelfi-4000-podpischikov?utm_source=chatgpt.com

¹⁰⁰ https://rus.delfi.ee/statja/120345812/mnenie-ne-politikoy-edinoy-elena-pazilina-podvodit-itogi-goda-v-narve?utm_source=chatgpt.com

12. Фейсбук-группа: Таллиннцы



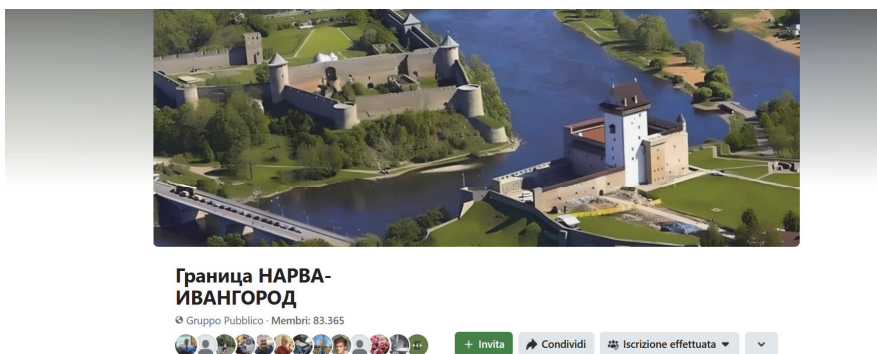
Год создания: 2017, открытая группа.

Пользовательская активность: в декабре 2024 г. опубликовано приблизительно 1669 постов, количество подписчиков постоянно растет (с 23.12.2024 по 29.12.2024 подписались 195 новых пользователей).

Наиболее популярные темы: информация, связанная с Таллином и Эстонией (новости, часто политического характера, события, мероприятия и т. п.).

Гендерный состав: основываясь на именах, аватарах подписчиков, а также на их пользовательской активности, можно утверждать, что в группе общаются как мужчины, так и женщины, однако последние составляют большинство.

13. Фейсбук группа: Граница НАРВА-ИВАНГОРОД



Год создания: 2018, открытая группа.

Пользовательская активность: в декабре 2024 г. опубликовано около 900 постов, количество подписчиков постоянно растет (с 23.12.2024 по 29.12.2024 подписались 395 новых пользователей).

Наиболее популярные темы: перевозка товаров через границу, документы для пересечения границ, обмен валюты, очереди на границе, возможности транспортировки внутри и за пределами Эстонии и т. п.

Гендерный состав: в группе общаются как мужчины, так и женщины, однако последние составляют большинство.

Дополнительные примечания: регулярно в списке участников встречаются люди с эстонскими, латышскими, финскими, шведскими и другими именами и фамилиями.

14. Фейсбук группа: TallinnOPEN (досуг в Таллинне)



Год создания: 2014, открытая группа.

Пользовательская активность: в декабре 2024 г. опубликовано около 800 постов, количество подписчиков постоянно растет (с 23.12.2024 по 29.12.2024 161 новый подписчик).

Наиболее популярные темы: информация, связанная с Таллином и Эстонией (новости, часто политического характера, события, мероприятия и т. п.), встречаются посты, предлагающие услуги разного вида.

Гендерный состав: в группе общаются как мужчины, так и женщины, однако последние составляют большинство.

Дополнительные примечания: регулярно в списке участников встречаются люди с эстонскими именами и фамилиями.

15. Фейсбук группа: Мамы Тарту



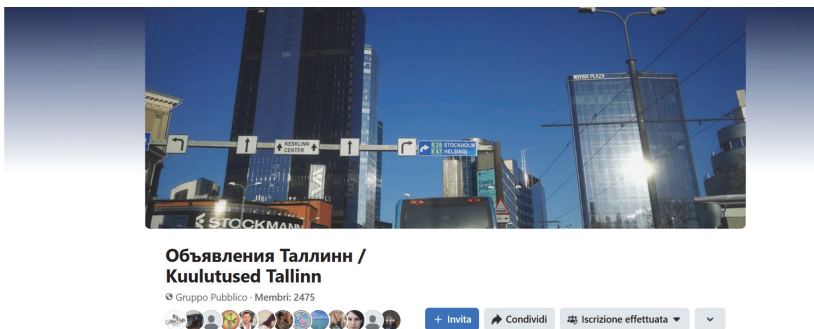
Год создания: 2015, открытая группа.

Пользовательская активность: в декабре 2024 г. опубликовано около 120 постов, количество подписчиков несущественно растет (с 23.12.2024 по 29.12.2024 подписались 9 новых пользователей).

Наиболее популярные темы: курсы, кружки и услуги для детей, советы по здоровью детей, услуги для дома и женщин.

Гендерный состав: в группе преобладают женщины, однако есть и мужчины.

16. Фейсбук группа: Объявления Таллинн / kuulutused Tallinn



Год создания: 2020, открытая группа.

Пользовательская активность: в декабре 2024 г. опубликовано около 1500 постов, количество подписчиков постоянно растет (с 23.12.2024 по 29.12.2024 подписался 41 пользователь).

Наиболее популярные темы: купля/продажа подержанных вещей, услуги. С 2022 г. регулярно появляются посты о возможностях транспортировки из Таллина в Украину.

Гендерный состав: в группе общаются как мужчины, так и женщины, однако последние составляют большинство.

Дополнительные примечания: регулярно в списке участников встречаются люди с эстонскими именами и фамилиями.

17. Фейсбук группа: куплю-продам/Услуги/Советы Пяру



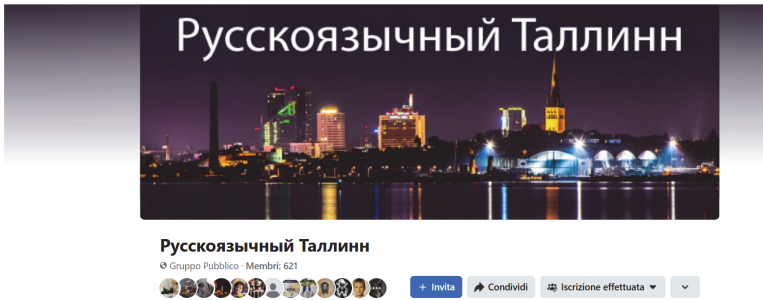
Год создания: 2017, первоначально открытая группа, на 2024 г. закрытая.

Пользовательская активность: в декабре 2024 г. опубликовано около 25 постов, количество подписчиков незначительно растет (с 23.12.2024 по 29.12.2024 подписались 2 новых пользователя).

Наиболее популярные темы: купля/продажа подержанных вещей, услуги. С 2022 г. регулярно появляются посты о возможностях транспортировки из Пяру в Украину.

Гендерный состав: в группе общаются как мужчины, так и женщины. Последние, возможно, незначительно преобладают.

18. Фейсбук группа: Русскоязычный Таллинн



Год создания: 2014, открытая группа.

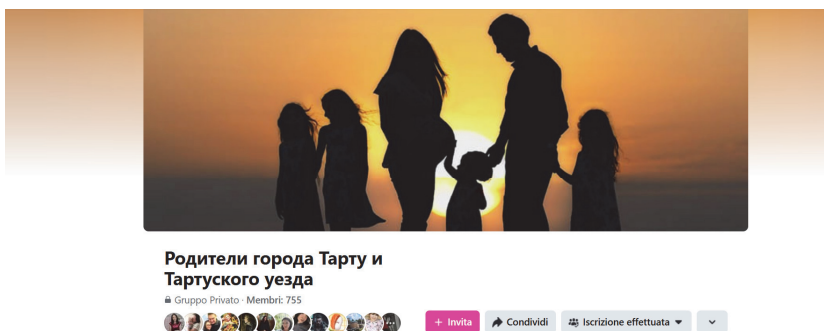
Пользовательская активность: в декабре 2024 г. постов не опубликовано, количество подписчиков незначительно растёт (так, в августе 2024 г. было зарегистрировано 614 подписчиков, в декабре их стало 621).

Наиболее популярные темы: новости Эстонии, Таллина, мероприятия, Таллине.

Гендерный состав: в группе общаются как мужчины, так и женщины, однако последние составляют большинство.

Дополнительные примечания: регулярно в списке участников встречаются люди с эстонскими именами и фамилиями.

19. Фейсбук группа: Родители города Тарту и Тартуского уезда



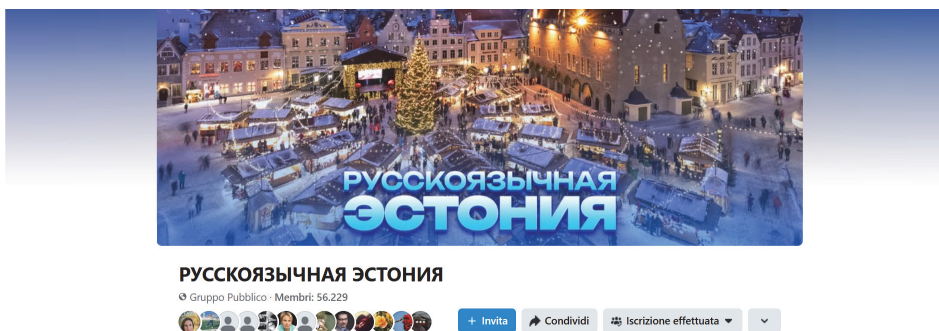
Год создания: 2016, первоначально открытая группа, сейчас закрытая.

Пользовательская активность: в декабре 2024 г. опубликовано около 25 постов, количество подписчиков растет (так, в августе 2024 г. было зарегистрировано 444 подписчика, в декабре их стало 755).

Наиболее популярные темы: курсы, кружки, мероприятия для детей, обсуждение товаров и продуктов для детей, товары для дома, услуги.

Гендерный состав: в группе общаются как мужчины, так и женщины, однако последние составляют большинство.

20. Фейсбук-группа: РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЭСТОНИЯ



Год создания: в 2018 группа существовала, однако была удалена. Возродилась в 2021 г. под таким же именем.

Пользовательская активность: в декабре 2024 г. опубликовано около 915 постов, количество подписчиков растет (с 23.12.2024 по 29.12.2024 подписались 164 новых пользователя).

Наиболее популярные темы: информация, связанная с Таллином и Эстонией (новости, часто политического характера, события, мероприятия и т. п.). Регулярно публикуются мемы и юмористические ролики, иногда появляются объявления о пропавших людях и животных, о найденных вещах.

Гендерный состав: по нашим наблюдениям, в группе общаются как мужчины, так и женщины, последние, возможно, несколько преобладают.

Дополнительные примечания: регулярно в списке участников встречаются люди с эстонскими, латышскими, финскими и других именами и фамилиями.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

Список стоп-слов

а; алло; без; белый; близко; более; больше; большой; будем; будет; будете; будешь; будто; буду; будут; будь; бы; бывает; был; была; были; было; быть; в; важная; важное; важные; важный; вам; вами; вас; ваш; ваша; ваше; ваши; вверх; вдали; вдруг; ведь; везде; вернуться; весь; вечер; взгляд; взять; вид; видел; видеть; вместе; вне; вниз; внизу; во; вода; вокруг; вон; вообще; вопрос; восемнадцатый; восемнадцать; восемь; восьмой; вот; впрочем; времени; время; все; все еще; всегда; всего; всем; всеми; всему; всех; всюю; всюду; вся; всё; второй; вы; выйти; г; где; главный; глаз; говорил; говорит; говорить; год; года; году; да; давать; даже; дальше; даром; дать; два; двадцатый; двадцать; две; двенадцатый; двенадцать; двух; девятнадцатый; девятнадцать; девятый; девять; действительно; дел; делал; делать; делаю; дело; день; десятый; десять; для; до; довольно; долго; должен; должно; должный; другая; другие; других; другое; другой; е; его; ее; ей; ему; если; есть; еще; ещё; ею; её; ж; ждать; же; за; затем; зато; зачем; здесь; земля; знать; значит; значить; и; иди; идти; из; или; им; имеет; имел; именно; иметь; ими; имя; иногда; их; к; каждая; каждое; каждые; каждый; кажется; казаться; как; какая; какой; кем; книга; когда; кого; ком; комната; кому; конец; конечно; которая; которого; которой; которые; который; которых; кроме; кругом; кто; куда; лежать; лет; ли; лицо; лишь; лучше; любить; люди; м; маленький; мало; мать; машина; между; меля; менее; меньше; меня; место; миллионов; мимо; минута; мир; мира; мне; много; многочисленная; многочисленное; многочисленные; многочисленный; мной; мною; мог; могу могут; мож; может; может быть; можно; мои; мой; мочь; моя; моё; мы; на; наверху; над; надо; назад; наиболее; найти; наконец; нам; нами; народ; нас; начала; начать; наш; наша; наше; наши; не; него; недавно; недалеко; нее; ней; некоторый; нельзя; нем; немного; нему; непрерывно; нередко; несколько; нет; нею; неё; ни;нибудь; ниже; низко; никакой; никогда; никто; никуда; ним; ними; них; ничего; ничто; но; новый; нога; ночь; ну; нужно; нужный; о; об; оба; обычно; один; одиннадцатый; одиннадцать; однажды; однако; одного; одной; оказаться; окно; около; он; она; они; оно; опять; особенно; остаться; от; ответить; отец; откуда; отовсюду; отсюда; очень; первый; перед; писать; плечо; по; под; подойди; подумать; пожалуйста; позже; пойти; пока; пол; получить; помнить; понимать; понять; пор; пора; после; последний; посмотреть; посреди; потом; потому; почему; почти; правда; прекрасно; при; про; просто; против; процентов; путь; пятнадцатый; пятнадцать; пятый; пять; раз; разве; рано; раньше; ребенок; решить; рука; ряд; рядом; с; с кем; сам; сама; сами; самим; самими; самих; само; самого; самой; самом; самому; саму; самый; свет; свое; своего; своей; свои; своих; свой; свою; сделать; себе; себя; сегодня; седьмой; сейчас; семнадцатый; семнадцать; семь; сидеть; сила; сих; сказал; сказала; сказать; сколько; слишком; слово; случай; смотреть; сначала; снова; со;

собой; собою; совсем; спасибо; спросить; сразу; стал; старый; статья; стол; сторона; стоять; страна; суть; считать; та; так; такая; также; таки; такие; такое; такой; там; твои; твой; твоя; твоё; те; тебе; тебя; тем; теми; теперь; тех; то; тобой; тобою; товарищ; тогда; того; тоже; только; том; тому; тот; тою; третий; три; тринадцатый; тринадцать; ту; туда; тут; ты; тысяч; у; увидеть; уж; уже; улица; уметь; утро; хороший; хорошо; хотел бы; хотеть; хоть; хотя; хочешь; час; часто; часть; чаще; чего; человек; чем; чему; через; четвертый; четыре; четырнадцатый; четырнадцать; что; чтоб; чтобы; чуть; шестнадцатый; шестнадцать; шестой; шесть; эта; эти; этим; этими; этих; это; этого; этой; этом; этому; этот; эту; я; являюсь.

KOKKUVÕTE

Itaalia ja Eesti venekeelse diasporaa internetisuhtluse võõrkeelsete keelendite funktsioonid: võrdlev analüüs

Venekeelne diasporaa on keeruline ja hägusate piiridega sotsiokultuuriline nähtus, mis hõlmab rohkemat kui vaid etnilised venelased. Sellesse kuuluvad eri sotsiaalsete ja etniliste gruppide esindajad, kes elavad väga paljudes riikides ja kasutavad erinevaid vene keele variante, sealhulgas ka kui *lingua frankat* [Laitin 1998]. Need inimesed on ületanud geograafilisi ja rahvuslikke piire, omandades ja kasutades mitut keelt ning on mõjustatud eri kultuuridest. Nendes tingimustes kujuneb neil keeruline geograafiline kuuluvus, mis hõlmab suhet elukohariiki, kodumaa müüte ja nende kogukonna omaksvõtmist [Pries 2001].

Selle uurimuse keskmes on kaks vene keelt kõnelevat rühma: Itaalia ja Eesti venekeelsed elanikud. Nad erinevad tekkeloost, etnilise koosseisust, soolise komponendi ja suhtumise poolest oma elukohariiki. Eesti venekeelsed elanikud on sajad keeltest olnud erinevat tüüpi väljarändajad Venemaa Keisririigist ja Nõukogude Liidust, kes tulid siia erinevatel aegadel. Kuid esimesi idaslaavlasti oli siin juba 10. saj lõpus ja 11. sajandi alguses [Исаков 2008; Kriiska, Mäesalu, Selart, Põltsam-Jürjo, Piirimäe, Seppel, Andresen, Pajur, Tannberg 2017: 29; Tvauri 2014: 297]. Itaalia venekeelsete elanike puhul on olukord hoopis teine. Kuni NLi lagunemiseni oli tegu küllaltki marginaalse nähtusega, kuid siis emigreerus korraka palju inimesi postsovetlikest riikidest Lääne-Euroopasse, sealhulgas Itaaliasse. Tänapäevases Itaalias elavad venekeelsed inimrühmad on tekkinud peamiselt Nõukogude Liidu järgsest rändest, nad moodustavad paljurahvusliku kogumi, mida selle praeguses arengujärgus on veel keeruline pidada diasporaaks, vähemalt selle termini kitsamas tähenduses.

Identiteedi loomine internetis peegeldab mitmekeelseid praktikaid, mille moodustavad kõige erinevamad muutuvate piiridega kontaktnähtused. Neid nähtusi saab analüüsida erinevatel viisidel. Teadlaste katsed luua ühine keelekontaktide uurimise teooria on siiani ebaõnnestunud, mis viitab nähtuse keerukusele. Ka erinevaid kontakte kirjeldav terminoloogia põhjustab erimeelsusi. Selle väitekirja **objektiks** on võõrkeelsed keelendid, mille all peetakse silmas võõrkeelseid sõnu, hübriidsõnu, sõnaühendeid, lauseid, lausete rühmi, võõrkeelset teksti venekeelse teksti sees. Samal ajal koodivahetus kui tegevus on keelelt keelele ümberlülitumine ja sellega sarnanevad keelte omavahel segamise piiripealsed juhtumid, kus mõnikord on keeruline määratleda peamist keelt. Võõrkeelsed keelendid on osa multikeelsetest praktikatest, millel aga on oma kese ja perifeeria. Kese on ilmne ühelt keelelt teisele ümberlülitumine, perifeeria tähendab vähem ilmseid keelte vastastikku mõjustamise ja kõnepraktikate nähtusi nagu (osalised) tõlkelaenu, sõnade semantiline ümberorienteerumine, süntaktiliste struktuuride muutmine, samuti keelekontaktide olukorrast tingitud kõnelemisviis.

Uurimuse eesmärk on välja selgitada, analüüsida ning kõrvutada itaalia ja eesti keelest pärit keelendite peamisi funktsioone vaadeldavate diasporaade internetisuhtluses. Eesmärgi saavutamiseks püstitati järgmised **ülesanded**:

- materjali kogumine ja konkreetsete näidete valimine analüüsiks;
- uurimuse teoreetilise raamistiku koostamine;
- Itaalia ja Eesti venekeelse diasporaaja ajaloolise tekke kirjeldamine, peamiste sotsiolingvistiliste ja ajalooliste erinevuste väljaselgitamine ning analüüs;
- vaadeldavate diasporaade internetisuhtluse temaatiliste eripärade välja-toomine ja kirjeldamine;
- võõrkeelsete keelendite peamiste funktsioonide väljaselgitamine itaalia- ja eestikeelses materjalis, nende funktsioonide analüüs ja kõrvutamine, materjali kategoriseerimine;
- käsitletud funktsioonide seostamine diasporaade sotsiokultuuriliste tunnustega, mõistmaks itaalia- ja eestikeelse materjali vahelisi erinevusi;
- analüüsi tulemuste üldistamine ja nende seostamine erinevate teaduslike lähenemistega.

Materjal sisaldab aastatel 2015–2022 erinevatelt avatud ligipääsuga internetiplatvormidelt kogutud Itaalia ja Eesti venekeelsete suhtlejadega kommentaare. On loodud eraldi itaalia- ja eestikeelne korpus, kuhu koondati kommentaarid, mis sisaldasid itaalia ja eesti keelest pärit keelendeid.

Valimi koostamise meetodid:

- veebiennograafia [Hine 2000; Yang 2003], sealhulgas süstemaatiline kasutajate veebiaktiivsuse jälgimine;
- juhuvalim ja üksikute näidete väljavalimine.

Kogutud materjali süstematiseerimise ja analüüsimise meetodid:

- võõrkeelsete keelendite süstematiseerimine ja analüüsimine vormi, teema ja funktsiooni järgi;
- sisuanalüüs;
- diskursusanalüüs.

Uurimuse **teoreetilise raamistiku** moodustavad funktsionalismialased käsitlused [Всеволодова 2009; Золотова 1993; Мустайоки 2006; Норман 2008; Шелякин 2001, 2005]. Seejuures vaadeldakse keelt dünaamilisena, mis tähendab, et keel on objekt, mille kallal kõneleja töötab pidevalt, kohandades seda vastavalt erinevatele elus ettetulevatele ülesannetele ja ümbritsevale keskkonnale (Гаспаров 1996). Selline lähenemine lubas materjali käsitleda heteroglossia teooria vaatepunktist, kus keelena mõistetakse erinevate sotsiaalsete häälte vastastikuse mõjustamise välja [Бахтин 1975, 1986]. Võõrkeelsete keelendite analüüsis lähtuti transkeelsuse teooriast, mille põhiidee seisneb selles, et suhtlus ulatub väljapoole konkreetsete keelte ja sõnade piire, sisaldades erinevaid semiootilisi vahendeid ning ümbritsevaid tegureid [Canagarajah 2013: 6–7]. Transkeelsusest lähtudes vaadeldakse mitmekeelse kõneleja repertuaari kui ühte semiootilist

süsteemi, mis sisaldab erinevaid leksikaalseid, morfoloogilisi, grammatilisi vahendeid ja sotsiaalseid praktikaid [Voguel, García 2017]. Mitmekeelne isiksus moodustab talle teadaolevatest keeltest „ühtse „repertuaari“, mille osiseid ta kasutab edaspidi terviksüsteemina oma kommunikatiivsete eesmärkide saavutamiseks“ [Головко, Шейко 2021: 64], mõtestamaks ümbritsevat tegelikkust ja konstrueerimaks tähendusi [Li 2022: 2].

Selle uurimuse seisukohast oli eriti oluline näidata, kuidas suhtlejad kohandavad keelilisi vahendeid, antud juhul võõrkeelseid keelendeid, vastavalt oma kommunikatiivsetele vajadustele. Seetõttu lisaks suhtlusnähtustele pühendatud keeleteaduslikule kirjandusele, käsitleme ka „võõra sõna“ vene keelde ilmumise, seal omandamise ja funktsioneerimisega seotud küsimusi diakroonilisest ja sünkroonilisest aspektist, samuti keele varieerumist, eriti keelekontaktide tingimustes, keele funktsioneerimist veebikeskkonnas emigratsiooni ja diasporaa oludes. Teoreetilise raamistiku olulise osa moodustavad referentsusele, hinnangule, keelilisele refleksioonile, keelilise maailmapildi ja kronotoobi kujunemisprotsessidele pühendatud teadustööd.

Väitekirja struktuur lähtub selle eesmärgist ja konkreetsetest ülesannetest. Sissejuhatuses sõnastatakse uurimuse teema, selle aktuaalsus ja teaduslik uudsus, uurimisobjekt ja -probleem, esitatakse uurimuse teoreetilised ja metodoloogilised lähtekohad, kirjeldatakse väitekirja struktuuri ja meetodeid.

Esimeses peatükis käsitletakse võõrsõna vene keelde ilmumist ja seal funktsioneerimist erinevatel ajastutel ning muukeelsete elementide vene keelde tulemise eripärasid. Peatutakse kõnet mõjutavatel keele varieerumise küsimustel diasporaa- ja internetisuhtluses. Selles peatükis üldistatakse erinevatele venekeelse diasporaa aspektidele pühendatud tööde tulemusi ja analüüsitakse veebikeskkonna suhtlust ning eri internetikeelte variantide tekkimist.

Teises peatükis kirjeldatakse Itaalia ja Eesti venekeelse diasporaa tekkelugu ja venekeelsete elanike hetkeolukorda nendes riikides. Võetakse üldistavalt kokku tööd, mis on pühendatud nende inimeste keele eripärale ning vene keele funktsioneerimisele ühiskonnas. Selle taustal iseloomustatakse uurimismaterjali ning Itaalia ja Eesti vene keelt kõnelevate inimeste internetisuhtluse temaatika eripära.

Võõrkeelsete keelendite peamise funktsioonide analüüs esitatakse kolmandas, neljandas, viiendas ja kuuendas peatükis. Käsitletakse identifitseeriva referentsuse, hinnangu, metakeelset ning ajas ja ruumis orienteerumise funktsiooni, viimast võib nimetada ka kronotoobi funktsiooniks. Iga funktsiooni analüüsile eelneb vastavate teoreetiliste küsimuste (sealhulgas referentsuse, hinnangu, keelerefleksiooni, maailmapildi, ajas ja ruumis orienteerumise ning kronotoobi) käsitlemine.

Kolmandas peatükis „Võõrkeelsete keelendite identifitseeriva referentsuse funktsioon“ analüüsitakse, kuidas need keelendid seda funktsiooni täidavad, viidates ümbritseva keskkonna nähtustele. Neljandas peatükis „Võõrkeelsete keelendite hinnangu funktsioon“ uuritakse, kuidas kõnelejad hindavad võõrkeelsete keelendite abil ümbritseva keskkonna objekte. Viiendas peatükis „Võõrkeelsete keelendite metakeelne funktsioon“ vaadeldakse, kuidas võõrkeelsed keelendid osalevad valiku, arutluse, eri keelte vahendite hindamise, mingisuguse keele oskamise / mitte oskamise protsessis. Kuuendas peatükis „Võõrkeelsete

keelendite kronotoobi funktsioon“ käsitletakse kõnelejate ruumi reflektsooni, mis ilmneb selles, et kõnelejad tähistavad võõrkeelsete keelenditega erinevaid asukohti, seal esinevaid keelepraktikaid ning mõnikord selliseid keelendeid ka kommenteeritakse, hinnatakse ja neid kasutatakse keelemängus.

Uurimuse **tulemused** sõnastatakse kokkuvõttes. **Võõrkeelsete keelendite identifitseeriva referentsuse funktsiooni** analüüs näitas, et kõnelejad kasutavad võõrkeelseid keelendeid viidates konkreetsetele objektidele / nähtustele. Itaaliakeelses materjalis leiti 639 seda funktsiooni täitvat keelendit, eestikeelses – 384. Arvuline erinevus on tingitud Itaalia ja Eesti diasporaa erinevast positsioonist: vene keele, sealhulgas tõlketekstide, levikust Eestis, mille tõttu luuakse eesti reaalidele venekeelsed vasted. Itaalias vastupidi puuduvad paljude nähtuste jaoks täpsed venekeelsed vasted, eriti ametlikus suhtluses ja riiki puudutavas valdkonnas.

Identifitseeriva referentsuse funktsiooni täitvaid võõrkeelseid keelendeid analüüsiti vormiliselt ja temaatiliselt. Vormilise analüüsi tulemustest nähtub, et nii itaalia- kui ka eestikeelses materjalis on sellised keelendid variatiivsed. Mõlemas korpusel on enam levinud võõrkeelsete keelendite tüübid: sõnad, sõnaühendid identifitseeriva referentsuse väljendamiseks, kompleksne koodivahetus (koodivahetus toimub sageli sõnaühendi tasandil ning peamist keelt on keeruline kindlaks määrata), abreviaatuurid. Sõna ja sõnaühend on levinuimad vahendid mõlemas korpusel, kuid analüüs näitas, et need on variatiivsed ja on võimalik tuua välja mõningaid vormilisi erinevusi, mida võib osaliselt seletada itaalia ja eesti keele süsteemsete ning struktuuriliste omadustega. Mõningate sõnade ja sõnaühendite variantide teke on tingitud ka pragmaatilistest teguritest, näiteks teatud keelepraktikate regulaarsusest, konkreetsete nimetuste kasutamise sagedusest venekeelsete inimeste kõnes ja nende mõningate mõistete aktuaalsusest nende jaoks.

Võõrkeelsete keelendite hinnangu funktsiooni analüüs näitas, et mõlemas korpusel täidavad seda funktsiooni sõnad, sõnaühendid ja kompleksne koodivahetus. Hinnangu objektideks on *inimene, tegevus, Itaalia ja Eestiga seotud reaaliid*. Täpsemalt aitavad võõrkeelsed keelendid hinnata inimest selliste erinevate tunnuste järgi nagu *rahvus, keelekasutus, isiklikud suhted ja elukutse*. Hinnangulised väited võõrkeelsete keelenditega on mõeldud realiseerima osaliselt omavahel seotud hinnangu funktsioone – semantiliste ja pragmaatiliste osiste võimendamise, etikett, agressioon.

Itaalia- ja eestikeelses materjalis esineva hinnangu funktsiooni kõrvutav analüüs võimaldab järeldada, et keelevälised tegurid mõjutavad mõningate võõrkeelsete keelendite vormi, soodustades hinnanguliste väidete teket ja hinnangu edastamise viise. Nii näiteks võte, mille käigus eestikeelses materjalis kujutatakse eestlasi vene keelt kõnelemas, on seletatav sellega, et Eesti venekeelsed elanikud eeldavad, et osad eestlased oskavad vene keelt, samal ajal ei laiene see eeldus itaallastele. See võte ilmneb ka mõningate Eesti venekeelsete elanike suhtumisest eesti keelde ja peegeldab Eestis venekeelse diasporaa kujunemisloo üht osa, sealhulgas konflikte. Mõned hinnangulised väited itaaliakeelses materjalis

demonstreerivad kõnelejate väljarändaja tausta, kes üritavad mõista uusi sotsiokultuurilisi reaale ja kõnekasutuse mudeleid.

Võõrkeelsete keelendite metakeelse funktsiooni analüüs näitas, et nii itaalia- kui eestikeelses materjalis ilmuvad sellised keelendid erinevate keelevahendite ja suhtluspraktikate arutamisel ning hindamisel, see kujutabki kõnelejate identiteedi loomise protsessi.

Üks ilmsemaid erinevusi itaalia- ja eestikeelse korpuse vahel on see, et itaaliakeelses materjalis esineb võrreldes eestikeelsega palju rohkem mitmekeelse keelemänguga näiteid. Analüüs näitas, et see peegeldab suhtlejate oskust loominguiliselt kasutada eri keelte vahendeid õiges kontekstis, demonstreerides sellega keelelist ja sotsiaalset pädevust ning luues uusi tähendusi. Mõlemas korpuses esineb kolm mitmekeelse keelemängu ristuvat tüüpi – *mängimine vormiga* (mäng grammatiliste ja graafiliste elementidega jms), *mäng sisuga* (mäng tähendustega), *mäng freimiga* (mäng suhtluse fragmentidega, „oma“ ja „võõraste“ sõnade parodeerimine). Itaaliakeelses materjalis esineb vormiga mängimist palju rohkem, eesti keeles ei ole suurem osa morfoloogilisi hübriidvorme keelemäng. Samas korpuses on freimiga mängimine mõnikord mõeldud eestlaste halvustamiseks. Võõrkeelsete keelendite metakeelse funktsiooni eripärad peegeldavad Itaalia venekeelsete elanike väljarännanu positsiooni. Eestikeelses materjalis väljendab metakeelne funktsioon vastupidi eesti ja vene rahva kõrvuti eksisteerimise pikka ajalugu ja konflikte.

Võõrkeelsete keelendite kronotoobi funktsiooni analüüs näitas, et kõnelejad iseloomustavad ja kõrvutavad kronotoope erinevate parameetrite järgi. Nii itaalia- kui ka eestikeelses materjalis osalevad sellised keelendid kronotoopide mitmesuunalises organiseerimises, soodustades kõnelejate positsioneerumist neis. Peamised erinevused itaalia- ja eestikeelse materjali vahel puudutavad enamjaolt kronotoobi ajalist komponenti, mis on seletatav vene keelt kõnelevate rühmade erineva tekkelooga Itaalias ja Eestis. Itaaliakeelses materjalis peegeldavad uuritavad keelendid ümbritseva ruumilise ja sotsiokultuurilise tegelikkuse kodustamisprotsessi ning mõningate kõnelejate ajutist / ebastabiilset olukorda Itaalias. Eestikeelses materjalis näitavad need venekeelse elanikkonna sotsiokultuurilist sidet eestlastega ja sotsiaalseid konflikte, mis on tekkinud rahvaste pika kõrvuti eksisteerimise aja jooksul.

Uurimuse tulemused näitavad, et üldiselt on võõrkeelsed keelendid kui fenomen nii itaalia- kui eestikeelses materjalis vormi ja funktsioonide poolest sarnased. Samuti nähtub tulemustest, kuidas võõrkeelsete keelendite teksti ilmumine, nende vormi ja funktsiooni eripärad sõltuvad keelevahelistest teguritest, erinevates üksteisega ristuvates kronotoopides elavate kõnelejate eeldustest. Kõnelejad kasutavad oma keelerepertuaari vahendeid ümbritseva füüsilise ja sotsiaalse tegelikkuse mõistmiseks, sellega kohanemiseks ja selles enda („mina“), „oma“ ja „võõra“ positsioneerimiseks. Sel viisil soodustavad võõrkeelsed keelendid kõnelejate orienteerumist või täidavad orienteerumise funktsiooni

SUMMARY

Functional aspects of interlingual translanguaging in the internet communication of Russian speakers in Italy and Estonia: a comparative study

The Russian-speaking diaspora is a complex sociocultural phenomenon with blurred boundaries that extend beyond ethnic Russians. It includes individuals from diverse social and ethnic backgrounds who reside globally and speak different varieties of Russian, including Russian as a lingua franca [Laitin 1998]. These individuals navigate contexts of mobility, crossing geographical and national borders while managing multiple languages, cultures, and social hierarchies. In such contexts, speakers usually develop a nuanced geography of belonging that encompasses their relationship to their place of residence, myths about their homeland, and perceptions of their community [Pries 2001: 20–21].

This intricate web of relationships becomes even more complex in online environments like forums where Russian speakers from diverse social, ethnic, and linguistic backgrounds within the same country share and interpret their experiences, often using Russian alongside other languages [Morgunova & Zinnurov 2019; Yelenevskaya 2019]. However, the meanings derived from these experiences vary according to the social and cultural identity profiles shaped by distinct spatiotemporal contexts, or chronotopes, experienced by the speakers.

This study examines two distinct groups of Russian speakers: those in Italy and Estonia. These groups differ in historical development, ethnic composition, gender dynamics, and attitudes toward their residence. In Estonia, Russian speakers have largely descended from migrants from the Russian Empire and later the Soviet Union, with the earliest Slavic presence dating back to the late 10th and early 11th centuries [Исаков 2008: 8; Kriiska, Mäesalu, Selart, Põltsam-Jürjo, Piirimäe, Seppel, Andresen, Pajur, Tannberg 2017: 29; Tvauri 2014: 297]. In contrast, Russian-speaking communities in Italy emerged mainly after the dissolution of the USSR, with post-Soviet migrants forming a polyethnic group that cannot be considered a diaspora in the strict sense of the term.

Despite their differences, Russian speakers in Italy and Estonia interact on dedicated digital platforms, constructing their identities using various resources from their multilingual repertoires that reflect the contact between different sociolinguistic communities. Scholars have approached contact phenomena from various perspectives, employing different analytical frameworks. However, attempts to develop a unified theory within the language contact field have been unsuccessful. Disagreements over terminology further complicate the identification and description of these phenomena, underscoring the issue's complexity.

This study focuses on interlingual translanguaging, defined as the movement, mediation, and interpretation between socially recognised languages [Simpson 2017: 219], which is reflected in what this study terms “interlingual units”. These

units encompass single-word or longer switches, hybrid words combining Russian with Italian or Estonian morphemes, semantic reorientation, word-for-word translations, and borderline cases of language mixing where determining the base language is challenging. This study examines interlingual units as outcomes of speakers' multilingual practices. These units include clear examples of language contact, such as the clear switching from a language A to a language B, as well as more subtle or contested phenomena, including semantic shifts, syntactic changes, place names, terms for residents in Italy and Estonia, and even speech behaviors influenced by interactions between sociolinguistically and culturally distinct communities.

This study aims to identify, analyse, and compare the primary functions of Italian and Estonian interlingual units in the online discourse of the Russian-speaking diaspora in Italy and Estonia. To achieve this goal, the following tasks were undertaken:

- collecting material and selecting specific examples for analysis;
- developing a theoretical foundation for the study;
- describing the Russian-speaking diasporas in Italy and Estonia, with a focus on their historical formation, and analysing their key sociolinguistic and historical differences;
- identifying and describing the thematic features of the diasporas' online discourse;
- identifying, analysing, and comparing the key functions of Italian and Estonian interlingual units, followed by the categorisation of the material;
- correlating the identified functions with the sociocultural characteristics of the diasporas to clarify the differences between the Italian and Estonian data;
- summarising the findings and aligning them with various academic approaches.

The material consists of comments collected from publicly accessible online platforms used by Russian-speaking communities in Italy and Estonia between 2015 and 2022. Separate corpora were compiled for Italian and Estonian material, each comprising comments that include Italian and Estonian interlingual units.

The methods of data collection included the following:

- online ethnography [Hine 2000; Yang 2003], which involved systematic observation of users' online activities.
- comprehensive sampling and selection of specific examples.

The methods employed for the systematisation and analysis of the collected material comprised:

- systematisation and analysis of interlingual units based on their form, theme, and function;
- content analysis;
- discourse analysis.

The study is grounded in functionalism [Всеволодова 2009; Золотова 1993; Мустайоки 2006; Норман 2008; Шелякин 2001, 2005]. It adopts a dynamic

view of language, wherein language is continuously shaped and adapted by speakers to meet the needs of their experiences and the environments in which these experiences occur [Гаспаров 1996]. This approach allowed the material to be examined through the lens of heteroglossia, where language is viewed as a field of interaction between various social voices [Бахтин 1975, 1986]. Furthermore, the study applies the concept of translanguaging, which emphasises that communication transcends individual languages and encompasses a variety of semiotic resources and contextual factors [Canagarajah 2013: 6–7]. In this framework, the multilingual speaker’s repertoire is seen as a unified semiotic system that incorporates lexical, morphological, grammatical, pragmatic resources, and social practices [Voguel, García 2017]. A multilingual individual creates a cohesive “repertoire” from the languages they know, utilising it as an integrated system to accomplish communicative goals, interpret their environment, and create meaning [Головко, Шейко 2021: 64; Li 2022: 2].

A central focus of this study is to illustrate how speakers adapt linguistic resources from their multilingual repertoire to meet their communicative needs. Therefore, in addition to reviewing the linguistic literature on multilingualism and contact phenomena, this study investigates the emergence, adaptation, and function of “foreign elements” in the Russian language from both diachronic and synchronic perspectives. It also explores language variation, especially in contact situations, and the role of language in online spaces within the contexts of mobility. Furthermore, the theoretical foundation incorporates literature that addresses issues of reference, stance, language awareness, and chronotope.

The structure of this dissertation is shaped by its objectives and specific tasks. The introduction outlines the research topic, establishes its relevance and scientific novelty, defines the object and subject of the study, and presents the theoretical and methodological foundations. It also describes the methods employed and the overall structure of the dissertation.

The first chapter explores the emergence, functioning, and adaptation of “foreign elements” in the Russian language throughout various historical periods. It synthesises existing research on the linguistic practices of diverse representatives of the Russian-speaking diaspora globally and addresses key issues pertaining to language variation in different contexts, particularly within diasporas and digital environments. Additionally, it examines the formation of distinct varieties of Internet language.

The second chapter presents a historical account of the development of the Russian-speaking communities residing in Italy and Estonia, alongside their current sociolinguistic characteristics. It synthesises studies that investigate the features of their speech and the functioning of the Russian language within society. Additionally, the chapter provides a general description of the research material and delineates the thematic aspects of the online discourse of Russian speakers living in Italy and Estonia.

The third, fourth, fifth, and sixth chapters analyse the key functions of interlingual units identified in this study: reference, evaluation, meta-linguistic, and chronotopic functions. Each section commences with theoretical considerations

about reference, stance and evaluation, language awareness, and the relationship between language, space, and time as articulated in the theory of chronotope.

The third chapter examines how interlingual units fulfil the reference function by indexing phenomena within the material and sociocultural environment surrounding Russian speakers. The fourth chapter explores how interlingual units enable communicants to assess people, objects, and phenomena in their surroundings. The fifth chapter investigates how these units contribute to the processes of selecting, discussing, and evaluating linguistic resources, as well as the knowledge or lack thereof regarding specific languages. Lastly, the sixth chapter analyses speakers' spatial awareness, focusing on how communicants use interlingual units to denote various locations, the speech practices associated with those contexts, and how users comment on, evaluate, and sometimes playfully manipulate linguistic resources, denoting spaces and people living in those spaces.

The study's conclusions are presented in the final chapter. The analysis of the **referential function of interlingual units** reveals that communicants use these elements to refer to specific objects, people or phenomena. In the Italian corpus, 639 instances of interlingual units performing this function were identified, compared to 384 in the Estonian corpus. We attribute this quantitative difference to the distinct status of the Russian-speaking diasporas in Italy and Estonia. In Estonia, the widespread presence of Russian and translated texts provides Russian equivalents for many Estonian realities. In contrast, Italy lacks precise Russian equivalents for a wide range of terms, especially in formal and governmental contexts.

The study conducted both formal and thematic analyses of interlingual units fulfilling the referential function. The formal analysis shows that the units exhibit variability in both the Italian and Estonian corpora. The most common forms of interlingual units in both are words, phrases, complex insertion (switches often occurring at the phrase level, where determining the dominant language is difficult), and abbreviations. Words and phrases are the most prevalent forms in both corpora, but they display variation. Our analysis identified certain formal differences that may be partly attributed to the structural and typological properties of Italian and Estonian. The emergence of specific word and phrase variants can also be linked to pragmatic factors, such as the regularity of certain language practices, the frequency with which Russian speakers use certain terms, and the relevance of particular concepts to these communities.

The analysis of the **evaluative function of interlingual units** revealed that in both corpora, this function is performed by words, phrases, and complex insertions. The objects of evaluation include individuals, actions, and realities related to Italy and Estonia. In particular, interlingual units are used to evaluate individuals based on various criteria, such as nationality, speech behaviour, personal relationships, and profession. Evaluative statements containing interlingual units aim to fulfil partially interconnected sub-functions of evaluation, including intensifying semantic and pragmatic components, etiquette, and expressing verbal aggression.

A comparative analysis of the evaluative function of interlingual units in the Italian and Estonian corpora suggests that extralinguistic factors shape both their form and the strategies used to convey evaluation. In the online discourse of Russian speakers in Estonia, linguistic resources from both Russian and Estonian are often playfully manipulated to grotesquely depict Estonians speaking Russian with errors. This strategy likely stems from the assumption that, due to Estonia's Soviet past, some Estonians possess knowledge of Russian and can speak it – an assumption that cannot be applied to Italians. Therefore, this practice reflects the attitudes of some Russian speakers towards the Estonian language and highlights aspects of the historical development of the Russian-speaking diaspora in Estonia, including conflictual dynamics between Russians and Estonians. In contrast, evaluative statements created with the help of interlingual units in the Italian corpus often reflect the immigrant background of the users, as they navigate new sociocultural realities and speech behaviours in Italy.

The analysis of the **metalinguistic function** of interlingual units revealed that in both the Italian and Estonian corpora, these units emerge during discussions and evaluations of various linguistic resources and speech practices, reflecting the process of identity formation among speakers.

One of the most noticeable differences between the two corpora is the significantly higher occurrence of multilingual language play in the Italian data. The analysis demonstrated that this play showcases the communicants' ability to use linguistic resources from different languages creatively and contextually, both to display linguistic and social competence and to create new meanings. Three overlapping types of multilingual language play were identified in both corpora: the play with the form (involving grammar, graphical elements, etc.), the play with content (involving semantic reorientation), and the play with the frame (involving manipulation of others' discourse fragments and parodying others language behaviour). The Italian corpus contains far more instances of play with the form, while in the Estonian material, most morphologically hybrid forms composed of Russian and Estonian morphemes are not employed for playful purposes. In the Estonian corpus, the play with the frame often serves to discredit Estonians.

These differences in the metalinguistic function of interlingual units reflect the immigrant status of Russian speakers in Italy. In contrast, the Estonian material illustrates how the metalinguistic function of these units reflects the longer history of Russian-Estonian coexistence within Estonia and the conflictual dynamics that have characterised this relationship.

The analysis of the chronotopic function of interlingual units revealed that communicants characterise and compare spatiotemporal frames, or chronotopes, according to various parameters. In both the Italian and Estonian corpora, interlingual units contribute to the multidimensional organisation of chronotopes within discourse, facilitating the positioning of speakers and thus playing a significant role in the process of identity construction. The main difference between the Italian and Estonian material primarily relates to the temporal component of the chronotope, which can be attributed to the distinct historical developments of

the Russian-speaking communities in Italy and Estonia. In the Italian corpus, interlingual units reflect the process of domestication of the surrounding spatial and sociocultural realities, as well as the temporary or unstable presence of certain communicants within the Italian context. Conversely, the Estonian material highlights the sociocultural ties of the Russian-speaking population to Estonia, as well as the social conflicts that have arisen from the prolonged coexistence of Russian speakers and Estonians in the same territory.

The overall results of the study indicate that interlingual units exhibit similarities in both form and function across the Italian and Estonian contexts. Additionally, the findings demonstrate that the emergence, forms, and functions of these units are shaped by extralinguistic factors and the lived experiences of communicants navigating contexts of mobility. Communicants utilise and adapt the linguistic resources from their multilingual repertoires to interpret their physical and social environments and to position themselves within liminal, transnational spaces – situated between communities, languages, and nations. Consequently, interlingual units function as linguistic tools that facilitate communicants' orientation within the physical and sociolinguistic realities they inhabit, thereby fulfilling an orienting function.

CURRICULUM VITAE

Имя: Алессандра Деци
Гражданство: Италия
Дата и место рождения: 26 апреля 1992, Сан-Бенедетто-дель-Тронто
Телефон: +372 5668 2843
Электронная почта: alessandradezi@gmail.com
Языки: итальянский, английский, русский, эстонский

Образование

2011–2014 Университет Ка-Фоскари
Языки, культуры и языкознание. Бакалавриат
2015–2018 Тартуский университет
Европейские языки и культуры (русская и славянская филология). Магистратура
2018–2024 Тартуский университет. Русская и славянская филология. Докторантура

Научная деятельность

Область научных интересов: русскоязычная диаспора, многоязычие, языковые контакты, язык и идентичность, прагматика.
Опубликовано 15 статей.

ELULOOKIRJELDUS

Nimi: Alessandra Dezi
Kodakondsus: Itaalia
Sünniaeg ja koht: 24. aprill 1992, San Benedetto del Tronto, Itaalia
Telefon: +371 5668 2843
E-post: alessandradezi@gmail.com
Keeled: itaalia, inglise, vene, eesti

Haridus

2011–2014 Veneetsia Ca' Foscari Ülikool, Keeled, kultuurid ja keeleteadus (bakalaureuseõpe)
2015–2018 Tartu Ülikool, Euroopa keeled ja kultuurid (vene ja slaavi filoloogia) (magistratuur)
2018–2024 Tartu Ülikooli, Vene ja slaavi filoloogia (doktoratuur)

Teadustegevus

Peamised uurimissuunad: venekeelne diasporaa, mitmekeelsus, keelekontaktid, keel ja identiteet, pragmaatika.

Kokku on avaldatud 15 teadusartiklit.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

- Деци А.* «Ты девушка в ногу!». Язык русскоговорящих Италии // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов / Ред. Гузаиров Т., Муковская Л. Ю., Батракова Е. Тарту, 2018, № 29, С. 421–429.
- Деци А.* Эстонские вкрапления в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии // Ежегодник финно-угорских исследований. Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, Том 13, № 2, С. 331–342.
- Деци А.* «Какой ты противно маледукатный!». Оценочный компонент итальянских вкраплений в интернет-дискурсе русскоязычных эмигрантов Италии // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов / Ред. Гузаиров Т., Григорьев М. Т. Тарту, 2019, № 30, С. 260–270.
- Деци А.* «Спезы, спезы и... снова работа: как же весело донной-то быть»: лексические особенности сетевого общения русскоязычных эмигрантов Италии. / Studia Slavica / Ред. Дорвинг Д., Батракова Е. Таллинн, 2019, Том XVII, С. 124–137.
- Деци А.* Иноязычные вкрапления в интернет-общении русскоязычной диаспоры Эстонии как проявление экспрессивной языковой агрессии // Русский мир: исторические судьбы и современность / Ред. Ремнева М. Л., Кукушкина О. В. VI Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2019, С. 526.
- Деци А.* Иноязычные вкрапления как средство псевдоцитации в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии // Русский язык: система и функционирование. К 80-летию филологического факультета БГУ. Материалы VIII международной научной конференции, 16–17 октября 2019 г. Минск, 2019, С. 221–225.
- Деци А.* Итальянские культуремы в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии // Valoda dažādu kultūru konteksta. Proceedings of scientific readings XXIX. Daugavpils, 2019, С. 41–46.
- Деци А.* Функции иноязычных вкраплений в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии: сопоставительный аспект // Русская филология / Ред. Степанищева Т., Григорьев М. Тарту, 2020, № 31, С. 336–351.
- Деци А.* Речевая агрессия в интернет-дискурсе русскоговорящих жителей Эстонии // Studia Slavica / Ред. Дорвинг Д., Адамсон И. Таллинн, 2020, Том XVIII, С. 119–128.
- Деци А.* Границы иноязычной чужой речи в интернет-общении русскоязычных жителей Эстонии // New Trends in Slavic Studies / Ред. Suárez Cuadros, Simón José и др. М., 2021, С. 743–746.
- Деци А.* «Рефлексивная» языковая игра в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии // Studia Slavica / Ред. Яблокова Е., Адамсон И. Таллинн, 2021, Том XIX, С. 235–248.

- Деци А., Костанди Е. И.* Пространственный дискурс в ситуации языковых контактов: «свое» – «чужое» // Ежегодник финно-угорских исследований. Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, Том 15, № 4, С. 619–632.
- Деци А.* Метаязыковая функция итальянских вкраплений в Интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии // Русская Филология / Ред. Степанищева Т., Григорьев М. Тарту, 2022, № 32, С. 185–194.
- Деци А.* Пространственная рефлексия в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии: «свое» и «чужое» // Вопросы сопоставительных исследований: языки и варианты языка / Ред. Костанди Е. И., Кюльмоя И. П. Тарту, 2022, С. 105–116.
- A. Dezi.* Digital code play as a sign of the multicompetent self in the internet discourse of Russian speakers in Italy // Speakers and Structures in Language Contact / Eds. B. Hans-Bianchi, C. Truppi, B. Vogt. Berlin; Boston, 2024. P. 169–198.

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Юрий Кудрявцев.** Очерки по русской исторической фонологии и морфонологии. Тарту, 1996, 157 с.
2. **Светлана Туровская.** Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997, 138 с.
3. **Елена Погосян.** Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997, 160 с.
4. **Ирина Белобровцева.** Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997, 168 с.
5. **Светлана Кульюс.** «Эзотерические» коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998, 210 с.
6. **Леа Пильд.** Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, 1999, 136 с.
7. **Роман Лейбов.** «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000, 143 с.
8. **Валентина Щаднева.** Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000, 210 с.
9. **Александр Данилевский.** Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темиряева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000, 154 с.
10. **Татьяна Фрайман.** Творческая стратегия и поэтика жуковского (1800 – первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002, 165 с.
11. **Татьяна Троянова.** Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имён существительных). Тарту, 2003, 166 с.
12. **Елена Нымм.** Литературная позиция еронима ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003, 169 с.
13. **Эрика-Оксана Хааг.** Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004, 165 с.
14. **Вадим Семенов.** Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Тарту, 2004, 176 с.
15. **Роман Войтехович.** Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005, 165 с.
16. **Анжелика Штейнгольд.** Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. Тарту, 2006, 202 с.
17. **Катрин Кару.** Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Тарту, 2006, 249 с.
18. **Оксана Паликова.** Двухязычный словарь и функционально значимые связи слова. Тарту, 2007, 140 с.
19. **Тимур Гузаиров.** Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с.

20. **Татьяна Кузовкина.** Феномен болгарина: проблема литературной тактики. Тарту, 2007. 163 с.
21. **Ольга Бурдакова.** Имперфективация глаголов *v* продуктивного класса в современном русском языке. Тарту, 2008. 194 с.
22. **Ирина Абисогмян.** Становление чешской лексикографии в эпоху национального возрождения: традиции и новаторство. Тарту, 2009. 200 с.
23. **Ирина Табакова.** Основные типы аббревиатур в современном польском языке (к специфике моделей производящих синтаксических структур). Тарту, 2009. 212 с.
24. **Дмитрий Иванов.** Творчество А. А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009. 224 с.
25. **Инна Булкина.** Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту, 2010. 213 с.
26. **Алексей Вдовин.** Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту, 2011. 238 с.
27. **Ольга Мусаева.** Рецепция творчества Федерико Гарсиа Лорки в русской культуре (1930–1960-е гг.). Тарту, 2011. 217 с.
28. **Мария Боровикова.** Поэтика Марины Цветаевой (лирика конца 1900-х –1910-х годов). Тарту, 2011. 150 с.
29. **Ольга Ягинцева.** Этимологическое исследование некоторых диалектных названий предметов домашнего обихода. Тарту, 2014. 129 с.
30. **Ирина Рудик.** Русская тема в сборнике Марины Цветаевой «Версты. Стихи. Выпуск I» (1922 г.). Тарту, 2014. 166 с.
31. **Елизавета Фомина.** Национальная характерология в прозе И. С. Тургенева. Тарту, 2014. 150 с.
32. **Павел Успенский.** Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.). Тарту, 2014. 214 с.
33. **Константин Поливанов.** «Доктор Живаго» как исторический роман. Тарту, 2015. 262 с.
34. **Сирье Купп-Сазонов.** О роли грамматики в переводе (на материале временных форм глагола в русском и эстонском языках). Тарту, 2015. 246 с.
35. **Андрей Федотов.** Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Тарту, 2016. 178 с.
36. **Кристина Сарычева.** Восприятие Ф. И. Тютчева и А. А. Фета в русской литературной критике 1870-х –1900-х гг. Тарту, 2016. 173 с.
37. **Алисия Чекада.** Теоретические основы составления двуязычного словаря: на примере польского и эстонского языков. Тарту, 2017. 131 с.
38. **Артем Шеля.** «Русская песня» в литературе 1800–1840-х гг. Тарту, 2018. 268 с.
39. **Александра Чабан.** Н. С. Гумилев — критик поэтов-символистов: динамика оценок и эволюция критического языка. Тарту, 2018. 183 с.
40. **Елена Вельман-Омелина.** Эстонско-русский перевод и развитие современной официально-деловой коммуникации: теоретический и практический аспекты. Тарту, 2018. 192 с.

41. **Ксения Филимонова.** Эволюция эстетических взглядов в. Шаламова и русский литературный процесс 1950-х–70-х годов. Тарту, 2020. 159 с.
42. **Карина Новашевская.** А. А. Шаховской — идеолог русского национального театра. Тарту, 2020. 251 с.
43. **Анна Герасимова.** Проблема реального рецепиента художественного текста: анализ современных читательских практик. Тарту, 2020. 199 с.
44. **Алексей Козлов.** Литературная репутация писателя-беллетриста: Н. Д. Ахшарумов в 1850–1880-е годы. Тарту, 2021. 242 с.
45. **Лариса Муковская.** Выражение количественности в имени в русском и эстонском языках. Тарту, 2021. 184 с.
46. **Александра Пахомова.** Писательская стратегия и литературная репутация М. А. Кузмина в раннесоветский период (1917–1924 гг.). Тарту, 2021. 288 с.
47. **Мария Нестеренко.** Проблема женского литературного творчества в России в первой трети XIX в. Случай А. П. Буниной. Тарту, 2021. 218 с.
48. **Андрей Соловьев.** Проблема «Россия и Европа» в русских литературных путешествиях (Фонвизин – Карамзин – Достоевский). Тарту, 2022. 246 с.
49. **Екатерина Ящук.** Творчество Михаила Загоскина в процессе формирования русской национальной идеологии. Тарту, 2022. 190 с.
50. **Алексей Самарин.** Литературная позиция и творчество С. А. Ауслендера в 1906–1908 гг. Тарту, 2023. 284 с.
51. **Валерий Отяковский.** Микроистория сообщества формалистов: Кабинет современной литературы при ГИИИ (1927–1930). Тарту, 2024. 217 с.
52. **Антонина Мартыненко.** Традиции и инновации в русской поэзии второй половины 1830-х гг.: количественное исследование. Тарту, 2024. 204 с.